

АЛТАЙ

11

1958

424142.

Хр

*

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Кол-во. предыдущих выдач _____

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

АЛТАЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ
АЛТАЙСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

11

1958

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

БОРИС КАУРОВ

ТОВАРИЩ ЧЖАН

Светлой памяти военврача
комсомолки *Шуры Турышевой.*

Я видел все это...
Седые туманы,
гонимые ветром,
сползали с Хингана.
Удар был коротким.
Удар был неистов.
Ушли самоходки,
умчались танкисты.
За ротою рота
равниною хмурой
шагала пехота
к утесам Артура.
Не грело скупое
и низкое солнце.
И, выйдя из боя,
сдавались японцы.
И смертник, не сделав
себе харакири,
весь желтый и белый,
молился о мире;
молился России,
желая пощады...
Но были такие,
кто верил в микадо.
В бою обессилев,
трусливо, как воры,
они уходили
в туманные горы.

Я все это видел...
К подножью Хингана
прижались в обиде
кусты гаоляна.
Они сиротливо
под ветром стояли.
Под небом дождливым
хозяина ждали.
Но в фанзе пестрели
лишь бычьи оконца —
хозяин расстрелян
свирепым японцем.
Пустыня... Пустыня...
И полночь слепая.
И клены, застынув,
листву осыпают.
Удар был коротким,
Гвардейским был приступ.
Ушли самоходки,
умчались танкисты.
Пройдя через доты
Квантунского УР (а),
пылила пехота
у стен Порт-Артура.
Далеко сражались
России солдаты.
А мы оставались
в плену медсанбата.
Нас было шестнадцать,
в бинтах, не способных
ни встать, ни сражаться
со сворой злобной.
У темных палаток
в кустах гаоляна
ходил с автоматом
боец из охраны.
У входа в палатку
при свете неярком
спокойно и сладко
спала санитарка.
И только дежурила
сутки бессменно
веселая Шура —
наш доктор военный.
Той полночью хмурой,

такая родная,
работала Шура,
покоя не зная.
Под утро уснули
на койках ребята.
Стоял в карауле
боец с автоматом.
Холодную ночью
в палатке не спал я.
Украдкой, молча,
тревога вползала.
Пустыня... Пустыня...
И полночь слепая.
И клены, застынув,
листву осыпают.
И вдруг на рассвете
в краю полудиком
ворвался к нам ветер
отчаянным криком.
Ворвался к нам ветер
с японской речью.
Дыханием смерти
был хрип человеческий.
С кроватей измятых,
врагов проклиная,
поднялись ребята,
бинты разрывая.
От ран обессилен,
хотя б костылями
готовы мы были
сражаться с врагами.
Гвардейцы пехоты,
нам схватки знакомы...
Но кто-то, но кто-то
пришел к нам на помощь.
Но кто-то, но кто-то,
санбат охраняя,
огнем пулемета
разил самураев.
По-волчьи взывала
гортанная ругань.
Да дробь выбивало
оружие друга.
Потом все замолкло.
Лишь эхо со стоном
ворочалось долго
в ущелье бездонном.

Из темных палаток
мы выбрались к солнцу.
По травам примятым
валялись японцы.
У фанзы разбитой,
в кустах гаоляна
убит был бандитом
боец из охраны.
С граненым кинжалом
в спине, под лопаткой,
убита украдкой,
здесь Шура лежала.
А рядом, у тела
истерзанной Шуры,
стоял загорелый
потомок маньчжура.
Весь в капельках пота,
высокого роста,
стоял с пулеметом
китайский подросток.
Стоял он, нахмутив
мальчишечьи брови,
как будто бы в Шуриной
смерти виновен...
Он вскинул котомку
на хрупкие плечи.
И, вспомнив о чем-то,
пошел к нам навстречу.
То жестом, то фразой
старался спросить он,
парнишка чумазый,
наш друг и спаситель.
Одетый, как нищий,
худой, утомленный,
просил он не пищи —
просил он патроны.
Мы дали по-братски
парнишке патронов,
да пару солдатских
одежек суконных.
Кто он и откуда
пришел к нам на помощь?
Понять было трудно —
язык незнакомый.
Мы только узнали
в тот день у Хингана,
что мальчика звали

товарищем Чжаном.
Он утром туманным
по чащам и склонам
ушел к партизанам
тропой потаенной...

• • •

Случилось все это
в тиши медсанбата,
в дождливое лето
в году сорок пятом.

• • •

Я помню все это.
Живя на Алтае,
степные рассветы
с друзьями встречаю.
И вновь чередою,
сквозь многие годы,
встают предо мною
былые походы.
Осталась навечно
в душе, как святиня,
та давняя встреча
в холодной пустыне.
И снова, и снова,
глаза лишь закрою,
я вижу живого
парнишку-героя.
Где он — я не знаю.
Но знаю, но верю —
в народном Китае
наш друг не затерян.
Быть может, в Аньшане
он сталь выплавляет;
быть может, в Тянь-Шане
руду открывает;
Быть может, в деревне
с энергией юной,
в победе уверен,
он строит Коммуну;
быть может, в Фуцзяне,
на утренней зорьке,
стоит он с друзьями,
спокойный и зоркий.
Стоит он сегодня

у грозных орудий,
чтоб жили свободно
счастливые люди.
Но если знакомым
повеет пожаром,
придем мы на помощь
к товарищу Чжану.
Но если раскаты
поднимут заставы,
мы друга и брата
в беде не оставим.
Стой смело, как воин,
свой дом защищая.
Будь тверд и спокоен,
наш друг из Китая:
услышав тревогу
сквозь дали любые,
придут на подмогу
к тебе из России;
за дружбу, за братство
сражаться готовы,
придут все шестнадцать,
крепки и здоровы,
с недрогнувшим сердцем,
с открытой душою —
шестнадцать гвардейцев,
спасенных тобою.

Электронная библиотека АДУНБ, elib.altlib.ru

ОЛЕГ ПЕТРОВ

ЛЕСНАЯ ГОСТЬЯ

Последнее письмо от Галки я получил за неделю до Нового года и, прочитав его, стал самым счастливым человеком на свете. Галка писала, что к Новому году приедет ко мне. Я перечитывал это короткое письмо, и разные глупые мысли приходили мне в голову. Я вспоминал, как в детстве с нетерпением ждал Нового года — утром первого января, едва проснувшись, я спешил к нарядной елке и отыскивал под ней подарки, которые ночью, пока я спал, приносил добрый Дед-Мороз. Вы можете улыбаться сколько угодно: все-таки мне уже двадцать с лишним, а, перечитывая Галкино письмо, я думал о добром Деде-Морозе и о его подарке, самом дорогом и приятном.

Потом у меня зародилась еще одна смутная мысль. Я думал над ней все больше и больше и, наконец, пошел к директору совхоза.

— Дайте, Павел Николаевич, отпуск дня на четыре — для устройства личных дел.

— Какие у тебя могут быть личные дела? — улыбнулся Павел Николаевич. Из-за моего маленького роста он почему-то смотрит на меня, как на мальчишку. Будто я виноват, что директор у нас настоящий дядя Степа.

— Разные, — буркнул я. — Может, я жениться собрался.

— Что-то я тебя никогда с девушкой не видел, — ответил он.

— И не увидите, — сказал я. — Вы же все больше поверху смотрите, на воробьев...

— Это как понимать — критика или шутка? — засмеялся директор.

Все-таки он у нас ничего, наш директор. Говорят, самым первым растягивал в степи палатки, а дом себе поставил двадцатым или тридцатым. С таким жить можно. Отпуск он

мне дал, сказал только, чтоб я его на свадьбу не забыл позвать. Будто я и вправду собираюсь через неделю свадьбу играть. Но о лишней бутылке надо будет подумать, когда придет время...

Несколько дней бушевал буран, и дороги перемело основательно. А путь у меня не близкий: тридцать километров до большака, с сотню, наверное, по большаку, да там еще, до Глухова, десятка два наберется.

С самого начала мне здорово везло. Из совхоза до большака я ехал на санях, которые тянул трактор. Продавщица нашего магазина — она в райцентр за товарами ехала — трещала без умолку. Если б я прислушивался к ее болтовне, то, конечно, сразу же вошел бы в курс всех последних совхозных сплетен. А зачем мне это надо? Она пробовала было сунуть нос и в мои дела.

— Кудай-то ты, — говорит, — собрался?

— Спутник, — отвечаю, — в Глухове упал, вот я и еду взглянуть на него. Разве вы, тетя Паша, не слышали?

Она, конечно, не слышала этой новости и огорченно молчала до самого большака.

На большаке стоял приземистый дом с тонкой и длинной трубой, которая курилась седым дымом. Тут жил хитрый мужик. Он числился дорожным рабочим и весной и летом, для видимости, покидывал кое-где на большаке землю в рытвины. А больше же занимался своим хозяйством, чего-то мастерил, приколачивал, выстругивал. У него я собирался погреться, пока не окажется попутной машины, — трактор направлялся в другую сторону.

Но только мы с Митькой-трактористом закурили на прощанье, как показалась машина. Скрипнув тормозами, она остановилась возле нас. Задние колеса у нее были перекрещены цепями. Шофер, небритый малый с мрачноватым взглядом исподлобья, распахнул дверку и, только когда мы уже поехали дальше, спросил: «Куда тебе?»

Это был славный парень. Пока мы с ним тряслись сотню километров, он только и сказал мне, что если мы где-нибудь засядем, то я должен буду помочь ему, а то он сегодня уже засел один раз и часа два, наверно, рылся в снегу, как крот, потому что его обогнала всего одна машина, которую вел нехороший человек — машина даже не остановилась возле него. А так он молчал, терпеливо слушал мое глупое хвастовство насчет одной девушки и не взял с меня ни рубля.

В Басихе, где нужно было сворачивать на Глухово, я очутился ночью. Шофер сказал, что девушка, о которой я рассказывал, ему понравилась, пожелал мне удачи и, подмигнув красным огоньком, скрылся в темноте.

Я заночевал в Басихе, а рано утром без труда добрался до Глухова и сразу же отправился к директору леспромхоза.

— Мне нужно срубить у вас одну елку, на Новый год. Сколько она будет стоить?

Директор снял очки с острого носа, приподнялся, уперся руками о стол и показался мне большой птицей, которая собирается клюнуть меня.

— Что ты мне морочишь голову, — сказал он. — Убирайся!

— Мне нужна елка, — упрямо сказал я.

— У меня дела, понимаешь, де-ла! — раздельно и грозно подчеркнул директор, уверенный, что после этих веских слов я повернусь и уйду. Но я не ушел.

— Ты кто такой? — еще грознее спросил директор. Вот с этого ему и надо было начинать, потому что, когда я сказал, что приехал из целинного совхоза, он снова сел за стол, проворчав добродушно:

— Чего ж ты голову-то морочил...

Он взял телефонную трубку и попросил к себе какого-то Николая Петровича. Николай Петрович оказался молодым серьезным парнем.

— Займись с товарищем, Николай Петрович, — сказал директор. — Это по твоей части.

— Прогульщик? — Николай Петрович подозрительно покосился на меня.

— Нет, не прогульщик. — улыбнулся директор. — Познакомьтесь, — кивнул он мне. — Это — наш комсомольский секретарь. Смотри, Николай Петрович, выбери товарищу красавицу, знаешь, этакую веселую лесную красавицу...

Он потряс в воздухе рукой и уткнулся в бумаги.

Мы бродили с Николаем Петровичем по лесу, утопая в глубоком снегу, и я приглядывался к маленьким елочкам, которые стояли, точно снегурочки, в белых шапочках. Мне попадалось много пушистых, хорошеньких елочек, но я медлил с выбором. Все казалось, что где-то рядом есть еще лучше.

— Вот! — вскричал вдруг Николай Петрович. — То, что надо!

Я глянул и от изумления чуть не сел прямо на снег. А Николай Петрович уже рубил высокую, метра четыре, густую, ровную, как свечка, елку. Елка осыпала Николая Петровича пушистым снегом.

— Николай Петрович! — крикнул я. — Она же не войдет в комнату.

— Разве у вас нет клуба? — спросил Николай Петрович таким тоном, будто вдруг выяснилось, что в Москве нет метро.

— Есть, — растерянно сказал я.

— Так чего ж ты чепуху несешь...

И он несколькими ловкими ударами дорубил елку.

— Берись за макушку! — скомандовал Николай Петрович, подхватив комель.

Мы стали выбираться из лесу. Уже на самой окраине леса я спохватился.

— Мне еще маленькую надо.

— Разве ты их довезешь, — укоризненно покачал головой Николай Петрович. — Не могли двух человек послать, тоже мне — деятели...

Мы срубили еще и маленькую елочку.

В поселке Николай Петрович оставил меня возле конторы, а сам куда-то исчез. Вскоре пришли две девушки со старыми дырвыми мешками в руках.

— Это ты из совхоза, что ли? — спросили они. — У вас там все такие?

— Какие? — насторожился я.

— Лилипутики, — засмеялась девушка.

Я б им ответил, если б захотел. Только я не захотел — сразу видно, пустые девчонки. Пока они укутывали старыми мешками елку, я даже не смотрел на них.

— Ну-ка, покажите мне такого лилипута, который бы скосил осенью шестьсот гектаров пшеницы.

Николай Петрович пришел сияющий.

— Сейчас на Басиху пойдет машина. Я шоферу сказал, он тебя захватит. Машин у вас мало, что ли? Почему ты без машины?

— Дороги замело, — веско сказал я, покосившись на девушек. — На тракторе выбирались.

— А я все думал, чего это ты без машины... Вот это повесите на елку. — Николай Петрович протянул мне картонку, на которой в рамочке из завитушек было написано красной тушью: «Покорителям целины от молодых лесорубов». — Смотри, не потеряй.

«История», — думал я, поджидая в Басихе попутную машину. Большую елку мне одному было даже и не поднять.

Мороз крепко щипал нос и щеки. Я прыгал с ноги на ногу возле елок и боялся уйти погреться, оставив их на дороге.

Машина, показавшаяся из-за поворота, кажется, шла без груза. Я выскочил на середину дороги и замахал руками.

— Куда тебе? — спросил шофер, высунув из кабины круглое, как луна, лицо с маленькими глазками и толстыми губами.

— В совхоз «Плодородный».

— Грузись!

Легко сказать, грузись. Я втащил в кузов маленькую елочку и, подойдя к другой, с надеждой глянул на шофера. Он нехотя вылез из кабины, большой, грузный, подхватил елку, и без моей помощи отправил ее в кузов.

— Барышничаешь? — убежденно спросил он.

Это мне не понравилось.

— Не из таких.

— Знаем мы вас, — включая стартер, сказал шофер. — Учитывая груз и дорогу — тридцать рублей. Деньги — вперед.

Эх, и плюнул бы я ему в лицо, этому гаду. Но соотношение сил было не в мою пользу.

— На! — сказал я, протягивая ему деньги.

Он пересчитал их и сразу повеселел. Едва различимая в белой степи лента дороги бежала под машину, то и дело подбрасывала ее, а он сидел и напевал себе что-то под нос. Когда ему надоело петь, он повернул свое круглое лицо ко мне.

— Вчера полтораста рябчиков отхватил, фартовое дельце подвернулось. Сегодня — не меньше.

— Как же это ты? — спросил я.

— Тебе объяснять, — ухмыльнулся он. — В леспромхоз лес возить послали. Ну, пару деньков на себя поработаем. По таким дорогам можно на пару деньков опоздать, а?

Довольный собой, он очень хотел, чтобы я похвалил его способности.

— Паразит ты, — тихо сказал я.

— Что?!

— Сволочь ты, самая настоящая сволочь, в чистом виде.

Он затормозил и, прижав меня в угол кабины, приблизил к моему лицу свои маленькие злобные глазки.

— А ну, повтори, сморчок!

— Паразит, — сказал я и закрыл глаза. Сейчас он мне врежет... Но он ткнул меня только один раз, не так уж и больно, и отвалился в сторону.

— Вылезай!!

Встав на подножку, я сообразил, что он может уехать с моими елками. Тогда я прямо с подножки полез в кузов.

— Быстрей! — кричал он.

Я вывалил елки, прыгнул на землю и погрозил ему кулаком. Он засмеялся:

— Хлебай теперь киселя, ангел!

И укатил.

Ветер был резкий, степь курилась белесыми струйками. «Как бы не замерзнуть, — подумал я и тут же отогнал эту мысль, — должны быть машины». Но их не было. Я плясал вприпрыжку и вприсядку, пробегал стометровку от елок и к елкам. Наконец, вдалеке показалась темная точка. Она росла, и хотя я стоял неподвижно, мне было теплее, чем когда я плясал.

Но скоро мне снова стало холодно. Машина шла, груженная сеном. Я даже не стал ее останавливать и крайне удивился, когда она замерла против меня.

— Нос чувствуешь? — спросила пожилая женщина, выходя из кабины и глядя на мой нос.

Я сморщил нос.

— Чувствую.

— Он у тебя белый. Смотри, не обморозил ля?

Женщина поглядела на дорогу. Машин не было видно.

— Тебе куда?

Я ответил.

— Возьми его, Демьянов. Замерзнет парень. Садись!

— А елки?

— Елки нам некуда.

— Тогда я не поеду, — сказал я.

Демьянов молча полез на сено. Если б не было женщины, он, наверно б, выругался.

— Давай их сюда!

Привязывая елки, он возился еще дольше, чем мы с женщиной, подавая их.

— Хорошо, что ты маленький, — сказал Демьянов, когда мы усаживались. — Кабина-то на двоих.

У поворота к нашему совхозу меня высадили. Я пошел к дорожному рабочему. У него в доме было тепло, и мне страшно захотелось спать. Рабочий молча рассматривал меня.

— Свезти тебя, что ли? — раздумчиво сказал он.

— Свези, — попросил я.

— Дело у меня в совхозе есть. Да и елка зачтется мне, как думаешь?

В дровнях я все-таки не выдержал и заснул, потому что рабочий укрыл меня теплым тулупом. Мне снилась Галка. Она ходила вокруг елочки и говорила: «А ты еще писал, что у вас голая степь, — оглобля сломается, за сто верст новой не сыщешь». Потом она заглянула под елочку и шутливо упрекнула: «А почему нет подарка?»

Едва мы остановились у клуба, как стал собираться народ. Все глядели на меня и на елки и качали головой.

— А ты, оказывается, инициативный комсомолец, — сказал мне наш секретарь, когда я передал ему картонку с надписью в завитушках. — Только единоличник, это — плохо. Скажем ему спасибо, товарищи, за лесную гостью?

Я поскорее ушел от них. Я пошел в магазин выбирать подарок для Галки. Завтра мне будет некогда — надо ехать встречать ее.

ВИКТОР ПОПОВ

КАК МЫ ПОДРУЖИЛИСЬ

Вы спрашиваете, чье письмо я читал перед вашим приходом? Леонида... Вы-то, небось, решили, что от Маруси письмо, хотели разыграть, как позавчера. Нет, товарищи, это от Леньки Соловьева письмо. От моего хорошего дружка. Помните, я вам показывал фотографию — наша приисковая футбольная команда на тренировке. Вы еще тогда удивились, что на крайнем Севере в футбол играют... Так вот на той фотографии заметили высокого, нескладного паренька? Он еще помогает подняться вратарю... Это и есть Леонидка.

Занятно у нас с ним вышло. Вообще, как мы подружались — любопытная история. Пока Петьку ждем, хотите расскажу?.. Ну ясно, вам-то только бы время убить. А мне эту историю самому интересно вспомнить. Все-таки чудачком я был...

Помню, мы тогда к первенству управления готовились. От работы нас освободили, режим... одним словом, все как следует. И вот как-то утром дождь прошел. У нас рядом со стадионом речушка бежала Дусканья. Одно название — река, а на самом деле ручьишко. Так она после того дождя разошлась, куда там. Забор стадионный подмыла, чуть до беговой дорожки не добралась.

А у нас после такого ливня — тренировка. Удовольствие, доложу вам, ниже среднего. Мяч в лужу около тебя упадет, так и обдаст грязью. И решил я симульнуть. Только вышли на поле, я раза два по мячу ударил, а потом охнул и заковылял к трибунам. Полная картина: подъем потянул. Тренер ко мне подбежал, ребята. Шутка ли — послезавтра первая встреча, а с центральным нападающим беда. Суетятся около меня, советуют:

- Расшнуровывай бутсу скорей.
- Компресс холодный надо.

— За доктором надо сбегать.

Совестно мне немножко стало, но дело сделано. Потом все-таки грязь на поле... Расшнуровал для вида бутсу и ногу растираю. До того дотер, что, кажется, она и впрямь заболела. А напротив меня, через поле, на трибуне парнишка сидел. Я его заметил, когда мы на тренировку выходили. Кто такой не знаю. Видно из новеньких, что неделю назад на прииск приехали. Засмотрелся я на ребят — они в квадрате играли — и не заметил, как этот парнишка сзади меня оказался. Слышу только кто-то спрашивает:

— Ногу-то здорово потянул, дружок?

Обернулся — он. Стоит, улыбается. То ли сочувственно, то ли насмешливо — не поймешь. Я на него глянул и весело мне стало. Очень уж он какой-то нескладный: длинный, худой, плащ на нем, как на вешалке болтается. Прикусил я губу, чтоб не рассмеяться, и отвечаю, как подобает:

— Для футболиста это дело привычное.

Покачал он головой и рассудительно, словно с маленьким толкует, говорит:

— А ведь болтаешь, дружок, подъема-то ты не потянул. Невозможно это при таком ударе. Нехорошо...

У меня на душе и так муторно было, а тут еще... «Ах ты, думаю, фигура нескладная, явился сюда нравоучения читать». Не подаю вида, что разозлился, спрашиваю:

— Вы что, позвольте узнать, от рождения футбольные ситуации изучаете, или как? А может вы доктор, тогда вы мне как раз и нужны.

— Нет, не доктор, я — экспедитор.

Тут уж я вскипел.

— Та-а-к. Снабженец, значит. Ну и снабжайте, стало быть. У нас вон экскаваторы горючее с колес получают, бульдозеры без деталей стоят... Одним словом, работы вам хватит. А в футболе мы как-нибудь без вас обойдемся.

Надо сказать, что снабженцы вообще были моим больным местом. Бывало, пойдешь к начальнику участка ругаться, что экскаватор положенного по приказу десятидневного запаса топлива не имеет, или что грунт вовремя не взорван, а он руками разводит — снабженцы виноваты: ни дизельного, ни взрывчатки вовремя не запасли. Из-за них моя машина в среднем ремонте лишних двое суток простояла — узлы в срок не доставили. Куда ни сунешься, всюду снабженцы. И вот, на тебе, один из их братья налицо. Футбольную этику мне пропагандирует.

Сказал я ему насчет снабжения и жду, что он тоже рассердится. Тут-то я отведу душу. Все, что накипело, выскажу. Как бы не так. Пожал он плечами — плащ на нем встопорщился, захрустел, словно бумажный — и пренебрежительно процедил:

— Зря ты, дружок, ерепенешься. Я думал, ты поймешь...

Три года я в нашей команде играл центральным нападающим, слова плохого не слышал. А тут изволь радоваться. Да ведь кто бы говорил. В это время мяч к его ногам подкачился. Кто-то из ребят кричит:

— Товарищ, кинь мячишко.

Пырнул он его слегка поском, поскользнулся, взмахнул длинными рупщиками и плюхнулся на лавочку.

А я хохочу, откуда веселость взялась, и говорю:

— То-то... Футбол — вещь капризная.

Одним словом, вы, наверное, догадались. В футбол Леонид — ну да, это был он — играть умел. По крайней мере, у нас ему равных не было. Обводка, удары, выбор места... Да что там говорить...

Пришлось мне с центра на левого полусреднего переходить. И болельщики ко мне заметно поостыли. Я привык, что во время игры, как только мяч получу, на трибунах начинается: «Давай, Миша! Мишка, не подкачай!» А теперь как будто отрубил. Редко кто крикнет: «Миша, сам. Давай сам!» Больше другое требовать стали: «Леонидке откинь! Соловьеву! Соловьеву пасуй». И цветы после игры первому ему преподносили. Там букеты, правда, не то, что здесь — розы, астры, а просто из полевых цветов. Кончит шахтер или шурфовщик работать и в поле — за цветами. Наберет букет — руками не обхватить. И к нему на ниточке бумажку привесит: «От коллектива участка или там шахты такой-то»... Раньше цветы обязательно предназначались мне...

Леонид легко с командой сдружился. У него свой подход к людям был. Я так не мог — покажется мне что-нибудь не так, я разгорячусь сразу, наору столько, что забуду, с чего и начал. Чувствовал, что от такого разговору толку мало, а поделаться с собой ничего не мог. Ребята порой обижались даже. А Леонид замечания делал, будто шутил. Не обидится на него человек, а что неправильно поступил — поймет. Однако дружба у меня с ним тогда так и не наладилась. Может и смешно это, но иногда я думал, что будь он наш брат — горняк: забойщик там, бульдозерист, — все бы ему простил — и болельщиков и цветы. А то ведь придет на стадион чистенький, свежий, экспедитор одним словом. Тут и думаешь: «Не работа у тебя, а малина. При такой не только 90, а все 180 минут на поле с полной нагрузкой потрудишься».

Кончилось это для меня скверно. Вы в футбол играете, знаете, как иногда теряешься, когда команда проигрывает, а до конца встречи остается немного. Кажется, что все против тебя: мяч как назло попадает в ноги к чужим, а их защиту не прорвешь. Вот так мы проигрывали нашему всегдашнему противнику — «Динамо». В первой половине они провели нам два гола и ушли в оборону. Трибуны с ума сходили. На-

ши болельщики охрипли. Ей-богу никогда не слышал, чтобы так шумели. Когда мяч попадал ко мне, казалось, что зрители сейчас выскочат на поле помогать. Они топали, вопили, надрывались:

— Миша, Мишенька, давай! Штуку, сделай штуку!

И я сделал. Я прошел с центра до штрафной, обвел двух защитников и метров с двенадцати послал мяч под планку. Леонид, он был рядом, обнял меня и, стиснув своими длинными ручищами, поцеловал прямо в губы. До центра мы шли в объёмку. Десять минут оставалось нам для того, чтобы отыграться. Мы буквально смяли динамовцев. Их защитники и полузащитники столпились на своей половине и стали отбиваться как попало. А мы штурмовали. И вот на углу штрафной я получил мяч. Впереди один защитник. А за ним полосатые ворота. Вратарь съезжился, приготовился к рывку и не мигнет — на меня смотрит. Бить далеко. Еще немного пройти и можно шуровать в дальний угол. Только в дальний — вратарь не достанет. Я один на один с вратарем. На меня набегают двое. Леонидка открытый, в ладоши хлопает, думает я не вижу. Если бы я ему перекинул, он бы положил. Он с полубета бил — трактором вытаскивай. Но, думаю, нет, сам забью. И ударил... по воздуху. Мяч у меня из-под ног куда-то делся. Помню, на секунду стало тихо, тихо. Словно на полигоне во время пересмены.

Только Леонидка крикнул, словно плеткой хлестнул:

— Отличился, дружок!

Леонидка видел, что меня защитник догоняет, он-то мяч и выбил. Да, пасани я Леониду, сыграли бы мы тогда вничью...

Вечером команда обсуждала игру. Говорили много и все больше про меня. Все требовали объявить мне строгий выговор. Много мне тогда выслушать всякого пришлось. Только Леонид молчал. Когда его попросили высказать свое мнение, он отрицательно покачал головой.

— С его большим самолюбием. Орлов подумает, что я со зла говорю — ведь он ко мне неравнодушен. А вообще-то фортель нехороший, что и толковать.

В ту ночь чего только я не передумал. Я не стеснялся в выводах. Все по полочкам разложил. Попутно с сегодняшним разных разностей немало вспомнил. И, ей-богу, я себе таким дрянным человечешкой показался...

Я тогда впервые серьезно задумался над своим отношением к Леониду. Почему я его не любил? Неужели лишь потому, что он снабженец, а их я вообще не люблю? А если бы Леонид играл хоть немного хуже, если бы трибуны по-прежнему кричали: «Миша»? Как бы я тогда к нему относился?

Разобраться в этом было невозможно. И футбол, и грунт, который не взорван вовремя, и экскаваторы, получающие

топливо с колес, — все это переплелось таким клубком, который я никак не мог распутать. Бесспорно для меня было одно, что снабженцы работают спустя рукава и ни во что не ставят интересы прииска.

А днем все пошло к черту. Недаром говорится, что беда не приходит одна. Но случившееся днем было не бедой, это была катастрофа. В поршневой группе нашего экскаватора оборвался шатун и разбил коробку картера. Экспертиза установила, что авария произошла не по вине бригады. В шатуне оказались раковины. Но какое нам было дело до раковин, если наша, понимаете, наша машина, которая только что недовольно фыркала и сердито ругалась на нас при каждом рабочем ходе, стояла неживая, беспомощная. Из разбитого картера сочилось масло и падало на землю черными тяжелыми каплями.

Мы топтались рядом и вытирали с лиц серый налет пыли. Пыль эта была сырой и размазывалась по щекам грязью. Нам было жалко машину. И, вероятно, долго икалось тому прохвосту, который отлил для нее шатун с раковинами.

Не стоит рассказывать о мытарствах, которые я перенес на заводе, куда направили на ремонт мотор. Там ссылались на загруженность плановыми заказами, на очередность, на распоряжения главка и прочие препятствующие обстоятельства. Тогда я через газету обратился с открытым письмом к работникам моторного цеха. Я рассказал им о наших предоктябрьских обязательствах, о ребятах моей бригады, которые вместо того, чтобы готовить к промывке полигоны, подсчитывают, на сколько нас ежедневно обгоняет бригада Василия Назарова. Еще я писал о том, что на прииск к нам можно добраться только водой, а дней через двадцать река обмелеет и до полного ледостава связь с прииском прекратится.

Однако я ошибся в сроках. Через две недели, как раз в тот день, когда я отправил на перевалочную базу отремонтированный мотор, мне вручили телеграмму от начальника прииска. Сухим, применяемым только в служебных телеграммах языком он сообщал: «Связи резким понижением воды доставить груз невозможно».

На перевалбазе к моему приезду с мотором уже успели распорядиться. Его поставили под навес, тщательно укутали брезентом. Так тщательно, что на него не могла попасть ни одна снежинка. Я не оговорился — именно снежинка — ведь была уже середина сентября и на заре вода, наполнявшая пожарные бочки, затягивалась льдом. Когда я утром после дороги подошел к одной такой бочке умыться, мне пришлось вернуться в дом за молотком.

На базе я застал двоих: Савелия Спиридоновича — ее начальника, и своего тезку, экспедитора Мишку Кривницкого. Савелий Спиридонович отнесся к моему появлению равно-

душно. Он попыхтел своей короткой якутской трубочкой-носогрейкой и, безразлично посмотрев водянистыми круглыми глазами, над которыми по какой-то прихоти природы совершенно отсутствовали брови, пробурчал:

— С приездом, нахлебничек.

Я не обратил внимания на обидное приветствие. Савелий Спиридонович, как и большинство добряков, любил произвести впечатление человека строгого. А «нахлебниками» он именовал всех, не имевших отношения к самой важной, в его глазах, отрасли человеческой деятельности — снабжению.

Иначе встретил меня Мишка. Он долго тряс мне руку и смотрел такими влюбленными глазами, что я серьезно решил, будто чем-то заслужил его расположение. Однако все объяснилось гораздо проще. После длительного рукопожатия, а вернее рукотрясения, он радостно объявил:

— Я горевал, что одному плыть придется. А тут, как с неба, полутчик.

Плыть! Значит, еще не все кунгасы ушли. Тут уж Мишке пришлось спастись от обрушившихся на него бурных излияний моего восторга. Но я поторопился. Последний кунгас отплыл на прииск пятидневку назад. Криницкий собирался отправляться на плоту.

— Вон, видишь? Надежная вещица. Двоих поднимет свободно. — Он ткнул пальцем в окно по направлению реки.

Там, причаленное к пирсу, покачивалось на течении довольно-таки уютное сооружение из четырех бревен.

Однако не это привлекло мое внимание, а камень. Прислонившаяся к пирсу ребром огромная плита. До ее основания докатывались расходящиеся от плота волны и, лениво лизнув отполированную поверхность, медленно сползали по отлогому берегу. Мне казалось, что я даже слышал их воробячий плеск. Когда я в конце августа подъезжал к перевальной базе, эта плита почти целиком была скрыта водой.

Мое молчание Мишка понял по-своему. Он ухмыльнулся и пренебрежительно процедил:

— Товарищ на катерах путешествовать привык. Плот его, видимо, не устраивает. Скучноватое это для него средство транспорта.

— Дурак ты, Мишка, — ответил я. — Не об этом я думаю. Камень вон около пирса видишь?

— Надо полагать.

— Так вот три недели назад он водой был закрыт.

Мишка захохотал. Смеялся он неподражаемо. Приплясывал, хлопал себя руками по бокам, втягивал воздух громко, словно всхлипывал, физиономия его, и без того узкая, вытянулась, по вискам стрелками разбежались морщинки. А я стоял рядом и, не находя, что сказать, молча стискивал кулаки. Наконец Мишка, все еще не в силах успокоиться, выдал:

— Во-от, мудрец. Я-то думал... а он...

Но тут, вероятно, Мишка прочел на моем лице что-то такое, что быстро вернуло ему серьезность. И он закончил рассудительно:

— За это время вода больше, чем на полтора метра спала. Поэтому нам с тобой и придется на плоту до прииска добираться.

«Чудак, — подумал я, — это я и без твоего разъяснения вижу. Не все ли мне равно, на чем добираться. Не обо мне речь, мотор надо доставить». Я, когда ехал на перевалку, все время над телеграммой думал. Старался представить, на сколько вода спала. Мысли не допускал, что придется мне к ребятам пустому возвращаться. Знал я, что начальник не раз подумал, прежде чем такую телеграмму посылать, но все-таки надеялся — авось успею. Да разве Мишке понять, что я чувствовал, глядя на эту гранитную громадину... Об этом я и сказал:

— Сами-то мы доберемся. А мотор? Что я своим ребятам скажу... Работать-то мы на чем будем?

Мишка неопределенно пожал плечами:

— Раньше заботиться надо было.

«Раньше». Передо мной встали стены ремонтного цеха, серые от усталости лица рабочих, а в ушах зазвучали их бодрые уверения, что ремонтники не подведут. Эх, Миша, Миша, если бы ты все это знал, не сказал бы ты своего «раньше».

Высказывая ему все это, я боялся, что раскричусь и тогда он уже наверняка не поймет. Не знаю, понимал меня Михаил или нет. Он вертел в руках коробок спичек и, иногда отщипывая от него кусочки, мельчил их зубами. Но его глаза, черные с синеватыми белками, ничего не выражали.

Я натянул телогрейку и вышел, нарочно громко хлопнув дверью. Наплевать мне, мол, на твою обиду. Долго лазал по сопкам, бродил вдоль реки, наконец, спустился к пирсу и уселся, привалившись спиной к бочке из-под горючего. От нее пахло солярой, и я вновь вспомнил о моторе.

Плот качался на воде степенно, иногда постукивая крайним бревном о деревянную обшивку пирса. Интересно, как он, а заодно и мы будем себя чувствовать в «трубе», неподалеку за Большим плесом? Проклятое место — эта «труба», где на протяжении двух- или трехсот метров отвесные гранитные скалы сдавливают русло реки. Мне не приходилось там раньше проплывать — летом катера и кунгасы обходили его по широкой мелководной протоке. Но по рассказам очевидцев я имел достаточное представление об этой «трубе». Завтра я сам буду этим очевидцем. И завтра вечером, примерно как раз в это время, если, конечно, все сойдет благополучно, ребята будут меня встречать. Они ничего не скажут, не упрекнут, но обязательно сообщат о том, насколько обогнала нас

бригада Назарова. И при этом на все корки станут косять поломавшийся мотор. Тот самый целехонький мотор, которому предстоит ждать ледостана в какой-то полусотне километров от прииска. Да, возникают иногда положения, когда человек готов завять от бессилия...

Сверху, с обрыва раздался ворчливый голос Савелия Спиридоновича:

— Так вот ты где, оказывается. Обедать-то будешь?

— Не знаю...

— Стало быть, хочешь, — категорически заявил Савелий Спиридонович. — На сытое брюхо думать способней. Вон тетка твой после обеда до чего додумался... Груз твой плавать собрался.

— Какой груз?

— А у тебя он в ассортименте, что ли?

— Мотор? А как?

— Это уж ты у него спроси.

Михаил сидел за столом и, сдвинув к краю неубранную после обеда посуду, что-то писал на клочке бумаги. Я подошел к нему и спросил:

— Это верно?

— Верно. — Он не удивился вопросу, ответил, даже не подняв головы.

— Да ты что. На этой развалине самим бы добраться. — Я еще не верил, что существует какая-то возможность.

Но, очевидно, она была, потому что Михаил ответил:

— Мы большой плот сделаем, бревен из восьми.

— А «труба»?

— Я все рассчитал. Вот смотри, — он ткнул карандашом в бумагу. — «Труба» — это ничего. Меня, понимаешь, Большой плес волнует. Воды там теперь маловато. Но все-таки должны мы его пройти.

На следующий день, едва развиднелось, мы отплыли от перевалки и около полудня подошли к Большому плесу. Мотор мы наглухо укутали брезентом и крепко привязали к шпонам поближе к корме — так нам посоветовал Савелий Спиридонович. И в этом был свой резон: поставь груз строго посередине плота — на каждой мели насидишься. Теперь же за камни задевала лишь небольшая площадь, и мы легко стаскивали плот на глубину. Михаил рассчитал правильно — Большой плес мы прошли сравнительно сносно, лишь на двух—трех камнях пришлось поупражняться с шестом. Приближаясь «труба». Я не видел ее — стоял спиной и, добросовестно выполняя команды Михаила, ворочал укрепленным на козлах веслом... Честно говоря, трудно передать впечатления тех минут... Помню только, что очень быстро, словно накатывался, приближался яростный грохот, а вода, хотя и текла все быстрее, но была еще прозрачной. Потом водяная лента

разделилась на множество серовато-зеленых струек, обгоняя друг друга, помчались пенистые, закручивающиеся спиралью гребешки. И гремело уже не где-то, а рядом — впереди, с боков, сверху... Я уже не слышал голоса Михаила и обернулся. На нас летел весь в клочьях водяной пены валун — последний и самый большой порог в этом поганом месте.

Михаил бледный, с разметавшимися из-под шапки мокрыми волосами упирался ногами в бревно, всем телом налегая на носовое весло. От уголка губ по подбородку у него тянулась волнистая, словно нарисованная красная струйка. Вдруг весло вырвалось, и мне показалось, что Мишка скользнул под плот, который стал стоймя. Я повис на своем весле над самым камнем, и меня что-то словно изнутри ударило по глазам... В лицо полетели зеленые и черные кольца... Потом — тяжесть во всем теле и густая, словно вата, тишина.

А Мишка, оказывается, успел за козлы схватиться и легче меня отделался, только шапку утопил. Когда я очнулся, он мне щеку вытирал, я ее обо что-то царапнул сильно. Смотрели мы с ним друг на друга и молчали. Потом он вдруг всхлипнул — а может мне так показалось только — и ткнул пальцем через плечо:

— Мотор-то, вот он, в самом лучшем виде доставим, — потер себе бровь и как-то беспомощно улыбнулся. — А вообще жутко. Как по-твоему, жутко?

Мне еще и теперь вспомнить об этом страшно, а тогда я вообще разговаривать-то еле мог. Головой только кивнул, да на мотор показал — овчинка, мол, выделки стоит.

Тут Мишка и сказал такое, после чего я на все по-другому посмотрел: и на себя, и на Леонидку. Вот что он тогда сказал:

— Понимаю. Только я, наверное, больше тебя рад. Я теперь все грузы здесь плавить буду, как Ленька Соловьев. Он, понимаешь, прикинул, что за рейс шесть часов выгадывает и теперь только через «трубу» ходит. Я вот еще не научился. А он, ты бы посмотрел, стоит за веслом и хоть бы что, будто и порога здесь нету. Ведь он в свое время плотогоном работал. Если бы он тебе на базе встретился, ты сейчас мотор уж на машину бы ставил.

До места мы добрались засветло. Впрочем, там и идти-то километров с десятков оставалось — от «трубы» если считать. Савелий Спиридонович, оказывается, уже на прииск позвонил. Ну и народу нас встречать высыпало — вся пристань битком. Аккордеонист Пашка Сусликов — он в футбол у нас левого полузащитника исполнял — что-то весело наигрывает. Вообще, хорошо встретили...

А когда плот зачалили и я уж на пирс хотел прыгать, смотрю, ко мне длинная рука тянется. Я сразу догадался — чья. И крепко я за эту руку ухватился.

...Однако, что-то Петр запаздывает. Может, он прямо на стадион двинул? Не должен бы — договорились ведь у меня собраться... Да, вот так мы и подружились... В отпуск обещается ко мне заехать, тогда познакомлю. Может, уговорим, у нас останется... Хороший парень и игрок — классный.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

АРЖАН АДАРОВ

ОТЕЦ

Отец мой не был коммунистом,
У сердца не носил билет.
Свинцом в гражданскую освистан,
Штыком исколот в двадцать лет.
Отец мой не был коммунистом.
Шел по стране тридцатый год.
Отца стерег кулацкий выстрел,
Но жил колхоз, крепчал народ,
Стоял над Волгой вечер мгlistый,
Истлел коричневый закат.
Отец мой не был коммунистом,
А жизнь отдал за Сталинград.
Таких немало, их не счесть нам,
Открыла партия им свет...
Я, как святыню нашей чести,
Храню у сердца партбилет.

Перевел с алтайского

В. Кураев

ВАЛЕНТИН КРИВОЛАПОВ

СЕМЬЯ ХЛЕБОРОВОВ

Прошумели возле лога
Рощи белые берез.
По стерне ведет дорога
В Повалихинский совхоз.
Хлеборобы нынче рады
И горды за каждый пуд.
Две загонки
В поле рядом,
Два комбайна
Спор ведут.
Остроносая пшеница
Улыбается в усы:
Мол, не могут помириться
Всю страду
Отец и сын.
Ноют плечи,
Как под грузом.
Не сдаются — нрав крутой.
И течет в зеленый кузов
Ливень хлеба золотой.
Ночью, встретившись на стане,
Настороженно хитрят.
— Как, отец?
Опять обставил?
Я-то, в общем, очень рад.
А папаша мимоходом:
— Есть силенка у мальчика.
Обогнал?
Моя порода —
На буксир берешь отца...

Прошумели возле лога
Рощи белые береза
По стерне ведет дорога
В Повалихинский совхоз.
А навстречу ЗИЛы в гору,
ЗИМы, ГАЗы —
Хлеб идет.
Потрудились комбайнеры,
Двое Шацких,
В этот год.
— Познакомьтесь.
— Ваше имя?
И, улыбки не тая,
Младший весело:
— Владимир.
Старший медленно:
— Илья.
Помолчал:
— Моя награда.
Чтоб совхоз
Богатством креп,
Всем семейством,
Если надо,
Постоим за новый хлеб.

ЕВГЕНИЙ КАШИРСКИЙ

РОЖДЕННАЯ РОССИЕЙ
ЗВЕЗДОЧКА...

Плыла над городами, селами
Осенней ночи синева,
Но вот эфир принес веселые
Проникновенные слова.
Прорвала ночь сигналов горсточка,
Был каждый звук красиво прост...
Рожденная Россией звездочка
Затмила яркость древних звезд.

ЧЕРЕМУШКА

Сойдет снег, зазеленеют полянки, или зацветет черемуха. И мы говорим: «Снова весна». И нам, людям осеннего возраста, припомнится своя весна. Далекая, но незабытая, она впрорхнет в сердце, растопит в нем ледок времени и вызовет вздох. В такие минуты хочется побыть одному, где-нибудь у реки, под ветвями ивы — в тишине как-то ярче вспоминается прошлое.

Как это было? Ах, да... Широкая, залитая светом улица. Посредине ее чуть заметная колея от колес, а от нее до самых до заборов мелкая подорожная травка. Перед деревянными домиками — палисадники, две — три березки, черемуха или кусты смородины.

На гладкой полянке, вытопанной босоногой детворой. шум и смех, азартная игра в бабки.

Я слежу за малышами. Мне тоже хочется поиграть, но приходится сдерживаться — не мальчишка, семнадцать лет. к тому же ученик кузнеца.

Солнце прячется за горой. На крыши спускаются из сивенья усталые голуби. За ворота, на скамеечки, выходят хозяйки, беседуют, лушат семечки. А с дальнего конца улицы, заняв всю ее ширь, идут мои сверстники — парни, неторопливо, со смехом и шутками. За ними, немного отстав, плывет пестрая стайка девушек. Они без умолку смеются. Иногда какая-нибудь побойчее из них заведет частушку, но, поймав осуждающий взгляд со скамеек, смолкнет, и снова слышится беспричинный, задорный смех. Парни приближаются.

— Здорово, кузнец! Тащи гармозу, Андрей.

Дома я еще раз оглядываю себя в зеркало, поправляю воротничок вышитой рубашки, приглаживаю непокорный, темно-русый чуб и, хитро подмигнув себе, выскакиваю на улицу.

Растягиваю и сжимаю старую отцовскую хромку. Обветшалые меха вздуваются. Охнув, хромка сыплет переборы.

Сашка, прозванный Маленьким за свой рост, пристраивается рядом и звонко выбрасывает над затихшим городком первую частушку. Девушки отвечают. И начинается переключка.

Она продолжается долго.

Мы сидим на бревнах, на высоком берегу. На воде уже блещут редкие огоньки бакенов. Лента реки из светло-голубой превращается в темно-синюю, лес за ней темнеет, хмурится, а частушки все взлетают и взлетают к редким звездам, пока не устают мои пальцы. Я обрываю игру, и новый куплет, начатый высоким, незнакомым мне, девичьим голосом всплеснулся над берегом и, не встретив поддержки, задрожал и оборвался бы, не рвань я меха с новой силой. И тогда голос крепнет, звенит так, что ему откликается эхо за рекой.

— Кто это? — спрашиваю у Сашки.

— Дашка Копосова, с Береговой улицы. А что?

Я не ответил, продолжая играть. Без перерыва с «Подгорной» на «Барыню».

Незнакомка вышла первой. Проплыла близко, бросила на меня задорный, вызывающий взгляд, застучала каблуками. Вот топнула перед парнем, и выскочили сразу несколько, закужились под хлопки. «Эх! Эх!» — завздыхала земля.

Но я почему-то следил только за ней, за Дашкой.

После пляски парами разошлись по берегу. Началась игра. Двое — парень и девушка — обходили всех и спрашивали: «Меня или огород?» Если парень хотел посидеть с другой девушкой, он называл имя, и ее приводили. Если замены не требовалось, отвечали: «Огород».

Я не любил этой игры и обычно, не находя слов для разговора со случайной подружкой, тихо играл какую-нибудь песенку. Не удивительно, что меня считали скучным.

И вдруг игра приобрела для меня смысл. «А что если...» — подумал я и почувствовал, что начинаю краснеть. Но все же решился.

— Позовите Дашу.

— Смотри, Андрюшка, наломают береговые бока, — пошутил рассыльный.

— Не твоя забота, — грубовато ответил я.

Она подошла тихая, настороженная. Я ожидал увидеть ее по-прежнему веселой и озорной и потому несколько растерялся. Подражая тем парням, которые пользовались у девушек успехом, пригласил небрежно:

— Садись, Даша.

Высоко вскинулись разлетные брови.

— Откуда знаешь меня?

— А разве ты не знаешь, что меня звать Андреем?

— Спасибо, что сказал.

— Садись.

— Нет, я постою.

— Да садись же. — Я взял ее за руки и насильно посадил рядом. Помолчали. Я мучительно соображал, о чем же говорить еще. Даша вздохнула.

— Чего ты? — вырвалось у меня.

— Я думала ты не такой, — задумчиво проговорила она, и мне стало стыдно. «Дурак», — выругал себя и обрадовался, увидев рассыльных. Но Даша опередила меня.

— Огород. — сказала она как-то поспешно. Меня это удивило.

— Почему же ты осталась? — спросил ее.

— Сыграй что-нибудь, только потихоньку.

Я заиграл, едва касаясь клавишей. Даша помолчала, прислушиваясь, и неожиданно стала подпевать тихой грустью. Мне казалось, что она, отдавшись песне, забыла про меня. Ни разу не взглянула, не улыбнулась. Растягивая меха, я на миг коснулся ее прохладной, шелковистой руки и вздрогнул. Гармошка икнула. «Что со мной?»

Я тоже любил петь, но почему-то боялся, что сейчас у меня ничего не получится. Начал почти шепотом. Неожиданно ее плечо коснулось моего. Я замер. Даша не отшатнулась, и скоро сквозь тонкую рубашку я почувствовал тепло ее тела. Сердце забилось в непонятной тревоге.

Все вокруг: река, звезды, друзья — все исчезло. Остались только я, она и песня.

— Даша! Мы пошли! — донеслось из темноты.

Она замолчала и выдохнула.

— Хорошо!

Потом вскочила и снова стала прежней, озорной. Не подавая руки, простилась:

— До свиданья, кузнец.

— Постой, Даша, — кинулся я за ней.

— Чего, гармонист? — В ее вопросе слышалась ирония — так спрашивает тот, кто чувствует свою власть.

— Завтра придешь?

Она засмеялась, побежала упруго и, мелькнув светлым пятном на синем фоне реки, растаяла.

— Не знаю, — крикнула издали.

На другой день проснулся раньше обычного. Вспомнил Дашу, и сразу стало весело. Выскочил на крыльцо и замер: старая раскидистая черемуха перед окнами пышно зацвела. По-весеннему свежий, густой и терпкий запах щекотал в носу.

— Смотри-ка, мама! — позвал я.

— А ты только увидел, сынок? Вчера еще зацвела... Что с тобой?

— Ничего, мама, просто хорошо, — и я чмокнул ее в губы. Мать покачала головой. Ее карие, еще молодые глаза стали нежными и чутьочку печальными.

В тот день молот наполовину потерял вес, а раскаленная болванка легко плющилась от первых ударов.

— Ишь, ты: силенка появилась. Да тише ты, черт! — ворчал кузнец, когда я начинал усердствовать сверх меры.

В тот день я выспросил у кузнеца, где живут Копосовы. А вечером меня ждало огорчение. Даша не пришла. Не пришла она и после того, как я прошелся с гармошкой по ее улице. Их крепкий бревенчатый дом притягивал меня и отпугивал. Но зайти, понятно, нельзя — наши семьи были незнакомы, а другого повода не мог придумать.

Стороной я узнал, что отец Даши, истовый кержак, посадил ее в чулан за то, что она осмелилась «хороводиться» с мирскими.

Моя гармонь по вечерам исторгала теперь из своей потрпанной души новые для нее, невеселые песни.

«То не ветер ветку клонит.
Не лубравушка шумит...»

Плакала гармонь, грустило обиженное сердце, недоумевающе пожимали плечами друзья и просили:

— Да не тяни за душу — вжарь «Барыню».

И я жарил. Девушки взмахивали платочками, взвизгивали и выходили на круг.

В одну из таких минут я снова увидел Дашу. Что сделалось с моей гармонью! Словно прибавили ей еще столько же голосов. Но Даша плясать так и не вышла.

Ленька Хомутов, сам присвоивший себе кличку «Атаман», наклонился ко мне, зашептал:

— Дашка пришла... одна. Устроим... Пусть кержак бороду рвет.

Я сунул кому-то гармонь, отвел его в сторону.

— Не тронь ее, Ленька! Слышишь?!

— Да ты что взбесился? Может, жениться на ней думать? Держи карман. Гольтьба ты, понял?

— Все равно не трожь! А не то...

— Чего?! — зеленые, злые глаза Леньки потемнели. — Не вздумай мешать. Сам знаешь...

Я знал Леньку как заядлого драчуна, но решил не сдаваться. «Будь, что будет, но Дашу я в обиду не дам. Никому, никогда!» Выбрав момент, шепнул ей:

— Провожу. Есть разговор.

С берега мы уходили последними. Шли рядом, не касаясь друг друга.

— Ты сегодня невеселая. Почему? — первым заговорил я.

— А что тебе до меня? Ты-то веселишься...

— Не правда, Даша. Если б ты знала, как я грустил эти дни.

— Это под «Барыню»-то, — насмешливо промолвила она.

— Не веришь? Спроси у девчат.

Я почувствовал, что она вздрогнула. Перед нами, расставив ноги, руки в карманах, стоял Ленька. В переулке маячили еще несколько темных теней.

— А ну, отшейся, кузнец! Я провожу.

Даша отшатнулась от него, спряталась за мою спину. У меня сами собой сжались кулаки, застучало в висках.

— Ну что, ты оглох?!

Шагнул навстречу.

— Полегче! Наколешься. — В его руке слабо блеснула узкая полоска ножа.

Я ударил его коротко, без замаха. Работа с молотом пошла на пользу: Ленька, удивленно охнув, упал.

— Бежим.

За нами уже близко слышался торопливый топот сапог, и все же я успел захлопнуть калитку, провел Дашу в палисадник под нависшие ветки черемухи. Прислонившись плечом к стволу, перевел дыхание.

— Испугалась? — Я взял Дашу за худенькие девичьи плечи, легко привлек к себе. Платок ее во время бега свалился на плечи, косы упали на грудь. Она была немного ниже меня, и когда подняла лицо, я увидел ее большие, очень темные глаза. В них еще был испуг и немая просьба. О чем? Губы прошептали что-то невнятное или может только дрогнули, но я увидел их, и неодолимое желание поцеловать ее хмельно вскружило голову. Я испугался одной мысли, что она сейчас отвернется, и торопливо ткнулся куда-то около ее носа. Даша отвернулась, нервно затеребила край платка.

— Зачем ты это? — в голосе ее слышались слезы.

Что можно было ответить? Спасибо, что ночь была темная и Даша не могла видеть моего стыда и за неудачный поцелуй, и за дерзость.

Она потянулась рукой за веткой, снежинками посыпались на нас лепестки. Они густо покрыли ей волосы, белыми точками легли на темное платье.

— Уже отцветает, — заметила она.

— А я ждал тебя, когда она только распустилась. Почему не пришла?

— Нам нельзя встречаться, Андрей. — Впервые назвала меня по имени. — Сегодня отец куда-то уехал, но если узнает...

— А как же быть, Даша?

— Не знаю, — шепотом ответила она.

— Тогда я буду приходить к вам.

— Нет, нет! Лучше уж я, когда будет можно. Сюда под черемуху. А на берег не ходи. Ладно?

«Беспокойся за меня», — обрадовался я. И снова потянулся к ней. Она отгородилась веточкой.

— Пахнет-то как!

— Черемухой. И ты... Тоже похожа на нее. Хочешь, я буду звать тебя Черемухкой?

Она кивнула, и веточка отошла в сторону. На этот раз я не торопился. Я знал: Даша не отвернется.

Побежали вечера то тревожные и тоскливые, когда я ждал ее, напрасно просиживая под черемухой до первых петухов, то ласковые и удивительно хорошие, когда она приходила. Черемуха давно осыпала последние лепестки, созрели ягоды, и мы ели их, пока язык и губы не становились шершавыми. Гармонь была отдана в ремонт. Мастер добросовестно чинил ее несколько месяцев.

Городок наш пустел. Далекая германская война вытягивала из него отцов и старших товарищей. Писем от моего отца давно не было. Мать часто плакала, старела на глазах, но я был безрассудно весел.

Началось похолодание, облетели листья, так надежно укрывавшие нас, выпал снег. И без того редкие встречи стали еще реже и не так продолжительны, где-нибудь за крыльцом под мохнатым отцовским тулупом. А перед рождеством на мою голову грянул гром.

В кузницу зашел Ленька и, не скрывая злорадства, сказал:

— Дашку-то просватали, кузнец.

Дрогнула рука. Ударил мимо наковальни. Полоса железа грохнула о колпак над горном, словно в набат.

— Врешь! — я хотел схватить Леньку за грудь, но он проворно выскочил за дверь.

— Приходи играть на свадьбе, может рюмку поднесут.

Я отшвырнул молот и побежал домой.

— Или, мать, к Клевцовым, сватай Дашу, — выпалил я.

— Что ты надумал, сынок? Разве отдадут? Вера у них...

— Черт с ней, с верой, — ихнюю приму. Иди, мама, иди.

— Богатые они, знаю: толку не будет... Ну, будь по-твоему.

Вернулась она быстро. У меня упало сердце.

— Бородач и в дом не пустил. Поздно, говорит, хватились.

Чем расходовать, мол, на свадьбу, купи лучше штаны жениху. Иуда! — злобно заключила мать и заплакала.

— Украду! — стукнул я кулаком.

Два дня кружил около ее дома, высматривал лазейку через забор, строил планы. В субботу вечером стали собираться девушки. Прошел и толстомордый жених, сын прасола. «Девушник, — догадался я. — Значит, завтра свадьба. Черным днем будет это завтра».

Последней к дому подходила подруга Даши. Я остано-
вил ее.

— Ах, кузнец! Чего тебе?

— Вызови Дашу, хоть на минутку.

Должно быть на моем лице было написано само отчаяние.
Девушка перестала насмешливо улыбаться, задумалась.

— Ладно. Только позднее и на минутку, не больше.

Мглистые, холодные сумерки долго не сгущались, будто
старались отдалить миг встречи, хмуро посматривали на ме-
ня из-под козырьков домов. «Обманула подружка, не выйдет.
Неужели так и не увижу, не загляну в большие, глубокие
глаза?»

Но вот скрипнули ворота, вышла Даша без платка, шу-
бейка в накидку. Дунул ветерок и, как листок к дереву, кинул
ее ко мне на грудь, прижал.

— Андрюшенька! Не по своей воле... Силой выдают.

— Не хочешь за прасола?

— Постыл он мне. — Забилась, затрепыхала близко у
сердца. — Удавлюсь.

— А за меня?

Подняла залитые слезами глаза

— Не спрашивай.

— Убегом согласна?

Не поняла. Смотрит в глаза, будто в душу заглядывает.
Ищет ответа.

— Но куда?

— В село. Дядя там. Не найдут.

Опять скрипнула калитка, прижались мы за угол. Вышел
бородач, осмотрелся и хлопнул дверкой.

— Меня ищет. Бежим?

Закружились снежинки, засыпали наши следы.

— Да куда бы тебя спрятать? — засуетилась мать. — Ха-
та-то у нас — вся тут. Искать будут. Вон разве под печь?

Мать выгнала из-под шестка единственную курицу, подме-
ла, настелила половинок.

— Собери в дорогу, мама, а я за лошадью к кузнецу...

Через полчаса, нахлестывая коня, я мчался обратно. Раз-
вернулся, осадил у крыльца.

— Готово. Где же Даша?

— Искали ее. Все перерыли да не нашли. — сквозь слезы
посмеивалась мать. — Вылазь, дочка.

Из-под печи выпорхнула курица, за ней Даша.

— Едем! — накинул на Дашу тулуп, уложил в сани я, при-
крыв сверху охапкой сена, взбежал на крыльцо.

— Спасибо тебе, мама, прощай!

Ну, буланый! Но, дорогой! Вези нас поскорее сквозь снег
и ветер... Но кто там, у ворот, четверо с кольями?

— Укараулили гады. — Я кидаюсь в сени, хватаю тяже-

лый безмен. Дашу уже выхватили из саней, бородач взмахнул над ней бичом.

— Опозорила, сучка!

— Не трожь! Убью!

Бич застывает в воздухе, а на шею ко мне бросается мать.

— Не надо, сынок. Засудят. Не судьба...

Я отталкиваю мать, но она со слезами падает на снег, крепко охватывает мои ноги.

— Андриюшенька, прощай! — кричит Даша сквозь слезы.

— Прощай, моя черноглазая черемушка. Прощай, радость моя.

Последний раз увидел ее через неделю. Идет платком бабьим накрылась, посматривает жадно на наши окна, будто что-то увидеть очень хочет. Выскочил я на крыльцо.

«Даша», — хочу крикнуть, а язык словно присох, не поворачивается. Увидела она меня, вспыхнула и платком укрылась. Быстро, быстро зашагала прочь, не обернувшись. Успел разглядеть я: похудела Даша, синева под глазами и словно лицо не то — нет в нем чего-то такого, что так ее красило прежде.

«Милая, что с тобой?» — шепчу. И улица не улица передо мной — туман в глазах. А в груди... Эх, в груди не пожар, залило ее свинцовой тяжестью — не вдохнуть.

Снова подошла весна, да только не оживила улицу моя обновленная гармонь веселой песней. Другая полюбилась ей. И с какой не начнет — все к этой возвращается:

«Не для меня придет весна,
Не для меня Обь разольется...»

— Хватит! Не могу. Продавай домишко, мать, уедем.

И черемуха повяла — не цветет. Недосмотрел осенью. Вбил кто-то в ствол несколько ржавых шпилей и загубил красавицу.

• • •

По крутому взвозу на высокую гору взбиралась груженная подвода. Лошадь то и дело останавливалась и, тяжело поведя боками, косила глазом на меня.

— Но, милая. Но!

Лошадь дергала, и небогатый скарб: сундук да деревянная койка, да несколько узлов — тоже дергались и съезжали к задку. Наконец, лошадь одолела подъем и остановилась на гребне под соснами. Я бросил вожжи, вытащил из сундука гармонь и, найдя то, что мне надо, глазами в толпе низких домиков снизу, заиграл, подпевая вполголоса:

«Скрылась, скрылась родная избенка, скрылась родная семья...»

Мама положила мне на плечо руку.

— Хватит, Андрюша.

Я упрямо мотнул чубом и продолжал играть, вкладывая в песню всю грусть по оставленному там, в городке. Мама не выдержала, громко зарыдала. Я осекся, погладил ее по волосам, помог сесть на телегу, и отдохнувшая лошадь пустилась легкой рысью. При каждом толчке телега подпрыгивала, узлы шевелились, что-то стучало о пустой чугунок, и звук, похожий на редкий колокольный звон, разносился по лесу.

Так мы уехали в соседний город. «Теперь может и полегче будет», — думал я. Да разве убежишь, спрячешься от тоски-кручины, когда она лежит у самого сердца? Не было еще такого быстрого коня, который ускакал бы, увез от ее цепких пальцев, да и не будет.

— Ничего, сынок, пройдет время и забудется все. Время — хороший доктор, — говорила мать.

— Хороший, да не совсем. Может кого и лечит, но только не вылечить ему моей раны — глубока она.

Прошел год. Притупилась, притихла боль. Начал я опять будоражить улицу, приглядывался к девочкам — искал похожую на Дашу. Скоро отыскалась такая. Все приметы ее — и косы и глаза... А все-таки не Даша. Не хватало чего-то в ней, искорки какой-то веселой. Но девушка понравилась.

— Не женись, Андрюша. В армию скоро, — уговаривала мать.

Но ударил набатный колокол, всколыхнул городишко.

— Революция! Долой войну!

Отлегло у меня — теперь и жениться можно. Свадьба вышла скромная, незаметная. Остались мы вдвоем с Галей, и забылся я. Привлек к себе, шепчу:

— Дашенька, черемушка моя...

Спохватился, да поздно: уронила невеста голову, поняла все, и сверкнули на колени первые горькие слезинки. Радости большой так и не получилось.

Но не то время было, чтобы отдаваться печали.

Налетел вихрь, вскинул пыль и мусор над городом и пошел вдоль заборов, обрывая клочки разных директив и приказов. Перестала плакать моя гармошка. Подхватила нивесть откуда занесенный, суровый мотив и повела за собой латаную, драную толпу:

«Вставай, проклятьем заклеянный...».

— Вот дооретесь, придут каратели, они вам шомполов вложат, — ворчала жена, пеленая первенца.

— А мы воевать будем. Правда, Виктор? — Я брал сына на руки и грозил кулаком в темноту осенней ночи.

— Вояки нашлись, — продолжала Галя. — Один с дубиной, другой с орясиной.

И накаркала. Застучали в окно.

— Выходи!

Сенным оконцем выбрался наружу, затаила в мокрых лопухах.

— Как придет, чтоб сообщила, — услышал с крыльца.

Зацокали подковы и у соседнего дома стихли. Звякнуло стекло. Взвыла собака. Грохнул первый в городе выстрел. Началось.

Вывел я огородами своего конька, плюхнулся на широкую спину, ударил пятками. И закружила по лесам и селам моя беспокойная партизанская тропа. Обрядился в косматую папаху с алой лентой, перетянул ремнями грудь, повесил сбоку пашку и маузер. Тосковал об одном: осталась дома верная голосистая подружка с алыми мехами.

— Не кручинься, друг, вызволим твою милую, а то и новую достанем, — обещали дружки-партизаны.

— А оно бы кстати, — замечал кто-нибудь: погрелись бы, а то вишь как жмет.

— С голодухи-то, пожалуй, не тово, — начинался обычный разговор.

— Чего не тово? Ежели вприсядку, то в самый раз.

— И когда эта зима только кончится?

— А чего тебе зима? Вон клест, ждет зимы не дождется, вьет гнездо да орехи пощелкивает.

— Ну, я не клест, меня орехами не накормишь и баснями гоже. Пойти в разведку что-ли? Чего-сь может и раздобудем, Андрюха. Идешь? Айда к командиру.

Огородами подползали к хате и, разузнав новости, возвращались нагруженные провизией. В одну из таких вылазок хозяин хаты подал мне узелок.

— Это тебе.

— От кого?

— И не знаю. Привез связной из города. Женщина какая-то передала.

В узелке оказались: теплый вязаный свитер, носки, перчатки.

— Ай да жена! — похвалился товарищам. — Знает, что партизану нужно.

Сняла зима суровую осаду, выбили мы белых из прибрежного села. Первая победа. Сколько радости, сколько надежды в глазах крестьян!

Кто-то пустил слух, что сверху на помощь белым идет пароход.

— Вот бы из пушки по нему, — размышлялся командир.

— Будет пушка! — восторженно воскликнул я. — Зря что ли мозоли молотом набивал.

У кузни, на самом берегу, запылал горн. Нашли трубу, обложили ее деревом, а поверх набили кованые обручи.

— А ну, заряжай, попробуем, — распорядился командир.

Заложили пороху и сунули в жерло двухфунтовую гирию. Собрался весь отряд и половина жителей села.

— Выцеливай на ту сторону.

— Не достанет.

— Километра на два швырнет.

— Берегись! — Я поджег порох и отскочил в сторону.

Пушчонка слабо охнула.

— Не видать всплеска-то...

— Значит, в лес ушла...

— Да вот она гирька-то, дяденьки, еще горячая. — Босоногий карапуз выковырнул ее из песка в трех метрах от пушки. Все неловко замолчали. Кто-то из сельских хихикнул.

— Добивать пороху. Заряжай!

— Пароход! Пароход! — завопил карапуз. Все оглянулись.

Сверху на всех парах шел белый пароход. На палубе суетились солдатские фигурки, должно быть, устанавливали пулемет.

— Беляки! Тикай! — кинулись в село жители. Партизаны схватились за оружие, попадали кто где стоял.

— По пароходу из пушки пли! — зычно разнеслось над рекой.

Пушка страшно грохнула и перевернулась. В стороны полетели обшивка, обручи. Но на пароходе поднялась паника. Нос его круто развернулся к другому берегу и наскочил на мель. Видимо одурев, капитан схватился за сигнал, и все вокруг огласилось суматошным свистом пара. Белые кидались в реку, вплавь добирались до берега и скрывались в лесу. По ним неторопливо, на выбор, били партизаны. Победа была полной.

В одном из убитых опознал я сына прасола, Дашиного мужа. Долго стоял над ним, думал: «Вот и встретились на узкой дорожке. В партизаны пошел бы ты — простил бы я тебя за отнятое счастье. А сейчас, может, и моя пуля нашла тебя — не жалко. Поделом. Но, Даша, Даша, как-то она перенесет эту утрату? Может, и забыла первую любовь, и полюбила этого».

В стычках и схватках вела меня дорога к знакомым местам. И вот с криком: Ура-а! — мчусь я по опустевшему родному городку вслед за врагом, припавшим к шее вороного коня. Ближе. Ближе. Уже шашкой можно дотянуться до крупы вороного. Краем глаза вижу женщину, перебегающую улицу. Плохой знак для тебя, беляк. Шашка, тонко свистнув, описывает полукруг, и я сдерживаю коня. У забора, широко открыв большие, черные глаза, прижалась женщина.

— Даша!

Глаза все те же, как тогда, под черемухой.

— Ура-а! — накатывается на улицу, и разгоряченный конь, встав на дыбы, махом уносит меня от крепкого бревен-

чатого дома, от юности, от глаз Черемушки. Хотел было заворотить коня, рассказать о муже, но махнул рукой. «Пусть не я буду черным вестником, пусть не думает, что радуюсь чужому горю».

Остатки врага стремительно откатываются к границе. Мне только на миг удастся заглянуть домой, прижаться небритой щекой к лицам родных. И снова голос горна вскидывает меня в потное седло.

— Спасибо, родная, за посылку, — вспомнил я уже у ворот.

— Какую? — не поняла жена.

— За свитер, носки. Душу ты мне согрела.

— Чего-то не пойму я, Андрей. Не посылала я.

— Не посылала? Кто же мог?

«Уж не Даша ли? — мелькает догадка. — Кому больше. Не забыла Черемушка».

Еще не замолк горн, еще храпят раненые и уставшие лошади, последние удары сабель еще высекают искры, но уже нашупали пальцы знакомые до мельчайшей щербинки клавиши, подобрали победный мотив и понесли его «по долинам и по взгорьям» к остывшему горну.

Отковал я первый лемех, отошел, отогрелся у горна и у семейного огонька и вроде бы успокоился. Но заехал ко мне как-то Сашка Маленький и разбудил старую рану. Ни о чем я не спрашивал — сам навязался. Погостил три дня, обделал свои дела в городе и уже по дороге на вокзал спросил:

— Рассказать?

— Говори.

— Мужа-то у Даши убили...

— Знаю.

— И от своих ушла...

— Да не тьяни ты.

— Одна живет. Все вроде ищет кого-то... Может, передать что ей?

— Зачем. У меня семья.

И что редко со мной случается, напился я в тот вечер и, говорят, обнимал столб, шептал что-то ему о рябинушке. Только, по-моему, это неправда — причем же тут рябинушка?

Заложил я в том году садик перед окнами. Себе тополь, супруга березу пожелала, детям по яблоне. Хотел еще черемуху посадить, да посмотрела на меня жена этак выразительно, и отступил я.

Выросли деревья, выросли и дети. Разъехались кто куда.

Остались мы вдвоем да и то ненадолго. Заглянула к нам седая, поманила пальцем мою подружку, и загрустил я в опустевшем доме.

А тут, как на грех, на пенсию пришлось выйти — совсем делать нечего. Днем еще в саду копаюсь, все-таки работа, и

от разных мыслей отвлекает, а ночью лежишь без сна и невольно прошлое припоминается.

Заметил я, что все тяжелое и грязное в жизни словно бы призабылось, а вот хорошее да светлое крепко держится.

Только это светлое-то у меня нет-нет да и туманом подернется, а бывает так: когда вспомню о своей черемухе, кольнет в сердце и грустью, как волной, затопит.

«Полно, забыть бы пора», — упрекну себя, а сам одну за другой папироски раскуриваю. И что еще странно: чем больше стараюсь забыть о Даше, тем чаще о ней думаю, даже, чего прежде не случалось, сны начал видеть и ее, всю лепестками, как звездочками, усыпанную.

Прوماешься так-то ночь, смотришь, уже и окно посветлело. И потянуло меня очень навестить ее, — авось блажь пройдет, — себя обманываю. Загляну в зеркало и смех возьмет: борода и виски отсвечивают, а в голове мысли какие-то шальные: «Вот тебе и бес в ребро...»

«Зачем ей такой нужен?» — спрашиваю себя, а втайне знаю, твердо знаю: ждет меня Даша, пока не приеду, ждать будет — такая уж она есть.

День отъезда выдался по-осеннему дождливый, но на душе у меня было радостно и тепло. За окном вагона сквозь дождь стараюсь рассмотреть дороги и перелески, по которым провела меня беспокойная молодость, и чем ближе к городу, тем дальше уношусь памятью вплоть до детства.

Вот и река, на берегу которой по всей ночи голосила моя давно отжившая гармошка. Здесь я встретил ее. А вот улица, на которой жил.

Где эта улица, где этот дом?..

Вот он, почернел и осел в землю. Ба, и черемуха на том же месте, неужто от старого корня выросла? Редкие листья чуть тронуты желтизной, роняют на землю тяжелые, чистые капли, вроде плачут.

Чье это лицо мелькнуло в окне?

Брякнула щеколда.

«Даша!» — чуть не вырвалось у меня. Нет, не она, другая, совсем не похожая, полная, пожилая женщина.

— Вам кого?

— Я хотел бы видеть Дашу... Копосову Дашу...

— А вы ей кто будете?

— Я?..

Женщина пристально всматривается в мое лицо.

— Уж не Андрей ли, извините, не знаю, как по батюшке?

— Он самый, — обрадовался я.

На миг лицо женщины осветила улыбка, но тотчас сбежала, спряталась в уголках опущенных губ.

— Что же я держу вас под дождем? Заходите. — И зябко повела плечами.

Раздеваясь, я бросил взгляд на стены и встретился с веселыми, озорными глазами Дашиного портрета.

Устоявшийся густой запах в комнате показался мне незнакомым, как и все вещи в ней, поблекшие от времени и старомодные, и как ни старался я, не мог найти ничего напоминающего о своей юности.

— Где же Даша? — спросил я и старался прочесть ответ в глазах женщины, но она отвела их в сторону, а с губ ее, как листок с дерева, слетело чуть слышное:

— Умерла. — И еще тише: — Этой весной.

Она еще говорила о том, как Даша всю жизнь ждала, верила, что я приду, жила этой надеждой, но я словно оглох и как сквозь вату слышал ее грустный далекий голос.

Я опоздал. Я хотел вернуть прошедшее и забыл, что черемуха цветет только весной.

Электронная библиотека АКУНЬ, akunb.ru

ФЕДОР ЩЕРБАКОВ

СТАРАЯ КУРЛА

Костер пылал, разбрасывая искры. Вода в котелке заходила кругами, увлекая в водоворот случайно залетавший уголек. Сакыл, не вставая с колен, вынул из торбочки небольшой расшитый мешочек, достал из него щепотку кирпичного чаю и бросил ее в котелок. Все это он проделал неторопливо, размеренными, привычными движениями. Потом так же неспеша опустился на потник, подвернул под себя ноги и, посасывая трубку, опять устремил неподвижный взгляд на огонь.

Он был потомственным охотником. Родители ему и имя дали охотничье — Сакыл (белка). Длинными вечерами в разговорах у костра (а по-русски Сакыл говорил довольно хорошо) я постепенно узнавал своего друга. Этот человек, исходивший алтайскую тайгу вдоль и поперек, немало насмотрелся на своем веку всякого — и плохого и хорошего. Как-то я спросил Сакыла о его возрасте.

— Не знаю, когда родился, не помню. — попробовал отшутиться он.

Но я повторил вопрос.

— Вот, посмотри бумажки, там есть все. Зовут как, отца как звали, родился где — все. Ты грамотный, разберешь.

Сакыл к бумагам относился с каким-то суеверным благоговением. Вот и на этот раз он так бережно достал из нагрудного кармана гимнастерки пакет, завязанный в носовой платок, так осторожно подал мне, что я не выдержал и улыбнулся. Сакыл укоризненно покачал головой:

— Зачем смеешься, бумажка умней человека бывает. Ты много не знаешь, бумага все знает.

Я с интересом стал перебирать, аккуратно сложенные бумажки. Были тут удостоверение колхоза, «выданное бригадиром охотников», удостоверение сельсовета, квитанции пункта «Заготживсырье» на пушнину, вырезки из областной

газеты за 1948-й год. В большую статью «Знатный медвежатник области» была врезана фотография. На меня смотрело знакомое лицо с неизменной трубкой в зубах. «Сто девять медведей на счету Сакыла», «двадцать две рыси, четыре россомахи и множество других хищников уничтожил алтайский следопыт» и все в таком же духе.

Я взглянул на своего товарища, он невозмутимо ковырял длинной палочкой в костре.

— Так ты, оказывается, знатный человек, Сакыл? — сказал я, возвращая ему бумаги. (В одной из них говорилось, что Сакыл родился в 1893 году). — Наверно, и премии не раз получал.

— Маленько получал.

Как бы давая понять, что разговор на эту тему ему не по душе, Сакыл поднял голову и, медленно поглядев на небо и по сторонам, сказал:

— Однако, дровишек мало мы с тобой припасли, утром мороз будет.

— Насчет дров не беспокойся, Сакыл, я еще схожу, принесу (мне очень хотелось, чтобы охотник разговорился). А вот ты мне лучше скажи, почему твоя старая берданка бьет лучше моего нового ружья?

Старик долго выколачивал о конец головки трубку, потом достал из кожаного кисета листовую табак, тщательно растер его в ладони. Прикурив от уголька, ответил:

— Хорошее ружье редко попадает, купить трудно. Было когда-то у меня доброе ружье — да люди извели в старое еще время, молодой когда был. Долго рассказывать, да уж начал, так расскажу.

Уловка моя удалась...

. . .

Жил тогда Сакыл с отцом и матерью в Семинской долине. Отец его, Сарас, был хорошим охотником. Рослый, плечистый, он не раз один хаживал с ножом на медведя. Но вот (Сакылу тогда исполнилось восемь лет) случилось с отцом несчастье: сильно помял его медведь, еле-еле Сарас домой помирать дотащился.

Перед смертью сказал жене:

— Трудно вам будет жить одним, но продавай, что хочешь, а курлы не шевели. Подрастет Сакыл — кормить семью будет.

О ружье Сараса шла добрая молва по всей округе: от пули этой курлы еще ни один зверь не уходил.

— Ружье это не простое, — продолжал Сарас. — Кто и где его изготовил, не знаю, а только нет ему цены за меткий бой. Друг мне его на память оставил, беречь наказывал...

После смерти хозяина висело ружье в аиле шесть лет. Много охотников давали за него хорошую цену, но вдова твердо выполняла завещание мужа.

Винтовка висела, а Сакыл рос. И вот исполнилось ему четырнадцать лет. Уже второй год он постреливал дичь из дедова старого дробовика, а на курлу только поглядывал — не давала ему мать в руки это ружье. Но когда сын раздался в груди и ростом перегнал мать, а в хозяйстве нужда наступила на горло, позволила она сыну сходить с курлой на охоту за кураном — самым косули. Чуть не каждый вечер трубил тот на ближних горах, беспокоя собак, зажигая сердца охотников.

Быстро собрал Сакыл припасы и, едва дождавшись утра, отправился в горы. Нелегкой была охота. Немало времени пришлось ему вылежать в засаде у тропы, пока пришел зверь. Но терпенья у парня хватило бы на целую неделю, только не вернуться с пустыми руками.

И вот зашелестела высокая трава, хрустнул сучок, из-за кедров показались ветвистые рога, и куран вышел на опушку. Забыв про все на свете, не дыша, Сакыл медленно повел стволом ружья и спустил курок. Когда дым разошелся, у него от радости часто-часто заколотилось сердце — ружье не подвело, куран лежал, зарывшись головой в куст маральника.

...В тот вечер Сакыл впервые важно восседал на мужской половине аила и неспеша принимал из рук матери куски жирного мяса.

Незаметно для себя, Сакыл превращался во взрослого охотника. Почти ежедневно бродил он с ружьем по горам, все дальше и дальше удаляясь от стойбища. Уже были встречи и с медведем, и с маралом — верная курла не изменила ни разу. Мать за медведя выменяла хорошего коня, и теперь Сакыл, как заправский охотник, гарцевал мимо юрт с прославленным ружьем за плечами. Все шире расходилась слава о старой курле.

Как-то раз заехал к ним приказчик самого Воротникова, шебалинского купца-богача. Целый вечер уговаривал он Сақыла уступить винтовку за большие деньги, но тот не хотел и слушать. Под конец приказчик — фамилия его была Степанов — даже грозить стал, но все было напрасно, и он уехал ни с чем. Тревожно стало на душе у бедняков. Мать охала и вздыхала весь вечер. Посуровел Сакыл с того дня, стал избегать людей, почти все время старался проводить на охоте.

...

Людно в Шебалино. Празднуя зимнего Николу, хмельной народ, обнявшись по двое, по трое, а то и целыми ватагами, гулял, переходя с песнями из избы в избы, рекой лилась рус-

ская водка и алтайская арачка. Особенно шумно было у Воротникова. Сегодня у него в гостях сам исправник из Бийска, чиновник из Улалы, купцы из Алтайского, Черги и Онгудая. В просторных горницах толпятся приказчики с женами, местные мужики-богатеи.

Бородатый хозяин, плотный и высокий, с медно-красным, блестящим от пота лицом, в чесучевой рубашке с расстегнутым воротом, охрипшим голосом приглашает и потчует всех. Жена и дочь сбились с ног, разнося дымящиеся блюда.

Тучный исправник, заядлый охотник, еще при входе заметил на стене централку «три кольца» и после угощения попросил хозяина показать ее. Купец с готовностью повел гостя в переднюю комнату и снял ружье с гвоздя.

— Из Бельгии, ваше благородие, выписал, триста целковых, как одну копеечку, отдал! — хвастливо сообщил он исправнику, подавая «зауэр».

Тот, повертев двустволку в руках, сказал:

— Ружьишко, видать, ничего. А как бой? Не испробуем?

— Что за разговор, конечно, можно испробовать, — ответил Воротников и громко объявил гостям о том, что он и господин исправник решили состязаться в стрельбе.

Желающих поглазеть оказалось немало. Шумно вышли во двор. На заборе прибили бумажку с нарисованными углем кругами и начали палить. Победил исправник. Хоть и купец был не из последних стрелков, а все же проиграл: или хмель мешал целиться, или нарочно мазал в угоду почетному гостю.

Долго хвалил исправник хозяйский «зауэр». Польщенный купец самодовольно перебирал пальцами бороду. И тут легкая дернула Степанова:

— Централка, конечно, стоящая, а вот я знаю ружье лучше.

— А ну, скажи, где такое? — окрысился задетый Воротников.

— У одного парня — алтайца, вниз по Семе.

— Что за алтаец?

— Сакыл... сирота, с матерью живет.

— Быть того не может! Откуда у алтайца хорошее ружье? Централка? Винтовка? — допытывался купец.

— Старая алтайская винтовка, курла кузнецкой работы. Давно уж я слышал про нее, хотел для вас, Илья Карпович, в подарок купить, целый вечер уговаривал парня — ни в какую не соглашается!

Тут словно сдурел купец.

— Чтоб у какого-то босяка да ружье было лучше моего? Запрягай, Степанов, сейчас же Воронка с Галкой и духом привези мне этого парня вместе с его курлой. Пряников возьми, платок ситцевый — матери подарок. Проси, чтоб сына от-

пустила. Скажи: пусть только приедет в цель пострелять, меткость свою показать, гостей моих потешить. Скажи: если хорошо будет стрелять — награжу, как надо!

Подвыпивший приказчик мигом заложил пару вороных в легкую кошевку и погнал крупной рысью по накатанной зимней дороге.

Раскормленные, застоявшиеся кони шутя несли легкие санки. Слева тянулся тальник, меж его кустов изредка показывалась неширокая белая полоса замерзшей Семы. Но капризная река не везде поддавалась морозу: в местах, где горы слишком сжимали русло, Сема билась зверем, перехватывая пудовые камни, пока с шумом не прорывалась в долину. В узких местах мороз был не в силах бороться с рекой, и она, свободная, грозно ревела и пенилась над камнями белыми бурунами. Дорога все время шла под гору и не пролетело часу, как Степанов подъезжал к юрте Сакыла.

Как ни отказывался тот от поездки, как ни противилась мать, а все же подействовали подарки купца и уговоры проныры-приказчика.

...

Ожидая возвращения Степанова, купец и исправник сидели в отдельной комнате и рассказывали друг другу всевозможные охотничьи истории. Наконец, послышался звон колокольчиков, а вскоре появился в комнате и Степанов.

— Привез удалого охотника вместе с его ружьем, — улыбаясь, доложил он хозяину и, обернувшись к Сакылу, сказал: — Покажи-ка курлу Илье Карповичу!

Воротников уже подходил с протянутой рукой. Сакыл боязливо подал винтовку. Тяжелое ружье непривычно оттянуло руку; купец долго осматривал его со всех сторон.

— Ну, давай пробовать, — сказал Воротников, передавая ружье исправнику. — Как тебя звать-то? — обратился он к Сакылу на его родном языке.

Парень назвал себя, свою мать и урочище, где стоял их аил.

— Если твое ружье бьет метче моей централки — на рубаху сатину тебе подарю и весь сегодняшний праздник гулять у меня будешь!

Сакыл промолчал.

Живо соорудили две цели: для курлы на сто сажен и для централки, которую для такого случая зарядили жеканами — на двадцать пять. Приз взяла курла. Три пули подряд всадил в верхковый кружок Сакыл, а у купца из трех выстрелов только два оказались удачными.

Сколько ни просили купец и исправник, не дал им парень стрелять из своего ружья.

— Мне отец наказывал никому не давать стрелять из курлы, а то она попадать в зверя не станет, — упрямо повторял он.

Обескураженные хозяин и гость, обидевшись, оставили его в покое. Однако слово свое купец сдержал: велел сейчас же отмерять Сакылу четыре аршина на рубаху и угощать его как гостя до вечера.

Но Сакыл не хотел угощаться. Как только хозяин и гости ушли, он выбрался с воротниковского двора и отправился к знакомому плотнику Захару, у которого решил переночевать. Захар раньше тоже охотничал и не раз ходил вместе с Сарасом на марала и медведя. Сакыла он встретил приветливо. Расспросил о житье-бытье, поздравил с победой у Воротникова и, между прочим, заметил:

— Ты подальше держись от богатеев, Сакыл. Обидят они тебя. Нас, русских переселенцев, и то во всю прижимают, а вас, алтайцев, они и за людей не считают. Знаю я Воротникова, ох, как знаю. Выпил он моей крови немало, пока я у него в работниках жил.

Переночевал Сакыл и утром ушел домой.

Запала Воротникову мысль в голову — любым путем добыть курлу. Он перебирал в уме всякие способы, пока, наконец, не придумал.

— Слушай, Степанов, — сказал он как-то приказчику, — найди-ка ты какого-нибудь охотника-выпивоху и подговори сходить с этим Сакылом на медведя. Пусть сумеет во время охоты утащить курлу, да так, чтоб никто не подкопался. Ты потом винтовку у него купишь, и дело с концом!

На злое дело мастера не требуется. Подослал Степанов к Сакылу одного пьянчугу, готового за рюмку водки на все, и сманил тот парня вдвоем на медведя идти. Нашли жилую берлогу, коней отвели подальше под ель, где было много сухой травы, не засыпанной снегом.

— Иди, Сакыл, подразни зверя валежиной, а как зоворачается — беги ко мне, вместе стрелять будем.

Парень отдал ружье товарищу, выворотил сухую елку и принялся ползать медведя. Как только стал тот выходить из берлоги, Сакыл бросил валежину и скорее к ружью. Смотрит: товарищ его бежит прочь и курлу в руках держит, а берданку свою оставил. Оторопел на минуту Сакыл, но зверь уже шел на него. Схватил парень берданку, дернул затвор — не поддается. «Заржавел затвор», — мелькнуло в мозгу. Бросил он ружье и бежать. Да ведь по снегу пешему от медведя далеко не уйти — пришлось карабкаться на первую ель. Зверь был крупный, за человеком на дерево лезть поленился, потоп-

тался немного внизу, рывкнул для острстки и вразвалку двинулся в тайгу.

...Поздно вернулся Сакыл в свою юрту и без добычи и без ружья. Всю ночь он глаз не закрыл, ворочался, матери спать не давал — спрашивал, скоро ли утро. А чуть светлеть стало — оседлал коня и отправился к товарищу. Застал его в постели.

— Заболел, брат, испугался зверя вчера, — торопясь, оправдывался тот, не глядя Сакылу в глаза, — и курлу твою бросил — шибко тяжелая, боялся, до коня не успею добечь. Со страху-то я перепутал, заместо берданки курлу твою схватил... Как теперь, брат, искать будем — не знаю. Сам-то я не могу, как есть больной... Ты посиди, хозяйка сейчас придет, поесть чего-нибудь соберет тебе с дороги...

Расспросил хорошенько Сакыл, где тот бросил курлу, и поехал на поиски. Весь день топтал сугробы в тайге вдоль следов своего вероломного товарища, но, не найдя ничего, опять вернулся к нему. На этот раз того и дома не оказалось, только жена управлялась по хозяйству. Стал осторожно ее расспрашивать Сакыл про мужа, но та сразу же разразилась бранью:

— Вон иди, полюбуйся на своего дружка — пьянешенек лежит в грязи у кабака. Как вернулся с охоты, так и загулял. Ружье-то, которое у тебя на берданку выменял, он Воротникову продал.

Сакыл молча вышел, сел на коня и тихо поехал домой.

—...Так я и расстался с курлой. Доброе было ружье, сейчас еще жалко, — закончил Сакыл свой рассказ.

— А купец долго охотился с этим ружьем? — спросил я.

— Сказывали люди, ни одного зверя не убил Воротников из курлы. Стал он стрелять в глухаря или еще в кого, и разорвало у него ствол. Грязь, видать, в ствол набилась.

Годов двенадцать еще пожил купец. А когда убежали богатеи вместе с белыми с Алтая, догнала его партизанская пуля. Я тогда тоже маленько партизанил. Нельзя без этого. Когда весь народ встал и добывать хорошую жизнь пошел, — как дома сидеть будешь? Больше года по тайге с отрядом ходил. Не одну засаду там белые ставили, да я тайгу маленько знаю, всегда людей на место выводил. Жизнь-то такими вот руками делали. Поиезжай в наш колхоз, посмотри, как я живу: айла нету, все! В избе живу — колхоз делал. Председатель говорит: «Отдыхай, Сакыл, много работал, полезай теперь на печку».

Сакыл раскурлил трубку и добавил:

— Пускай старик лезет на печку, а Сакыл, как снег падет, еще на медведя сходит, шибко пакостить зверь начал этот год. Однако, чай-то мы с тобой будем пить или нет?

Чай давно был готов, котелок наполовину выкипел. Я развязал рюкзак и принялся доставать продукты.

ВАСИЛИИ ОМЕЛЬЧЕНКО

ОГОНЬКИ

Такой весны давно не было на Алтае. Нагрянула она неожиданно и дружно. Повеселевшие лиственницы зазеленели нежными и мягкими пучками иголочек, на горных осыпях посвежел вечнозеленый казацкий можжевельник, буйно расцвел маральник. По камням беспечно запрыгали звонкие ручьи.

На крутом северном склоне горы Урмат, поросшем мохнатым кедрачом, пихтой и березой, в высокой продолговатой пещере расположился партизанский отряд Григория Пивня. В пещере был полумрак. Пахло сыростью, едким табачным дымом, хвоей. Вблизи от выхода, в неглубокой нише, чадила керосиновая лампа с треснувшим и обвернутым пожелтевшей бумагой стеклом. По неровностям ниши металась уродливые тени, которые иногда набегали на двоих, присевших на выступ людей. Один — плотный, быстроглазый, с оспянными рытвинами на бритом лице, брови — одна выше другой — Григорий Пивень. Второй — худощавый, смуглый, с черным редким пушком на верхней губе — Алешка Седой. Седым прозвали его за то, что на голове среди темных перепутанных кудрей рос у Алешки белый клочок волос.

— Все ясно?

— Как пить дать! — отдельно ответил Алешка и тут же быстро поправился. — Так точно!

— Тельняшку сними, — стрельнул Пивень глазами на выглядывавшие из-под косоворотки сине-белые полосы.

Алешка кивнул головой, пошел к выходу.

Сухой, пахучий ветерок дохнул в лицо. На ветвях засохшей пихты развешивала сушить выстиранные бинты круглолицая, в огромных солдатских сапогах, девушка. Из-под цветистой косынки ее выбилась светлая прядь волос. Легким

движением головы девушка отбросила ее со лба. Заметив Алешку, подбежала к нему.

— Опять?

Он будто не расслышал вопроса. Снял косоворотку, сдернул грязную тельняшку, протянул ей:

— Сполоснешь, Любаша, а?

— Угу, — ответила девушка и пытливо посмотрела на Алешку. От долгого ее взгляда у Алешки голова кругом идет, из-под ног земля уходит. Глаза у Любаши серые и такие большие, будто она увидела однажды что-то очень интересное, широко открыла их да так и осталась. А темные брови ее изогнулись от этого тонкой подковкой. Алешка не выдержал и опустил глаза. Наклонившись, поднял сухую ветку, разломил и, отбросив далеко в сторону, вздохнул:

— Так, Любаша, надо.

...К заходу солнца Алешка был у цели. Отсюда, с горы, село видно, как на ладони. Вот хлюпкий мосток через речушку, которая за старым кладбищем вливается в Катунь, вон с обгоревшей колокольней церковь, а там, под самой скалой, прилепилась Алешкина избенка. С прошлой зимы он не был дома, с тех самых пор, как бандиты повесили отца. Что-то сейчас делает мать? Сидит, наверно, у окошка и, собрав в трубочку морщинистые губы, вышивает рубашку, ту, которую обещала еще к прошлой весне.

Алешка приоткрыл рот, вытянул шею. Из проулочка, поднимая пыль, показался табун лошадей. Сопровождали его несколько голых до пояса всадников. Кони были хорошие и, как на подбор, все вороные. Алешка, шевеля губами, считал, загибая на каждом десятке палец. Когда табун остановился на берегу и кони, помахивая хвостами, опустили морды к воде, Алешка в счете за сотню перешел.

Значит не ошибся Пивень. Казачья банда атамана Шмынды здесь засела передохнуть. Во дворе кулака Быстрова стояли распряженные тачанки. Там было многолюдно, шумно. Где-то играла гармошка. Темнота опустилась на село быстро, как всегда в горах. Избы засветились желтыми окошками, на краю села задымились костры. Под навесом крайней избы торчал то ли ствол пушки, то ли просто дышло от телеги. Ухватившись за ветку маральника, Алешка до боли в глазах вглядывался в темноту и неосторожно подался вперед. Камень под ногой оборвался и, увлекая за собой другие, загрохотал по осыпи.

— Стой! Сто-о-ой! — раздалось слева. Трахнули выстрелы. Присев, Алешка шмыгнул в густую лошину. Сзади грузно топали звенящие по камням сапоги, шелкали затворы.

— Пи-у, пи-у, — просвистели пули.

Алешка бежал, изредка оглядываясь и поминутно, как загнанный зверек, шарахаясь из стороны в сторону. Лощина

становилась круче и круче; Алешка уже не бежал, а лихорадочно карабкался, припадая к камням, чтобы перевести дыхание. Глухо и буйно билось сердце. Под ноги что-то попало. Споткнулся. Только стал подниматься, как кто-то грузно навалился на Алешку и, заломив руки, больно прижал лицом к холодному камню:

— Лежи, сволочь, морду сворочу!..

• • •

Солнце поднялось высоко. Партизаны уже пообедали и гремя котелками, плескались у веселого ручья. А Алешки все не было.

На мягких еловых лапках, рядом с рыжебородым дедом Федором, сидела Любаша. Нахмурив изогнутые брови, что-то беззвучно нашептывая, она чинила недавно высохшую тельняшку. Мимо прошел Пивень. Любаша порывисто вскинула на него глаза, но он, чем-то занятый, поспешно свернул в сторону. На девушку даже не взглянул.

...В сарае мрак. Сквозь крохотную щелку в стене пробилась узкий прямой луч солнца, озорно уперся в Алешкино колено. В луче неторопливо приплясывали невесомые пылинки. За дверью равномерно вышагивал часовой.

Алешка думал о Любаше. Глядя на тонкий солнечный луч, он видел не его, а большие пытливые глаза Любаши. Странная какая-то она. На людях, смеется над ним, подзадоривает, а если останутся вдвоем, будто воды в рот наберет. Первый раз заговорила она с ним, когда, возвращаясь из разведки, он принес ей букет желтых огоньков.

— Красные бы мне посмотреть, — проговорила тогда Любаша, — только нет их тут. — И добавила, что слышала от стариков, будто красные огоньки растут где-то высоко в горах на солнечных склонах, там, куда никогда еще не забирались люди.

Алешка хотел сказать, что обязательно найдет эти цветы и принесет ей, но почему-то, немного растерявшись, сказал другое:

— Да, растут... тоже слышал...

Именно тогда решил он во что бы то ни стало разыскать эти красные огоньки. С тех пор он думал об этих цветах часто. Представлял, как обрадуется красным огонькам Любаша, и ему становилось весело. А сейчас, облокотившись о стену сарая, он думал о том, что, наверное, так и не осуществит он свою мечту, не увидит счастливых Любашиных глаз. И ему до боли было жалко и себя, и Любашу, и этих красных огоньков, которых, может, и вовсе не существует...

Загремел засов.

— Эй, выходи!

Изба богача Быстрова просторная, чистая. От порога до стола распласталась широкая ковровая дорожка. В углу, под потолком, дорогие иконы, на подоконниках нежились на солнце цветы.

Четвертый раз за этот день Алешка входил сюда. Вдоль стола, скрипя сапогами, вышагивал сам атаман Шмында. Кривые кавалерийские ноги его набухали у бедер широкими наплывами галифе с красными лампасами. Прямые, острые, как стрела, атаманские усы нервно подергивались. Алешка хорошо знал Шмынду. Это по его приказу в прошлом году повесили отца на воротах; это он приказал завалить камнями двух раненых продотрядовцев.

Алешка старался держаться гордо, бодрился, как и подбаивает красному партизану, однако вид у него был далеко не внушительный. Глаза потускнели, ввалились. Нижняя губа распухла и отвисла. Штаны на коленях продраны. Тело ломало, в голове шумело, будто палкой в ней помешали.

Шмында, вобрав голову в плечи, подошел к Алешке вплотную и впился в него черными, как уголь, глазами.

— Ну?

По-ребячьи шмыгнув носом, Алешка проглотил застывшие там сгустки крови и, выдержав взгляд атамана, медленно покачал головой. Шмында сверкнул зубами:

— Красный щенок! — и наотмашь секанул Алешку плетью. — Увести.

Алешку увели. Атаман достал платок, вытер налитое кровью лицо, устало опустился на подставленный ординарцем стул. Затяжно выругавшись, он налил стакан самогону.

— У них вся такая порода, — глядя в окно, сквозь зубы процедил Шмында и брезгливо бросил ординарцу: — В расход!

Хорошим было это весеннее утро. Теплое. Солнечное. В ярко-синем глубоком небе привольно парил молодой ястребок. Легкий ветерок приятно остужал Алешкино лицо, через которое от лба к подбородку пролег багровый рубец, память о близком знакомстве с атаманом Шмындой, в затекшие запястья намертво впилась веревка из белого конского волоса.

Алешка, волоча ноги, шагал по улице, а по бокам на вронных конях покачивались в дорогих седлах сынки богача Быстрова Гаврила и Сенька, Алешкины одногодки. Давно ли они вместе лазили по чужим садам и огородам, давно ли играли в казаков-разбойников? Алешка всегда был разбойником, а Сенька с Гаврилой — казаками. Уж больно любили они ловить... Так же, как сейчас, они не однажды водили Алешку на казнь; только тогда они были без коней, а в руках, вместо карабинов, держали палки. Сколько раз тогда он убегал от них! А теперь... Алешка порывисто перевел дыха-

ние. «Конец играм», — горько подумал он. Так и хотелось крикнуть: «Эй, огольцы, кончайте эту глупую игру, устал я!»

Из проулка с распростертыми руками выбежала мать.

— Алё-ё-шка... сын-о-ок...

Трое бандитов схватили ее, поволокли во двор, втолкнули в засмоленную черную пасть предбанника. Дверь колом подперли. Алешка заскрежетал зубами, подавил рвущийся наружу стон. Но не крикнул, не заплакал, только напрягся и шагать стал бодрее.

Когда вышли за село, Алешка попросил развязать ему руки — уж больно отекли они.

— Бойтесь, что ли? — вызывающе оглянулся он на конвоирующих.

Сенька промолчал. Гаврила что-то угрюмо буркнул, но потом склонился, перерезал шашкой веревку.

Миновали Черный бом. Поднялись по змеистой горной тропинке на пологий косогор. Здесь кривилось серыми, выцветшими крестами старое кладбище. Одна сторона его обнесена неглубоким рвом, другая заросла густым кустарником и круто обрывалась берегом говорливой Катунь. Не верилось почему-то Алешке, что вот сейчас, через сотню шагов, не станет больше его. «Ну, как это? — думалось ему. — Вот люди, вон на Плешивой горе дымится чей-то костерок, а вот, на бугорке, приподнявшись на задних лапках, удивленно смотрит на него отошавший за зиму суслик. Испугался чего-то, свистнул, юркнул под камень. Солнце обжигает распухшие губы. Хочется пить». Вот и пить — тоже хочется, — мечется в Алешкиной голове навязчивая мысль. — Вижу все, слышу, чувствую и вдруг это все должно исчезнуть?

Кони, позвякивая подковами, жарко дышали прямо в Алешкины уши. Шагах в десяти, за плотной стеной колючего кустарника шумно радовалась весне Катунь. Душно стало Алешке, так душно, точно намертво перехватили ему горло.

— И-эх! — выдохнул он что было мочи и в тот же миг вразмашку двинул кулаками по лошадиным мордам. Кони шарахнулись в стороны. Алешка лисой метнулся через кусты к катунскому крутоярию...

Вдогонку хлестнули выстрелы. Да куда там, довольно, что Алешка однажды оплошал. Лишь мгновение заколебался, глянув в трепетную голубоватую бездну. Но тут же гикнул для бодрости и что было сил толкнулся ногами. Пока долетел до воды, сердце к горлу подкатилось, так что дыхание перехватило... В шуме воды Алешка выстрелов не слышал, только иногда впереди вспархивали белопенные фонтанчики — стреляли братаны Быстровы не ахти как.

Верстах в четырех от села Алешка выбрался на берег. Выбрался и только теперь почувствовал, до чего холодна

голубая вода Катуня. Зубы выстукивали частую дробь, а руки и ноги так светло, что конями не растащишь. Но как бы там ни было, а — жив. Жив Алешка! Покачиваясь, проковылял несколько шагов, как подкошенный свалился на горячий песок, прижался к нему щекой. Дрогнуло крепкое молодое тело, забилося в рыдании.

Только назавтра к полдню вернулся Алешка в отряд. Должил командиру как положено, вымылся, переоделся и расположился отдыхать. Но спать не хотелось. Да и какой может быть сон, если над головой раздольно раскинулось голубое синее небо, а вокруг наперебой рассыпается трелями крылатый птичий мир. Но особенно не спится Алешке оттого, что рядом с ним, подперев кулачками щеки, на которых чуть обозначаются ямочки, сидит Любаша и, не отрываясь, смотрит на него взглядом, от которого кружится голова. Говорить Алешке тоже не хотелось. На Любашин вопрос, как ему удалось уйти, он лишь пожал плечами, ответил, что и сам не знает, как. Потом сдвинул брови, губы поджал и, подумав, почти шепотом добавил, глядя вдаль:

— Понимаешь, страшно стало — убьют ведь и все... От страху и убежал...

Любаша дотронулась до его руки. Алешка словно ждал прикосновения, торопливо поймал жаркую девичью ладонь, сжал крепко.

— Любаша! — в это милое имя он вложил всю теплоту и нежность, которая была в его сердце. И впервые не он, а она отвернулась.

Набежал ветерок. Верхушки деревьев зашумели, по Алешкиной тужурке замельтешили солнечные неверные блики. Над становьем тихо лилась песня.

Там вдали за рекой,
Зажигались огни,
В небе ясном заря догорала...

Пел ее, облокотившийся на приземистый «максим», худой пулеметчик, с бледным, испытанным лицом. Песня рассказывала о том, как встретились красные разведчики с белогвардейской цепью; как, не дрогнув, вступили в неравный бой и вражеская пуля сразила молодого бойца.

— Эх, — мечтательно вздохнул Алешка, — кончится все это — хорошая жизнь будет!

Он посмотрел на Любашу.

— Построят дороги, избы хорошие... И вот приезжает к нам в село на специальной машине первый доктор советской революционной республики Любовь Васильевна Дубравина...

— А навстречу ей, — увлеченно подхватила Любаша, — идет в кожанке и с маузером на боку красный командир Алексей Розаренов.

Алешка усмехнулся в темный пушок:

— Нет, Любаша, командиром я не хочу. Не по душе мне это. Я бы хотел знаешь кем... этим, ну как его, помнишь, комиссар рассказывал, шахты которые ищут, — он пожевал губами, — как же они зовутся-то...

Любаша виновато улыбнулась:

— Забыла что-то я...

Помолчали.

— А знаешь, что он говорил? Говорил, что у нас тут в горах такое можно найти, что никому даже и во сне не снилось, — с гордостью выпалил Алешка и, прищурив задумчивые глаза, незаметно для себя подумал вслух: — Тогда и отыщу тебе красные огоньки, все горы облажу — найду.

Отряд готовился к выступлению. Нужно было во что бы то ни стало перехватить банду Шмынды, которая могла в любую минуту сняться и уйти по долине в высокогорную Чуйскую степь, а там и до границы рукой подать. К Пивню то и дело заходили люди, о чем-то говорили и торопливо расходились по своим местам. Тут и там партизаны осматривали коней, проверяли сбрую, ласково похлопывали лошадей по лоснящимся шеям, прищурив один глаз, заглядывали в стволы карабинов, щелкали затворами.

А к рассвету отряд уже расположился в засаде на таежных склонах долины, по которой, как сообщили разведчики, должна была рано утром пройти банда.

Солнце еще не взошло. Из-за гор воровато выглянула черная, как вспаханное поле, туча. Подул ветерок, принес с белков холодный запах снега. Туча быстро наполнила небо, жадно поглотила безмятежную голубизну.

Со стороны села нарастал цокот копыт.

— Знаешь что? — едва слышно спросил Алешка, наклонившись с коня к Любашке. Его рука легла ей на плечо и передала ее телу мелкую-мелкую, как от озноба, дрожь.

Раздался сигнал к атаке.

— Ладно, потом! — шепнул Алешка и, прищпорив коня, на ходу крикнул: — Береги себя!

Любаша, прижав к боку санитарную сумку, побежала вслед. Мимо крупной рысью пронеслись горячие партизанские кони.

Затрещали выстрелы.

— А-аааа-ааа! — раздалось впереди.

Дико ржали кони. Рядом чиркнула по пихте шальная пуля.

Застигнутые врасплох, бандиты спешили в узком месте долины и повернули было обратно, но со стороны села по их нестройным рядам секанул «максим». Из толпы людей и лошадей вырвался всадник на гнедом дончаке. У всадника ост-

рые, вразлет усы, ноги у бедер набухают наплывами галифе. Увидел его Алешка и обомлел: уйдет.

— Шалишь, сволочы!

И вслед дончаку рванулся Алешкин Воронок. Учужал атаман погоню, обернулся, полоснул маузерной очередью. Качнулся в седле Алешка от нестерпимой боли в левом плече. Но удержался, зубы лишь стиснул до боли. Приостановил коня, неловко, одной рукой вскинул карабин, поймал мутным взглядом мушку, которая маячила как раз на фоне сухой, изогнутой вопросом атаманской спины. Острой болью пронзила тело отдача карабина. Точно делая глубокий вздох, Алешка откинулся назад и с ходу рухнул на землю.

Пять минут не больше длился бой. По дороге в село понуро потянулась жиденьякая стайка пленных бандитов. На захваченных тачанках везли раненых и убитых партизан.

Тучи заволокли небо. Востер неожиданно пропал, деревья присмирели, точно прислушиваясь к чему-то. Воздух стал душным. Пахло гарью и пылью.

Любаша не сразу нашла Алешку. Он лежал под перекинувшейся коромыслом березкой, разбросав по сторонам руки, которые, казалось, в последнем усилии уцепились за землю; одна нога поджата, другая вытянулась и уперлась носком сапога в полынный куст. А неподалеку от Алешки глядел остекляненными глазами в небо атаман. Любаша бережно перевернула Алешку на спину. Припала ухом к груди. Живой! Рванула из сумки бинты, расстегнула раненому ворот рубашки. Алешка приподнял веки. Взгляд у него был мутный, невидящий.

— Как же это... как же это так... — растерянно бормотала Любаша, накладывая дрожащими руками повязку. Алешка напряг губы, пытался улыбнуться, в глазах на миг блеснуло прежнее — озорство и веселье. Попытался что-то сказать, но изо рта, вместо слов вырвался лишь слабый хрип.

— Вон... вон... они... — выдавил он, наконец, и приподнялся, будто стараясь лучше разглядеть что-то. — Вон... Огоньки..., — крикнул громко и, захлебнувшись, упал на руки Любаши.

— Алешка, ну Алешка! Слышишь, не надо, не на-а-до-о!
Молчал Алешка. Только горы, перебивая друг друга, су-рово и угрюмо откликнулись: на-до, на-до...

—

КОНСТ. КОЗЛОВ

В ДОРОГЕ

Мелькают, как в
кинematографе,
Леса, перелески, проселки.
Вечерние зори гаснут
На спинах горбатых гор.
А месяц серебряной лодочкой
Уже проплывает над елками.
Рулит Дементий Кириллович —
Редакционный шофер...
На спуски и на колдобины
Поглядывает с опаской он:
Тут к чёрту, мол, в пекло
• свалишься
Задаром в один момент...
Ветер поет без усталости
Над снежной дорогой тряской.
Дремлет в холодном «газике»
Фотокорреспондент.
О трудной доле газетчика
Сижусь я, друзья, и думаю.
Нахлынут воспоминания —
Попробуй, уйди от них!
Ночевки в снегах припомнятся,
Костры да скалы угрюмые.
Да холод тридцатиградусный:
Вздохнешь и захватит дых...
Порою бредешь по слякоти
С блокнотом в уремы хвойные,
Иль в ночь на стоянки дальние
Идешь к пастухам, спеша...

Дорога, ты наша дороженька,
Какая ты неспокойная,
Какая ты многотрудная,
И все-таки ты хороша!
Сильнее мы чувствуем

в странствиях
Стремительной жизни биение,
Людские печали и радости
И правду родной земли...
...Мелькают, как

в кинематографе.
Поля, перелески, селения,
Рули, Дементий Кириллович,
К колхозу «Рассвет» рули!

МНЕ СНЯТСЯ НОЧАМИ...

Мне снятся ночами
Суровые дали,
Те дали, в которых
Бывал ты едва ли,
Мне снятся ночами
Замшелые чаши
И северный ветер,
На крыльях летящий.
Горбатые сопки,
Громадины-скалы,
А в скалах проемы
Медвежьим оскалом...
...На Дальний Восток
Уходили составы,
Трясло нас в теплушках
До боли в суставах,
Но лучшая песня
Жила с нами рядом.
И пели ребята:
«Гренада, Гренада...»
Нас Зоя качала,
Мотала Буряя.
Амур на дыбы
Становился, зверея,
Звенело в ушах
Комариное лето...
...А было ли это?
Иль не было это?

Да, было! И память
Еще не забыла
Нанайское солнце —
Ночное светило,
И топи пропащие,
Морок остылый,
Цинготные рты...
Это было все, было...
Но было другое:
В краю этом хмуром
Рождался и рос
Городок над Амуром,
С палатками рядом
Упрямо вставали,
Как в сказке, дома
Из бетона и стали...
...Мне снятся ночами
Замшелые чаши
И северный ветер,
На крыльях летящий,
Амурские дали,
Суровые дали,
Где были мы крепче
Бетона и стали.

КРАЙ ПАРТИЗАНСКИЙ

В стороне от Нижнего Уймона,
Где бушует в скалах Кураган,
У подножий лиственниц

зеленых

Пролегла тропинка партизан.
В бурелом, в безмолвие глухое
Через согры вдаль ведет она.
Здесь повисла, словно перед

боем,

Чуткая, глухая тишина.
Вскрикнет птица или хрустнет

ветка,

Иль на землю скатится роса,
А тебе все кажется, что это
Раздаются чьи-то голоса,
А тебе все кажется такое:
Будто вот сейчас невдалеке
Из тумана встанет пред тобою
Человек с гранатой в руке...

Край легенд и песен, сердцу
 близкий,
Ты живешь по-прежнему
 сполна
Памятью о тех, чьи в обелиски
Вписаны навежно имена!

П. БУТУРЛАКИН

ОБНАЖЕННЫЙ МЕЧ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАВСТРЕЧУ ВОЙНЕ

Воинский эшелон спешил. На глухих полустанках, уже потрепанных бомбежками, паровоз запасался углем, с жадностью загнанного животного пил воду и снова вводил длинный состав из выдавших виды вагонов и открытых, ошестинившихся спаренными пулеметами платформ дальше на запад, навстречу войне.

В купе головного вагона ехали четверо: светловолосая и голубоглазая военный врач Валя Кайгородова, старенький, с седым хохолком на круглой, словно арбуз, голове интендант второго ранга Аксенов, сорокалетний богатырского телосложения старшина сверхсрочной службы Константин Карелин и танкист Семен Сологубов, юноша лет двадцати с миниатюрным конопатым лицом и рыжим чубом. Карелин и Сологубов играли в шахматы, а Кайгородова и Аксенов решали кроссворды из старых номеров «Огонька».

На остановках Аксенов хватал в руки полуведерный медный чайник и бежал разыскивать водогрейку. Иногда ему удавалось добыть кипятку, и тогда он принимался угощать Кайгородову, приговаривая:

— Чайку, доктор! В дороге, доложу вам, нет ничего полезнее чайку с сухариками. Обжигающий губы кипяток, сахар вприкуску, ржаные сухарики — вот это и есть чай без подделки. Сливочки, варенье, всякое там печенье — баловство. Серьезно, серьезно, доктор! — уверял старик, хотя Кайгородова и не думала возражать. — Человеку что нужно? Обильная, но простая пища. Наши предки, доложу вам, знали это лучше нас.

А сам все подкладывал и подкладывал Вале сухарей, хотя она не могла справиться и с одним. Танкист по-мальчишески озорными глазами посматривал на интенданта и чему-то улыбался.

— Дело любительское, — заметил Карелин. — Что касается меня, то я предпочитаю баранью отбивную с гречневой кашей, а из питья — что-нибудь посуше, чем чаю.

— При вашей комплекции на сухариках нельзя, — согласился интендант.

На маленькой, затерянной в безбрежной степи станции в вагон зашел новый пассажир — невысокого роста капитан с насмешливыми зеленоватыми глазами. Сологубов подвинулся, освобождая место капитану. А тот быстро расставил по углам купе рюкзак, сумку, плащ-палатку. Противогаз и автомат повесил на гвоздь, вбитый кем-то в стену вагона. Видно было, что поездка в вагоне для него дело привычное. Оправил гимнастерку и лишь после этого, заметно «окая», назвал себя.

— Захаров.

Рука у капитана была сухая, сильная.

— А знаете, товарищи, я бы поспал немного, — сказал Захаров. — Вторые сутки на ногах.

Шахматисты уступили ему полку. Захаров ослабил широкий с белой строчкой ремень, лег на полку и сейчас же уснул. Он, видимо, обладал счастливой способностью засыпать мгновенно, в любых условиях.

Захаров проспал часа четыре и проснулся посвежевшим и даже, как показалось Вале, помолодевшим. Аксенов угостил его своим «чайком», и между ними началась беседа на бесконечную тему: «Как «они» смеют нарушать законы ведения войны?». Собственно, говорил Аксенов, Захаров больше слушал. И слушать он, видимо, умел.

Поезд, прогромыхав на входных стрелках, остановился. Аксенов, захватив чайник, пошел за кипятком. Валя тоже вышла на перрон полуразрушенной станции. Подумав, она направилась к зеленому бугорку, усыпанному неяркими полевыми цветами. Поднялась на него и, бледнея, остановилась. На склоне бугра, раскинув руки, лежал человек в голубом, под цвет неба, комбинезоне. На левом рукаве шитая золотом эмблема: два орла в смертельной схватке. Враг. Как он сюда попал? Валя заметила невдалеке груды металлического лома, среди которого можно было узнать крыло самолета с черным крестом. Летчик лежал на животе, но голова его была повернута так, что Валя увидела одну сторону лица. Летчик молодой, горбоносый, тонкогубый... И неожиданно непрошенная жалость шевельнулась в сердце девушки. Погиб за тысячи километров от родины, в чужой для него степи. Зачем его послали сюда, во имя чего он погиб? Дохнул ветерок, и Валя почувствовала тяжелый дух разложения. К горлу подступи-

ла тошнота. Валя повернулась и бегом бросилась к вагонам. Ей казалось, что сладковатый запах тлена следует за ней.

Так Валя встретила с мертвым врагом. Живые были где-то впереди. Валя не могла представить себе их. Зато мертвый долго стоял перед ее глазами. И Валя впервые подумала о том, что и она может погибнуть, будет лежать под палящими лучами солнца до тех пор, пока чьи-нибудь сердобольные руки не предадут ее земле. Вале стало жалко себя, и она всплакнула...

А эшелон спешил. Чем дальше он продвигался на запад, тем явственнее слышалась война. Валя часами слушала у окна вагона артиллерийскую канонаду. Аксенов больше не философствовал по поводу «как они смеют?». Он сидел, словно придавленный грохотом артиллерийской пальбы. Захаров отсыпался, старшина и танкист сидели над шахматной доской.

Наконец, на какой-то станции железнодорожник объявил, что дальше эшелон не пойдет. Что-то случилось на перегоне, соседняя станция не отвечала. Захаров, следовавший до Славнинска, заявил, что он пойдет пешком. С ним засобирались старшина и танкист.

— А вы, товарищ интендант? — спросил Захаров Аксенова.

— До Славнинска километров сорок, пойдем.

— Я? — переспросил Аксенов и выразительно посмотрел на Валу.

— Мы тоже пойдем, — сказала Валя за себя и Аксенова.

Вышли из вагона. Командиры маршевых рот строили людей в походные колонны, покрякивали младшие командиры.

Валя осмотрелась. Станция оказалась совсем маленькой, исковерканной бомбежками. На путях бродил одинокий гусь с вывернутым крылом, подбирал огуречные корки. Под стеной багажного сарая лежала белая коза с обрывком веревки на худой шес. Она быстро-быстро шевелила губами, словно хотела что-то сбросить с них и не могла. Захаров прислушался. На его лице отразилось беспокойство. Это заметили все. Капитан как-то сразу стал центром этой небольшой группы людей.

— Что-нибудь серьезное? — спросил Аксенов.

— Да, дела наши, кажется, дрянь, — сказал капитан. — Послушайте.

Слева и справа от станции гремели пушки, впереди же было тихо. Эта тишина и беспокоила капитана. Все же, посоветовавшись, решили идти на Славнинск.

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ

Немецкие танки вошли в Славнинск на рассвете, а к обеду этот полусожженный город словно вымер. Жизнь остановилась. Хотя, строго говоря, город жил, но жил уже чужой для него жизнью. В особняке, где еще недавно находился исполком горсовета, разместилась комендатура города. Над крышей из оцинкованного железа ветер трепал государственный флаг Германии — большое полотнище с черной свастикой в белом кругу. Трепал неистово, зло, как будто хотел сорвать его. У парадного — часовые, рослые парни в стальных касках и кобзюках френчиках мышиного цвета.

Во дворе паровой мельницы разместилось подразделение полевой жандармерии и СД. Славнинцы пока еще не знали всего зловещего смысла, который был скрыт в сочетании этих двух таких обычных букв.

На перекрестках городских улиц встали регулировщики, вооруженные белыми и желтыми флажками. Не прекращаясь ни на час, в Славнинск тек поток танков, штабных машин, пехотных и саперных рот, зенитных установок. Послушный взмахам флажков регулировщиков, этот поток растекался по улицам, наполняя раскаленный воздух грохотом металла, чужой речью. Запыленные, потные саперы четко печатали шаг по булыжным мостовым. На городской площади, изрытой окопами и защитными щелями, поднялись к небу хоботы зенитных орудий. В городском парке разместились танки...

Километрах в восьми от Славнинска, на обочине проселка, отдыхали двое. Один из них, крепыш лет тридцати, лежал на припорошенной седой пылью траве, подложив под голову руки. Это — Андрей Шульга. Рядом — Лука Звонарев. Ему за пятьдесят, рыжий, волосатый. Сбившиеся в куделю волосы Луки лежали на продолговатой низколобой голове копной. Маленькие глаза мутноваты, посажены широко, отчего массивный нос Звонарева кажется еще шире. Звонарев нехотя грыз крупными желтыми зубами хлебную корку. Вдруг он бросил ее и зло выругался.

— Ты чего? — спросил Шульга, не меняя позы. Взгляд его бесцельно блуждал по безоблачному небу и не находил, на чем остановиться.

— Сидим, ждем у моря погоды... Чего сидим?

— Сидим потому, что идти некуда. Что можешь предложить?

— Идти в Славнинск. Если оттуда немцы еще не выперли «товарищей», где-нибудь отсидимся. Если же в городе немцы — лучшего и не надо.

Шульга поднялся, движением головы отбросил назад курчавые, тронутые изморозью преждевременной седины волосы и, упершись взглядом в лицо Звонарева, спросил:

— К немцам хочешь?

Звонарев засмеялся скрипучим, неприятным смехом.

— Чудак ты. Не к внутдельцам же мне идти? Так и так, мол, не отсидел я положенного срока, прошу запрятать меня куда-нибудь подальше...

— Немцам служить будешь?

— Служить? Нет, служить я могу только себе. Приспособиться к их порядкам попробую. А ты?

— Не знаю, — откровенно сознался Шульга. — Обидела меня советская власть. А кому жаловаться? Немцам, что ли?

Помолчали.

— Ты за что в лагерь попал? — вдруг спросил Шульга.

— Интересно?

Шульга неопределенно пожал плечами.

Звонарев сказал:

— Жил я на самой турецкой границе, водил дружбу с контрабандистами. Накрыли с поличным, десять лет дали.

— Что же так много?

— Отстреливались мы, лейтенанта ухлопали... Да что зря языком молоть! Идешь в город?

— Подожду.

— Ну, как знаешь.

Звонарев поднялся, вскинул на плечи мешок и пошел в сторону Славинска. Шульга снова лег на мягкую теплую траву.

* * *

Галина Самойленко коротала вечер при свете керосиновой лампы. Окна просторной комнаты завешены плотной бумагой — светомаскировка. Таков приказ коменданта города полковника Розенберга. Всего три дня, как славнинцы узнали, что есть в немецкой армии полковник Курт Розенберг, а сколько уже издано приказов этим полковником!

Приказ о явке коммунистов и комсомольцев на регистрацию. За неисполнение — расстрел.

Приказ о регистрации лиц еврейского происхождения. За неисполнение — расстрел.

Приказ о явке в комендатуру советских военнослужащих, оставшихся в тылу немецких войск. За неявку — расстрел.

Приказ о сдаче огнестрельного оружия всех видов. За неисполнение — расстрел.

Расстрел: за покушение на имущество немецкой армии; за покупку этого имущества у военнослужащих армия фюрера; за сокрытие почтовых голубей.

Расстрел...

Расстрел...

Расстрел...

За приказами следуют действия. На площади, у здания городского банка, повешены двое. На груди у казненных досочки с надписью: «Коммунисты, уклонившиеся от регистрации». Шестилетний сыннишка телеграфистки Саниной позарился на красивую коробку из-под сигарет в комнате, занятой саперным офицером. Мальчика бросили живым в колодец. Старый врач Юхновский поспешил к роженице в «комендантский час». Его застрелил патруль...

Кап! Кап! Кап! Рукомойник роняет каплю за каплей, а Галине кажется, что это кто-то исходит кровью. Кто? Сама земля. В комнате тепло, а Галина зябко кутает плечи в пуховый платок — нездоровится.

В сенцах звякнула щеколда — раз, второй. Галина бояливо посмотрела на дверь, а затем вышла в сенцы.

— Кто там?

— Прохожий, — ответили из-за двери. — Откройте, пожалуйста.

Что-то подсказало Галине, что надо открыть. Она трясущимися руками сняла с двери засов, а сама — в комнату.

— Простите за вторжение, — извинился вошедший. — Перепугались, наверное?

— Время такое...

Галина не сводила глаз с человека в запыленной одежде — брюках и гимнастерке серого цвета.

— Кто вы?

— Если присесть разрешите да угостите водичкой, расскажу... — Не дожидаясь приглашения, он поставил около двери суковатую палку и прохромал к столу.

Галина принесла вместительную кружку воды. Гость пил медленно, наслаждаясь. Опорожнил кружку, крякнул от удовольствия, отдал посудину хозяйке.

— Знатная водица. Спасибо, хозяйюшка, уважила... Я закурю?

Галина молча кивнула головой. Страх постепенно проходил, сменялся любопытством. Мужчина закурил, жадно вдохнул дым и поперхнулся. Покачал головой и, как бы про себя, сказал:

— Небогаты на табак завоеватели — дрянь курят.

Мужчина курил, а Галина молча наблюдала за ним, ждала, что он скажет. Мужчина поднял голову, взгляды их встретились. И, отвечая на тревожный взгляд Галины, он сказал:

— Как я к вам попал? Очень просто, завернул на огонек. У вас одна «шторка» чуть-чуть просвечивает, — указал он на уголок бумаги на окне.

— Как же вы прошли по улице в «комендантский час»? — спросила Галина.

— Меня он не касается, — сказал гость. — У меня теперь права большие. — И, подумав, добавил: — Из заключения я, в лагерях был. Вот вам и ответ на все ваши вопросы. А теперь скажите прямо: разрешите мне у вас в доме ночь провести, или идти в другом месте искать пристанища? Не стесняйтесь, я человек негордый.

— Зачем же вы спрашиваете? — с укором ответила Галина. — Вы же сами сказали, что права у вас большие.

— Э, плюньте на то, что я сказал, — махнул рукой мужчина. — У всех у нас, русских, права теперь одинаковы. Проходил через площадь — «куклы» висят. А вы — о правах.

Мужчина снова закурил сигарету. Окинув взглядом чистенькую комнату, спросил:

— Как же с ночлегом?

— Оставайтесь, — вздохнула Галина. — Трудно понять, что вы за человек.

— Что верно, то верно — люди разные бывают, — подтвердил мужчина. — Давайте знакомиться: меня зовут Андреем. Андрей Шульга. А Вас?

Галина назвала себя.

— А теперь, Галина Николаевна, я бы не отказался от куска хлеба. Голоден. С полудня по городу блуждаю. Раз пятьдесят документы проверяли, а покормить не догадались.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГОРНЫЙ ИНЖЕНЕР

1

— Итак?

Следователь выглядел совсем подростком: молодой, некашистый. Лишь глаза — серые, холодные, словно отлитые из волингенговской стали, выдавали в нем недюжинную волю. С этими глазами плохо сочеталось нежное лицо со вздернутым носом. Следователь курил беспрестанно, окутывая себя облаками дыма. Казалось, он хочет укрыться за ними от сурового взгляда Королева.

— Я сказал все.

Голос у Королева спокойный, густой.

— Все? — глаза следователя потемнели, у переносья легла чуть заметная морщинка. — Работаете в Ворошиловградском угольном комбинате, на Славнинском заводе — в коман-

дировке, не успели покинуть город, — и вот сидите у меня.. Так? — следователь снисходительно улыбнулся, поиграл автоматической ручкой.

— Так.

— Немного же я узнал от вас за двое суток. — Следователь не верил ни одному слову Королева. — Что вас задержало в Славнинске?

— Я же говорил: дела.

— Какие?

— Рассчитывал, что успею отгрузить салунит.

— Дипломированного инженера посылают за сотни километров за каким-то салунитом... Не вяжется, господин горный инженер. Хотите, я скажу вам, и зачем вы приехали на Славнинский химический завод, и почему задержались в городе? Хотите?

Королев молчал. Он понимал — следователь готовит силовую операцию, надо быть начеку. А следователь продолжал:

— Вы работали в комиссии по демонтажу и эвакуации завода. Демонтировать его вы не успели, решили взорвать. И взорвали, когда наши танки уже появились на окраине города. Члены комиссии успели улететь самолетом, а вы почему-то остались. Так?

Было именно так. Королеву вдруг стало жарко. Но он нашел силы улыбнуться и сказать:

— У вас, господин следователь, богатая фантазия. Была ли на заводе комиссия, не знаю, меня интересовал только салунит. Почему за ним приехал я, «дипломированный инженер», как вы выражаетесь? Потому, что мне хорошо знакома технология производства салунита, а завод трижды отгрузил нам бракованный продукт.

Следователь, казалось, не слушал Королева. С видом скупающего человека, он бесцельно перебирал какие-то бумаги и все курил и курил. Вдруг он пододвинул Королеву пачку сигарет.

— Закуривайте, табак настоящий.

— Благодарю. Не курю.

— Курите, Королев, — впервые за двое суток улыбнулся следователь. — При обыске у вас изъяли папиросы и спички. Некурящему зачем они? Курите.

Королев закурил и сразу же почувствовал приятное головное окружение.

Следователь прошелся по комнате. Постоял у окна и, не оборачиваясь, спросил:

— Королев, если бы вам удалось выбраться от нас. Представьте, что так случилось... Что дальше? Не торопитесь с ответом, подумайте.

— А я уже думал...

— Тем лучше. Что же?

— Постарался бы попасть в Донбасс.

— Через линию фронта?

— Хоть через огонь преисподней.

— Да, но так просто мои хозяева от вас не отступятся. Ваше имя хорошо известно в Германии. — Следовательно резко обернулся и в упор спросил Королева: — Это ведь вы в 1938 году получили премию Академии наук СССР?

Королев вздрогнул. Но следовательно или не заметил этого, или сделал вид, что не заметил. Он продолжал:

— В Славнинске находится представитель концерна И. Г. Фарбениндустри. Интересуется вами...

Следователь нажал кнопку электрического звонка. Вошел солдат-конвоир. Королев поднялся и, заложив руки за спину, как этого требовали конвоиры, шагнул к двери.

...

Славнинск стоит на древнем торговом пути, который когда-то шел от берегов Балтики к Черному морю. Ныне этот путь заменила железнодорожная магистраль, проходящая в том же направлении. Другая магистраль проходит с юго-запада на Москву. Город стоит на берегу реки Сосновки. Река неказистая на вид, но глубокая. В том месте, где она огибает Славнинск с юга, берега ее крутые, покрыты березовым лесом. Деревья сбегают по крутояру к самой воде, чистой и холодной от множества ключей.

Неширокая булыжная мостовая идет от железнодорожного товарного двора к паровой мельнице на Кооперативной улице. Кооперативная — конец Славнинска. Дальше — река, за рекой — лес. Лес старый, сырой. В глуши — ни кустов, ни травы. Вековые деревья, перехватывая мощными кронами солнечные лучи, не дают жить ничему, что порождает земля. Тишина в лесу. Мгла стоит под его суровой сенью.

Мельничный двор заняла СД — служба безопасности. В доме директора поселились офицеры, в конторе — служебные кабинеты, а каменные склады приспособлены под «следственную тюрьму».

В каморке, пристроенной к северной стороне одного из складов, сидел Королев. Каморка — тесное пыльное помещение с бетонным полом и одним-единственным продолговатым, забраным решеткой окном под самым потолком. Топчан с солдатской постелью, скамейка, табурет — вот и все, что окружало Королева. Кормили сносно, воду приносил солдат по требованию.

Когда Королева не вызывали на допрос, он или спал, или ходил по кладовой, с тоской посматривая на решетку, и ду-

мал свою нерадостную думу. То, что случилось с ним, было похожим на дурной сон...

Работник химического завода в Донбассе, Илья Королев в начале войны находился в Москве, в Главке. Когда вопросы, ради которых Королев приехал в столицу, были решены, его неожиданно вызвали в Кремль. В тот же день в составе правительственной комиссии Королев вылетел в Славянск с заданием — эвакуировать химзавод. Не удастся эвакуировать — взорвать. Завод был построен за три года до начала войны и работал на базе сравнительно небольшого месторождения лазитина. Основным продуктом сухой перегонки лазитина была военная продукция, а побочным — салунит. Поэтому оставлять завод под угрозой захвата его врагом было нельзя.

Славянск находился от границы на порядочном расстоянии, но угроза нависла над ним быстро. Танковый клин немцев, как клинжал в живое тело, вошел в советскую оборонительную полосу, раздвинул в обе стороны обескровленные в тяжелых боях части и наткнулся на Славянск. На подступах к городу закипела кровопролитная битва. Немцы непрерывно бомбили город, засыпали его «зажигалками», поливали улицы пулеметными очередями с самолетов. Удалось отправить на восток всего лишь один железнодорожный эшелон с оборудованием и рабочими двух «литерных» цехов химического завода. Все остальное на заводе было взорвано, превращено в груды кирпича и исковерканного металла.

Комиссия улетела в спешке. Когда Королев приехал на заводской аэродром, шестиместный самолет был готов к взлету. Председатель комиссии, высокий полный человек с синюшным лицом, напустился на Королева:

— Из-за вас мы все погибнем! — орал он, размахивая длинными руками.

— Авось, не погибнем, — спокойно возразил Королев. Он уже поднимался по трапу в самолет, когда в конце посадочной площадки показалась легковая машина. Кто-то спешил к самолету. Королев остановился. Что-то подсказало ему, что надо подождать.

— Ну, что же вы? — закричал на него председатель. — Садитесь, или мы без вас улетим.

Королев сделал вид, что не слышит толстяка.

Машина резко затормозила, из нее вышла молодая женщина с заплаканными глазами.

— Детей... Возьмите детей, ради всего святого! — крикнула она.

— Да заходите, Королев, черт вас дерит! — в бешенстве заорал толстяк.

Королев растерялся. Женщина села на землю и закрыла лицо руками. Плечи ее вздрагивали от рыданий. Королев бро-

сился к машине. Рядом с шофером сидели две девочки лет по пяти, видимо, близнецы. Королев схватил их и внес в самолет. Вернулся к женщине, поднял ее с земли и приказал:

— Садитесь! В самолет садитесь!

Женщина, кажется, не понимала, чего от нее хотят. Она смотрела на Королева безумными глазами. Королев подхватил ее на руки и взбежал по трапу...

Самолет взлетел, сделал круг над аэродромом и взял курс на восток. Королев провожал его взглядом до тех пор, пока он не растаял в синеве неба.

— Куда теперь? — спросил шофер, когда Королев подошел к машине.

Вместо ответа Королев махнул рукой в сторону города. К ним на бешеной скорости мчался немецкий танк с автоматчиками на броне. Шофер вынул из кармана пистолет.

— Не глупите, — остановил его Королев. — Спрячьте оружие, оно еще пригодится...

Королева мучила одна мысль: кто предал его, помог немцам установить его личность? На заводе его знали несколько человек, и кто-то из них оказался предателем. Но кто? Этого Королев, вероятно, не узнает никогда.

Занятый своими думами, он стоял у двери каморки, когда вошел солдат «зондеркоманды», высокий широкоплечий детина с длинными белесыми волосами, гладко зачесанными назад. Мундир на нем был расстегнут, и в большом вырезе майки виднелась могучая грудь, поросшая густым рыжим волосом. Это был один из тех янычар, которые обслуживали отдели СД, комендатуры, исполняли обязанности палачей. В последней должности они были хороши тем, что не делали различия между осужденными немцами и обреченными на смерть русскими. «Зондеркоманды» состояли исключительно из здоровенных парней, бывших шулеров, воров, бандитов. Им бы тачки катать в каторжных рудниках, коротать годы в одиночных камерах, а они... Впрочем, мало кто знает, с какой целью фашисты создали «зондеркоманды». Это отряды специального назначения, и действуют они по особым директивам специальной комиссии. «Зондеркоманды» долго не стоят на одном месте, а, уйдя, не оставляют свидетелей... Начальник отдела СД генерал Краутер раз и навсегда сказал своим подчиненным: «Действуйте. Ваша жестокость будет поощряться, мягкость — наказываться». Им не было дела до того, как фашистские заправилы объясняют мотивы войны против Советской России. Они знают одно: все, что ими содеяно, — покроется мраком военной тайны, все, что награблено, — их собственность.

Солдат положил на стол краюху хлеба и банку рыбных консервов. Вынул из чехла на поясе широкий штык-нож и стал вскрывать банку. Делал он это привычно, искоса просматри-

вая на узника. Что узник — важная персона, видно по тому, чем кормят его: паек солдатский. А такое в СД встречается редко.

Во дворе осиротевшей волчицей завывала сирена. Солдат поднял голову, прислушался. Прислушался и Королев. Нестрожно залаяли зенитки, во дворе поднялся шум. В хаосе звуков Королев уловил гул авиационных моторов. Вдруг где-то рядом с камеркой раздался взрыв. Землю тряхнуло. Посыпались стекла окна, камера наполнилась дымом и пылью. Стало трудно дышать. А взрывы гремели один за другим — одни далеко, другие совсем близко. Солдат с ножом в руках, которым он только-то открывал банку, метнулся к двери.

«Погоди, гад», — мысленно выругался Королев и подставил солдату ногу. Немец ударился головой о стену с такой силой, что на какое-то время потерял сознание. Королев вырвал из его рук нож и ударил солдата в грудь.

Королев выбежал на берег реки, осмотрелся. Недалеко от него, привязанный ржавой цепью к коряге, на малой волне колыхался челн. Королев отвязал его. Маленькая рыбацья посуда скользнула по чистой воде. Челн потянуло на стрежень.

Переплывая реку, Королев вытащил на берег челн и по песчаному, осыпающемуся под ногами косогору поднялся вверх. Оглянулся. Самолетов над городом уже не было. В ясном небе медленно таяли клубочки черного дыма — следы разрывов зенитных снарядов. В нескольких местах в городе полыхали пожары. Особенно большой пожар бушевал на железнодорожной станции. На противоположном берегу реки кучкой стояли немцы с собаками. Где-то трещал мотор.

«Лодка идет», — догадался Королев. Надо уходить. Впереди лежало болото, покрытое кочками и чахлыми березками. Деревца стояли редко, словно сторонясь друг друга. Между ними — сизый мох и бурый лишайник. С болотом шутики плохи. Королев, чье детство прошло на берегах Вятки, хорошо знал, какая опасность грозит человеку, рискнувшему войти в незнакомое болото. Королев стоял в нерешительности. Впереди гнилое болото, сзади — немцы. И все же спасение было только там, в болоте. Вдруг он присел за куст: метрах в тридцати от него из-за корявых березок поднялся человек. Это был старик с бородкой клинышком и вислыми усами. В руках он держал два длинных шеста. Старик подошел к Королеву почти вплотную, их разделял лишь зыбун. Он бросил на зыбун шесты и сказал:

— Переходи.

Королев ступил на шесты, под которыми запырилась черная жижа.

Старик бросал шести-клады на «слабые» места, переходил по ним сам и вел за собой Королева. Бросать шести приходится часто — болото выдалось гнилое: кустики осоки, белоус, на открытой воде — круглые листья кувшинок-болотниц. Наконец, выбрались на луговину. Спугнули чибиса, и он долго-долго провожал потревоживших его людей, жалобно крича.

— Значит, сбежал? — спросил старик, улыбаясь в усы.

— Сбежал, — в тон вопроса ответил Королев.

— Счастлив ты, однако. Чем же провинился перед ними? Говори правду, — строго предупредил старик.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КУНГУРОВЫ

1

В самом конце Кооперативной улицы, у глубокого оврага, по дну которого с тихим звоном течет родниковая вода, стоит небольшой, в три комнаты, домишко токаря механического завода Петра Ильича Кунгурова. При домике огород и молодой фруктовый сад — гордость хозяина. Петр Ильич родился, вырос и состарился в Славянске. Пришел пятнадцатилетним на механический завод и работал на нем до тех пор, пока город не захватили немцы. Лучшего токаря не найти.

Кунгуров любил жизнь, свой завод, свою работу. Он был человеком труда, а с приходом немцев всякая работа опротивела, стала ненужной. Петр Ильич встречал немцев и раньше. Особенно много их было, когда в этом тихом, богатом зеленью городе строили заводы. Те немцы были деловыми. Они знали технику, любили спорт и пиво. Токарь Петр Кунгуров почитал за честь знакомство с ними. Но нынешние немцы совсем не похожи на тех. Это — враги.

Петр Ильич сидел за столом горенки. Через щели закрытых ставен в горенку проникали тонкие, как лезвие ножа, полоски света. В комнате стоял полумрак. Из головы Кунгурова не выходил обжигающий мозг вопрос: что делать? Тянуло на завод, хотелось взглянуть, что там делается. Но трезвый голос подсказывал: «Нет у тебя завода. Теперь там немцы, враги». Но и так вот сидеть в доме с закрытыми ставнями больше не было сил. Кунгуров поднялся из-за стола, прошелся по комнате. Расправил плечи, и сейчас же почувствовал боль в боку. Раньше не было этой сосущей боли.

В сенцах кто-то кашлянул. Кунгуров насторожился, он никого не ждал. В комнату вошел племянник Кунгурова Тихон,

высокий, худой человек с мешком за плечами и суковатой березовой палкой в руках.

— Здравствуй, дядя! — поздоровался Тихон.

— Тиша! — воскликнул пораженный Петр Ильич. — Не уехал, значит? Ах ты, несчастье!

Тихон поставил палку в угол, снял мешок.

— Так и сидишь в темноте? — спросил он.

— Так и сижу. Если хочешь, я открою окно.

— Не надо, дядя.

Тихон снял запыленную одежду, умылся и, подойдя к дяде, попросил:

— Расскажи, что делается в городе?

— Немного я знаю, Тиша, — ответил Петр Ильич. — Один раз только и был в городе. Страшные дела там. Виселицы, солдаты, полиция... Электростанция и наш завод окружены танками и солдатами. На химическом чего-то ищут. А чего искать в этих развалинах? Вот все, что я знаю, Тиша.

— Верно, немного, — согласился Тихон. — Но ничего, проживем, посмотримся.

— Ты разве собираешься в городе остаться? — спросил Петр Ильич.

— Останусь, дядя, — ответил Тихон. И, подумав, добавил: — Работа предстоит, большая работа.

— Понимаю, Тиша, — оживился Петр Ильич. — Но как же ты будешь жить? Многие тебя знают в городе. Опасно...

— На фронте тоже опасно, а люди воюют.

— Оно так, — согласился старик. — На зверя ходить всегда опасно. А я думал: теперь, мол, мой Тиша звон где! — показал Петр Ильич куда-то на восток. — Не вышло значит?

Тихон пожал плечами и сел рядом с дядей. Вынул папиросу, долго мял ее в пальцах, но так и не закурил. Видимо, его беспокоила какая-то мысль.

— Как же ты вернулся? — продолжал расспрашивать старик.

— Разбомбили наш эшелон на станции Подплетье. Пока раненых определили, пока погибших предали земле, а немцы — вот они! Тут человек ко мне один подошел, старый мой знакомый. Возвращайся, говорит, в Славнинск, начинай хозяйничать в городе, да так, чтобы у немцев ни одной ночи спокойной не было. Вот и вернулся... А еще попросил он назвать ему человека, которому можно доверить важное дело. Я назвал тебя, дядя.

— Спасибо, Тиша, — опять оживился старик. — Говори, что делать надо?

— К тебе будут приходиться люди от «Егора Сергеевича», будешь определять их в места, недоступные немцам. Ты ведь наши леса знаешь. Запомни: от «Егора Сергеевича».

Тихон некоторое время сидел молча, о чем-то думая. А потом спросил:

— У тебя, кажется, дружок был в городской типографии?

— Ты о Шатрове? Есть, с детства дружим.

— Где он сейчас?

— Дома. Вчера на болоте видел его.

— На болоте? Разве по нему можно ходить?

— Никита Шатров, если захочет, из ада тропу найдет без проводника. А тебе он, собственно, зачем?

— Полиграфисты нужны будут.

Тихон разговаривал с дядей напрямую, ничего не скрывая.

— Шатров надежный, — сказал Петр Ильич. — Есть еще один человек, понимающий в типографском деле.

— Кто такой?

— Учительницу Галину Самойленко знаешь? До института она в типографии работала. Хорошая девушка. Если надо, я сведу вас.

— Нет, ты пока об этом забудь. Не время. Я скажу, когда надо будет... А пока я бы поспал, дядя. — устало улыбнулся Тихон.

— Ложись на мою постель, отдохни. Я закрою тебя в доме, а мне кое-что по двору сделать надо.

Это желание чем-нибудь заняться пришло сразу, как будто его принес Тихон.

Легкая дымка заткала небо. Неяркие звезды светились там и тут. Город безмолвствовал. Лишь кое-где перекликались часовые.

По улице Короленко, от одного укрытия к другому, крались трое. Улица была сожжена дотла, и на фоне белесого неба вырисовывались причудливые очертания полуразрушенных стен. В теплом, как парное молоко, воздухе бесшумно носились летучие мыши. У сожженного двухэтажного каменного здания все трое остановились. Тишина, как на кладбище. Двое вошли во двор, третий остался у наружной стены дома. Он встал так, что ему были видны оба конца пустынной улицы.

В развалинах дома послышались глухие удары металла о металл. Что там делалось, Кирилл Шатров не знал. Сегодня утром отец сказал ему, что надо помочь Петру Кунгурову кое-что достать из подвала дома, где раньше была городская типография. Вот и все. Конечно, в типографском подвале, по логике вещей, могло быть только типографское оборудование, а там — кто его знает. Кирилл согласился без расспросов.

Кирилл работал шофером на механическом заводе. Полтора месяца назад при автомобильной катастрофе ему повре-

дило ногу. Полтора месяца пролежал в больнице, а когда поправился, в Славнинск пришли немцы. Кирилл остался без дела. Правда комендант города обнародовал приказ о регистрации металлистов, шоферов, паровозных машинистов. Судя по приказу, немцы намеревались запрячь кое-кого из славнинцев в свою колесницу. Однако на регистрацию явилось несколько дряхлых стариков, давным-давно сидящих на пенсии. Получилось так: и приказ коменданта выполнен, и запрячь некого. Комендант понимал это, но пока никаких крутых мер не принимал — присматривался. В том, что он сумеет поставить на колени этот древний город славян, полковник Розенберг не сомневался. Однако он выбирал время и место для решающего удара. Не знал Розенберг, что жители города опередили его — они начали действовать. В числе действующих оказался и Кирилл.

Физкультурник, заводила среди заводских шоферов, Кирилл был в таком возрасте, когда мир кажется освещенным розовым светом счастья и благополучия. Да, собственно, Кирилл видел то, что было. Он был молод и здоров, были у него чудесные друзья, его любила хорошая девушка. Но пришли немцы, и все стало по-иному.

По улице шел парный патруль. Солдаты громко разговаривали, стучали подковами сапог по булыжной мостовой. Кирилл зашел за угол дома. Отсюда он наблюдал за патрулем. Вот луч электрического фонарика перескочил через улицу и заскользил по задымленным стенам сожженных домов. Вдоль стены аптечного склада в панике метнулась голодная собака. Автоматная очередь распорол тишину ночи. Раздался отчаянный визг собаки и хохот солдат. Затем снова вернулась тишина. Лишь гулко отдавались шаги патрульных. Кирилл поднес руку ко рту, и негромкий крик совы предупредил об опасности тех, кто работал внутри дома. Солдаты остановились, заспорили между собой. Включили фонарики и направились наискосок через улицу, к тому дому, где стоял Кирилл. А он до боли в пальцах сжал в руке короткий стальной валик, захваченный из дому. Однако тут же вспомнил предупреждение Кунгурова: «Смотри, Кириуша, в оба — дело серьезное». Вспомнил и отступил в глубь двора. Патруль прошел мимо. И снова прокричала ночная птица и на углу дома замаячила фигура Кирилла, а в развалинах опять позванивал металл о металл.

Никита Шатров, отец Кирилла, как и Петр Кунгуров, в партии не состоял. Но коммунистов Шатров узнал давно, в 1903 году, когда ему, шестнадцатилетнему печатнику типографии местной газеты, поручили «отшлепать» три сотни листовок. Листовки он отпечатал и одну из них положил в карман, а потом, на свободе, прочел. Понял из нее он очень мало. В 1908 году восемь месяцев отсидел в следственной тюрь-

ме тоже за листовки. Однако виновность его не была доказана, и его освободили. Но хозяин типографии, человек, гордившийся своей принадлежностью к партии либералов, принять назад печатника-бунтаря отказался. И сейчас же типография прекратила работу: полиграфисты потребовали восстановления Шатрова на работе. Поднял их наборщик Алымов, поручавший Шатрову печатать листовки. Хозяину не оставалось ничего другого, как принять требование рабочих. Шатрова он все-таки предупредил: «Смотри у меня! В случае чего — сам в участок сведу. Мне бунтовщиков не надо». И после Шатров выполнял поручения Алымова, хотя сам оставался вне его партии. Почему? Шатров как-то не думал об этом. Потом большевики пришли к власти. Они боролись за эту власть долго и упорно — они имели право на нее. Они умели управлять, эти бывшие постояльцы централов и каторжных тюрем. Хотя, бывало, и ошибались. Ошибались, и Шатров ругал их за это без стеснения, в глаза. Он высказывал свое мнение, вставал против того, с чем не был согласен. Его выслушивали без обид и насмешек. Но это были частности, и Шатров, не будучи членом партии, шагал в ногу с коммунистами.

Войну Никита Шатров считал делом проклятым, но коль свалилась на народ беда, надо защищаться. Русскому человеку нельзя жить под властью завоевателя. А как бороться — ему подсказал один человек, который пользовался у полиграфиста неограниченным доверием — Петр Кунгуров. Кунгурову и тем, кто стоял за ним, была нужна маленькая типография. Оборудовать ее Кунгуров поручил Шатрову. Основная часть городской типографии была отправлена на восток, а то, что уже подносилось, было оставлено. Шрифты забили в ящики и опустили в подвал. Демонтированную старую печатную машину — туда же. В подвале хранилась краска, кипы полукартона, немного бумаги. Вот Шатров и привел сюда Петра Кунгурова. Работы было не на одну ночь, но Шатров и Кунгуров были такими людьми: за что брались — брались всерьез, вплотную.

Шатров ходил по подвалу с «летучей мышью» в руках, внимательно присматриваясь. Присаживался к ящикам и бормотал себе в усы: «Цицера», «Корпус», «Петит»... Возле одного ящика он сидел особенно долго, словно не мог вспомнить, что в нем.

— Печатная машина, — пояснил он, ткнув ящик ногой. — «Малютка», как раз то, что надо.

Уходили со двора типографии все трое с тяжелой ношей. На Кооперативную пробирались в обход, по заваленным пеплом, железом и кирпичами дворам.

СКИТАЛЬЦЫ

I

На советской земле гремела война. Пыхали жарким пламенем пожаров села и поселки, в развалины превращались многолюдные города; зловещие облака черного дыма стояли над неубранными нивами. По широким лентам автострпад, по степным большакам и проселкам шли колонны танков, бронетранспортеров, военных повозок; метеорами проносились легковые автомобили, поднимали пыль штабные вездеходы; шли отборные полки, дивизии, корпуса. И всюду кресты — эмблема мучений и смерти: кресты на плоскостях самолетов, на броне танков и артиллерийских самоходных установок, на кузовах автомобилей и на мундирах солдат...

Казалось, вернулся далекий четырнадцатый век, а с ним и походы татаро-монгольской орды. Только на этот раз орда шла не из степей юго-востока, а с запада — с того самого запада, который еще вчера так кичился своей цивилизацией; с того самого запада, к жилищам которого не дошел Батый только потому, что не смог пробиться сквозь живую стену воинов древней Руси.

Цивилизованная орда!

Как ходили в походы воины Батые и Мамаея? Скопом, с многотысячными отарами овец, со стадами верблюдов и косяками лошадей. В походных юртах, поставленных на высокие скрипучие колеса, ехали семьи воинов со всем своим домашним скарбом. В юртах же везли оружие и награбленное добро. За юртами, понурив головы, шли связанные попарно невольники.

Теперь — другое. На восток движутся танки, артиллерия, самолеты; идет огромная армия, поставившая на колени всю Европу. Командуют этой армией генералы, воспитанные на «доктрине» кровожадного фон Мольтке: «Война — святое дело, это божественное установление; это священный закон жизни; она поддерживает в людях все высокие чувства: благородство, бескорыстие, доблесть, мужество, — словом, она не дает им власть в гнуснейший материализм». Воинственный Мольтке давным-давно истлел в гробу, но звериная «доктрина» его стала знаменем чудовищной организации бандитов — нацистской партии Германии. Вот почему позади немецкой армии остается то же самое, что оставалось позади орды Батые — кровь и пепелища. На запад гнали колонны невольников — всех, кто мог работать на армию бесноватого Адольфа Гитлера...

Советский народ обнажил меч, встал на защиту своей жизни, чести и свободы. Миллионы и миллионы мужчин и женщин, подчиняясь суровому приказу Родины, оставив семьи и привычные занятия, ушли на фронт. Тысячи, а может быть, сотни тысяч воинов в силу различных причин и обстоятельств оказались на занятой врагом территории. Но и они не перестали быть солдатами, грозными мстителями, которых примирля с врагом лишь его смерть.

К Елизаветовке, небольшому селу, окруженному грушевыми левадами, подошли после полуночи. На низенькой каменной ограде крайней к селу левады присели отдохнуть и посоветоваться. Теперь их было только четверо: не было с ними Аксенова. Они бродили по обожженной солнцем и войной земле, словно скитальцы, гонимые судьбой. Шли на восток — попадали в села, занятые тыловыми частями и учреждениями врага; сворачивали на юг — натыкались на мотоциклистов, патрулировавших большаки и проселки. Шли ночами, днем отлеживались в балках, в заброшенных полевых станах. Группу вел Захаров, он стал ее вожаком. Надежда пробраться к линии фронта постепенно оставляла их.

Захаров боялся за Валию: длительные переходы, лишения бродячей жизни требовали много физических и моральных сил, а она такая хрупкая, нежная... Вале действительно было трудно. Она не хотела показывать свою слабость товарищам, но разве от них можно что-либо скрыть? На коротких привалах она ложилась на землю, вытягивала уставшие ноги, закрывала глаза и так лежала в полузабытьи до тех пор, пока кто-нибудь из товарищей не напоминал ей, что надо идти дальше. Идти... А куда? Есть ли смысл мучить себя, если все равно не выбраться из огненного кольца, которым они окружены? В такие минуты ей хотелось сказать товарищам, этим хорошим людям, ставшим ей дорогими, как братья: «Идите, оставьте меня». Но она знала, что они не оставят ее, не могут оставить. И она поднималась.

Днем же, встречаясь с ними взглядами, видя их неумелую, по-мужски грубоватую заботу о ней, стыдилась своей слабости, своих мыслей о бесполезности блужданий по земле, попавшей в беду.

Особую заботу проявлял о ней Захаров. Подойдет, положит ей на плечо руку и спросит:

— Ну, как, доктор?

А у самого столько теплоты в глазах, столько внимания в голосе, что у Вали как-то сразу пропадает усталость. Хотелось сказать: «Не беспокойся, друг», говорила же:

— Устала, капитан. Но вы не беспокойтесь, выдержу.

Вот и весь разговор, но Вале идти легче.

Кто знает, может быть, только поэтому она и выдерживала всю тяжесть, легшую на ее слабые плечи.

К удивлению всех, сдал Аксенов. В одни сутки он осунулся, лицо его приобрело зеленоватый цвет, в глазах появилась такая тоска, что товарищи избегали смотреть ему в лицо. Вечером, когда после дневного привала надо было идти дальше, интендант заявил:

— Отходил я, друзья мои.

Силы изменили ему. Километров пять его вели под руки, а потом он сел на землю и сказал:

— Дальше не пойду.

Карелин и Сологубов сходили в ближайший хутор на разведку. Немцев в нем не оказалось. Аксенова на руках отнесли в дом старой учительницы, согласившейся приютить у себя вонна, побежденного старостью и недугом.

Прощание было тяжелым. Мужчины расцеловались с товарищем, а Валя заплакала.

Прошли сутки. Они были самыми тяжелыми из всех, проведенных группой в пути. Разговаривали мало, словно каждый чувствовал свою вину перед товарищами и стыдился ее. Особенно была подавлена Валя. О чем бы она ни думала, а мысль ее возвращалась к далекому хутору, в котором остался Аксенов...

Елизаветовка лежала на ровном, словно столешница, месте. Ни единого звука, ни огонька.

— Рискнем? — спросил Захаров, обращаясь к Карелину.

— Другого выхода нет, — ответил старшина.

Им нужны были продукты, а достать их можно только в селе.

Разделились на две группы. Карелин и Валя, Захаров и Сологубов. Они всегда так заходили в села — с двух концов.

Карелин и Валя огородами вышли к приземистой баньке в конце обширного подворья с сожженным домом. В соседнем дворе «тюкал» топор.

— Узнаем, кто? — шепотом спросил Карелин.

— А если немец?

— Вряд ли. Фрицы предпочитают сидеть тихо.

Перебрались через плетень, прошли по капустным грядкам к сараю. На белом фоне стены неясно выделялся силуэт дровосека. Это была женщина. Подождав, пока женщина начала вытаскивать из слежавшейся кучи хворостину, Карелин приблизился к ней. Женщина от неожиданности тихо вскрикнула. В тревоге спросила:

Кто?

— Прохожий.

— Что вам надо?

— Ничего. На стук топора зашел... Что же вы в такое позднее время с дровишками возитесь?

— А вам-то что за дело? Вожусь, значит, надо.

— У меня, хозяйюшка, ко всему дело, — строго сказал Карелин. — А вы могли бы быть немного вежливее.

Карелин подал условный знак, и Валя подошла к нему, поздоровалась с женщиной.

— Вот оно что, — сказала женщина. — А я приняла вас за полицаю. — Эти слова относились к Карелину. — Простите, пожалуйста. Надоели, проклятые: шаг сделал, отчитайся: куда, зачем, почему... Ни днем, ни ночью покоя нет от них. Вот приказали баню к утру истопить. Офицер мыться будет. Мыла бы его нелегкая...

— А много немцев в селе? — поинтересовался Карелин.

— Кто же их знает, добрый человек. Одни уезжают, другие приезжают. В школе они.

— А школа далеко?

— Нет, возле колхозной конторы, на площади, — охотно сообщила женщина и, видимо сообразив, что упоминание о конторе ничего не говорит незнакомому с селом человеку, добавила: — С полкилометра, однако, будет.

— И офицер в школе? — поинтересовался Карелин.

— Это, которому баня? Нет, он в доме фельдшера остановился, через два двора от нас.

— Кто еще есть в том доме, — продолжал расспрашивать Карелин.

— Офицер да его баба.

— Немка?

— Не знаю. Барыня, на людей не смотрит.

— А где же хозяин дома?

— Он в отступ подался, с нашими.

— Покажите нам, как к дому пройти, — попросил Карелин.

— Что вы! — запротестовала женщина, — Часовой там, у крыльца стоит.

— А это уж моя забота, — ответил Карелин. — Проводите нас. Да, кстати, и топор ваш дайте мне.

Валя схватила Карелина за руку.

— Успокойтесь, доктор! — коротко бросил Карелин. — Пошли.

У высокого крыльца дома угадывалась фигура часового. Все трое легли за плетнем возле колодца.

— Доктор, смотреть в оба! — прошептал Карелин. Этот шепот показался Вале криком, и она в страхе прильнула к земле.

Карелин бесшумно пополз к часовому. Немец стоял неподвижно, словно в землю врос. То ли слух изменил ему, то ли задремал незадачливый страж офицерского покоя, только свалился он под топором без звука.

Карелин подошел к окну, толкнул створки. Они послушно распахнулись, и темный прямоугольник окна проглотил Каре-

лина. Женщины, затаив дыхание, ждали, чем все это кончится.

Карелин выбрался из дома так же через окно. Валя вздохнула с облегчением.

— Пошли! — сказал он, сплевывая. Его тошнило.

Когда зашли за копну соломы, Карелин сказал, обращаясь к хозяйке топора:

— Топор я унесу с собой, он может выдать вас.

Подошли к старому дереву на меже двух огородов. Только тут, словно вспомнив, зачем они зашли в село, Карелин спросил:

— У вас, хозяйюшка, ничего не найдется из продуктов? Нам с собой бы взять.

— Найду, найду, родные! — с радостью отозвалась на просьбу женщина. — Подождите меня здесь, я мигом.

Она вернулась минут через десять с мешком, наполненным продуктами. Карелин поблагодарил ее.

— Не стоит благодарности. У самой муж где-то на фронте, может, и он так же вот ходит по чужим селам. Счастливо вам!

— Спасибо, сестра, — ответила Валя.

Захарова и Сологубова на условленном месте не оказалось. Сели на камни, хранившие в себе дневное тепло, и молчали.

— Вы что молчите, доктор? — вдруг спросил Карелин.

— Нехорошо мне как-то после всего этого, Константин. Зачем вы их?

— Только за то, что они враги наши. Враги, которых надо уничтожать. Неужели вы не понимаете этого? — В голосе Карелина слышалась нескрываемая горечь.

— Солдат и офицер — это еще как-то объяснимо, а женщина... Вы же и ее убили?

— Убил. Иначе она бы подняла крик... А вам, доктор, надо выбросить из сердца ненужную жалость. Ненужную и вредную. Вы — солдат.

— Мое дело лечить, а не убивать, Константин.

— Нет, доктор. У нас с вами дело одно — уничтожить врагов. Уничтожать до тех пор, пока на нашей земле не останется ни одного, пока...

Карелин не закончил фразы. В селе застрочил автомат, за ним второй, третий — и пошла перестрелка. Вспыхивали и гасли над крышами домов ракеты, громыхали разрывы гранат.

— Заварилась, однако, каша, — сказал Карелин. — Как бы не прихватили наших.

— Вы думаете, что их могут захватить? — спросила Валя, и подумала о Захарове. Страх за него сдавил холодным обрубком сердце. — Что же нам делать?

— Ждать, — спокойно ответил Карелин. — Не такой капитан человек, чтобы немцы захватили его врасплох.

Стрельба в селе начала стихать.

Захаров и Сологубов вернулись с полными вещевыми мешками.

— Неплохой салют устроили в вашу честь немцы, — со смехом сказал Карелин. — На любимую мозоль кому-то наступили?

— Ну их к дьяволу! — ответил Захаров. — Все шло хорошо, а начали выходить из села — «Хальт!» А у вас как?

— Лучше и не надо. Доктор немножко испугалась, но это пройдет.

Захаров присел рядом с Валею. В темноте нашел ее руку и крепко пожал. И от этого дружеского пожатия у Вали словно груз свалился с плеч. Как дорог стал ей этот человек!

• • •

На дневку расположились в глубокой степной балке, заросшей терновником. Пока мужчины разбивали бивуак, Валя собрала небольшой букет из полевых цветов. Голубой василек она приколотла себе на грудь. Вынула из кармана гимнастерки зеркальце, заглянула в него и чему-то улыбнулась. Она, видимо, была уверена, что находится наедине с собой. Но вдруг каким-то подсознательным чувством почувствовала, что на нее смотрят, и оглянулась. Валя покраснела. Взгляд ее, казалось, говорил: «Как не стыдно подсматривать!» Захаров смутился, будто и в самом деле подсматривал за Валею, хотя это и в голову ему не приходило.

— Простите, Валя, — извинился он. — Я не знал, что вы здесь.

Ему бы уйти, а он стоял и краснел, как школьник. Уж который раз он ловил себя на желании побыть наедине с девушкой, поговорить с ней о чем-нибудь таком, что не имело никакого касательства к войне, и каждый раз гнал от себя это желание. Он как-то робел перед Валею, боялся показаться в ее глазах смешным или пошлым. Вот и сейчас, постояв, пошел прочь.

— Куда же вы, Дмитрий, — вырвалось у Вали помимо ее воли.

Захаров лишь прибавил шаг. Вале захотелось заплакать. Почему? На это у нее была причина. Сколько раз она говорила себе, что любовь на войне — глупость, преступление, и все же радовалась своему новому чувству к Захарову; сколько раз повторяла, что капитан безразличен ей, что вообще думать о нем не надо, и все же думала. Казалось, ничего особенного сейчас не произошло, а Валя увидела то, чего не ви-

дела раньше. Ее вдруг охватило смятение перед догадкой, что ее чувство к Захарову сильнее, чем она предполагала... От этого ей стало почему-то страшно.

Когда Валя вернулась к товарищам, Захаров собирался за водой. Валя взяла чайник, намереваясь пойти с Захаровым.

— А вы, доктор, куда? — спросил озадаченный капитан.

— Хочу посмотреть, где бывает вода и как ее искать. Авось, пригодится когда-нибудь.

Глаза Захарова вдруг потеплели. Обрадовался? Может быть. Но капитан и самому себе не признался бы в этом. Хочет девушка посмотреть, где и как надо добывать воду — пусть, дело полезное.

Отошли от товарищей. И вот здесь, наедине, Валя неожиданно для капитана спросила:

— Дмитрий, ты уверен во мне?

Захаров обернулся. Он искал во взгляде Вали то, что давало ей право вдруг назвать его по имени. Искал и нашел.

— Иди, не оборачивайся, — попросила Валя.

Захаров, послушно зашагал по высокой траве. Некоторое время шли молча, а потом капитан сказал:

— Я не совсем понял... Как понимать?

— Не бойшьясь, что стану вам, мужчинам, обузой?

— Нет, не боюсь...

— Ну, спасибо, Дмитрий.

Опять некоторое время шли молча. Валя видела перед собой сутуловатого, сильного телом и духом человека с коричневой от загара шеей. Как могло случиться, когда случилось, что этот немного неловкий в движениях человек властно вошел в ее сердце, Валя не знала. А вошел он прочно, внеся с собой непонятную тревогу и радость. Валя нагнулась и сорвала желтенький цветок. Понюхала и бросила — от него исходил запах прелого хлеба.

Они подошли к пологому склону балки. Захаров осмотрелся и сказал:

— Здесь рыть надо.

— Как определил? — спросила Валя. Для нее место, выбранное капитаном, ничем не отличалось от других участков склона.

— Осока вон, — показал капитан на кустик осоки на дне балки.

— Там бы и рыть.

— Нет, вода дальше. Против осоки склон балки совершенно голый. Вода где-то здесь.

Захаров вырыл кинжалом небольшую ямку в жесткой глине. Внизу грунт был сырой, но воды не было. Капитан вырыл новую ямку, отступив от первой метра на полтора. Показалась вода. Вначале ямка наполнилась мутной жижицей, а потом забил родничок. Подождав, пока осела муть, капитан

набрал воды во флягу и подал ее Вале. Вода была холодной и мягкой. Пока Валя пила маленькими глотками живительную влагу, капитан наполнил водой и фляги и чайник. Свою флягу Валя наполнила сама.

— Ну, потопали! — шутливо сказал капитан, подвесив к ремню последнюю флягу.

— Посидим немного, — попросила Валя. — Вон там, — показала она под куст терновника, росший на ровной площадке на склоне балки.

Они поднялись по склону. Валя села на мягкий коврик травы, вытянула ноги.

— Ложись, а голову на колени, — сказала она.

Захаров послушно лег лицом вверх. Валя перебирала его жесткие волосы, а он смотрел на небо, которое было высоким и чистым — ни облачка. Так же светло было на сердце у Захарова.

И вдруг между бровей у него легла морщинка.

— Ты о чем думаешь? — спросила Валя.

— О чем? — глаза капитана повеселели, словно их омыло водой. Улыбнувшись, сказал: — В Киргизии есть горняцкий поселок Кок-Янгак. У меня там родители живут. А у них — моя Наташа. Восьмой годик пошел ей. Вот и пришло на мысль: могли бы вы подружиться с ней? — сказал, а сам почему-то закрыл глаза, словно боялся увидеть движение губ, которые сейчас скажут: «Нет, не смогла бы». Но услышал другое:

— О, мы еще подружимся, обязательно!

Валя осторожно приподняла голову капитана и неловко поцеловала его в обветренные, шершавые губы.

— Как ты назвал поселок тот?

— Кок-Янгак.

— Странное название.

— Совсем нет. В переводе на русский это будет — «Зеленый орех». Недалеко от поселка, в горах, расположены знаменитые роши грецкого ореха. Отдельные деревья растут и в поселке, но там плоды на них почему-то не вызревают. Вот отсюда, видимо, и пошло название поселка. А вообще природа там славная. Я люблю горы. А ты?

Любила ли Валя горы? Она и сама не знала, никогда не думала об этом. Она очень любила родной Урал — и горы его, и леса, и пади. Ответила:

— Не знаю. Наверное, люблю.

И сама засмеялась своему ответу.

Валя, подумав, спросила:

— Ты как-то сказал, что потерял жену. Умерла?

— Нет, бросила нас с Наташей...

Вернулись они к месту дневки такими же, как и уходили — внимательными друг к другу солдатами. Танкист спал под

кустом, усеянным великим множеством сине-зеленых мелких ягод, старшина охранял его.

— Далеко вода? — спросил старшина безо всякой задней мысли, но Валя зарделась.

— Нет, метров четырехста отсюда, — ответил Захаров. — Это мы с доктором посидели немного у родничка.

— Дикая утка голос подала, выводок созывает, — сообщил старшина. — Знать, водоем близко. Проверить хочу. В это время молодняк еще не на крыле, но тело набрал.

— Ну, что ж, проверьте, — разрешил капитан. — Осторожно только, тут где-то дорога недалеко.

Старшина зяял автомат и пошел вверх по балке.

— Как думаешь, он ничего не заметил? — спросила Валя, когда старшина отошел от них на порядочное расстояние.

— А что он мог заметить?

— Не знаю. Он о воде спросил. Мы, наверное, долго посидели там. Не надо, чтобы они догадывались. Тогда они ко мне будут по-другому относиться. Я для них была и останусь сестрой-товарищем.

— Да, так лучше, — согласился Захаров. — Ложись отдыхать, а я подежурю.

Валя устроилась в тени куста и скоро уснула. Капитан смотрел на загорелое, покрытое нежным пушком лицо Вали, и сердце его пело. Вспомнились слова Вали: «О, мы еще по-дужимся, обязательно!»

Захаров женился девять лет тому назад. Жена его, по специальности топограф, работала в той же поисковой партии, что и Дмитрий. Через год после свадьбы у них родилась дочка — смешной черноволосый человечек. Ребенка Вера оставила у матери Дмитрия, а сама продолжала скитаться по горам вместе с мужем. На все уговоры Дмитрия заняться воспитанием дочери отвечала: «И не подумаю. В домохозяйку превращаться...». Еще через год Вера заболела и была направлена на курорт в Грузию. Дмитрий писал ей часто — он очень любил жену. От нее же приходили коротенькие сухие записки. Но Дмитрий был рад им. Два месяца разлуки с женой показались Дмитрию вечностью. Но вот, наконец, пришла телеграмма. Она могла сообщить лишь об одном — о выезде Веры с курорта. Собственно, этого ждал Дмитрий, а содержание телеграммы было иным: «Не жди, я встретила и полюбила человека, о котором мечтала всегда. Не осуждай. Будьте с Натой счастливы». Вот и все.

Давно это было. Наташа осенью пойдет в школу, рана, нанесенная Дмитрию Верой, давно зажила. И вот теперь — Валя...

Старшина шел быстро, но внимательно вслушивался в звенящую тишину жаркого утра. Вслушивался он больше по привычке, чем из опасения. Четырнадцать лет провел старшина на границе. Служил на Карельском перешейке, а в лесу надо доверять не глазам, а слуху.

В мае старшина Карелин получил двухмесячный отпуск, отдыхал в родном колхозе, на берегу многоводной Оби. Началась война, и Карелин явился в райвоенкомат за помощью, надо быстрее добраться до заставы, к товарищам. Два дня просидел в военкомате, а на третий выяснилось, что спешить старшине Карелину, собственно, некуда: радио принесло печальную весть о героической гибели всей заставы. Слушал Карелин диктора, и слезы душили его. После попал в запасной полк, а оттуда его направили в Славянск.

Старшина поднялся по склону балки и остановился, как зачарованный. Совсем рядом, волнуясь на ветерке, стояла полоска ржи, выкрапленная голубыми васильками. Полоска чудом уцелела от огня, уничтожившего все поле. Пахло жизнью, таким счастьем, что у старшины дух захватило, тесно стало в груди. Старшина пересек угол нивы, вышел на забытый проселок. И снова остановился. На обочине дороги, на залитой кровью траве, лежал труп молодой женщины.

По воде в пруду шла маленькая волна: кто-то купался. Кто? Не видно Карелину из-за кустов. А вот того, что сидел на берегу пруда, видно было хорошо. Солдат, сняв сапоги с короткими раструбами голенищ, болтал ногами в воде, блаженно улыбался — хорошо! Рядом — два автомата, белье и мундир еще одного. Тот купался, а этот, видимо, охранял его. Вороненая сталь автоматов тускло поблескивала на солнце. Вдруг солдат насторожился, потянулся к оружию. Запоздалое — «хальт» застряло в горле: Карелин повалил солдата, вскочил ему на грудь. Немец попытался извлечь кинжал из ножен, но колено Карелина прижало его к земле. Пальцы Карелина удавкой сомкнулись на тонкой шее долговязого немца.

Когда тело стало неподвижным, Карелин столкнул его с обрывистого берега в воду. Проверив «рожок» автомата, Карелин крикнул второму немцу, ошалело стоявшему по горло в воде метрах в двухстах от берега:

— Давай сюда, гнида!

Он так выразительно махнул рукой, что немцу не надо было понимать по-русски, чтобы последовать к берегу, где ожидал его вооруженный русский солдат. Немец шел к берегу с поднятыми над водой руками. Не целясь, Карелин выстрелил. Немец качнулся вперед, схватился руками за

грудь. Между пальцев показалась кровь. Карелин выстрелил еще, и немец рухнул в воду.

Карелин подобрал одежду убитого, забросил ее в рожь. Возвращаясь к пруду, наткнулся на мотоцикл. Постоял, прикидывая в уме, что делать с ним. Вещь бесполезная для него, пусть лежит себе.

Карелин зашагал прочь от опасного места. А позади, в заросшей чаканом вершине пруда, опять призывно закричала утка.

Танкист и Валя спали. Захаров чистил пистолет. Старшина молча положил под куст два автомата. Сел и сам. Капитан ни о чем не спрашивал, автоматы говорили обо всем.

— Надо уходить? — через минуту спросил Захаров.

Старшина кивнул головой. И, видя, что капитан начал собирать недочищенный пистолет, жестом руки остановил его:

— Нам поговорить надо, а товарищи пусть поспят пока. Не знаю, правильно ли я поступил, убив этих, но иначе я не мог. Поймите, капитан, не мог! Там женщина наша лежит, убитая... Не могу так больше. Нет сил прятаться на собственной земле. Надо, чтобы они прятались от меня. Я пошел с вами в надежде, что нам удастся выйти к своим, а теперь вижу — не выйти нам. Накроют где-нибудь, как дважды два — накроют! Вы как хотите, а я уйду к Славнинску. Места те я немного знаю, леса там — только разворачивайся. Не верю я, чтобы там не было наших солдат. Пусть не роту, взвод соберем. Станем действовать так, что фрицам небо с овчинку покажется! А потом наши подойдут.

Карелин не сводил глаз с озабоченного лица капитана. Он ждал ответа. И капитан сказал:

— Ты прав, Константин. К такому решению и я пришел, а вот сказать об этом просто боялся. Если бы вы с Сологубовым отказались, куда нам с доктором? Коль вы говорите, что у Славнинска леса — пойдём туда.

Помолчали. Старшина, кивнув головой в сторону спящих, сказал:

— Жалко, а будить надо. Здесь оставаться нельзя.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

МАЙОР ЛЕБЕДЕВ

1

Пехотный полк занял наскоро подготовленную линию обороны на восточном берегу безымянной речушки. Вся оборона состояла из нескольких траншей полного профиля и пулеметных гнезд.

Это был один из многих полков, отходивших от самой границы — уставший, обескровленный в непрерывных боях, голодный. Несмотря на это, люди готовы были стоять до последнего. Сколько можно отступать, до каких пор? Не до Урала же?

Полк поддерживали артиллерийская батарея и остатки танковой роты.

Командир полка майор Лебедев, длинный, высушенный, как мумия, седой человек метался на топчане в штабной землянке в жесточайшей лихорадке. Адьютант Лебедева, молодой измученный бессонными ночами лейтенант, стоял с полотенцем в руках возле больного майора. Трудно было сказать, кто больше страдает: командир полка или его адъютант.

— Пить! — попросил майор, открыв глаза. — Пить, Алеша! — Он сделал попытку подняться, но измученное тело не слушало его.

Адъютант поднес майору кружку холодной воды. Лицо майора перекошилось в гримасе отвращения.

— Какой дрянью ты поишь меня? — простонал он. — Все лекарствами пичкаешь, воды тебе жалко? Из полка выгоню. Тебя и врача выгоню. Обоих.

— Вода это, товарищ майор, ключевая, — оправдывался адъютант. — А горечь, так это от хинина, во рту, она, горечь у вас.

— Сам ты хинин... Позови доктора, я ему прочитаю «молитву».

Позвать доктора... Еще вчера погиб военврач второго ранга Мачульский, но майору не говорили этой печальной вести — командир полка очень любил Мачульского. Еще раньше погибли начальник штаба капитан Петряев, заместитель командира полка по политчасти, батальонный комиссар Керженцев. Почти все штабные офицеры ранены... Связи с дивизией нет. Мало людей, мало боеприпасов. А оставить рубеж нельзя; нет приказа. Да и самому Лебедеву надоело отступление.

Минут через сорок Лебедев поднялся, зябко поеживаясь, словно на него подуло холодным ветром. Наскоро умылся, причесал ределькие, мягкие волосы. После этого коротко приказал:

— Водки.

Адъютант вышел исполнять приказание. Лебедев же склонился над картой, разостланной на столе. Красный карандаш быстро-быстро заходил по желтому полотну карты. Похоже было, что майор боится, как бы приступ болезни не повторился и не помешал ему сделать что-то весьма срочное, хотя приступа можно было ожидать теперь только через двое суток.

Вошел адъютант в сопровождении повара штабной кухни, пожилого мурманского рыбака Кочнов. Адъютант принес стакан водки. Кочнов — закуску и большой глиняный кувшин.

— Что? — спросил коротко и строго Лебедев, показав на кувшин.

— Отвар тёрна, товарищ майор, — ответил Кочнов. — Не ахти какая ягода, а отвар хороший. Сахару только много надо.

— Налей.

Кочнов налил Лебедеву солдатскую кружку отвару. Лебедев выпил. Подождав, налил сам и выпил одним дыхом, как с похмелья. Налил и выпил еще.

— Что же раньше не варил такого?

Кочнов виновато улыбнулся:

— Не знал, товарищ майор, что эта ягода гожа на что-нибудь. У нас ведь нет ее. Ребята, здешние рожакки, посоветовали.

— Эх, ты... Поваром называешься! Чтобы этот твой отвар не переводился. Понял?

— Понял, товарищ майор!

Лебедев снова склонился над картой. Об еде он, казалось, забыл.

— Вызовите капитана Хмельницкого, — приказал он адъютанту. — Батальон пусть сдаст старшему лейтенанту Бакудину. Не могу я без заместителя.

Командир первого батальона капитан Хмельницкий был кадровым офицером, образованным и способным, любимцем Лебедева и всего штаба. Удача, военное счастье сопутствовали этому человеку. Не было случая, чтобы Хмельницкий не выполнил приказа, провалил операцию. Но самым ценным было то, что первый батальон всегда меньше других нес потерь в людях. Хмельницкого любили солдаты, смело шли за ним. Комбат был строгим, требовательным, но и справедливым. А известно, что нет более верного пути к сердцу солдата, чем справедливость.

Лебедев вышел из землянки. Часовой у входа, пожилой рыжеусый кубанский чабан Никита Силантьев, козырнул командиру полка.

— Ну, что, Силантьев, что слышно? — обратился к нему Лебедев.

— Пока тихо, товарищ майор, — ответил польщенный Силантьев. — А вы, значит, поднялись?

— Да вот поднялся.

— Нет болезни пакостнее, чем эта самая лихоманка. Всякая другая болезнь имеет свой срок, а эта — бессрочная. У нас, на Кубани, многие страдают от нее, особенно приезжие.

Лебедев осмотрелся. Солнце стояло высоко, нещадно палило землю. Лебедев выбрался из траншеи. На западе протянулась лента реки. Берега ее пологие и голые, но восточный командует над западным. Если немцы попытаются атаковать полк в лоб, им не избежать неприятностей. А фланги? Судя по данным штаба, на фланги надежда плохая: берега там не так доступны, но людей и боеприпасов еще меньше. Лебедев повел биноклем вдоль линии обороны: окопы, хода сообщения, артиллерийские позиции. Закопанные танки Лебедев нашел на стыках рот. Все в одну линию, тут уж не до эшелонирования.

К Лебедеву подошел помощник начальника штаба по разведке капитан Кукушкин, саженого роста красавец.

— Каковы данные о противнике?

— Разрешите доложить?

— Затем и спрашиваю, — резко бросил Лебедев. Он недолюбливал капитана за хвастовство, излишнюю самоуверенность и нерасторопность в делах службы. Лебедев не помнил случая, чтобы ему дали данные о противнике тогда, когда он больше всего нуждался в них.

— Танки противника замечены в поселке совхоза «Красное», — сообщил Кукушкин.

— Много? — спросил Лебедев.

— Порядочно.

— А точнее?

— Видите ли., — начал было Кукушкин, но сейчас же отсекается под гневным взглядом Лебедева.

— Кто ходил в разведку?

— Лейтенант Безменов.

— Вот он пусть и доложит, а вы — свободны, капитан.

— Как вам угодно, — недовольно буркнул Кукушкин.

— Мне угодно так, как я сказал. Можете идти. Кстати, пошлите ко мне командира саперов. Ну, что вы так смотрите? Вчера из дивизии к нам прибыл лейтенант... Фамилия у него какая-то мудреная. — Может быть, впервые Лебедев забыл фамилию подчиненного. — Поищите, он где-нибудь возле штаба, наверное.

Кукушкин козырнул и зашагал к небольшому степному кургану, в который был «врыт» штаб. Лебедев проводил равнодушным взглядом складную фигуру капитана.

Командир саперного взвода нашел Лебедева в глубокой щели, вырытой солдатами в жесткой сероватой земле. Лебедев, словно разбуженный голосом лейтенанта, поднял глаза. И сейчас же у него возник странный вопрос: «На кого похож этот лейтенант?» Определил: на полкового инженера Никитина. Оба грязные, небритые, какие-то придавленные, безвольные. Лебедев подумал: «Как с одной колодки сняты. Почему они такие?». В самом деле, почему? Лебедев догады-

вался, что командира саперов и полкового инженера, несмотря на разницу в годах, делал похожим друг на друга безотчетный страх. Оба они хорошо знали, что в полку очень мало людей и боеприпасов, что рубеж обороны не стоит и выеденного яйца, а силы противника неизвестны. Если немцы вздумают всерьез «ломать» оборону, то от полка вряд ли что останется. Страх делал обоих офицеров полумертвецами.

Трусость в глазах Лебедева была худшим недостатком в человеке. Известный химик-исследователь, он долгие годы занимался очень опасной работой. Перед ним всегда стояла определенная цель, и она так занимала его, что Лебедев ничего другого не замечал, не думал об опасности. Не думал еще и потому, что знал: катастрофы не избежать. Уверенный в определенном конце, он не обзаводился семьей, мало заботился об удобствах в личной жизни. Но годы шли, а катастрофа не приходила. То ли Лебедев был счастливее своих предшественников, то ли нервы у него оказались крепче, то ли еще почему, но катастрофа так и не пришла.

Когда Лебедева вызвали в военкомат и объявили ему о мобилизации, он сказал: «Я готов». И это — «Я готов» было сказано с таким безразличием к себе, что белый, как лунь, военком рассердился.

— Может, вам надо напомнить, что вас не на прогулку отправляют? — спросил он.

— Нет, этого не требуется. — улыбнулся Лебедев.

— Сколько вам нужно времени, чтобы уладить все домашние и служебные дела?

— Сутки.

— Сутки? — переспросил военком.

— Одни сутки. Личные дела у меня улажены, служебные же много времени не отнимут. Я могу идти?

— Можете. Явитесь через трое суток готовым к отправке.

Лебедев повернулся совсем по-штатскому и вышел. Он не задал себе вопроса, почему его, специалиста, имеющего «бронь», мобилизуют, в качестве кого он будет использован в армии? Он сказал самому себе: «Так надо», и все стало на свое место. Лабораторию он сдал своему заместителю, ключ от квартиры снес в горжилуправление.

Лебедева назначили начальником штаба полка, а неделю спустя погиб командир полка, и Лебедеву приказали принять полк. Это случилось почти у самой границы, на берегу многоводной реки. А сейчас полк Лебедева занял оборону на безвестной степной речушке, за многие сотни километров от границы. Полк прошел этот путь, выиграв около двадцати больших и малых боев. Надо было выиграть и предстоящий, и если уж нельзя будет выиграть бой, то выиграть время. Позади город, а обороны никакой, ее надо еще создать. Отсюда и приказ лебедевскому полку: «Стоять до последнего!»

— Берег заминировали? — спросил Лебедев переминавшегося с ноги на ногу лейтенанта.

— Так точно!

— Покажите границы минных полей.

Лейтенант присел на корточки, развернул большой лист карты. Взгляд Лебедева прошелся по обоим берегам реки и остановился на линии проселка. Кромка минного поля чуть-чуть не доходила до этой линии. На бледных щеках майора вспыхнул румянец.

— А это что? — ткнул он бинноклем в карту. — Почему проселок не перешагнули?

— Наш участок кончается у проселка, сам проселок — у соседа.

— А сосед что с ним сделал?

Лейтенант пожал плечами.

— Не знаете?

— Не было приказа...

— Шляпа вы, а не командир саперов, — махнул рукой Лебедев. — Берите солдат и отправляйтесь к соседу. Учтите, если по проселку пройдет хоть один танк, быть вам без головы.

Когда капитан Хмельницкий вошел в командирскую землянку, Лебедев сидел за картой. Он запросто пожал капитану руку, кивнул головой на карту:

— Посоветоваться надо, Андрей Тимофеевич.

— Рад помочь, товарищ майор.

— А как Бутков? Отправили в тыл?

— Отправили. Жаль, хороший солдат.

Бутков был старый артиллерист, человек рассудительный и бесстрашный в бою. Утром он был ранен осколком бомбы, сброшенной немецким истребителем.

— Как вы думаете, Андрей Тимофеевич, где немцы прежде всего нажмут на нас?

Хмельницкий в деталях изучил участок обороны полка, но сейчас еще раз окинул взглядом карту. Лебедев всегда считался с мнением капитана, кадрового военного, человека с острым подвижным умом. Река на участке полка суживалась до пяти — шести метров, глубина же ее доходила до восьмидесяти сантиметров: она не являлась серьезным препятствием для танков. Вправо и влево от участка полка река была значительно шире, а берега ее заболочены. Мост был разрушен раньше, и на его месте образовался омут.

— Атаковать нас они будут в лоб, вот в этом направлении. Соседи наши прикрыты топкими берегами.

— Так и я считаю. А поэтому не следует ли нам вывести людей на фланги? Сосредоточенные удары по танкам и живой силе с флангов будут очень эффективны. Огонь откроем, когда танки подойдут к самой реке.

— Разумно, — тихо, словно про себя, сказал Хмельницкий.

Прошло полчаса. Командиры все еще сидели над картой. А роты уже скрытно, по ходам сообщения, отходили на фланги участка обороны.

Когда солнце начало клониться к закату, появился самолет-корректировщик врага. Желтокрылый уродец то уходил в сторону от линии обороны, то снова возвращался. Почти на бреющем полете проносился над окопами, гудел, как рассерженный шмель. Летчика, видимо, удивляло кажущееся безлюдье в окопах.

Корректировщик поднялся вверх и повис над окопами. И сейчас же на оборону обрушился шквал артиллерийского огня. Немцы били из орудий большого калибра, пристрелялись быстро — помог корректировщик. Снаряды рвались в окопах и ходах сообщения именно там, где Лебедев ожидал танкового удара. Все вокруг — земля, воздух, вода в реке — дрожало мелкой лихорадочной дрожью.

Лебедев и Хмельницкий стояли в неглубоком окопе связистов на левом фланге.

— А ведь хорошо бьют, мерзавцы, — одобрительно отзывался Лебедев о «работе» немецких артиллеристов.

Издали дошел гул моторов. Лебедев поднял бинокль. По степи развернутым строем шли танки. Уменьшенные расстоянием, они казались небольшими коробочками. Около двух десятков... За танками густо следовала пехота.

— Жарко нам придется, — сказал Лебедев.

Над окопами снова появился корректировщик. Когда он проходил над левым флангом участка полка, из окопа, выдвинутого чуть вперед от основной траншеи, ударил короткой очередью ручной пулемет.

— Слабенькие нервишки у пулеметчика, — констатировал Лебедев. — Придется...

Майор не закончил фразы. Самолет резко взмыл вверх, дернулся, лег на крыло и скользнул вниз. У самой земли он перевернулся и вспыхнул, как большой костер.

— К награде мошенника! — воскликнул довольный майор.

Танки приближались, постреливая на ходу. На участке обороны вырастали и быстро оседали фонтаны земли и дыма. Окопы молчали. Вот передние машины заметались по берегу, выскывая брод. К ним подошли задние, сгрудились.

— Пора, пожалуй, — сказал Лебедев и выстрелил из сигнального пистолета. Ракета, прочертив в воздухе крутую полудугу, распустилась махровым красным цветком. Дружно ударили пушки батарей и лебедевских танков, словно молотки клепальщиков, застучали пулеметы. Несколько вражеских танков вспыхнуло, остальные бросились от берега, налетели на задние. Заметались немецкие пехотинцы, словно тараканы.

ны, в которых плеснули кипятком. Поднялась суматоха. А пушки били и били в плотную стену из машин и солдат. Несколько танков, сманеврировав, выбрались на правый берег. Они открыли беглый огонь по артиллерийским позициям, но и сами загорелись. Казалось невероятным, что стальные чудовища могут гореть с легкостью костров из сухих дров. Теперь уже на западном берегу реки горело одиннадцать машин, а две стояли с перебитыми гусеницами. Майор Лебедев имел основание быть довольным своими артиллеристами.

Шесть оставшихся танков, сопровождаемые частыми разрывами снарядов, увели пехоту в степь.

Лебедев выпустил в воздух две зеленых ракеты — сигнал к прекращению огня.

— Командирам батальонов доложить о потерях в людях и о расходе боеприпасов! — сказал он, обращаясь к телефонисту.

Комбаты доложили, что потери в людях небольшие, а боеприпасов израсходована одна треть. Но у артиллеристов дела хуже — разбито шесть орудий, израсходована половина снарядов. Это было как раз то, чего боялся Лебедев. В людях он был уверен — они выдержат до конца, каким бы он ни был, а без боеприпасов долго не продержаться. Он приказал радистам возобновить поиски штаба дивизии.

Солдаты приводили в порядок окопы, раненых отправляли в тыл, убитых — предавали земле.

Прошло несколько часов. И вдруг на проселке показался возвращающийся полковой мотоциклист, а за ним — легковая автомашина с маскировочной сеткой на кузове. Солдаты сразу повеселели, хотя не знали, кто и с какими вестями едет в полк.

В машине приехал незнакомый Лебедеву генерал-майор, низенького роста краснощекий старичок, и франтоватый артиллерийский подполковник.

— Ваша работа? — спросил генерал у Лебедева, показывая рукой на все еще чадающие черным дымом танки, хотя вопрос был излишним: и так было ясно, чья это «работа». — Молодцы, — одобрительно крякнул он, потирая руки, словно они у него озябли. И, обращаясь к подполковнику, распорядился: — Запишите для наших солдат все подробности того, что здесь произошло. Рассказать надо, особенно необстрелянным.

Генерал критическим взглядом окинул оборону и спросил:

— Как долго сможете продержаться здесь?

— Приказано стоять до последнего.

— Этого мало, майор.

— Знаю. Будем стоять, пока боеприпасы израсходуем.

— А потом? — быстро спросил генерал.

— Потом? Винтовки у солдат со штыками, есть немного

гранат. Сделаем все, что возможно. Нам бы боеприпасов, да и люди голодные.

В голосе майора не было ноток жалобы, и это очень понравилось генералу. Он чувствовал, что в этом худом человеке заложена огромная воля и совсем отсутствует страх. А эти два качества в людях генералом ценились очень высоко.

— Я вскрыл ваш пакет, майор. Извините, тут уж не до формальностей. Штаб вашей дивизии черт знает где, а в обороне этого участка я очень заинтересован: моя войска готовят оборону за вами. Боеприпасов дам, сколько требуется. Доставят и продукты, дадим махорки, хотя и сами бедны этим добром. Наша просьба, требование, если хотите — продержитесь сутки. Завтра ночью можете отойти за нашу линию обороны. За это время мы подготовимся. Продержитесь?

— Продержимся, товарищ генерал, — заверил Лебедев.

— Верю вам, майор.

Генерал докурил папиросу и, посмотрев на пригоревший мундштук с золотыми буквами фабричной марки, крикнул шоферу:

— Илья Ильич, у нас в машине есть папиросы?

— Имеются, товарищ генерал.

— Тащите их сюда.

— Все? — спросил удивленный шофер.

— Все, все.

— Но их очень много.

— Вот и хорошо, что их много, черт вас дерит, — крикнул генерал. — Вот товарищу майору оставьте их. — И, обращаясь к Лебедеву, сказал: — Пойдем к солдатам, поговорить с ними хочу.

...

Немцы не показывались до утра следующего дня. Лишь артиллерия их методично била по обороне полка, а с рассветом над окопами, словно привязанный к земле невидимой нитью, повис двухфюзеляжный самолет-корректировщик. Лебедев знал, что немцы предпримут новую атаку: им крайне необходимо раздавить полк, знал, что придется трудно, но был спокоен. Генерал-майор оказался человеком щедрым. Теперь у Лебедева было всего вдоволь: снарядов, патронов, продуктов. Людей было мало, но это были солдаты, прошедшие испытание огнем. К тому же за сутки полк еще глубже закопался в землю.

День обещал быть жарким. С раннего утра установилась тяжелая духота. В тусклом, словно покрытом налетом свинцовой пыли, небе кружил самолет, похожий на диковинную птицу.

Бомбардировщики немцев появились в восьмом часу утра. Это были тяжелые двухмоторные машины новой конструкции — быстроходные, с хорошими приборами для бомбометания. Шли они, соблюдая какой-то свой порядок, хотя с земли казалось, что идут они скопом, как попало. Лебедев наблюдал за ними из глубокой щели, вырытой для него саперами метрах в десяти от землянки. Он считал, что при артоналаетах и бомбежках щель куда надежнее, чем полевой блиндаж-землянка — может быть, только потому, что прямое попадание в блиндажи видал несколько раз, а того, чтобы снаряд угодил в глубокую щель — не приходилось. Лебедев гадал: над участком полка разгрузятся бомбардировщики, или уйдут на новую линию обороны в тылу. И, как ни странно, ему хотелось, чтобы бомбовой груз воздушные бандиты сбросили на участок его полка — на новой линии дорог каждый час работы. Не дойдя до реки, самолеты разделились на две группы — одна влево, другая — вправо. Они намеревались, видимо, бомбить фланги. Лебедев был очень доволен. Еще вчера вечером он приказал батальонам сосредоточиться в центре участка обороны, оголив фланги. Он правильно рассчитал, что немцы после вчерашней неудачи, будут бить по флангам.

От самолетов стали отделяться черные капли бомб, которые потом пропадали, словно таяли в воздухе. Послышался неприятный, леденящий мозг вой стальных громадин, летящих на землю с огромной скоростью. Лебедев стоял в окопе до тех пор, пока первые бомбы не упали на землю. Разорвались они со страшным громом. От гари и пыли стало трудно дышать. А взрывы все учащались. Теперь они слились в один сплошной гул.

Бомбежка длилась минут двадцать, хотя Лебедеву эти двадцать минут показались часом. Самолеты улетели, но сейчас же начался массивированный артоналет. Он длился до появления в воздухе новой группы бомбардировщиков.

Так и сменялись бомбежки артоналаетами, артоналаеты — бомбежками. Казалось невероятным, чтобы кто-нибудь остался жив на клочке земли, на который были сброшены сотни тонн металла, начиненного взрывчаткой. Почти весь восточный берег реки лежал черным, словно паровое поле. И лишь с центра участка все еще виднелась поблекшая трава.

Наступление началось в двенадцать часов танковой атакой. Танков было несравненно больше, чем вчера, да и сами машины были более мощные. Шли они группами на большой скорости, изрыгая огонь и металл. Били они наугад, часть снарядов ложилась даже на западном берегу. Чем ближе подходили танки к реке, тем больше отклонялись они к флангам участка лебедевского полка. За ними густой массой шла пехота.

Лебедев ракетой подал сигнал к открытию огня. Огонь

был столь мощным, что казалось, сама истерзанная земля встречает врага адовым огнем. В этом чувствовалась уверенность людей: если артиллерист, стрелок знает, что боеприпасов достаточно, он стреляет увереннее, точнее.

Горели танки, как трава под косой ложилась пехота, но атака не ослабевала. Видимо, немцы решили любой ценой заставить полк уйти с берега реки. Несколько танков перешли реку.

— Пропали! — истерично завопил командир саперов при виде того, как на окоп, в котором он сидел вместе с пулеметным расчетом и командиром взвода пулеметчиков старшиной Петровым шли два танка.

— Пошел бы ты, сапер, знаешь куда? — зло выругался Петров. Он извлек из ниши окопа связку гранат. Танк был уже близко — в окоп посыпалась земля. Петров, на какой-то миг вынырнув из окопа, толкнул почти под самую гусеницу машины гранаты. Сапер не слышал взрыва, не видел того, как стальная махина дернулась и остановилась, потеряв гусеницу. Лейтенант, низко пригнувшись, побежал по ходу сообщения. Куда? Зачем он бежал? Он и сам не знал этого. Страх перед танками лишил его способности мыслить здраво. Он не замечал ни трупов, о которые спотыкался, ни того, что творилось вокруг. Он видел перед собой лишь серо-зеленое чудовище, ползущее на окоп. Ход сообщения внезапно кончился, и лейтенант выскочил из него. Выскочил, и тут же остановился: из хвоста огня, дыма, пыли и сплошного грохота боя на него действительно шел танк с отполированными до блеска траками гусениц. Гусеницы подбирали под себя землю, неумолимо приближались к лейтенанту, угрожая подобрать под себя и его. Лейтенант поднял руки. Глаза его, расширенные от ужаса, были прикованы к чудовищу, которое вот-вот надвинется на него. Но танк вдруг резко свернул и остановился. Открылся люк, и из стального чрева его бросились к лейтенанту два немца...

Лебедев руководил боем из окопа, открытого на вершине небольшого кургана в центре обороны полка. Отсюда ему была видна вся картина происходящего на обоих берегах реки. Командиры подразделений, связанные с Лебедевым телефонами, слышали спокойный голос командира полка именно тогда, когда им приходилось особенно трудно. А ничто так не вселяет уверенности в действия подчиненного, как спокойствие старшего, как его ободряющее слово в трудную минуту.

Лебедев видел, как на позициях артбатареи завязалась рукопашная с просочившимися туда немцами.

— Командира автоматчиков! — протянул он руку к связисту, чтобы взять трубку телефона.

В это время крупнокалиберный снаряд ударил в бруствер лебедевского окопа. На какое-то мгновение майор почувствовал, что летит в пропасть...

НОЧНЫЕ ТЕЯИ

1

Тому, что немецкие военные шоферы предпочитают не ездить по ночам, было свое объяснение. Дороги плохие, местность незнакомая, а ездить приходилось с одними подфарниками. Правда, находились смельчаки, которые пытались разъезжать по степным дорогам с зажженными фарами грузовиков, но утром от машин находили лишь обгорелые остовы, а от шоферов — обугленные трупы, да и то если машины не везли ничего такого, что могло взрываться. Советская авиация ночью работала превосходно. Но не только авиация подстерегала немецких автомобилистов. Даже в ненастные ночи, когда советские самолеты мокли на аэродромах, на степных дорогах гремели взрывы, дымными кострами полыхали автомашины, груженные снарядами, продовольствием, горючим. Немецкое командование создало специальные команды сопровождения автоколонн, но где набраться охранников на все так растянутые коммуникации? Пехотные полки и те не получали нужного количества живой силы — так велики были потери. Командование применило к местным жителям жесткие меры: за уничтожение автомашины отвечала вся деревня, в районе которой произошло нападение на транспортные колонны. Из таких селений брали заложников, на крестьян накладывалась огромная контрибуция. Заложники никогда не возвращались назад, а контрибуция обрекала на голод сотни людей. Но чем больше немцы брали заложников, чем тяжелей была контрибуция, тем чаще горели машины, тем смелей действовали те, кто преграждал путь автомашинам к фронту.

Все чаще и чаще военные шоферы под любым предлогом останавливались на ночевки в селах и городах. Машины горели и здесь, но шоферы при этом ничем не рисковали. Эта боязнь таинственных русских ночей и дорог охватила автополки.

Между деревнями Ипатово и Кержаком — тридцать два километра. Ипатово — районный центр, Кержак — селение небольшое. Через них проходила улучшенная автомобильная дорога. Начиналась эта дорога где-то у самой границы и далеко на востоке вливалась в автостраду, ведущую на Москву. С севера к дороге во многих местах подходили овраги, заросшие терновником, кустами шиповника, ежевикой — не пройти. В глубоких оврагах с крутыми рыжими берегами всегда сыро, стоит запах прелых листьев. Овраги — вотчина степных

волков. Здесь они выводили волчат, здесь утренними зорями устраивали свои «концерты». С юга к дороге вплотную подступал старый лес.

Автомобильная дорога для немецких войск представляет большую ценность. Железная дорога проходит в стороне, а участок фронта за последнее время стал требовать особенно много солдат, техники, боеприпасов. Советские войска, зацепившись за выгодный рубеж, остановили наступающие части врага и вот уж который день перемальвали их.

До последнего времени дорога считалась вполне безопасной. И вдруг началось и здесь. Счет потерь на дороге открыл адъютант командира танкового корпуса «Стальной меч» лейтенант Глобке, отправившийся в отпуск в Германию. Что с ним произошло на перегоне Ипатово—Кержак, у группы оврагов, носящих общее название — «Лосиная западня», останется для немецкого командования навсегда тайной. Лейтенанта, его денщика и шофера нашли убитыми в машине. Исчезло оружие, личные документы немцев и чемоданы лейтенанта.

Поговорка гласит: «Лиха беда — начало». Два дня спустя после гибели Глобке почти на том же самом месте подорвались на минах два бронетранспортера с солдатами и три машины с горючим. А потом костры из автомашин запылали один за другим. Лишь после этого немецкое командование выставило на участке дороги Ипатово—Кержак три полицейские заставы, а автомашины здесь стали проходить лишь под усиленной охраной конвоя мотоциклистов, вооруженных пулеметами.

Полицейская застава на дороге — это небольшой деревянный домик, обнесенный проволочным, в три кола, ограждением, два пулеметных гнезда. Гарнизон заставы небольшой, обычно восемь-десять патрульных, комендант заставы и его помощник. Жизнь гарнизона однообразная, скучная и далеко не безопасная. Полицейские «дуются» в карты или читают надоевшую до тошноты «Инструкцию по охране дорог от партизан». Гарнизон живет на заставе две недели в месяц, остальные две — отдыхает, вернее, пропивает полученные за службу в дорожной полиции «оккупационные марки». Немцы посещают заставы редко, отсюда — частые нарушения инструкции: патрулируют полицейские не по два, как строгойше предписывает инструкция, а всем кагалом: в непогоду, когда, по инструкции, полицейские должны непрерывно патрулировать на участке заставы, они отсиживаются в домиках; отлучка из заставы строгойше запрещена, но полицейские чуть ли не каждый день отправляются в ближайшие деревни «на промысел».

Ночь. С самого вечера шел дождь. Он стучал по железной крыше домика заставы, барабанил в окна, хлюпался в лужах

воды на дороге. По стеклам окон стекали струйки воды. Кому же охота в такую погоду бродить по дороге или мокнуть у пулеметов! Партизаны? Они, небось, тоже сидят в своих лесных убежищах, носа не покажут — не из железа скроены. Это так ясно, что все одиннадцать полицейских заставы № 3 собрались в домике. Даже пулеметчики и те оставили свои посты. Но не только дождь загнал полицейских под крышу. Каждому хочется посмотреть, удастся ли полицейскому Соплову отыграться в «очко». Два дня тому назад он проиграл коменданту заставы Перлову не только все то, что имел, но и задолжал немало. Законы карточной игры одинаковы: проиграл — плати, а если не платишь — морду набьют. Соплову платить было нечем, и комендант отпустил его «на промысел». По этой части Соплов не имел себе равных на заставе. Другие полицейские выходили на добычу днем и всегда группой, Соплов же промышлял в одиночку, ночами. Что ни темнее и печальнее ночь, та и его. Приносил деньги, сало, дорогую посуду, часы, обручальные кольца и даже золотые коронки с зубов. Вот и сегодня он вернулся на заставу не с пустыми руками. Игра шла крупная: на столе между банкометом и Сопловым лежали деньги, часы, дюжина серебряных ложек, несколько золотых и серебряных пательных крестов.

Перлов «стучал», и Соплов хотел забрать весь «банк». При раздаче карт к нему пришел туз.

— На сколько? — спросил Перлов, кивнув головой на «банк».

Соплов не успел ответить: дверь распахнулась, и в домик вошел обер-лейтенант в сопровождении трех автоматчиков в форме авиадесантных войск. Ошеломленные полицейские застыли по стойке «смирно».

— Кто здесь комендант? — строго спросил обер-лейтенант. Ни один из полицейских не владел немецким, вопрос офицера остался без ответа.

Вперед вышел небольшого роста круглолицый автоматчик. Полицейские были поражены: перед ними была молодая женщина. На чистейшем русском языке она сказала:

— Господин обер-лейтенант спрашивает, кто здесь комендант?

— Я комендант заставы, — вышел из-за стола Перлов. Голос его дрожал. По инструкции, он мог пропустить за ключую проволоку лишь людей, назвавших пароль, эти же вошли безо всякого пароля, как в собственный дом. Теперь уж неудобно спрашивать: неизвестно, кто эти немцы и чего им надо. Перлов чувствовал себя виноватым: на дороге ни одного патруля, пулеметы без присмотра.

Обер-лейтенант продолжал спрашивать через переводчицу.

— Сколько людей в гарнизоне?

— Двенадцать со мной, — ответил Перлов.

— Почему же все они здесь? Кто несет службу?

— Виноваты, господин обер-лейтенант, — пробормотал Перлов. — Нелюбопытная загнула под крышу. Сейчас отряжу патруль. — Он не заметил того, что в глазах немца играли веселые искорки. Он видел лишь офицерские погоны на мокром плаще немца и неподвижное, словно у статуи, лицо переводчицы. Женщина в оккупационных войсках немцев — явление очень редкое, но эта, видимо, исполняла свое дело не хуже мужчины. Да и сам обер-лейтенант не из трусов: офицера на ночной дороге встретишь не часто. — Разрешите, господин обер-лейтенант, отряжать людей на службу?

— Зачем же так торопиться? — уже по-русски сказал обер-лейтенант. — Поднимите руки!

Дула трех автоматов уставились на полицейских, которые послушно подняли руки. Полицейских разоружили, связали руки.

Запел зуммер полевого телефона, установленного на подоконнике.

— К вам? — спросил у Перлова обер-лейтенант.

Перлов кивнул головой. Офицер подошел к аппарату, поднял трубку. Нажав на рычаг, услышал слабый голос:

— Перлов?

— Дежурный. Перлов вышел.

— Как дела?

— Мокнем. Проклятая погода.

— Тихо у вас?

— Тихо.

— С первой заставы Осинцев звонил. Вышла большая колонна машин. Что-то важное везут — офицеры сопровождают. Встречайте.

— Постараемся.

Офицер положил трубку.

— Карелин, займитесь этими гадами, — указал он взглядом на полицейских, — а мы подготовим дорогу.

На минирование дороги ушло порядочно времени. Валя и Сологубов носили из оврага мины, а Захаров и Карелин устанавливали их на дороге с помощью ломика и лопаты. Делали они это со сноровкой хороших саперов.

— А как с пулеметами? — спросил Сологубов, когда заминировали дорогу. Он был равнодушен к оружию. Если бы хватило сил, он бы и пушку таскал за собой.

— Пригодятся и пулеметы, — ответил Захаров. — Встретим фрицев их же пулеметами.

Дождь усиливался. Зелено-желтые плащ-палатки плохо спасали от воды. Особенно доставалось ногам: в широкие голенища стекала ручьями вода. Над пулеметными гнездами

чернели в темноте навесы, земля под навесами покрыта сухим сеном.

— Эка, красота какая! — выдохнула Валя, опускаясь на сено. — Тут и уснуть недолго.

— Некогда будет спать, доктор, — отозвался в темноте Карелин. Он и Сологубов называли Валью только доктором. — Подойдет колонна — немало придется поработать.

Карелин лег рядом с Валей, проверил замок у пулемета.

— Исправный? — спросила Валя.

— Как часы.

— Вы убили их? — спросила Валя, имея в виду полицейских.

— Собакам — собачья смерть.

— А вы уверены, что все они были собаками?

— Нам разбираться в таких делах некогда, — сухо ответил Карелин. — Пройдет время...

Карелин, не докончив фразы, вслушался в шум дождя.

— Идут, — сказал он.

Валя тоже напрягла слух. Сквозь шум дождя и ветра доносило временами гул моторов. Вале на какую-то секунду стало страшно. Но рядом был Карелин, и страх прошел. А гул моторов нарастал. Карелин поправил металлическую пулеметную ленту и сказал Вале:

— Следите, чтобы она не перекручивалась во время стрельбы. А голову держите пониже...

Из-за поворота дороги на бешеной скорости вылетели два мотоцикла. Мощные снопы света мели мокрое полотно дороги.

— Подорвутся? — спросила Валя, стараясь унять дрожание рук.

— Пролетят, — успокоил ее Карелин. — Для противотанковой мины мотоциклы легки.

Мотоциклы, разбрызгивая воду и грязь, пролетели мимо заставы.

— Пронесло, — облегченно выдохнула Валя, не совсем уверенная в том, что мотоциклы пройдут через минное поле.

Показалась колонна грузовиков. Тяжелые, укрытые брезентом, они один за другим, словно их метали из катапульты, пронеслись мимо заставы, к роковому для них заминированному месту. Мимо Карелина и Вали проходила, наверное, двадцатая машина, когда за правым пулеметным гнездом раздался оглушительный взрыв. Казалось, он расколол небо, взметнул вверх землю со всем, что на ней было — лесом, заставой, колонной машин. Ночная темнота наполнилась скрежетом металла, треском ломающегося дерева, криками немцев. Посланная в воздух Захаровым ракета на некоторое время отогнала темноту от дороги. И сейчас же к общему хаосу звуков прибавились размеренные выстрелы пулеметов. Запы-

дали автомашины — одна, вторая, третья. Видно было, как возле тех машин, которые еще не тронул огонь, в панике мечутся немцы. Некоторые из них начали было обстреливать пулеметные точки, но быстро оставили это опасное занятие. Теперь уже горели десятки машин, а пулеметы все стреляли и стреляли. Но вот в воздухе появилась зеленая ракета — сигнал к отходу.

— Пошли, доктор! — скомандовал Карелин. — Через лаз за домиком, в овраг.

Валя, прыгнувшись, скрылась за домиком заставы. Вынув из пулемета замок, Карелин бросился за ней. Пулемет Захарова стрелял немногим дольше, затем затих и он.

2

В Кержаче, во дворе, где раньше была колхозная бригада, между машинами не пройти: стоят вплотную друг к другу. Двор просторный, но и остановился здесь целый автобатальон вопреки приказу, запрещавшему ночевки в селах. Есть вещи пострашнее приказов самого высокого начальства. Командиры колонн знали, что произошло на днях у заставы № 3: сгорело тридцать восемь машин, погибло много людей. Нападение на автотранспорт — явление обычное, этим никого не удивишь, но столь дерзкого налета еще не было. Тому, кто подписал грозный приказ, легко рассуждать о доблести немецкого оружия — он сидит где-то в Германии, а здесь каждый человек — враг, за каждым кустом — притаилась смерть. Нет, приказ приказом, а командиры автоколонн предпочли провести ночь в просторном бригадном доме, под охраной автоматчиков. Вооруженные шоферы спали в домах поблизости.

Темно. С высокого небосвода на уснувшую землю подслеповато смотрели неяркие звезды. Тишина. Лишь спросонья сбрехнет собака да не вовремя пропоет чудом уцелевший от немецких реквизиций петух. Перекликались часовые:

— Пауль!

— Отто!

Один из них ходил по западной границе двора, второй — по восточной. Южная и северная прикрыты постройками. Часовым боязно. Оба они необстрелянные, а об этой стране рассказывают столько ужасного! Вот почему в ночной темноте часто раздается:

Отто!

— Пауль!

Когда услышишь голос товарища — не так страшно. От дома, где спали господа офицеры, слышалось посвистывание. Там ходил еще один часовой.

Метров за сто от бригадного двора на восток начиналось

кладбище, отгороженное от внешнего мира высокой каменной стеной и тополями. За последнее время могил на кладбище прибавилось: немцы расстреляли в Кержаке восемьдесят раненых красноармейцев, захваченных в плен, повесили бывшего председателя сельсовета Никифорова.

На фоне кладбищенской стены скользнула неясная тень. За ней — вторая, третья, четвертая... Одно мгновение, и тени пропали.

А часовой с автоматом на шее, вслушиваясь в обманчивую тишину ночи, шагал к длинному каменному сараю. Вот и стена. Крутой поворот, и солдат сделал широкий шаг в обратную сторону. Последний шаг в своей жизни: ужасная боль впиалась ему между лопаток, из зажатого чьей-то рукой рта не вырвалось ни звука. Тщедушное тело солдата-завоевателя осело на землю.

— Пауль!

— Отто!

Отто кажется, что у Пауля вдруг немного изменился голос.

— Пауль!

— Отто!

«Курит, наверное», — решил Отто и сам достал из кармана сигареты.

Курить на посту строжайше запрещено — огонек сигареты выдаст, где находится часовой. Но кто заметит это нарушение?! Яркий огонек зажигалки на несколько секунд освещает юное лицо солдата и слепит ему глаза. Слепит навсегда — огромная тяжесть обрушилась на голову солдата, защищенную одной лишь пилоткой.

А тот, который у домика, продолжал насвистывать мотив баварской песенки о счастливом пивоваре, женившемся на молодой богатой вдовушке. Но вот солдат прервал свист, настоужился. Острый слух его уловил неясную возню среди машин.

— Хальт! — резко бросил солдат в темноту. Поздно. Нож человека, подошедшего к солдату сзади, освобождает его от всех земных забот.

У домика чиликнула ночная птичка. Из глубины двора ей ответила вторая.

— Выпускайте горячее из машин! — шепотом приказал Захаров, подошедшим к нему друзьям.

Опять чиликнула пичуга, и у домика со спящими офицерами сошлись все четверо. Вдруг в домике вспыхнул слабый огонек: кто-то из господ офицеров имел дурную привычку курить ночью. И, как бы в ответ на огонек, жалобно звякнули стекла окон. Глухой взрыв противотанковых гранат и треск ломающегося дерева покрыли собой вопли офицеров. Крыша дома тяжело осела. По ней забегали змейки пламени.

Политые горючим машины вспыхивали одна за другой, пока сплошное дымное пламя не загудело над бригадным двором. Вздурораженные шоферы открыли беспорядочную стрельбу. По кому? Страх слепой.

Захаров с товарищами уходили от села по дну неглубокой балки. Дорогу им освещало зарево пожара.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ГОРКОМ ПАРТИИ ДЕЙСТВУЕТ

I

— Есть кто? — громко спросил Петр Ильич Кунгуров, заходя в дом Галины Самойленко.

Вопрос остался без ответа. Но дверь не на замке. В чем дело?

— Хозяйка! Галя!

— Я здесь, дядя Петр.

Галина вошла со двора. На ней было старенькое ситцевое платье, синий в клеточку фартук и туфли со стоптанными каблучками. Черты ее похудавшего лица обострились, глаза стали печальнее.

До прихода в город немцев Кунгуров часто встречался с Галиной — она преподавала русский язык в заводской вечерней школе, — и сейчас очень удивился тому, как изменилась молодая учительница. Он, конечно, не замечал, что сам за короткое время совсем поседел и новые морщины легли на лицо.

«Тяжело ей», — подумал Кунгуров.

Кунгуров присел на стул и, окинув взглядом комнату, на секунду задержал его на узкой койке, возле которой стоял стул с мужским пиджаком на спинке.

Галина смущенно пояснила:

— Квартирант.

— Кто он?

— А кто его знает? — Галя передернула плечами. — Из лагеря, заключенный...

— Ясно, — сказал Кунгуров, хотя ничего ясного не было. — На немцев работает?

Галина отрицательно покачала головой.

— Нет. Ругает немцев.

— За что же? Из лагерей освободили, должность, наверное, дадут.

— Отказался от должности. Советская власть, говорит, обидела меня, она и пожалеет, а немец тут лишний.

— Чем же занимается?

— Слесарничает. Кому замок починит, кому кастрюлю запаяет.

— Несут?

— Сам ходит по домам.

— А как от должности отказался?

— Хромой он, нога болит. Врач осмотрел и рукой махнул.

— Врач-то немец? — заинтересовался Кунгуров.

— Нет, наш... Знаете директора акушерской школы Леонова? Он приходил с офицером.

— Ну, ладно, Галюша, — поднялся со стула Кунгуров. — Идти мне надо.

— Так и уйдете? — с обидой в голосе спросила Галина.

— Как это — так? — Кунгуров сделал вид, что не понял вопроса.

— Ничего не сказав. Ведь по делу пришли, вижу. Если вас смущает постоялец, так дело у вас, наверное, ко мне, а не к нему.

Галина говорила спокойно, но в ее глазах была такая мольба, что Кунгуров решился сказать, зачем он пришел.

— Садись, доченька, — на правах старшего пригласил он Галину сесть. — Дело-то оно не совсем обычное для тебя. Ты когда-то в типографии работала?

— Работала, до института...

— Чему научилась там?

— Немногому, дядя Петр.

Кунгуров почесал белую бороденку, посмотрел в угол комнаты. Он подошел к самому трудному месту в разговоре. Галина ждала.

— Печатать на машине не забыла?

— Нет, не забыла, пожалуй.

— А согласишься на такое дело? — Кунгуров пристально посмотрел на Галину. На глазах девушки блеснули слезы. Но Кунгуров не пожалел о том, что причинил ей боль. Он поднялся и по-отцовски привлек к себе Галину. С отеческой теплотой сказал: — Не обижайся на старика, сама знаешь, куда зову... Сходи к Никите Шатрову, он все расскажет. Не забыла его?

— Что вы, дядя Петр! — воскликнула повеселевшая Галина. А потом, понизив голос, серьезно спросила: — Значит не все пропало, не на веки-вечные пришли они сюда?

— Видишь ли, Галюша, Россия — это такая страна, что в нее нелегко войти чужакам, а выйти и того труднее. Супротив всего нашего народа немцам ни в жисть не устоять. Сломим...

Галина молча слушала, а на душе становилось все легче и легче. Галина и до этого, посматривая на притихший город, не верила, что все кончено, что воля народа подавлена. Но немцы устраивались в городе всерьез, видимо, надеялись хозяйничать долго, а может быть, и вовсе не собирались ухо-

дять. Это вселяло в сердце страх и сомнения. Теперь же, слушая старого рабочего, Галина понимала: ключи народной энергии уйдут под землю, сольются там в реки и будут подмывать почву под ногами оккупантов. Незаметной каплей вольется Галина в один из таких ручьев, ее энергия сольется с энергией других. Жизнь приобретала особый смысл.

— Ну, мне пора, — поднялся Кунгуров. — Сходи сегодня. Дело такое, что тянуть нельзя...

Кунгуров ушел со двора походкой пожилого, но очень крепкого человека. Выйдя на дорогу, он свернул не влево, к Кооперативной улице, где жил, а вправо. У него, видимо, были дела еще где-то.

2

В двух километрах от Славнинска в Сосновку впадает ручей Кислый. Странной особенностью этого ручья было то, что он не замерзал даже в самые лютые морозы. Если пойти по ручью вверх, то часа через полтора можно прийти к большой лесной полянке, густо поросшей осинником. Осинник молодой, высотой в два человеческих роста. Долгое время лес щадил поляну, оставляя ее для травы и цветов, а потом вдруг пошел расти на ней осинник, да такой, что трудно пробраться сквозь него.

Когда-то на этой поляне стоял смолокурный завод небогатого славнинского купчика Самсонова. Купец торговал скобяными товарами, скупал кожевенное сырье и занимался выгонкой березового дегтя и смолы. Березы в лесах вокруг было достаточно, смолокурня Самсонова дымила непрерывно. Спрос на березовый деготь не переводился. Но в 1918 году Самсонов из Славнинска исчез, оставив магазины и смолокурню в собственность славнинцам. Магазины горсовет отдал рабочему кооперативу, а смолокурне нового хозяина не нашлось. В ней поселились лесные совы, а в подвалах хозяйничали ужи. Так и стояла смолокурня, пока кто-то не поджег ее в ветреную осеннюю ночь. После пожара остались лишь каменные остовы печей да подвал.

Пепелище поросло травой и колючей ежевикой, потом — осинником. Найти дорогу сюда мог только человек, хорошо знающий лес. Такие люди в Славнинске были, но ходить на пепелище нужды не имели.

Но пришло время, и люди вспомнили о смолокурне... Темнота — хоть глаз коли. Ветер. Берег Сосновки. Под порывами ветра скрипит старый клен. Вода плещется у самого его ствола. До войны в этом месте была стоянка лодок славнинских рыбаков-любителей. Теперь лодки конфискованы

немцами, а рыбаков разбросала судьба: кто в армии, кто эвакуировался с заводами, а некоторые угодили в тюрьму и на виселицу.

По крутояру к реке спустился человек. Прильнул к толстому стволу клена так, что слился с ним. Но вот под деревом раздался крик филина. На противоположном берегу реки трижды мигнул зеленый огонек электрического фонарика.

Маленькая лодка пересекла реку быстро и бесшумно. Тот, что стоял у клена, без слов шагнул в лодку, и она нырнула в темноту. И лишь когда лодка вышла на середину реки, Петр Ильич Кунгуров спросил того, которого взял с берега:

— Что достал?

— Два автомата и пистолет, — ответил Кирилл Шатров.

— Мало. Но и за это спасибо. Как добыли?

— Автоматы у патруля «конфисковали», а пистолет — у поляка купили.

— Чисто сделали? — продолжал допрашивать Кунгуров.

— Чисто. Патрульные так наакались у Маруси-аптекарьши, что как дохлые растянулись около садика.

Лодка вошла в ручей, мягко ткнулась о берег. Мужчины вышли на усыпанную сосновой хвоей, податливую под ногой землю. Лодку они отнесли метров на тридцать от ручья, в кусты, а потом вернулись и ручьем пошли вверх по течению.

Когда вышли на берег, Кунгуров, покопавшись в кармане куртки, поднес руку к губам, и сейчас же раздалось негромкое «ци-цикл». Откуда-то из кустов ответили: «ци-цикл». Точь-в-точь перекликались ночные пичуги, а не два человека обменялись условными сигналами. По заросшей кустами канаве Кунгуров и Кирилл подошли к двери, ведущей в подвал.

Отделение подвала, куда они вошли, представляло большое, почти квадратное помещение с довольно высоким сводчатым потолком и торцовым полом. Стены его были облицованы небольшими каменными плитами почти фиолетового цвета. Вдоль стен стояли деревянные топчаны с постелями и немецкими солдатскими одеялами. На середине помещения стоял большой, грубой работы стол и такие же скамейки. На столе горела небольшая керосиновая лампа. Слабый свет ее не мог справиться с темнотой, выгнать ее из углов подвала.

За столом, низко склонившись над картой, сидели шесть человек: Тихон Кунгуров, Королев и еще четверо незнакомых Кириллу мужчин. Высокий, атлетически сложенный Королев отрастил небольшую черную бородку. Она так изменила лицо горного инженера, что в нем трудно было признать того человека, которого не так давно допрашивал следователь СД. Тихон же выделялся своей худобой. За последнее время у него вдруг поседели и ввалились виски. Он подозрительно покашливал, во взгляде добрых глаз появилось выражение

грусти. На вопросы товарищей, что с ним, Тихон отвечал: «Ничего, все пройдет». Но знал, что болезнь сама собой не пройдет. Нужны были хорошие врачи, современные лекарства, строгий режим, а где они? Тихон знал, что ожидает его в недалеком будущем, но умел отгонять мысли об этом. Он уставал. Но чем больше уставал, тем больше работал, торопясь как можно больше сделать, пока здоровье не сдаст окончательно.

Тихон прервал совещание, тепло поздоровался с Кириллом.

— Рассказывай.

Шесть пар глаз были обращены на Кирилла. А что он мог рассказывать? Хороших вестей не было. Но он знал, что эти люди умеют выслушивать и самые худые вести спокойно. Не торопясь, Кирилл выкладывал все, что успел собрать за неделю.

— На химический пригнали пленных. Худые, многие в бинтах — смотреть страшно. Территорию завода обнесли колючей проволокой. Говорят, лагерь там будет.

— Много пленных? — спросил Тихон.

— Много. Их всегда ночью пригоняют, трудно заметить. Павел Грачев на пожарную каланчу взбирался, оттуда все видно, как на ладони. Вышек понастроили для пулеметов, собак и полицейских откуда-то набрали.

Кирилл достал из нагрудного кармана синего френчика немецкую сигарету, закурил. Глубоко вдохнув дым, он продолжал:

— Пленные стены разбирают, канавы роют. Комендантом лагеря назначен полковник Краутер, кажется, брат генерала Краутера, начальника СД. Он только-что приехал. Дела в лагере вершат обер-лейтенант Шерф и полицейский Лука Звонарев.

Тихона больше всего заинтересовал лагерь военнопленных. Он прерывал Кирилла, уточняя детали. Было непонятно, зачем немцам понадобились в Славнинске пленные. Что им в Славнинске делать? Скорее всего, здесь будет сборный и сортировочный пункт.

Откинув плащ-палатку, заменявшую дверь во второе отделение подвала, вошла Галина Самойленко. Она была одета в широкую рабочую блузу, темную юбку и большие, не по ноге, сапоги. Черные волосы ее были собраны на затылке в тугий узел. Кивнув головой Кириллу, Галина положила перед Тихоном небольшой лист серой бумаги. Это была листовка к жителям Славнинска. Немало трудов потребовалось на то, чтобы доставить в лес все оборудование и шрифты, необходимые для выпуска листовок, но зато — вот она первая ласточка, извещающая жителей плененного врагом города

о том, что создан и действует подпольный горком партии, что он зовет всех честных людей на борьбу с оккупантами.

Тихон, щури близорукие глаза, долго читал листовку, затем дал прочитать товарищам. Спросил:

— Утвердим?

Возражений не было.

— Сколько времени займет печатание? — спросил Тихон, протягивая листовку Галине.

— А сколько нужно экземпляров?

— Да хотя бы тысячу на первый случай. Кирилл их должен захватить с собой.

— Тысячу быстро сделаем, — сказала Галина и скрылась за плащ-палаткой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

«НАШЕГО ПОЛКУ ПРИБЫЛО»

...Как всегда, они шли цепочкой: Захаров, за ним — Валя, за Валею — Сологубов, а замыкающим Карелин. Этот порядок установился у них почти с первого дня скитаний. За ночь прошли не один десяток километров и теперь, уставшие, надеялись хорошо отдохнуть.

Хвойные дебри молчат. Низко опустились «лапы» елей, а под ними — мгла. Казалось, все мертво кругом. Однако была надежда, что не только они скитаются по захваченной врагом земле, что можно будет организовать отряд.

На отдых расположились на высоком сухом месте, под старой дуплистой сосной. Наскоро позавтракав немелкими консервами, трое быстро заснули, а Карелину выпала очередь дежурить. Где-то поблизости находился город, и это заставляло быть все время настороже. Старшина удобно устроился возле большого пня. Рядом спали товарищи. Захаров, как всегда, лежал лицом вверх, широко разметав руки. Под правым боком у него лежал автомат. Сологубов спал, свернувшись калачиком. По его веснушчатому лицу беспокойно бегал взад-вперед рыжий муравей. Казалось, что одна из веснушек потеряла свое место и теперь ищет его. Муравей, видимо, шекотал танкиста — верхняя губа его смешно подергивалась. Карелин подполз к Сологубову и осторожно снял муравья. Валя спала у самого ствола сосны. Загорелое лицо ее покоилось на ладони левой руки, правая же рука лежала на автомате. Старшина невольно задержал свой взгляд на Вале. На его глазах за полтора месяца из хрупкой телом и душой девушки вырос хороший солдат — выносливый, смелый. На первых порах мужчины пытались всячески помогать Вале, но она скоро заметила это и заявила: «В няньках не

пуждаюсь. Если вы не считаете меня себе равной, то так и скажите, я уйду». Идти Вале было некуда, это знали все, но рыцарское покровительство над ней оставили. Она стала делать все наравне с мужчинами: участвовала в боевых операциях, ходила в разведку, носила в вещевом мешке, кроме продуктов, около пуда патронов, взрывчатки и ручных гранат, охраняла товарищей на дневках. Смотрел Карелин на безмятежно спящую Валу, и радовался тому, что она встретила на своем пути Захарова, человека с горячим сердцем и трезвым умом. Карелин видел любовь, возникшую между Валей и капитаном, и сразу же решил, что они достойны друг друга.

Карелин насторожился: где-то беспокойно застрекотала сорока. Стрекот этот приближался, сорока «шла» по чьему-то следу. Но кто привлек ее внимание: зверь или человек? Карелин подполз к Сологубову, осторожно прикоснулся к его руке. Танкист открыл глаза, сел. Карелин шепотом сказал:

— Сорока беспокоится. Это неспроста. Давай проверим.

Сологубов взял в руки автомат, укрылся за толстым стволом дерева, а Карелин осторожно двинулся туда, где стрекотала сорока.

Карелин прошел около трехсот метров, когда стрекот сойки прекратился. «К чему бы это?» — подумал Карелин. Сорока — птица прилипчивая, если уж увязалась за кем, то быстро не отстанет. Пройдя еще немного, Карелин остановился. Прильнув к дереву, он внимательно смотрел в ту сторону, откуда пришла их группа и где недавно стрекотала сойка. Здесь стоял корабельный сосняк, и лес просматривался хорошо. Минут через пятнадцать Карелин обнаружил человека. Он осторожно двигался по следу группы. Хорошо, что неизвестный один: с ним не трудно справиться без шума. Старшина поспешно отполз в сторону от следа, проложенного группой. А неизвестный приблизился уже на такое расстояние, что Карелин хорошо рассмотрел его: невысок, пожилой, бородка седая, клинышком, одет в коричневый, под цвет сосновых стволов, простого покроя костюм. В руках — ничего. Нет, на врага он не походил. А впрочем, черт его знает...

— Стой! — коротко бросил Карелин, не показываясь из-за дерева.

Мужчина сделал неестественный прыжок, словно его подкинуло пружиной, и укрылся за сосной. Чего, чего, а такой прыти от седобородого Карелин не ожидал. Он ругнул себя в душе: теперь не так-то просто будет справиться с незнакомцем. Прошло несколько минут, а они молчали. Карелин услышал сухой щелчок: старик, видимо, взвел курок пистолета. И вдруг Карелин решил:

— И долго будем в прятки играть? — насмешливо спросил он.

— А мне не к спеху, — последовал ответ.

— Кто ты?

— Так, человек.

— А почему по чужим следам ходишь?

— Боюсь заблудиться.

К изумлению Карелина, незнакомец вышел из-за дерева, сунул пистолет в карман пиджака. Карелину не оставалось ничего другого, как повторить то же самое. Он поднялся с земли, перекинул за спину автомат и вышел к старику. Карелин сразу же попал под внимательный взгляд колючих глаз.

Старшина был выше ростом старика на целую голову, но старик смотрел на него без опасения.

— Ну, здравствуй, дед! — запросто поздоровался Карелин. — Что хорошего скажешь?

— Здорово, молодец. А где же остальные?

— Какие тебе еще остальные? — прикинулся Карелин. — Один брожу.

— Сказки потом, — сказал старик. — Я иду по вашим следам от самого горелого леса.

Карелин внимательно рассматривал неказистую фигуру старика. В небольшом сухом теле угадывалась недюжинная сила, та удивительная стариковская выносливость, которая не признает усталости в пути и в работе.

— Давно в наших местах? — продолжал старик. — Говори, не таись.

И Карелин поверил, что старик может указать им путь к тем, кого они так старательно ищут. Что дало эту веру? Глаза — по-детски чистые, открытые, смелые.

— Полтора месяца бродим, а в лес этот вошли вчера, — сказал Карелин. — Своих ищем, чтоб вместе.

— С вами женщина?

— Откуда знаешь?

— По следам сужу. Когда озерко обходили, ясные отпечатки оставили.

— Женщина. Военный врач.

— Дело... Веди к своим, авось, договоримся до чего-нибудь.

Старик пошел впереди Карелина. Шел он широким шагом, ставя на землю всю ступню сразу, с горделивой осанкой человека, чувствующего себя хозяином.

— А как зовут-то тебя, отец? — спросил Карелин.

— Зовут? Зови пока лунем. Птица есть такая. Знаешь?

— Как не знать! Знаю. Похож на луня.

— Чем же?

— Седой, глаз коршунячий.

— Ишь ты! — улыбнулся старик.

Так старшина Карелин встретился с Никитой Шатовым.

Галина Самойленко возвратилась домой под утро. Дверь открыл Шульга.

— Где вы пропадаете? — спросил он с тревогой. — Я не знал, что и думать.

— Хозяйку дома не следует спрашивать, где она бывает, — попыталась отделаться шуткой Галина. — Мало ли какие дела у нее могут быть.

— А мне нельзя, хоть одним глазом, заглянуть в эти самые дела? — серьезно спросил Андрей. — Чуть-чуть, а?

— Любопытство не порок, товарищ Шульга, но...

— Любопытство любопытству рознь.

Шульга загремел спичками, намсреваясь зажечь лампу.

— Не надо огня, — попросила Галина. — Я лягу, устала...

— А может, посидим немного? — попросил Андрей. — Я зажгу, хорошо?

— Зажгите, — согласилась Галина.

Лампа, потрескивая, разгоралась, Андрей смотрел на Галину. А она сидела, сложив маленькие смуглые руки на коленях, и чему-то улыбалась. Нос у нее еще больше заострился, под глазами легли темные полосы. Такой вид бывает только у человека, уставшего до предела. Два чувства владели сейчас Андреем: жалость и страх за Галину. Он догадывался о том, что Галина занята какой-то опасной работой. Об этом говорили частые отлучки ее из дому, постоянная настороженность ее глаз и, наконец, то, что Галина имела оружие. Как-то во двор зашли полицейские, Галина в это время протирала окна в комнате Андрея. Увидев незваных гостей, она метнулась в свою комнату и, возвратясь, сунула в руки Андрею сверток и пистолет.

— Спрячьте, может, вас обыскивать не станут, — попросила она.

И Андрей спрятал: пистолет сунул себе в карман, а сверток — под половицу.

Тревога оказалась напрасной: полицейские разыскивали сбежавшую комендантскую собаку.

Когда они ушли, Галина потребовала назад пистолет и сверток.

— Что здесь? — спросил Андрей, подавая ей сверток.

— Так, бумаги кое-какие.

— А пистолет зачем?

— Не будьте любопытным, Андрей, — предотвратила дальнейшие вопросы Галина. — Помните, я надеюсь на вашу порядочность.

У Галины какая-то особенная жизнь, которую она тщательно скрывает от него, которой она отдает всю себя. Трудно, видно, Галине. С какой бы радостью он помог ей! Но примет ли она эту помощь? Жалеет Андрей Галину в душе, а сказать об этом не может. Чувствует Андрей, что Галина не из тех, кто нуждается в чужих «охах».

И второе чувство есть у Андрея — страх за Галину. Оружие, ночные отлучки из дому, таинственные свертки — все это подсказывало Андрею, что Галина связана с кем-то в городе, что характер проводимой этими людьми работы такой, что им нужно оружие.

Галина упрекнула Андрея за его любопытство. Но это любопытство не было праздным. Нога у Андрея зажала, сил у него было много, а куда приложить их, он не находил.

— О чем же мы говорить будем с вами, Андрей? — спросила Галина.

— Не о чем? — вырвалось у Андрея.

Галина пожала плечами. Ни один мускул не дрогнул на ее лице.

— Скажите, вы хоть немного доверяете мне? — спросил Андрей и в упор посмотрел Галине в глаза. Она выдержала этот взгляд, но не ответила на вопрос.

Андрей подошел к Галине, осторожно, словно боясь причинить боль, взял ее руки. Она не отняла их. Не давая себе отчета в том, что делает, он поднес руки Галины к своим губам и поцеловал их — одну, потом другую. Руки пахли керосином.

— Скажите, может, я могу помочь вам? Распоряжайтесь мною как хотите, — с жаром сказал Андрей.

— Можете, Андрей.

— Чем? Каким образом?

— Идите работать в полицию, — сказала Галина.

Если бы на Андрея вдруг рухнул потолок, то и это, кажется, не поразило бы его так, как слова Галины. Он ожидал, что она заставит его воровать у немцев оружие, стрелять оккупантов, жечь склады, но идти работать в полицию... Из огромных ладоней Андрея выскользнули смуглые руки Галины.

— За что вы так со мной? — прошептал он. Нижняя губа Андрея странно задергалась.

— Садись, — сказала Галина, показав на стул рядом со своим. Андрей послушно сел.

— Ты спрашивал, чем можешь помочь нам? Вот и помоги.

— Но.., — попытался возразить Андрей, однако Галина жестом руки остановила его.

— Нам надо иметь в полиции своего человека. Ты самый подходящий для этого, тебе они поверят. Согласен?

— Согласен. Тяжело мне будет, не смогу людям в глаза смотреть. Но коль надо — пойду.

— Да, так надо, Андрей. Устраивайся...

Галина закрылась в своей комнате. Андрей вышел на крыльцо дома. Рассветало. Омытая обильной росой, земля курилась легкой дымкой. На востоке, за зубчатой стеной леса, ширилась светлая полоска. Оттуда должно было показаться солнце. Вставал новый день. Для Андрея Шульги этот день был по-настоящему новым.

2

Андрей Шульга в одной из комнат полицейского управления чистил винтовку, доведенную кем-то до такого состояния, что патроны отказывались входить в казенник. Проклиная и того, кто запустил винтовку, и самое работу, Андрей с остервенением орудовал «ежиком», смоченным в щелоче. Руки его, колени новых брюк, были в ржавых пятнах.

За этим занятием и застал его Звонарев.

— О! — удивленно воскликнул он. — Нашего полку прибыло! Давно?

— Дней десять, как оформился.

— Вот как... Не знал.

— Я тоже тебя что-то не видел в эти дни.

— С немцами выезжал на одно дело. А ты, значит, надумал?

— Я много не думал.

— Ой ли! — погрозил пальцем Звонарев. — Помнишь наш разговор у дороги?

— Как не помнить? Хорошо помню.

— Кто из нас оказался прав?

— Потому и пришел к вам, что ты оказался прав.

— А думал ты долго. Чего выжидал?

— Ничего. Нога болела. Выздоровел — и к вам.

— Да, вид у тебя богатырский, брат. Аж завидно. На каких-таких харчах разъелся? — спросил Звонарев, осматривая Андрея, как барышник коня.

— Слесарничал, недостатка в продуктах не знал.

— Рассказывай! — хитро улынулся Звонарев. — Без бабы тут не обошлось. Кончай чистку, пойдешь со мной.

— Далеко?

— К уполномоченному Управления гражданской мобилизации. Надо получить у него адреса каменщиков.

— А на кой дьявол они тебе, эти каменщики?

— Немцы что-то в тюрьме перестраивать хотят, человек пятнадцать требуют.

Андрей вставил в винтовку затвор, вытер о тряпку руки.

— Ну что ж, пойдём.

— Ну, чем сегодня занимался, страж «нового порядка»? — шутливо спросила Галина, когда Андрей поздно вечером вернулся домой. Галина была одета в белую блузочку и черную юбку с узким пояском. Эта одежда подчеркивала стройность фигуры девушки. Андрей несмело подошел к Галине. Она встретила его внимательным взглядом смеющихся глаз. Глаза звали, и Андрей понял это. Он привлек к себе Галину, припал к холодным, солоноватым губам. Лицо Галины покрылось румянцем, веки закрытых глаз дрожали. Галина освободилась от объятий, перевела дух. И опять на Андрея смотрели смеющиеся счастливые глаза.

— Галюша! — прошептал Андрей.

— Что, нашел свое? — также прошептала Галина.

— Нашел. Нашел навсегда!

Когда немного улегся порыв горячих чувств и они поняли, что в одно мгновение стали бесконечно близкими, Галина сказала:

— Рассказывай, чем занимался сегодня.

Так было каждый день. Галина требовала, чтобы Андрей рассказывал ей, чем он занимается в полиции. Ее интересовали все подробности, все мелочи. Андрей понимал, что Галина ищет в его рассказах чего-то интересного для себя, для своих товарищей, но не находит. Значит Андрей занимается не тем, чем нужно. Что нужно — он не знал, а спрашивать не решался. А вот сегодня рассказ Андрея заинтересовал Галину. Она слушала, не перебивая его.

— Список каменщиков ты мог бы достать? — спросила она, когда Андрей закончил отчет о своем рабочем дне.

— Список? А чего доставать его — он в моем столе лежит. Завтра перепису и принесу. Зачем это?

— Нам надо иметь на строительстве своего человека. Очень надо.

— А если подходящего в списке нет?

— Внесешь еще одного. Я скажу, кого...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ГОРОД НЕ СПИТ

Часы на башне дома комендатуры пробили два. Над городом висела чуткая тишина. Размеренно шагали по мощеным улицам патрули, звук их кованых каблучков казался грохотом. Похоже на то, что по улицам расхаживают каменные статуи. У каждого парного патруля свой маршрут. Солдаты

всегда начеку: знают, город не спит. Тишина? Она обманчива, как обманчиво все в этом городе.

Маршрут седьмого патруля лежал от командатуры до электростанции, оттуда — к мельнице, от мельницы — к железнодорожной водокачке, от водокачки — до комендатуры. Для того, чтобы обойти этот круг, требовалось два часа. Рассчитано до шага, до минуты.

И если бы кому потребовалось определить, в какое время патруль бывает у электростанции, а в какое — у водокачки. Труды бы это не составило: патруль ходит каждую ночь в одном направлении, одним шагом.

Патруль прошел мимо электростанции. При отходе советских войск она не была взорвана и теперь работала на полную мощность, снабжая энергией все учреждения и воинские подразделения немцев в Славнинске, мастерские по ремонту танков и автомашин, оборудованные в цехах бывшего механического завода. Электроэнергии столько, что немцы производят даже электросталь. Электростанция обнесена колючей проволокой. Заграждение в четыре кола. Белые изоляторы на столбах — свидетельство того, что проволока находится под током высокого напряжения. Что делается во дворе станции — не увидишь: сразу за колючей проволокой стоит высокий деревянный забор. Обслуживают станцию исключительно немцы.

Валя и Сологубов лежали в развалинах сарая метрах в двухстах от электростанции. Лежали молча, ожидая условленного часа. Удивительно медленно текло время. Через пролом в каменной стене разрушенной авиационной бомбой сарая видна мостовая, а дальше — темнота. Человеческий глаз бессилён проникнуть в нее. Да для Вали и Сологубова этого и не надо. За мостовой лежит поросший бурьяном пустырь, за пустырем — проволочное заграждение, за ним — забор, которым обнесена святая святых немецкого командования — электростанция. Электростанция должна быть уничтожена — таков приказ штаба партизанской борьбы. Его принес Тихону Кунгурову связной партизанского отряда полковника Колосова, оперирующего километрах в двухстах от Славнинска. Была договоренность, что без четверти в три над городом появится соединение советских ночных бомбардировщиков. В задачу группы Кунгурова входила наводка самолетов на военные объекты. При этом особое значение придавалось электростанции, железнодорожному узлу и мастерским по ремонту танков. Валя и Сологубов были посланы к электростанции.

Одновременно решалась и еще одна задача. Как удалось установить Андрею Шульге, в одном, чудом уцелевшем, цехе химического завода находилась большая группа советских военнопленных, отобранных начальником СД генералом

Краутером для отправки на работу в прусское имение его отца. Их надо было освободить и направить в отряд Коловова.

— Что-то долго не слышно самолетов, — сказал Сологубов. — Может, не будет их сегодня?

— Будут, — уверенно ответила Валя. Она посмотрела на часы. Стрелки и цифры на циферблате светились в темноте голубоватым мертвенным светом. — Через семь минут немцам жарко станет.

И как бы в подтверждение сказанного Валею, послышался ослабленный большим расстоянием гул авиационных моторов.

— А ведь летят! — оживился Сологубов.

Валя зарядила ракетницу. По мере приближения бомбардировщиков гул их моторов крепчал, сливаясь в одну басовитую ноту. Вот они уже над самым городом. Взметнулись в небо книжалы прожекторных лучей, залаяли, как свора злых собак, зенитки. И сейчас же самолеты обрушили на землю свой смертоносный груз: летчики «давили» зенитные батареи.

— Пора! — сказала Валя.

Глухо хлопнули выстрелы ракетниц, и два светящихся комочка понеслись в небо, наискосок к электростанции. Вот они расцвели тюльпанами и, оставляя над собой дымные дорожки, пошли вниз. С противоположной стороны станции тоже поднялись ракеты. Расцвело небо над железнодорожным узлом, складами боеприпасов, ремонтными мастерскими.

Самолеты, подавив зенитные батареи, безнаказанно вешали над городом осветительные «фонари». Наведенные на цель летчики освобождали машины от бомб и уводили их на восток. Их место в небе занимали другие. Город тонул в чудовищном грохоте разрывов, окутывался дымом и пылью. Валя и Сологубов израсходовали все ракеты, а электростанция стояла невредимой.

— Что же они! — прикусила губу Валя.

Но в это время ее отбросило упругой воздушной волной к стене сарая. На месте, где только что стоял черный куб здания электростанции, встали огромные столбы огня и дыма.

— Есть! — вырвалось у Сологубова. — Есть, доктор!

— Бежим!

Они побежали к реке. Когда выбрались в безопасное место, Сологубов предложил:

— Отдохнем, доктор. Что-то меня ноги не держат.

Валя оглянулась. Где-то там, в горящем городе, был Захаров, ее Дмитрий.

«Как он там?» — подумала Валя. И стало боязно за него.

Территория взорванного химического завода была превращена немцами в сортировочный лагерь военнопленных. Сюда пригоняли их большими группами без разбора — командиров, политработников, рядовых, женщин; здоровых, раненых, даже тех, кому оставалось жить считанные дни. Гангрена, тиф, дизентерия ежедневно уносили десятки людей, которых можно было бы спасти. Но те, кто организовал этот лагерь, меньше всего были заинтересованы в спасении пленных. Немцев интересовали только здоровые, способные работать люди.

Пятьсот вот таких здоровых были отобраны генералом Краутером для отправки на работу в имение отца. Их вывели за черту общего лагеря, загнали в один из цехов завода. Правда от цеха остались одни стены, но и они годились для того, чтобы помешать людям бежать, если бы кто из них вздумал бежать. Только вряд ли найдутся такие. Военнопленным было объявлено, что попытка к побегу будет караться смертью. При этом генерал ввел в действие закон: «Один — за всех, все — за одного».

Это послужило причиной к тому, что военнопленных охранял лишь один полицейский — стоял у входа в цех.

Когда началась бомбежка города, пленные подняли радостный крик. Ни угрозы, ни просьбы часового не действовали. И полицейского охватил страх, а что если вся эта масса людей ринется из цеха? Это могло случиться, и полицейский представлял себе, что с ним будет. Но крики пленных постепенно прекратились, и полицейский облегченно вздохнул. Скоро смена, даст бог, все обойдется.

Послышались шаги. Кто-то, тяжело ступая на каблуки, шел к полицейскому.

— Кто? — Голос у полицейского словно простуженный. Это от страха.

— Шульга.

Да, это старший полицейский Шульга, его голос. Но на всякий случай полицейский спросил:

— Пароль?

— Германия.

Пароль правильный.

— Ну, как?

— Ничего. Пошумели было, но у меня не очень-то разойдешься. — прихвостнул полицейский. — Скоро смена?

Вместо ответа Шульга опустил на голову полицейского стальной ломик. Полицейский упал. И сейчас же возле Шульги словно из земли выросли люди. С замком на решетчатой двери цеха справились быстро. В темноте раздался голос Захарова:

— Друзья! Без толкотни и шума выходите на улицу. Мы выведем вас из города, в лес. Только нужен порядок. Выходите! Послушные спокойному голосу, люди торопливо выходили из цеха. Впереди — свобода, о которой каждый не переставал думать все эти страшные дни. Люди выходили из цеха и, пройдя метров двадцать, сворачивали за угол взорванного здания. Здесь их поглощала темнота, словно они растворялись в ней...

Старший полицейский Андрей Шульга стоял на своем посту — на углу улиц Широкой и Маслозаводской. На этих улицах были расположены многие немецкие учреждения, и пост считался очень важным.

Спустя полчаса после того, как были выведены военнопленные и Андрей снова вернулся на пост, к нему подошел Звонарев.

— Что слышно, Шульга?

— Кажется, спокойно.

— Ну, пачка, черт бы ее побрал, — выругался Звонарев.

— Не говори!

— Закурить найдется?

— Пожалуйста. — Впервые за все их знакомство Шульга обрадовался встрече со Звонаревым. Дело с полицейским выгорит теперь наверняка.

— Смены до утра не жди, — предупредил Звонарев. — Такая ночь.

— Ничего, постою.

— Ну, будь здоров. Я на восьмой пост пройду.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

МЕСТЬ ВАНДАЛОВ

То, что произошло ночью в Славянске, заставило содрогнуться полковника Розенберга. Его, коменданта города, это касалось, как никого. Чья-то опытная рука организовала этот налет. Полковник был не из тех, кто не замечает способностей врага.

Розенберг был взбешен. Подумать только, в его городе ракетчики! И скрыть нельзя: генерал Лей предупредил по телефону, что он лично возглавит комиссию по расследованию происшедшего. Лей... Вот с кем полковник Розенберг не хотел бы встречаться. Перед самой войной с Польшей генерал Лей был посажен в тюрьму по обвинению в государственной измене. Многие, в том числе и сам Лей, знали, что арестован он по доносу подполковника Розенберга. Но время было такое, что Розенберг считал, что дело его начальника Лея не привлечет внимания друзей генерала, и некоторые, довольно

серьезные пробелы и неточности в доносе Розенберга останутся незамеченными. У самого же генерала не будет времени для опровержения доноса — гестапо на расправу скоро. Казалось, все шло так, как было задумано Розенбергом. Его досрочно повысили в чине, дали «железный крест». Оставалось немного — занять по службе пост Лея. Но вдруг что-то не так сработало в машине следствия — колесики ее закрутились в обратную сторону. Или у Лея нашелся влиятельный покровитель, или следствие получило какие-то дополнительные указания — неизвестно. Но как бы там ни было, а генерал Лей оказался на свободе. Однако и Розенберг отделался больше, чем счастливо: его лишь перевели в подчиненные к не столь известному генералу. Адольф Гитлер предпочитал иметь генералов с подмоченной репутацией. Что ж из того, что полковник Розенберг в своем доносе выдал белое за черное? Следственное «дело» на человека хорошо тем, что его можно раскрыть в любое время и доказать, что белое все же есть черное. Об этом должен помнить заносчивый старый генерал Лей. И он будет помнить это до гробовой доски.

И вот этот самый генерал Лей опять оказался над Розенбергом, и старая история может обернуться худо.

У Розенберга должно было состояться совещание. Очень секретное совещание с участием генерала Краутера и начальника полиции Каплунова.

Доложили о приходе Каплунова. До начала совещания было еще добрых полтора часа. Значит, начальника полиции привело к коменданту что-то другое. Розенберг не думал, что начальник полиции может явиться с добрыми вестями.

— Что у вас? — спросил Розенберг, как только Каплунов переступил порог кабинета.

— Листовки!

— Покажите! — заорал Розенберг. В гневе он терял власть над собой.

Каплунов положил на стол несколько небольших листовок, отпечатанных на хорошей бумаге типографским способом.

В листовке говорилось:

«Выше головы, славинцы!

Сообщения немцев об их «головокружительных» успехах на фронте — ложь. Немецкое командование выдает желаемое за действительность. В своем безумном стремлении на восток гитлеровские вояки наталкиваются на героическое сопротивление наших бойцов. Каждая река, каждый холм в степи, каждый населенный пункт превращаются советскими бойцами в рубеж железной обороны. Подлая кровь захватчиков льется рекой, уже тысячи и тысячи солдат и офицеров армий Гитлера нашли себе могилу на земле, где они хотели

быть господами. Придет время, и немцы побегут обратно, как побежали французы в 1812 году. Это будет!

Славяницы! Поднимайтесь на врага! Бейте фашистов так, как приказывает партия: чтобы у них земля горела под ногами, чтобы ни один оккупант не ушел живым с нашей земли. Оккупанты ищут на русской земле рай для себя, но найдут могилы.

Славяницы, не падайте духом! Саботируйте распоряжения немецких властей, уничтожайте фашистов и их пособников, как бешенных собак, — ядом, пулей, петлей виселицы. Пусть уверенность в нашей победе не покидает вас.

Следите за нашими сообщениями о положении на фронтах.

Смерть немецким оккупантам!

Славянский горком ВКП(б)

— Черт вас возьми! — побледнел Розенберг, в упор глядя на начальника полиции. — Если в городе останется хоть одна такая листовка, ты свое прожил: повешу!

— Слушаюсь! — пролетел Каплунов.

— Болван! — заорал Розенберг. — Не слушать надо, а действовать. Всякий, у кого будет обнаружена листовка или кто будет захвачен возле места, где расклеены листовки, должен быть повешен немедленно. Идите!

Каплунов, пятясь, словно боясь повернуться к Розенбергу спиной, вышел, оставив полковника размышлять над листовкой.

На следующий день немцы арестовали пятьдесят мужчин. Следствие провели быстро — уже через сутки был обнародован приказ коменданта города: все пятьдесят признаны виновными в сопротивлении немецкому командованию, в саботаже мероприятий, проводимых оккупационными войсками, и еще в десятке грехов смертных. Не была лишь упомянута в приказе наводка самолетов на цели. В приказе была оглашена и мера наказания: двенадцати — виселица, двадцати одному — расстрел, остальным семнадцати — концлагерь.

Казнь была назначена в тот же день на площади имени 9-го Января. Здесь находилась братская могила бойцов Красной Армии и красных партизан, погибших в борьбе против немецких оккупантов в 1918 году. На этой же площади славяницы устраивали демонстрации в дни революционных праздников, митинги и городские сходы. Теперь эта площадь должна стать местом казни ни в чем не повинных людей.

День выдался хмурым и ветреным. Полицейские согнали

на площадь всех, кого можно было согнать, кто не успел укрыться от их глаз. С четырех виселиц свешивались веревки. Их качал ветер, словно не зная, на чью шею надеть петли. Обреченные стояли у виселиц. Уставшие, со следами побоев на лицах, со связанными руками, они гордо держали головы. Солдаты, охранявшие смертников, боязливо поглядывали на молчаливую толпу.

Недалеко от виселиц, у группы тополей, солдаты рыли яму. Там должны были умереть двадцать один, которым мерой наказания был определен расстрел.

Время шло, а казнь не начинали: ждали приседа Розенберга и Краутера. Вот пришел грузовик, набитый полицейскими. Это — палачи, возглавляемые Звонаревым. Они выскочили из машины и, дурачась, начали пробовать крепость веревок. Толпа грозно заволновалась. Полицейские отошли к грузовику, задымили сигаретами.

Прибыли два грузовика с пулеметными установками и бронетранспортер с солдатами в стальных рогатых касках. Солдаты окружили толпу жидкой цепочкой.

Наконец, каждый в своей машине и каждый со своей свитой и охраной, прибыли полковник Розенберг и генерал Краутер. Полковник и генерал, одетые в парадные мундиры со множеством орденов, медалей и почетных значков, церемонно поприветствовали друг друга.

Розенберг, окинув взглядом толпу и перебросившись несколькими словами с генералом, подал команду. Она прозвучала резко, словно пролаял молодой целняк. Переводчик передал слова команды Звонареву, — полицейские загнали смертников в кузов грузовой автомашины. Толпа затаила дыхание. Но вот грузовик попятился, и кузов оказался под виселицей. Засуетились полицейские, накидывая петли на шеи обреченных. Делали они это торопливо и неумело. Вдруг высокий старик с длинной толстовской — сбитой набок — бородой и кровоподтеком под левым глазом крикнул так, что ворона, примостившаяся было на кресте заброшенной церкви, камнем бросилась вниз:

— Прощайте, родные! Отомстите за нас!

Грузовик дернул, и три человека закорчились в предсмертных муках. Толпа колыхнулась, глухой ропот пробежал по ней от края до края. Зарыдала какая-то женщина, кто-то высоким голосом крикнул:

— Палачи!

Солдаты угрожающе качнули штыками.

Еще три раза подходил грузовик под виселицы и уходил от них, оставляя позади себя повешенных.

Неожиданно для всех у тополей ударил сухой залп винтовочных выстрелов, и сейчас же там солдаты заработали лопатами...

Раздалась новая команда Розенберга, и цепь солдат, окружающая невольных свидетелей казни, разомкнулась. Толпа, словно вода, прорвавшая плотину, хлынула с площади.

Немец в штатском платье фотографировал на фоне виселиц Розенберга и Краутера. Они стояли в небрежных позах, с сигарами в зубах. Щелкнул затвор фотоаппарата. Одновременно с этим щелчком из поредевшей толпы ударил громкий пистолетный выстрел. Розенберг вдруг пошатнулся и, схватившись за грудь, рухнул на землю.

Бледный, перепуганный Краутер вскочил в машину.

— Гони! — прохрипел он шоферу.

Машина метеором метнулась с площади. Генерал трясся от страха. Он без конца повторял шоферу:

— Гони! Гони!

Когда немцы пришли в себя, площадь совсем опустела. Труп полковника положили в машину.

Минут через тридцать в комендатуре раздался телефонный звонок. Трубку снял дежурный офицер. Звонил генерал Краутер.

— Как полковник Розенберг? — спрашивал он.

— Мертв, господин генерал.

— Совсем мертв?

— Совсем, — пожал плечами офицер в ответ на нелепый вопрос.

— В пожарном сарае закрыты оставшиеся семнадцать русских. Знаете об этом? Вот и хорошо. Немедленно сжечь сарай, — распорядился генерал. — Немедленно!

— А задержанных куда? — не понял офицер чудовишной команды генерала.

— Болван! — заорал генерал. — Сжечь сарай вместе с русскими. Ясно?

— Ясно! — Генерал Краутер не был уполномочен командовать офицерами комендатуры, но он был генералом и дежурный офицер отправился докладывать помощнику Розенберга о распоряжении Краутера.

Минут через двадцать на улицы Славнинска выехали вооруженные мотоциклисты, а еще через полчаса, облитый бензином, запылал пожарный сарай.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В ДОМИКЕ ВОЗЛЕ ТЮРЬМЫ

В дореволюционном Славнинске было девять церквей, восемнадцать питейных заведений, множество мелких лавчонок, одна тюрьма и три школы. Власть имущие, управляв-

ште Славнинском и славнинцами, считали свой город вполне благоустроенным.

Тюрьму в Славнинске построили давно, в конце счастливого царствования на Руси матушки Екатерины II. По ходатайству купцов, любвеобильная императрица отпустила из скудной казны толику денег, и местные строители поставили на окраине города небольшое деревянное здание, обнесли его высоченным частоколом, — и тюрьма готова. Первыми ее обитателями были неисправные дебиторы славнинских купцов, мелкие ворюжки и праздношатающиеся «беспачпортные людишки». Но никто из них долго не задерживался в стенах этого богоугодного заведения: неисправных должников выкупали родственники, ворюшек за известную мзду городское казначейство отдавало «на исправление» пимокатам и скорнякам, а «беспачпортных» направляли по этапу по местам их рождения. Единственно кто избрал своим постоянным обитателем тюрьму, так это клопы и крысы. Славнинцы, даже те, по чьему ходатайству была построена тюрьма, относились к ней без особого уважения: возле нее устроили свалку, над которой в летнее время постоянно стоял столь «чужелый дух», что горожане обходили тюрьму далеко стороной.

Шли годы. Лишенное хозяйского глаза, необходимого ухода, помещение тюрьмы постепенно разрушалось, бревенчатые стены его медленно, но верно уходили в землю, тесовая крыша, изъеденная мхом, провалилась. Городская управа не раз задавалась благой целью — отремонтировать тюрьму, но всякий раз дело упиралось в отсутствие денег. Проводили подписки и сборы, но они давали столь мизерную сумму, что начинать ремонт нечего было и думать. Выручил городскую управу пожар, случившийся в тюрьме бурной осенней ночью. Огонь так быстро снес с лица земли ветхое строение, что под пепелищем остались двенадцать заключенных и два надзирателя. Славнинск, к тому времени сильно разросшийся, остался без тюрьмы. Но на этот раз городу решил помочь сам генерал-губернатор. В Славнинск доставили необходимые материалы, и военно-строительная команда под руководством инженеров за полгода на месте сгоревшей тюрьмы воздвигла такой каменный корпус, что славнинцы диву дали: «Зачем в нашем городе такая большая тюрьма?» Но генерал-губернатор знал, что делал: Россия шла к революции, и царизму были нужны тюрьмы не только в Сибири. Многочисленные камеры новой тюрьмы не пустовали: Романовы, милостью бога и дворян царствовавшие в России, ограждали себя от подданных стенами тюрем и каторжных централов. А так как подданных, жгуче ненавидевших «помазаника божьего», было удивительно много, то даже в таком заштатном городишке, как Славнинск, в одиночных камерах постоянно находилось по пять — шесть узников в каждой.

В годы гражданской войны и иностранной интервенции, когда молодая республика Советов вынуждена была защищаться от многочисленных врагов всеми имевшимися в ее распоряжении средствами, в Славнинской тюрьме сидели контрреволюционеры, саботажники, спекулянты, мародеры.

После же тюрьму отдали под военные склады.

С приходом немцев тюрьму снова восстановили в «правых»: ее каменное чрево было набито заключенными. В нее свозили арестованных со всей округи. Здесь их допрашивали, здесь они ожидали суда, здесь же их судили и расстреливали. Тюрьма стала самым страшным местом в Славнинске.

С северной стороны к каменной стене, которой обнесен небольшой тюремный двор, прилепилась избушка. Стена выщепленная, а избушка маленькая, ветхая. Обитала в ней с незапамятных времен старушка Остаповна, бывшая просвирня одной из городских церквей. Старушка древняя, как и ее жилище, но довольно крепкая и деятельная. Жила Остаповна на пенсию горсобеса — покойный муж ее в свое время оказал революционным подпольщикам важную услугу, и советская власть теперь заботилась об Остаповне. Старуха жила уединенно: ни соседи к ней, ни она к соседям не ходили. Впрочем, у горожан это обычное явление. Поэтому исчезновение Остаповны из города осталось незамеченным.

В избушке старой просвирни появилось новое лицо: бедно одетая молодая женщина. Ей можно было дать лет двадцать с небольшим. Была она невысокого роста, стройная. Белокурые волосы, собранные на затылке в большой узел, казалось, оттягивают ее голову назад. Голубые глаза женщины смотрели строго и скорбно. У нее был паспорт на имя Марии Поддубной, в котором имелась отметка городского полицейского управления, удостоверявшая, что Поддубная — постоянная жительница Славнинска. Паспорт был, видимо, настоящий, а вот сама Поддубная... Человек, который хоть однажды видел советского военного врача Валентину Кайгородову, немало бы удивился: сходство между Поддубной и Кайгородовой поразительное.

Неделю спустя после того, как Поддубная обосновалась в избушке, ее посетила Галина Самойленко. Встреча была радостной: молодые женщины были очень привязаны друг к другу.

— Ну как, Валюша? — спросила Галина подругу.

— Все хорошо. Скучно только: за целую неделю словом ни с кем не перебросилась.

— Кончилось твое затворничество, сегодня ночью придут.

— Все? — оживилась Валя.

— Втроем работать будут: твой Дмитрий, Королев и Карелин. Силы у них хоть отбавляй, дело пойдет ходко. Что передать?

— Передай, что часть грунта можно будет ссыпать в подполье, а часть придется выносить в старый колодец. Наблюдение за избушкой можно вести из развалин, что через дорогу. Вот, собственно, и все.

Женщины распрощались.

...Человек, который стал бы утверждать, что Поддубная и Кайгородова — одно и то же лицо, не допустил бы ошибки. С документами Марии Поддубной в опустевшей избушке старой просвири поселилась Валя. Подпольный горком через штаб Колосова получил задание организовать побег группы заключенных из тюрьмы. Для этого боевикам надо было проникнуть в тюрьму и, расправившись с охраной, вывести нужных заключенных. План тюрьмы и система охраны у горкома были. Кирилл Шатров не зря проработал две недели на перестройке тюремных камер. А как проникнуть за тюремную стену — надо было решить. Члены горкома перебрали немало разных вариантов и остановились на одном: боевики должны проникнуть на тюремный двор путем подкопа под стену.

Поздней ночью в избушку Остаповны пришли полицейские. Вежливо, но решительно «стражи порядка» приказали немедленно освободить жилище. Старушка возражать не стала. Выслушав приказ, она только и сказала:

— А мне и идти некуда.

На это один из полицейских, видимо, старший, весело сказал:

— Не беспокойся, бабуся. Мы тебя так устроим на новом месте, что жалеть о своей избушке не будешь.

— А что жалеть о ней, — махнула рукой Остаповна. — Все равно разваливается.

Полицейские помогли Остаповне собрать небогатый скарб, погрузили его на подводу, — и бородатый возница в сопровождении полицейского повез старушку из города. А через час в избушку пришла Валя.

— Счастливо оставаться, доктор! — попрощался с Валею Шульга, — тот самый полицейский, который принес Остаповне приказ о выселении.

Шульга и сопровождавшие его «полицейские» — Кирилл Шатров и Семен Сологузов — ушли.

Шесть дней Валя проверяла, нет ли наблюдения за ее новым жилищем, не замечено ли исчезновение Остаповны. Кажется, все было хорошо. Избушка имела просторное подполье. Большую часть его можно было заполнить грунтом, вынутым из подкопа. Часть же грунта можно было сбросить в старый колодец во дворе.

Захаров, Карелин, Королев и Кирилл Шатров, одетые в форму эсэсовцев, пришли в избушку в двенадцатом часу ночи. Переодевшись, они сразу же принялись за работу.

Грунт оказался легким, ход пробили менее чем за сутки. Боевики помылись и, немного отдохнув, снова оделись в эсэсовские мундиры. Когда стрелки часов сошлись на цифре «12», Королев сказал:

— Пора, друзья.

Он первым спустился в подполье, полузасыпанное вынутым из подкопа грунтом. Подкоп был узким, но достаточно высоким для того, чтобы по нему мог пройти среднего роста человек. Шел он с подъемом к поверхности земли. Когда прошли к концу подкопа, Королев проткнул лопатой тоненький свод земли, отделявший тоннель от тюремного двора. Защуршала, осыпаясь, земля. — и Королев увидел кусочек звездного неба. В подкоп хлынул свежий воздух. Помогая друг другу, боевики выбрались наверх. Глаз Кирилла Шатрова оказался верным: тоннель вышел во двор под разлапистой елью, сюда не доходил свет фонарей, установленных у тюремного корпуса.

— Идем! — скомандовал Королев.

Группа вышла на вымощенную крупным булыжником дорожку.

Часовой в будке, установленной на тюремной стене, видел, как с северной стороны к тюрьме подошла крытая автомашина. Она остановилась у столба, от которого на двор тюрьмы шел пучок проводов. Машина остановилась, — и на столб полез немецкий солдат. Видимо, шла очередная проверка линии связи полицейского управления с тюрьмой. Такие проверки проводились часто, солдат не обратил на это никакого внимания. Во дворе тюрьмы слышались шаги. Часовой перегнулся через парапет. По двору шла группа господ офицеров. Для тюрьмы явление обычное.

У старшего надзирателя, пожилого лысеющего унтера, была гостья, отвечающая полногрудая дама с замысловатой прической. Встреча с любовницей в служебном кабинете старшим надзирателем была условлена заранее, и он отпустил до утра своих помощников в город. Благо, был канун воскресенья, посещения тюрьмы начальством не предвиделось. Пили винапе, закусывая грубой солдатской пищей.

— Еще по одной, Эльза! — наполнил стаканы надзиратель. — Еще по одной, — и баньки. — В белесых, навывкате глазах надзирателя зажегся плотоядный огонек.

— Не торопись, Вальтер. В нашем распоряжении добрая половина ночи. Когда вернутся твои «мальчики»?

— В семь утра.

Эльза взглянула на огромные часы на стене кабинета.

— А сейчас без двадцати час.

Дверь кабинета распахнулась. Перед изумленными старшим надзирателем и его любовницей стояли эсэсовские офицеры, вооруженные автоматами.

— Тихо! — предупредил ошалевшего старшего надзирателя офицер, стоявший ближе других к столу. — Дайте ваше оружие.

Старший надзиратель трясущейся рукой подал ему старенький парабеллум и упавшим голосом спросил:

— Что это значит?

— Ничего особенного, — улыбнулся офицер. — Покажите нам камеры политических заключенных. Где ключи от этих камер?

— Пожалуйста, — старший надзиратель показал на небольшой шкафчик на стене. — Там все ключи.

— Возьмите их, и идите с нами. Торопитесь, нам некогда.

Офицер говорил на немецком, с заметным акцентом чужестранца, и старший надзиратель терялся в догадке: «Кто они, эти офицеры?» Но на раздумье у него не было времени. Взяв ключи, он повел офицеров к камерам политзаключенных.

— И вы с нами, фрау! — обратился офицер к Эльзе.

Эльза застегнула кофточку и, нетвердо ступая, вышла в коридор.

Одна за другой были открыты двадцать шесть камер. Сорок восемь заключенных выведены в коридор. И все это молча, без единого слова.

— Все? — спросил офицер.

— Все, — ответил старший надзиратель. — Хотя, нет: осталась камера смертников.

— Где она? — почти крикнул офицер.

— На втором этаже.

— Веди.

Камера смертников — каменный мешок площадью в шесть квадратных метров. Цементный пол, сырые стены, зловоние. Окон нет. В ней ожидали расстрела те, кого трибунал приговаривал к смерти. Из камеры их выводили в северо-восточный угол двора и там, в полуподвале, расстреливали.

Майор Лебедев был приговорен к смерти за убийство следователя. Приговор ему объявили вчера вечером. Лебедеву оставалось только ждать, когда придут за ним.

Лебедев... Он пришел в себя на лесной поляне, заставленной немецкими танками. Осмотрелся и понял все: его подобрали на поле боя и привезли сюда, в расположение какого-то штаба. О том, что в лесу был штаб, Лебедев определил по сборному домику на краю поляны, к которому тянулись разноцветные телефонные провода. Его накормили и под охраной двух дюжих молодчиков в черной форме отправили в большое селение, расположенное километрах в сорока от леса. Здесь его допрашивали два подполковника армейской разведки. Допрашивали по так называемому методу «на измор»: один допрашивал, второй отдыхал. Сменяли они друг друга через каждые четыре часа. Лебедев стоял на ногах по

двенадцать часов подряд; ему не давали пить, его оскорбляли — напрасно: майор был нем, как рыба. Казалось, ничто не может сломить его железного упорства. На третий день допросов Лебедев решил, что пора положить конец всему. Он попросил у следователя закурить.

— Закурю и буду рассказывать, — сказал он тоном смертельно уставшего человека.

— Давно бы так! — обрадовался следователь. Майор должен располагать важными сведениями, на нем можно заработать если уж не орден, то медаль — наверняка. Следователь услужливо протянул Лебедеву портсигар. Лебедев схватил следователя за руки и одним рывком втянул его на стол. Не успел следователь ахнуть, как массивное пресс-пальце опустилось ему на голову...

Открылась дверь камеры, и Лебедев шагнул навстречу эсэсовцам. И вдруг офицер на чистейшем русском сказал:

— Торопитесь, товарищ, время дорого.

— Кто вы? — спросил озадаченный Лебедев.

— Друзья.

Лебедев в порыве горячих чувств обнял офицера.

— Спасибо, если это... не подвох.

-- Нет, не подвох, — улыбнулся мнимый эсэсовец. — А вы пожалуйста на его место! — обратился он к надзирателю, подталкивая его к камере.

Как только надзиратель, а за ним и Эльза, переступили порог камеры, окованная железными листами дверь захлопнулась. Королев дважды повернул в скважине ключ.

Освобожденных разделили на четыре группы и одну за другой повели к подкову. И это видел часовой. Так, группами, водили заключенных на расстрел почти каждую ночь, к подобным картинам часовые привыкли.

...Побег политических заключенных обнаружился лишь ранним утром, когда вернулись из города надзиратели.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ЗВОНАРЕВ ИЩЕТ СЛЕД

1

События, происшедшие за последнее время в Славнинске, круто изменили жизнь, а то и судьбу тех, кто управлял городом. Полковник Розенберг был убит. Начальник полиции Каплунов отстранен от занимаемой должности. Полицейское управление реорганизовано в полицейский батальон. Командиром батальона назначен прибалтийский немец, бывший майор латышской буржуазной армии Гайбергер. Во главе по-

лицейских рот стали тоже люди военные. Звонарев оказался обойденным: его назначили командиром взвода. Это обидело его до глубины души, но Звонарев был достаточно сообразительным, чтобы открыто не высказать своей обиды. Судьба и так обошлась с ним довольно милостиво — помощнику начальника городской полиции положено было отвечать за то, что произошло на площади в день казни тридцати трех, но немцы, кажется, забыли о Звонареве, а он предпочел пока не лезть им на глаза.

Тем не менее, Звонарев решил показать себя в делах и доказать немцам, что он не такая уж мелкая фигура, как им кажется. Немцы ведут грандиозную игру: «Сегодня в наших руках Германия, а завтра — весь мир!». Если они выиграют эту игру, то какую-то долю выигрыша получают и такие, как Звонарев. Если же они проиграют ее — Звонарев проиграет все. Значит есть смысл стараться... А чтобы собственный выигрыш был крупнее, надо быть у хозяев на виду.

Нет, Звонарев отнюдь не собирался хватать звезд с неба, не переоценивал своих способностей и возможностей, но он не забывал и о поговорке, что во время войны так же легко стать генералом, как и быть повешенным.

Звонарева занимал Андрей Шульга, ставший теперь тоже командиром взвода. Лука помнил первый откровенный разговор с Шульгой. Если тогда Андрей был откровенным, то что же привело его в полицию? Хитрил тогда? Как будто бы не к чему было. В полицию он пришел не сразу. Действительно ли помешала нога? Шульга выделялся среди полицейских: не участвует в диких попойках, не ходит на «добычу», его не затянешь к женщинам. Действительно ли все дело в той учительнице, у которой Шульга стоит на квартире, или тут что-то другое? Вопросов возникало много, сразу ответа на них не дашь. Да Звонареву и торопиться некуда, мир за несколько месяцев не сгорит даже в пламени войны.

Просматривая полицейские документы для сдачи в архив, Звонарев натолкнулся на бумагу, составленную его рукой. Это был список людей, которых он в свое время отбирал на строительство в тюрьме. Звонарев насторожился. В конце списка стояла фамилия, дописанная рукой Шульги. Звонарев получал от полицейских всевозможные донесения и почерк многих из них изучил досконально. Чем больше вдумывался Звонарев в эту деталь, тем больше понимал, что здесь что-то не совсем ладно. Илларион Степанов... Адрес: Привокзальная, 18. Перед Звонаревым пока встал один вопрос: «Зачем Шульге потребовался на строительстве этот парень?» Хорошая ищейка берет нужный след сразу. Не плохим лягашом на сей раз оказался и Лука Звонарев. След был верным.

Привокзальная улица очень короткая. Она начинается у

привокзальной площади и кончается у товарного двора — протяженность ее каких-нибудь полкилометра. Жили здесь преимущественно железнодорожники — паровозные машинисты, кондукторы, ремонтные рабочие. Домики в большинстве своем маленькие, крытые железом. При каждом огоро-дик, а у многих и садики.

Счет домов начинался от вокзала, и Звонареву пришлось идти почти до самого противоположного конца улицы. А здесь его ждало разочарование: домик под номером 18 оказался полуразрушенным. По всему было видно, что в нем уже много времени не живут. Звонарев обошел весь двор и запущенный старый сад. В огороде соседнего двора копалась женщина. Звонарев окликнул ее. Женщина оказалась сухонькой старуш-кой лет семидесяти. Она подошла к изгороди и внимательно окинула взглядом старческих, слезящихся глаз Звонарева с головы до ног.

— Бабуся, кто здесь живет? — показал Звонарев на домик.

— А никто. Чай, сам видишь — не слепой.

Ответ нельзя назвать любезным, но Звонарева смутить было трудно.

— А жил раньше кто?

— Да ты-то кто такой? — спросила старуха.

— Прохожий, бабуся.

— А коль прохожий, то и проходил бы мимо. А то — кто да почто... Тебе кого надо?

— Родственников разыскиваю своих.

— Это в пустом доме-то?

— Да вот показали на этот двор, а здесь — пусто.

— А как родственников твоих прозывают? — заинтере-совалась старуха. — Давно здесь живу, всех по улице знаю.

— Звонаревы, бабуся.

— Звонаревы?.. Нет, Звонаревых не знаю... Здесь Звонаре-вы никогда не жили. Тебе кто показал сюда?

— Да пострел тут один, мальчишка, — соврал Звонарев и для убедительности добавил: — Нарвать бы уши сорванцу за шутку над старшим. Значит, не знаешь Звонаревых?

— Нет, не знаю, любезный.

— Ну, а здесь кто жил?

— Сказано тебе, что не Звонаревы, чего же еще? — рас-сердилась старуха.

— Нехорошо так с путником обращаться, не по-христиан-ски. — попытался Звонарев подъехать к старухе с другой стороны. — Сказано ведь в священном писании: «Путнику уставшему ноги вымой, напитай его и дай приют».

— Смотри, какой христианин нашелся! — фыркнула ста-руха. — На днях вот такой же «христианин» ходил здесь, вы-нохивал, высматривал, а вечером немцев привел... Петра Хо-

мутникова, машиниста, забрали. Золотой был человек.. Так что проходи своей дорогой, любезный.

Старуха вытерла о фартук испачканные землей руки, убрала под платок седые пряди волос и пошла прочь от Звонарева.

Звонареву ничего не оставалось, как искать другой источник информации. И он нашел его. В узком переулочке мальчик лет восьми — девяти пас козу. Коза худая, с длинной, вытертой ошейником шеей тыкалась сюда и туда, и юный пастух поминутно кричал на нее.

— Не слушается? — участливо спросил Звонарев.

Мальчик поднял на незнакомого дядю серые доверчивые глаза под выгоревшими бровями и сокрушенно покачал головой:

-- Беда с ней. Самая что ни есть никудышная скотина.

— Да, такая уж это скотина, — согласился Звонарев.

— И не говорите. Зарезать бы, так мамка не соглашается.

— Это почему же? — поинтересовался Звонарев.

— Кто ее знает, — пожал узенькими плечиками мальчик. — Говорит, что Нинка без молока не может, а корову немцы забрали.

— А это кто же такая, Нинка?

— Нинка? А сестренка моя. Кашляет она, такая болезнь у нее, грудная.

— Вот оно что. Тогда тебе придется пасти козу, нельзя же Нинке без молока.

— Да я что... Мне ничего, — покорно сказал пастух, но по всему видно было, что ему очень не хочется возиться с надоевшей козой.

— А я родственников своих ищу, да никак не могу найти, — поделился своей неудачей Звонарев. — Куда делись — ума не приложу.

— Что, в эвакуацию поехали? — оживился малец.

— Не знаю.

— Время такое, — вздохнул мальчик. — Кто уехал, кого немцы забрали. Бела...

Видимо, он передавал слова и настроение взрослых членов семьи. Но Звонарева сейчас занимало не это. Настроением горожан пусть занимается СД. Звонарев же спросил, показав рукой на заброшенную усадьбу:

— А там кто жил?

— Там? — переспросил мальчик. — Жил дедушка Семенов, а потом он умер. Старый уже был дедушка. А потом уже там никто не жил.

— А паренек, Илларион Степанов там никогда не жил?

— Это ваш родственник? — в свою очередь спросил мальчик.

Звонарев кивнул головой.

— Нет, никакой парень там не жил. Дедушка один жил, он пенсию с городского Совета получал. Хороший был дедушка. А малины сколько было у него!

— Ну, ладно... Мне идти надо. Тебя как звать?

— Петей. У нас все Пети: дедушка, отец и я.

— А отец твой что делает? — спросил Звонарев.

— Его немцы забрали, — насутился паренек.

— Немцы? — удивился Звонарев. — За что же?

— Не знаю. Машинистом он работал на станции... Говорят, что он пулемет спрятал.

— Нашли пулемет? — вкрадчиво спросил Звонарев.

— Нет, — покачал головой мальчик. — Наверное, и не было его у нас. А то бы нашли — везде искали.

— Твоя фамилия — Хомутников? — спросил Звонарев, вспомнив фамилию, названную старухой.

— Хомутников, — подтвердил мальчик.

— Ну, будь здоров, Хомутников! — улыбнулся Звонарев. — Расти большой.

Звонарев вышел из переулочка и зашагал вдоль улицы. Его визит на Привокзальную не пропал даром. Теперь Звонарев знал, что никакого Иллариона Степанова в доме № 18 нет и не было. Значит, Шульга взял его откуда-то из другого места. Да и был ли тот паренек Илларионом Степановым, неизвестно.

Шагая по улице, довольный собой Звонарев вспомнил и еще одно обстоятельство, на которое раньше не обращал внимания. В то время, когда Шульга был еще старшим полицейским, он, как и все полицейские, нес постовую службу в городе, ходил патрульным. И не было случая, чтобы на его участке появились листовки. Почему? Не старается ли Шульга казаться безупречным полицейским?

У Звонарева возникали все новые и новые вопросы, ответы на которые он надеялся добыть в будущем. А пока Андрей Шульга попал в поле зрения цепкого в своей хватке опытного контрабандиста-следопыта.

2

Захламленные кирпичом и битым стеклом улицы, остовы разрушенных зданий, темнота — таков Славнинск ночью с тех пор, как не работает в нем электростанция и ремонтный завод. Немцы вывезли из города все свои базы, вывели воинские части. Остались лишь «зондеркоманда» при отделе СД, да полицейский батальон. Службу охраны города несли исключительно полицейские. Лишь здание, где помещалась СД и жили офицеры этого отдела, охраняли солдаты генерала Краутера.

Самой неприятной службой полицейские считали ночное патрулирование города. Обычно они отсиживались где-нибудь в укромном месте, полагая, что город никуда за ночь не денется, а подставлять свой лоб под увесистый кирпич тех, кто не спит по ночам, нет смысла. Кто знает, может быть только поэтому за последнее время город буквально наводнялся листовками. Каждое утро их находили расклеенными по стенам, разбросанными по улицам. Командир полицейского батальона Гайбергер уже получил два выговора, а генерал Краутер ходатайствовал, чтобы в город был прислан хотя бы батальон боеспособных войск. Просил он в свое распоряжение и полицейских, намереваясь использовать их для прочески леса за Сосновкой. По мнению Краутера, лес является убежищем для тех, кто портил кровь и нервы желчному генералу и его начальству. Правда, приближалась зима. Зимой легче бороться с обитателями леса, но, ожидая зимы, можно оказаться черт знает где от Славнинска, во главе какого-нибудь битого-перебитого стрелкового полка. Предложение генерала обсуждалось в высоких инстанциях.

Сентябрьские ночи холодные, ветреные. Часто идут дожди. В этот год деревья почему-то особенно рано накинули на себя багрянец, словно и осень торопилась избавить людей от безрадостного лета. А лето было действительно тяжелым. Немцы все дальше и дальше уходили на восток, тесня Красную Армию, нанося ей удар за ударом. Через Славнинск непрерывным потоком шли на восток воинские эшелоны с солдатами, танками, пушками, боеприпасами. На запад же шли товарные составы со скотом, хлебом, тракторами. Иногда в Славнинске ненадолго останавливались длинные составы из красно-черных товарных вагонов, от которых шел тяжелый запах разложения. Это везли в Германию останки генералов и офицеров, убитых на фронте. Но большинство таких эшелонов шли напролет. В Славнинск прибывало все больше и больше военнопленных. Раненые и больные, они были лишены самой элементарной медицинской помощи, необходимого ухода и питания, гибли сотнями. Трупы их вывозили за город, в старый глиняный карьер. Там постоянно стоял гвалт разжиревшего воронья, а ночью выли обнаглевшие волки. Одиравшие собаки заносили на улицы города части человеческих тел.

Немецкая пропаганда отравляла сознание людей, убивала дух слабых, развращала людей с мелкой душонкой. В это время особенно важны были слова правды о том, что происходит на фронте, советы, что делать людям, оставшимся на земле, попранной врагом.

Галину Самойленко через связного вызвали в лес: нужна была новая партия листовок.

Они вышли в двенадцатом часу ночи втроем: Самойленко, связной и Шульга. Шульга вызвался проводить Галину и

связного — третий человек никаким образом испортить дела не мог — он был полицейским.

Через огороды прошли к балке и по дну ее — на берег реки. Один раз Андрею показалось, что кто-то четвертый следует по следу группы. Кто? Четвертый мог быть только чужим. Андрей остановился за кустом шиповника, вынул из кобуры пистолет. Постоял — никого. «Показалось», — решил Андрей. Галину и связного он догнал уже при спуске к реке.

— Что там? — спросила Галина.

— Ничего, все в порядке, — ответил Андрей.

На условный сигнал Галины на противоположном берегу реки ответили сразу. Присев у клена, ждали лодку. Ее подогнал Карелин.

Андрей сидел на корточках, прислонившись спиной к стволу дерева. Ветер шумел листвой, и Андрею казалось, что ствол клена пульсирует. Лодка все дальше и дальше удалялась от берега. Вдруг за деревом послышались крадущиеся шаги. Андрей схватился за пистолет. Вот человек совсем рядом — присел, сиюсь, видимо, проследить, куда пошла лодка. Андрей не видел человека, но слышал его дыхание. «Один или не один?» — задал себе вопрос Андрей. Решил, что один: будь вдвоем, они бы перебросились хоть словом. А решив так, поднялся во весь рост и, резко повернувшись, навалился на нежелательного свидетеля переправы. Тот только ахнул. Короткая борьба, и пальцы Андрея сомкнулись на шее неудачливого следопыта.

Когда все было кончено, Андрей осветил лицо мертвого электрическим фонариком. Невольно улыбнулся. Не по воле Андрея сошлась его жизненная дорожка с дорожкой Звонарева...

Под утро, когда на высоком своде неба гасли звезды, от лесного берега реки отвалила лодка. В ней находились Тихон Кунгуров, Валя Кайгородова и Галина Самойленко. Галина сидела за веслами. Вслед за лодкой вплавь пересекали реку Королев и Карелин — боевики. У старого клена из лодки надо было выгрузить одежду, оружие и продукты боевиков, а лодка должна была плыть по реке к самому огороду Петра Кунгурова: Тихон не мог идти пешком.

Лодка не достигла и середины реки, когда Галина заметила сигналы. Кто-то был у клена и сигналил: два — один — два. Красный свет фонарика был хорошо виден, а сигнал означал: «Свой». Это мог быть только Шульга. Сердце Галины забилось часто, часто. «Что-то случилось, — думала она. — Знать, Андрей не уходил с берега».

Дно лодки прошуршало по прибрежной отмели. Мужчины подтащили лодку к дереву. Галина бросилась к Андрею, стоявшему у самой воды. Забыв, где они и что они не одни, Галина

обняла Андрея. Пусть товарищи не осуждают ее за этот порыв, он продиктован был страхом за любимого человека.

— Ты почему не ушел? — шепотом спросила Галина. — Что случилось?

— За нами, оказывается, пришел на берег мерзавец, — сказал Шульга скорее для всех, чем для Галины. — Ну, и... Труп вот убрать надо. Придется вывезти в лодке подальше.

Королев посветил фонариком. На берегу лежал скрюченный труп рыжего человека без одежды.

— Одежду я в лесу закопал, полицейский мундир, — пояснил Шульга. — Так лучше. Мало ли теперь мертвецов. А прибьет полицейского — уже событие, следствие.

— Не надо лодки, — сказал Королев. — Мы его и так «отбуксируем». Бери его за руку, Карелин, я — за другую.

Два живых и один мертвый отплыли от берега. Наискосок от леса ушла и лодка, освобожденная от одежды, оружия и продуктов для боевиков.

Прошло несколько минут, и речная волна свободно плескалась там, где только что стояли люди.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ДЕРЗОСТЬ

На востоке бушевали бои. В сражениях участвовали миллионы солдат, тысячи танков, десятки тысяч пушек всех калибров, армады самолетов. Во всепожирающем огне войны сгорали пехотные дивизии, танковые и артиллерийские полки; война требовала невероятного количества снарядов, патронов, горючего, продовольствия. Все это немцы доставляли на фронт по железным и шоссейным дорогам.

Важной транспортной артерией, питавшей большой участок фронта, являлась железнодорожная линия, проходившая через Славнинск с запада на восток. Сама станция Славнинск после нескольких налетов советской авиации не могла служить немцам, здесь все было превращено в груды битого кирпича, пепла и исковерканных рельсов. Немцам удалось восстановить лишь один путь. По нему сейчас и шли поезда в сторону фронта и обратно. Немцы очень дорожили этой магистралью, охраняли ее с особой тщательностью. Но она же привлекла пристальное внимание и советского командования.

В руки советских разведчиков попал секретный приказ командующего группой немецких войск на советско-германском фронте, из которого явствовало, что в первой половине октября группа предпримет мощное, широко задуманное наступление с целью окружения двух советских армий, обороняв-

ших важные рубежи. В связи с этим Славнинский горком партии получил задание взорвать железнодорожный мост через реку Сосновку. Задание было сложное, ответственное. Надо было действовать наверняка.

Три дня Королев и Карелин, зарекомендовавшие себя в подобных делах, вели за мостом наблюдение, изучали систему охраны и обороны. Днем наблюдатели укрывались в куче валежника на опушке леса, метрах в пятистах от берега реки, по как только наступала ночь, они перебирались в старый окоп недалеко от моста.

На четвертые сутки Королев и Карелин покинули свой пост. Они добыли все необходимые данные.

Горком заседал в доме Петра Кунгурова. Сидели при свете стеариновой свечи, готовые в случае опасности скрыться в подполье, соединенном переходом с погребом во дворе. Королев скупными словами изложил план разведчиков по операции. Гарнизон охраны моста состоял из двадцати четырех солдат, двух унтер-офицеров и офицера. Располагались немцы в каменной казарме, метрах в шестистах от моста. Казарма обнесена колючей проволокой в несколько кольев. Возле нее — пулеметное гнездо. Однако обстреливать мост пулемет не может, мешает насыпь. Он предназначен для обороны самой казармы. На ночь гарнизон располагается в окопах возле моста — отделение на правом берегу, отделение — на левом. Для офицера оборудована отдельная землянка. Днем же мост охраняется двумя часовыми. Значит, если внезапно снять часовых и перекрыть огнем пулеметов подходы к мосту, операция удастся.

С Королевым согласились. Но кому поручить взрыв моста? Эта операция по своей сложности и важности могла бы принести славу любому из присутствовавших на заседании людей, но о личной славе думали меньше всего. Должны были идти Королев и Карелин, а остальные — кого пошлет горком. Выбор пал на Захарова и Лебедева.

Прикрывать подрывников должны были четыре человека. Казалось, все решено, но тут поднялась Валя и спросила:

— А в случае несчастья с кем-нибудь, кто окажет помощь?

Вопрос резонный. В самом деле, ранят немцы кого-нибудь из группы, его товарищ должен будет перевязать пострадавшего, а это значит, еще один автомат умолкнет.

— Я прошу горком направить меня с группой, — попросила Валя.

Кайгородова стояла среди мужчин, как равная среди равных, как член маленького содружества воинов, готовых на любой подвиг во имя благородной цели. Это был зрелый, с недюжинной волей солдат, испытанный во многих рискованных операциях. От неопытного, немного сентиментально-

го военного врача с мягким, по-женски жалостливым сердцем, не осталось ничего. Несколько недель суровой, полной лишений и опасности жизни сделали свое. Ей нельзя было отказать в этой просьбе.

• • •

На рассвете, когда берега Сосновки заткало пряжею густого тумана, подрывники из леса направились к мосту. В мелком березнике залегли. Канавка служила хорошим прикрытием. Отсюда до окопов, в которых сидели немцы, оставалось не больше ста метров.

— Карелин!

— Слушаю.

— С Лебедевым к казарме. Помни: самое главное — не допустить немцев к мосту.

— Есть!

— Ну, счастливо!..

Карелин и Лебедев поползли.

От реки потянул холодный ветер. Он порвал туман в клочья и погнал их в сторону леса. Стали видны мост и силуэты часовых на нем; по одному на каждом конце.

— Где же остальные? — спросила Валя.

— Скоро появятся. Они, как сурки, в земле, — ответил Королев.

Однако сколько Валя ни напрягала зрения, а окопов так и не обнаружила.

Холод и промозглая сырость тумана дожимали людей. Казалось, что ожиданию не будет конца, что рассвет где-то заблудился. Вдруг раздался свист, и сейчас же на обоих берегах реки выросли немцы в кургузых шинелях. Они были так близко, что подрывники отчетливо слышали их речь. У моста появился и офицер. Он потянулся, зевнул и заорал во весь голос:

— Шнель!

Солдаты бегом бросились к нему.

— Вот бы стегануть из автомата, — прошептала Валя.

— Нельзя, Валя. Всю обедню испортим, — заметил Королев.

— Знаю, что нельзя, но очень хочется..

Унтер-офицеры повели солдат в казарму. Офицер шел взад, беспечно помахивая палочкой.

«Погоди, мерзавец, перепадет и тебе!» — подумала Валя.

— Товарищ Захаров! — позвал Королев.

— Я здесь!

— Пробежитесь к реке и снимите часового на том берегу. На нашем берегу я сам сниму. Тронулись!

Королев взял в зубы нож и выполз из канавы. Он полз быстро, подавая толчками свое сильное тело. Рядом с ним полз Захаров. Но вот он отделился от Королева и пропал за кустами. Валя, затаив дыхание, следила за Королевым. Захарова ей не было видно. До часового оставалось не больше двадцати метров, когда он вдруг забеспокоился. Королев застыл на одном месте. Трава и защитного цвета комбинезон хорошо укрывали его от глаз часового. И все же немец чувствовал неладное. Он зашел за стальную стойку моста и трусливо выглядывал оттуда.

Валя, до боли закусив губу, наблюдала за ним.

Часовой вышел из-за стойки и что-то крикнул через мост товарищу. Это было оплошностью. Королев успел подобраться к мосту почти вплотную. Еще какое-то мгновение, бросок, и немец упадет, пораженный ножом. Но вдруг он резко обернулся и поднял автомат. Поздно: Захаров пришел на выручку товарищу, ударил автоматной очередью по немцу.

Был убит часовой и на противоположном берегу: Захаров стрелял мастерски.

В это время у казармы застрочили автоматы, разорвалось несколько ручных гранат.

«Наши!» — подумала Валя и побежала к подрывникам, которые закладывали под фермы тол.

Тем временем у казармы разгорелся бой. Немцы пустили в ход автоматы и пулеметы. Рвались гранаты. Увлеченные боем, Карелин и Лебедев не заметили, как офицер с пятью солдатами ползком выбрались за железнодорожную насыпь и побежали к мосту.

— Готово? — спросил Королев Захарова.

— Одну минуту.

В это время коротко ударил автомат. Пули защелкали о сталь ферм.

— Доктор, бей гадов! — крикнул Королев.

Валя стреляла, лежа на настиле моста.

Захаров вставлял запалы.

Немцы бежали по полотну железной дороги к мосту. Королев выпустил очередь и солдат, взмахнув руками, упал. От выстрелов Вали свалился еще один солдат. Остальные немцы укрылись в окопах и оттуда поливали мост свинцовым дождем. Раненый Валею солдат сделал попытку подняться, но был уложен новой очередью из ее автомата.

Захаров, наконец, поджег шнуры.

Немцы мешали отходу. Но вот с опушки леса по ним ударил ручной пулемет группы прикрытия, и подрывники побежали от моста. В старой канаве залегли.

«Где же Митя?» — с тревогой подумала Валя о Захарове и осторожно подняла голову. Захаров, высунувшись по

пояс из канавы, бил короткими очередями по окопам, где укрылись немцы. Те отвечали недружно.

Над мостом взметнулось пламя, и дугообразная ферма моста вдруг сорвалась со своего места, рухнула в реку, подняв столб воды и грязи.

Королев послал в воздух зеленую ракету — сигнал отхода. Он предназначался для Карелина и Лебедева.

Под прикрытием пулеметного огня подрывники добрались до леса.

Затихла стрельба и у казармы. Видимо, Карелин и Лебедев отошли, а преследовать их немцы не сочли возможным.

В глубине леса Королев обратился к Вале:

— Ремонтируй, доктор!

У него была ранена рука.

Подошли Карелин и Лебедев. Карелин был легко ранен в голову.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПОСЛЕДНИЕ ПРОВОДЫ

Тихон Кунгуров умер дождливым холодным утром. Умирал он долго и трудно. Валя плакала. У нее не было даже кислородных подушек, чтобы облегчить страдания умирающего. Изъеденные туберкулезом легкие не могли обеспечить организм кислородом, Тихон задыхался. Последнюю ночь он особенно мучился, а к восьми часам утра успокоился навсегда.

Похороны пришлось на 22-е число. Вначале на это никто не обратил внимания, а потом спохватились: три месяца со дня разбойничьего нападения Германии на Советский Союз.

Гроб с телом Тихона вынесли из дома Петра Кунгурова во второй половине дня. Моросил мелкий дождь. Порывистый ветер надрывно выл в развалинах домов, рябил лужицы. В городском парке, наполовину вырубленном немецкими саперами, встали вороны. Встречные спрашивали:

— Кого хоронят?

Им отвечали:

— Инженера Тихона Кунгурова.

— Убили?

— Почти. Чахотка в такое время...

Люди пристраивались к печальной процессии, шли по мокрым улицам за гробом.

На улице Зеленой человек пятьдесят мужчин и женщин под надзором двух вооруженных полицейских разбирали мо-

стовую. Когда процессия приблизилась к ним, полицейский заорал:

— Обходи стороной, не видишь?

— А ты, сукин сын, не видишь? — подступила к нему пожилая женщина с лопатой в руках. — Пывылазили? Покойника несут, а ты рот дерешь. Шапку сними, бесстыжий!

Растерявшийся полицейский сдернул с головы пилотку. Второй полицейский поспешил сделать то же самое.

Белобородый старик с обнаженной лысой головой подступил к идущим за гробом, спросил:

— Кого бог позвал к себе? — И, получив ответ, воскликнул: — Тихона Тимофеевича? Ай-яй-яй! Такой человек... Шабаш! — крикнул он работавшим на мостовой. — Человеку последний долг отдадим.

На развороченном шоссе остались лишь два полицейских.

Чем дальше похоронная процессия продвигалась к центру города, тем больше росло число людей, идущих за гробом. Твердая поступь, суровые лица. Нет, это скорее демонстрация, чем похороны. Да оно так и было: многие из тех, кто сейчас следовал за гробом, прочли утром листовки горкома и теперь чувствовали себя хозяевами этих мокрых, мертвых, но родных улиц. И вело этих людей дело, за которое умер Тихон Кунгуров, тело которого плыло сейчас в гробе над головами людей.

Когда процессия проходила мимо городской управы, генерал Краутер находился в кабинете бургомистра. Обычно он, пользуясь генеральским званием, все совещания проводил у себя, но сегодня приказал немного переоборудовать свой кабинет, поэтому приехал к бургомистру. Здесь должно было состояться очень важное совещание. Командование замыслило провести широкую карательную операцию на большой территории, в центре которой стоял Славнинск. Операция носила шифр «В». Она требовала немало сил, но иного выхода у командования не было: из-за нападения партизан дороги стали безопасными только для крупных воинских подразделений, в городах и селах партизаны расстреливали и вешали полицейских и старост, населенные пункты наводнялись листовками. Полицейские меры нужных результатов не давали. Немцы решили нанести партизанам решающий удар, обезопасить большую территорию. В Славнинск прибыли два финских батальона особого назначения — «Суоми» и «Турту», венгерский полицейский полк «Дунай» и немецкая стрелковая дивизия. На ближайший аэродром перебазировались эскадрильи разведочной и бомбардировочной авиации. В операции должен был участвовать и полицейский батальон Славнинска. Самому Славнинску определили роль городка-концлагеря. Партизаны и подозреваемые в сочувствии им подлежали расстрелу на месте, а все остальные должны были

быть доставлены на «сортировочный пункт». План операции был разработан в высших инстанциях, необходимо было лишь уточнить детали. Для этого и созывалось совещание.

Краутер, развалившись в кресле, просматривал порнографические открытки.

Внимание генерала привлек шум, идущий с улицы.

— Что там еще? — недовольно поморщился Краутер.

Бургомистр поспешил к окну. Первое, что бросилось ему в глаза, был гроб, окрашенный в красный цвет. Его несли мужчины. И на фоне всей процессии гроб казался красным знаменем. Вот он проплыл мимо окон дома городской управы, а толпа все шла и шла, запрудив улицу.

— Ну? — нетерпеливо повернулся в кресле Краутер.

— Похоронная процессия.

— Что? — побагровел генерал.

— Хоронят кого-то.

— Разве вы не запретили такие процессии?

— Нельзя, — развел руками бургомистр. — Религиозные чувства верующих, почести умершим и прочее такое...

— Да это же форменная демонстрация! — крикнул Краутер.

Бургомистр растерялся. Демонстрация? О, прonesи, боже!

Краутер схватил телефонную трубку с такой поспешностью, словно мимо дома бургомистра проходила не мирная похоронная процессия, а вооруженная демонстрация, и спасение Краутера было в этом телефонном звонке.

А процессия уходила все дальше и дальше. Гроб несли Захаров, Петр Ильич Кунгуров, Королев и сосед Петра Ильича, седобородый великан, кривой на левый глаз. Валя с молодой женщиной, дальней родственницей Кунгуровых, несли небогатый венок из живых цветов. Члены группы Кунгурова участвовали в похоронах своего вожака по решению горкома. На Первомайской улице путь печальному шествию преградили полицейские, поднятые на ноги звонком Краутера. Вооруженные автоматами, они стояли сомкнутым строем поперек улицы. Злобное выражение их лиц не обещало ничего хорошего. Впереди полицейских стоял их командир, высокий сухопарый субъект в очках. При подходе процессии он поднял вверх руку и срывающимся голосом крикнул:

— Стой!

— Что вам надо? — строго спросил Королев.

— Советую разойтись, — прохрипел длинный. — К кладбищу пройдут лишь те, что несут гроб.

Наступила тишина. Но вдруг кто-то звонким голосом крикнул:

— Христопродавцы!

Толпа грозно загудела, но люди в нерешительности топтались на месте.

— Разойтись! — снова приказал длинный и скомандовал полицейским: — Готовься!

Полицейские подняли автоматы. У Вали вдруг пересохло во рту. Она посмотрела на женщину, с которой несла венок. Взгляды их встретились. Обе они одновременно шагнули вперед, навстречу линии автоматных стволов, хищно уставившихся черными зрачками на людей. Вот сейчас раздастся залп, — и все будет кончено. Но полицейские вдруг расступились. Или у них не было приказа стрелять, или руки не поднялись против женщины, а может быть, просто трусили перед грозным молчанием людей.

Процессия пошла дальше. Валя, оглянувшись, поймала одобряющий взгляд Захарова.

Славнинское кладбище древнее: сколько лет городу, столько и кладбищу. Под место вечного покоя ушедших из жизни живые отвели большую рощу на западной окраине города. Невысокая каменная ограда стоит по границам кладбища. В роще — вековые клены и ясени, старые липы. На них — колонии грачиных гнезд. Кресты, каменные плиты, оградки указывают места покоя усопших. Но кое-где неглубокие окопы. Здесь какое-то время стояли зенитки, а немецкий солдат в России не привык церемониться ни с живыми, ни с мертвыми. Удобство позиций на кладбище очевидно: русские летчики не бомбят кладбищ.

Могилу Тихону Кунгурову вырыли под молодым ясенем. Сюда и пришла траурная процессия. Гроб поставили на два табурета. На третий табурет встал невысокого роста плечистый человек с небольшой русой бородкой. Толпа притихла. Человек был незнаком горожанам, и каждый, вероятно, подумал: «Интересно, что он скажет?» А оратор сказал такое, что сразу заставило людей сжать кулаки.

— Славнинцы! — начал он ровным голосом, немного «окая». — Сегодня мы прощаемся с инженером Тихоном Тимофеевичем Кунгуровым. Короткая жизнь и сама смерть инженера Кунгурова — пример того, как надо служить Родине. Инженер Кунгуров честно служил народу. Он отдал ему самое дорогое — жизнь. Прощаясь с инженером Кунгуровым, мы знаем, что убил его не туберкулез, нет. Его убило время, в которое мы живем. Суровое, тяжелое время! Но оно пройдет, это время. Будут у нас и солнечные дни, будет у нас и праздник. Но он сам не придет, этот праздник. За него надо бороться так, как боролся инженер Кунгуров... Спи, дорогой товарищ! Мы помним, как ты жил, как ты умер, а дело, за которое ты отдал жизнь, будет жить, будет побеждать!

На широкой дорожке, ведущей от ворот в центр кладбища к древней часовенке, показалась группа людей в мундирах.

— Немцы! — поползло в толпе зловещее слово.

— И тут не дают покоя.

— По рожам бы их!

А немцы, печатая шаг, все ближе, ближе... Молодой подтянутый офицер вел живых роботов, готовых сделать все, что им прикажут.

Оратор прыгнул с табурета. Как потом ни старались немцы, а человека, выступавшего над гробом, так и не нашли. Не нашли потому, что Захаров снял фальшивую бороду, передал Вале стеганую куртку, в которую был одет, и теперь в немного сутуловатом человеке нельзя было узнать оратора.

Толпа молча смотрела, как зарывают могилу. Обычай удерживал людей до конца у могилы. Немцы подошли к толпе, когда над могилой уже возвышался холмик земли. Офицер пролаял команду, и солдаты остановились шагах в десяти от свежего холмика. Приклады карабинов хрястнули о мелкую гальку дорожки. Вперед выступил пожилой переводчик в какой-то дикой полувоенной форме. Он переводил то, что говорил офицер:

— Выход отсюда один — по этой дорожке, к воротам. Кто попытается уйти другим путем — будет убит. Учтите: кладбище окружено финнами, они признают одну команду — «Огони!» Кладбище будет прочесано.

Толпа в грозном молчании двинулась по дорожке к воротам. Солдаты сопровождали ее.

— Что они хотят? — шепотом спросила Валя Королева.

— Вряд ли что-нибудь хорошее, — ответил он.

За воротами кладбища всех построили в колонну и погнали в город.

— А дело, кажется, дрянь, — шепнул Корольев Захарову. Тот молча кивнул головой.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ОПЕРАЦИЯ «В»

Совещание проводил командир полицейского батальона Гайбергер, получивший на этот счет особые инструкции. На совещании присутствовал только командный состав, и оно носило полусекретный характер. Быть может, желание блеснуть своей осведомленностью или подчеркнуть важность готовящейся операции, участником которой имел честь быть батальон, только Гайбергер сказал подчиненным много лишнего. Такая уж натура некоторых людей: смотрите, какая я важная персона, мне доверяют такие тайны! А Гайбергер рассказал

даже о том, что и от него держали в секрете, но что он узнал окольным путем: какие части и подразделения будут участвовать в операции.

Совещание закончилось поздно, и двадцать семь командиров взводов, девять командиров рот полицейского батальона майора Гайбергера разошлись на отдых. Никто не знал, когда начнется операция, может даже через час.

Тоненький огрызок луны, словно играя с кем-то, часто прятался за лохмотья облаков. Было тихо и тепло, но уже чувствовалось дыхание осени. Запахи этой поры увядания приходили в город из леса и степи.

В такое время в ночном небе над Славнинском, бывало, пролетали перелетные птицы. Их караваны шли с северо-востока на юго-запад, в далекие, теплые страны. Их печальные крики прощания с гостеприимной Россией тихо падали, словно снежинки, на мокрую от осенних дождей землю. В этот же год караванов не было. На пути птиц лежала огненная линия фронта, и они боялись пересечь ее. Может быть, впервые за тысячелетия перелетные птицы изменили свой привычный путь и шли к местам зимовок неизвестными путями, сбиваясь и погибая.

Андрей Шульга огородами прошел к старому клену на берегу реки. Шел без особых предосторожностей: мало ли куда может идти ночной порой полицейский! Если бы кто и увидел Андрея, то сам постарался бы остаться незамеченным. Для славнинцев Шульга был только полицейским, человек, которого немного боялись и жгуче ненавидели. Собственно, ненавидели не самого Шульгу — в городе никто не мог сказать о нем ничего хорошего или плохого, — а человека в полицейском мундире. Андрей на первых порах боялся этой ненависти, а потом привык, принял ее как неизбежное.

Андрей разделся, связал одежду в тугий узел и вошел в реку. Холодная вода обожгла тело. Андрей поплыл, преодолевая быстрое течение реки, переполненной водой: шли дожди, и уровень воды в ней поднялся. Андрей считал себя неплохим пловцом, опасность была в одном — в столкновении со случайным бревном. Их много плыло по реке.

Выбравшись на противоположный берег, Андрей оделся, разыскал ручей. Передохнул и пошел вверх. Со слов Галины знал, что идти надо до большого камня, перегораживающего ручей. Там он будет остановлен. Как ни старался Андрей идти осторожно по дну ручья, усеянному камнями, а дважды упал, расшиб колено. Но вот, наконец, и камень. Андрей ожидал окрика дремлющего часового, а произошло совсем по-иному: просто в его грудь уперся ствол автомата и властный голос тихо приказал.

— Поднимите руки! Быстро!

Андрей повиновался.

— Пропуск?

— Месть.

— Выходите на берег. — Голос часового сразу потеплел. Часовой проводил Андрея до следующего поста, а оттуда его препроводили до подвала.

Встретил Андрея Лебедев, одетый в синий комбинезон — одежду, очень удобную в лесу.

— Товарищ Шульга? — спросил он, крепко пожимая руку Андрея.

— Шульга, — подтвердил Андрей.

— Вот не ожидал, — сказал Лебедев. — Что-нибудь случилось?

— Новости важные. Жена приболела, пришлось мне идти.

— Серьезно заболела? — встревожилась Лебедев.

— Кажется, нет.

— Берегите ее, она славная. Что с нашими?

— Трудно сказать, — пожал плечами Андрей. — Загнали во двор электростанции, заставили строить бараки.

— А кто охраняет?

— С внешней стороны финны, в самом лагере — немцы.

— Трудно будет выручать, — сказал Лебедев. Взгляд его был устремлен куда-то вдаль, словно видел он перед собой и двор электростанции, и скопище людей в нем, и финнов.

— Трудно, — согласился Андрей. — Но готовится еще одна операция. Из-за нее я и пробрался к вам.

— Новая операция? — насторожился Лебедев. — Интересно. Против кого же?

— Против партизан. «Очистка» леса намечена.

Андрей рассказал все, что было известно ему об операции «В». Лебедев слушал внимательно, изредка пометая что-то в блокнотике.

— Значит, все прибывшие карательные части расположились в районе дома отдыха? — переспросил он, расстилая на столе карту. Головы обоих склонились над ней.

— Здесь, — показал Андрей на место, где на карте стоял знак, обозначающий дом лесника. — Карта у вас старая. Здесь теперь целый городок дома отдыха машиностроителей, а вот здесь — пионерский лагерь. Вот в этом месте — туберкулезный санаторий. В нем пехотная дивизия разместилась.

Лебедев был человеком, сведущим в военных делах, и Андрей, к своему сожалению, не мог ответить на некоторые его вопросы. Тем не менее беседовали они долго и расстались друзьями.

Если присесть во дворе дома отдыха, то взгляд упрется в неровные зубцы вершин вековых сосен и елей; если посмотреть в другую сторону — видны громадины двух корпусов в три этажа каждый. Еще недавно в этих корпусах отдыхали люди из самых различных уголков необъятной России, а ныне они превращены в казармы. Здесь, вдали от чужого глаза, расположились каратели: финские батальоны и мадьярский полк. Охрана такая, что мышь не пробежит незамеченной. Во дворе — часовые, в лесу — секреты и заставы, на берегу реки — патрули. Патрулируют немцы: рядом расположена немецкая дивизия.

Под большим навесом кони едят сено. Возле повозки, нагруженной снарядами, сошлись двое — Тайво Айнен из батальона «Турку» и Отто Кайнен — из «Суоми». Керосиновый фонарь, подвешенный к повозке, кидает свет на маленького рыжего Айнена. Кайнен лежит на тюках прессованного сена дальше, свет фонаря туда не достигает. Тайво Айнен — сын владельца лесопилки. Лесопилка маленькая, а сыновей у ее владельца четыре. Поэтому Тайво мечтает вслух:

— Гитлер объявил, что в день большевистского праздника он будет принимать парад в Москве. А к новому году война вообще закончится.

— Ну, и что ты будешь делать после войны? — спрашивает Кайнен.

— О, я найду чем заниматься! — заверяет Тайво. — Получу свои сто гектаров леса в России, построю собственную лесопилку. Такое «дело» раздую, что моему старику и не снилось.

— Дурак ты, — философски изрек Кайнен и сплюнул в сторону, где храпели другие ездоны.

— Чем же я дурак?

— «Сто гектаров леса, лесопилка...» Мы, финны, уже ходили однажды в эту страну за лесом. Помнишь, в 1939 году? Пошли за лесом, а вернулись без Выборга. У меня два брата в ту войну хотели разбогатеть. Один голову оставил на «Линии Маннергейма», а второй без ног...

— Сидел бы дома, коль такой ушлый, — огрызнулся Тайво.

— Сидел бы, — засмеялся Кайнен. — Мне, брат, дали широкий выбор: или на восемь лет каналы рыть в ножных кандалах, или — служить в этом чертовом батальоне.

Кайнен умолк, прислушался. Прямо над ними высоко в небе гудели самолеты.

Тайво интересно, за что же Кайнену обещали те страшные восемь лет. Такую меру наказания финский суд определял людям двух категорий: коммунистам и убийцам. Кайнен

на коммуниста, конечно, не похож, а вот... Тайво даже страшно: а вдруг Кайнен не расскажет, за что получил восемь лет. И он пускается на хитрость.

— У меня дядя тоже восемь лет получил.

— Ну, ври дальше, — поощряет его Кайнен. — Что за знаменитость такая, твой дядя?

— Вру? Провалиться Финляндии, если вру! — хватил через край Тайво, зная, что Финляндии, стоящей на граните, нелегко провалиться. — Совсем не вру! Любовницу убил.

— Только-то! — присвистнул Кайнен. — Видно, и дядя не больно умный у тебя. За «тухлое мясо» — восемь лет! Нет уж, надевать кандалы, так за крупное дело.

Кайнен умолк, прислушался. Тайво заключил:

— Много «коршунов».

— Много-то, много, а что им здесь нужно? — неизвестно кому задал вопрос Кайнен.

— Здесь, вероятно, ничего, — ответил Тайво, настроенный более оптимистично. — Отбомбили Москву, а теперь на свои аэродромы возвращаются.

— Москву? — переспросил Кайнен. — Как будто у русских, кроме Москвы, нет ничего достойного для бомбежки?

— Есть. У русских много больших городов: Ленинград, Свердловск, Владивосток. У вас господин Нюти лекцию читал?

— Какую еще такую лекцию?

— По географии. Он здорово про Россию рассказывал, про богатства ее. У ребят слюны текли.

— Чего же твой господин Нюти сам не берется добывать эти русские богатства, а только лекции читает?

— Чудак ты, Кайнен, — вступился за географа Тайво. — Он большой ученый, книжки пишет.

— Что-то много у маленькой Финляндии ученых стало, — сплюнул Кайнен. — Не потому ли и жизнь стала такой паршивой: жить негде, жрать нечего?

— Погоди. Вот закончим войну, все у нас будет.

— А ты не знаешь, когда мы закончим ее? — съехидничал Кайнен.

— Скоро, — не заметил подвоха простоватый Тайво.

— А как скоро?

— Откуда я знаю? Спроси вон у лейтенанта.

— У лейтенанта ты сам спрашивай, если хочешь посидеть на сухарях и воде две недели. Я и сам знаю, когда война закончится.

— Когда? — живо откликнулся Тайво.

— Когда рак свистнет.

— Не понимаю, при чем здесь рак?

— У русских есть поговорка такая. Это значит — никогда. Рак ведь не свистит.

— Ох, Кайнен, берегись! — предупредил Тайво. — За такие слова, знаешь...

— Не пойдешь же ты докладывать своему лейтенанту на меня?

— Я, может быть, и не пойду, да уши и у леса есть. Тайво явно намекал на широкую осведомительную полицейскую сеть, которой были опутаны финские солдаты и полицейские.

— Что вам рассказывал лейтенант? — переменял тему разговора Кайнен. Ему и впрямь не хотелось, чтобы на него кто-то донес начальству. Его уже и так крепко предупредили за «язык».

— Когда?

— После ужина.

— А, про Москву?

— Что?

— Немцы объявили, что они будут бомбить ее до тех пор, пока из нее не выведут до последнего солдата.

— А потом они парадным маршем войдут в нее?

— Наверное.

— Что за охота ждать? Шли бы уже сейчас. Одних пленных было бы сколько! — Кайнен опять подошел к скользкой теме разговора.

А самолеты все кружили и кружили. Вдруг стало светло, как днем: в небе зажглись огромные светильники, а вскоре посыпались бомбы. Именно посыпались, словно само небо хотело наказать дерзких карателей, пришедших на чужую землю и принесших с собой смерть и разрушения. Перепуганный Тайво успел заметить, как почти одновременно взметнулись фонтаны кирпича и обломков корпуса дома отдыха, а потом что-то со страшной силой подбросило его вверх, под крышу навеса, в небытие. Кайнен же быстроногим зайцем понесся по лесу, с ужасом слыша, как сзади рвутся бомбы. Так бежал он до какого-то ручья, а потом силы оставили его.

Когда на следующий день, туманным и безрадостным утром, Кайнен вернулся на место расположения батальона, он был потрясен: там похозяйничали смерть и хаос, словно во дворе произошло извержение вулкана. Корпуса дома отдыха, постройки, лес вокруг были превращены в крошево. И все курилось горьким зловонным дымом.

Немногим дальше на запад поднимались к небу клубы черного дыма: на месте, где вчера располагалась немецкая дивизия, горел лес.

Широко задуманная карательная операция провалилась.

ПРИКАЗ: «БЕЖАТЬ!»

Дежурство в лагере гражданских заключенных у полицейских считалось работой бесприбыльной. Вот почему, когда командир роты объявил, что пятый полицейский взвод назначается дежурить в лагере, полицейские зароптали. Перед этим взвод целую неделю дежурил в лагере военнопленных на территории химического завода, и новое назначение на дежурство полицейские расценили, как незаслуженную обиду. Однако Шульга одним окриком прекратил ропот, посоветовав тем, кому не нравится полицейская служба, подать рапорт.

Желающих подать такой рапорт не нашлось, и Шульга спокойно ушел домой.

Галина встретила Андрея на пороге дома. Она только что вымыла пол и сейчас стояла с мокрой тряпкой в руках. За последнее время Галина как-то преобразилась: она будет матерью. Может быть, поэтому в ее карих, опущенных длинными ресницами глазах обычная грусть все чаще и чаще сменялась огоньком радости, искорками, вызванными великой тайной зарождения новой жизни.

— Что так рано? — спросила она. Обычно Андрей возвращался домой поздно, а если его взвод дежурил где-нибудь, то и совсем не приходил на ночь.

— Аль не рада? — улыбнулся Андрей.

Галина, шутя, замахнулась на мужа тряпкой.

— Проходи в комнату, я только руки вымою.

— Не пойду.

— Что так? — глаза Галины вдруг стала тревожными.

— Рассердился на тебя.

И тревога в глазах Галины пропадает: она знает, что Андрей не может сердиться на нее. Но все же спрашивает:

— За что же?

Андрей старается как можно строже смотреть на жену, но в глазах лишь ласка.

— Я же говорил, чтобы ты не мыла полов. Вредно тебе.

Галина хохочет.

— Дурачок ты, — ласково говорит она. — Если с этил пор я буду сидеть сложа руки, то рожу тебе барчонка, бело-ручку. Понял?

— Понял, да...

— А понял, так проходи в комнату. Я сейчас, только руки вымою.

— Мой быстрее, я тебе такую новость сообщу, что ахнешь. Андрею слышно, как позванивает, подпрыгивая, сосок

рукомойника, как плещется вода, стекая с рук Галины в таз. Но вот Галина в комнате, вытирает руки полотенцем.

— Ну, говори твою новость. Не медалью ли наградили тебя?

— Знаешь, где буду завтра? В лагере!

— В гражданском?

— Там.

Эта новость так поразила Галину, что она уронила полотенце и, не замечая этого, стала на него ногой. Спросила:

— Значит, увидишь их?

— Обязательно.

— Бежать им надо, обязательно бежать. Надо подумать, как помочь.

В северной части двора электростанции стоят мужские бараки, наскоро сколоченные из досок и фанеры. В южной — женский барак. Между ними — колючая проволока. Заключенные рыли большой котлован под какое-то здание рядом с развалинами электростанции. Труд землекопа, вооруженного лопатой и тачкой, тяжел и малопроизводителен. Котлован рыли медленно, как медленно делается все из-под кнута надсмотрщика. Это знали еще варвары, завоевавшие Рим, но забыли их потомки, решившие завоевать Россию.

— Эй, ты!

Кричал толстый, на коротеньких ножках немец, нечто вроде прораба на строительстве. Окрик относился к Шульге, проходившему мимо немца, но Шульга сделал вид, что ничего не слышит.

— Тебе говорю, полицейский! — еще громче крикнул немец. И, видя, что Шульга и ухом не ведет, по-утиному заковылял к нему. — Не слышишь, свинья?

— От свиньи слышу, — парировал Андрей.

— Да как ты смеешь? — побагровел немец. — Я жаловаться буду.

Разговор происходил у самого котлована, и его слышали заключенные. А немец очень дорожил своим авторитетом. Но полицейский оказался человеком с характером, и немец счел за лучшее снизить тон. — Надо откликаться, когда тебя зовут.

Так зовут скотину, а не человека, — нарочито громко сказал Андрей. Он видел, что заключенные прислушиваются к перепалке. — У меня есть фамилия, есть должность.

— Гут. Вон там в углу двора лежит металлолом. Надо погрузить его на машину.

— Много лома там?

— Машины на две.

— А машина где?

— Сейчас придет.

Андрей подал команду:

— В шеренгу стройся!

Заклученные не заставили Шульгу дважды подавать команду. Каждый был рад хоть на минуту оставить тяжелую, безрадостную работу.

— Равняйся!

Подождав, пока шеренга подравнялась, Андрей зашел на левый фланг. Здесь его взгляд встретился с взглядом Королева.

Андрей скомандовал:

— Ты, два шага вперед!

Королев вышел из строя.

Шульга пошел дальше. До Королева доносилось:

— Ты!

— Ты!

И уже в самом конце шеренги, очень громко:

— Отобранные, ко мне! Остальные — за работу!

Шульга повел группу в угол двора, за штабель досок. Там лежала куча металлического лома. В группе были Петр Кунгуров, Королев, Захаров и пегобородый старик Тимофей Зюзин, арестованный за то, что укрывал у себя двух детей ювелира Гольдаса, расстрелянного немцами. Шульга познакомился с ним еще до своей службы в полиции.

— Время дорого, товарищи, — начал Шульга. — Приказ — бежать. Каждый подбирает людей. Потом эти группы вы соедините. Бежать помогут люди полковника. На подготовку шесть дней. О времени побега сообщат вам.

За штабелем досок заурчал мотор автомашины. Шульга отошел от товарищей.

...

С самой ночи горели склады бензина возле кладбища. Ветер гнал через весь город клубы черного дыма, клочья липучей сажи. Улицы были пустынные: гражданскому населению запрещено покидать дома, военные и полиция были заняты тушением пожара.

Немцы взяли заложников — двадцать восемь мужчин и семь женщин. Их, словно скот, загнали в тесное помещение бывшего склада конторы «Заготовивсырье» на Лермонтовской улице. Там содержались они без воды и пищи десять часов. Бургомистр объявил приказ, что если не будет выдан поджигатель, то заложников расстреляют. То, что пожар мог быть

следствием небрежности кого-нибудь из лиц, обслуживающих склад, немецкому командованию не приходило в голову.

Валя из окна малюсенькой комнатки в самом конце второго барака наблюдала за пожаром. Но не пожар занимал Валию. Из ее головы не выходил один вопрос: «Куда немцы увезли женщин, задержанных на похоронах Тихона Кунгурова?». Еще вчера вечером жизнь в женском лагере текла по заведенному порядку. Сейчас же и двор, и барак пусты. Валя хотела пройти на женскую половину лагеря, но калитка оказалась забитой наглухо. Когда и куда их увезли? Эти вопросы беспокоили Валию.

Скрипнула дверь, и Валя резко обернулась. У двери стоял пожилой солдат с автоматом, закинутым за спину. Это был Курт Хаас, конвоир Вали. Пожилой, болезненный человек, Хаас не годился для службы, которая требовала бы от человека много сил и энергии. Вот и приставили его к лагерному врачу Кайгородовой на роль санитаря и конвоира.

— Что, Хаас? — спросила Валя по-немецки.

— Пора идти, фрау.

Каждый день Валя под конвоем совершала «прогулку» через весь Славинск — от двора электростанции до развалин химического завода, в лагерь военнопленных. Собственно, не в сам лагерь, а в небольшое сырое и темное помещение возле лагеря, превращенное в госпиталь для военнопленных. Валя во время обхода выслушивала жалобы больных, подбадривала их, но помочь людям ничем не могла. Больные знали это, но прихода врача ждали с нетерпением. Теплое слово, ласковая рука, перевязывающая раны, сам бодрящий взгляд этой женщины в арестантской куртке действовали, пожалуй, лучше иных лекарств. Но самое главное, чего ожидали больные от врача — листовки. Маленькие листочки бумаги, исписанные мелким-мелким почерком, рассказывали больным о том, что делалось на фронте, с каким упорством советские солдаты защищали родную землю. Читали, по-своему комментировали, часто спорили, — и время текло быстрее, не так болели раны, легче казался недуг. Потом листовки через санитаров попадали в лагерь, где зачитывались до дыр.

Больные понимали, что за врачом стоит кто-то другой, тоже знающий их муки и страдания. А за тем другим стоит еще кто-то, а за всеми ими — Родина. Нет, не забыты они!

Хаас никогда не входил в помещение. Он садился на скамейку у входа в госпиталь и, покуривая кустую трубочку, терпеливо дожидался, когда врач сделает свое дело и выйдет, чтобы вернуться в лагерь. Он никогда не торопил врача, не знал, что она делает у больных. Он заботился об одном — чтобы доктор не сбежала. А если бы доктор вдруг вздумала

уйти от него? У Хааса не хватило бы решимости убить эту русскую женщину.

— Ну что ж, пойдем, Хаас.

За оградой резкий ветер набросился на Валю, рванул подол легкого серенького платья, клещами холода схватил за ноги. Хаас сожалеюще покачал головой и спросил:

— Холодно, доктор?

— Холодно, Хаас.

— Доктор не будет сердиться, если я подарю ему теплые вещи?

— А где ты их возьмешь?

— О, у наших солдат все можно достать. Куплю.

— Не надо, Хаас. Те вещи награбленные, я не надену их.

— От того, что доктор не наденет их, они не вернутся к хозяину, — резонно заметил Хаас. — А доктору надо здоровье беречь, оно нужно и ему, и тем, кого он лечит.

Валя, не найдя возражений, молчала. Хаас продолжал:

— Скоро у вас большой праздник, Октябрьская революция. В честь праздника я и сделаю подарок. Мой отец и старший брат тоже делали революцию в Германии, в 1918 году. Оба погибли. Я тогда был в плену, в Англии. Когда приехал, революции уже не было. Остался без работы, без родных, нищий. Поехал в Америку, искать счастье и хлеба. Восемь лет искал, не нашел: видно, и там немного его для рабочего человека. Вернулся домой. Как раз гитлеровцы рвались к власти. Помогали мы им — уж больно много обещали их агитаторы. И действительно, начали работать заводы, судостроительные заводы, появились строительные площадки. Правда, заводы были военными, но когда человеку нечего есть, он не очень интересуется, какую ему дают работу. Лишь бы работа, кусок хлеба.

Валя слушала Хааса и постепенно начинала понимать не только его, но и многих других, подобных ему. Однако она не вступала с Хаасом в какие бы то ни было разговоры, она просто слушала его.

Когда они подходили к площади Восстания, их обогнали грузовики с солдатами.

Хаас сказал:

— Наверное, на пожар поехали... А склад все горит и горит. Непонятный у вас народ, доктор.

— Чем же? — спросила Валя. Ей захотелось узнать, что думают о русском народе вот такие, как Хаас.

— Всем, доктор. Русские ничего не жалеют: ни себя, ни своего имущества. Мы так не можем.

И тут Валя решила спросить у Хааса о том, что все время беспокоило ее.

— А куда угнали женщин из лагеря?

Хаас поспешно оглянулся. На всей длинной улице они были одни. Однако прошептал:

— Угнали?

По голосу Хааса Валя поняла, что с женщинами случилось что-то страшное. А Хаас продолжал, не повышая голоса:

— Нет, доктор, их не угнали. Их расстреляли за городом. Ночью.

— Да за что же?

— Откуда знать мне, доктор? Я только солдат. С дружкой видался, он ров, куда их сваливали, зарывал.

Валя почувствовала, как силы покидают ее, как ноги стали, словно ватные.

— Я посижу немного, Хаас? — попросила она, показав на каменные ступеньки парадного крыльца большого разбитого дома на углу двух улиц.

— Посиди, доктор.

Валя опустила на холодный камень ступеньки, закрыла глаза: у нее кружилась голова. Хаас, повернувшись спиной к ветру, стал набивать трубку.

И вдруг:

— А это что?

Это был скорее окрик, чем вопрос. Но Валя открыла глаза нехотя. Хаас выронил трубку. Она упала под ноги офицеру. А тот носком начищенного до зеркального блеска сапога с узким голенищем отбросил ее на мостовую. Хаас настолько растерялся, что даже не встал по команде «смирно». Это было серьезнейшим нарушением устава, и офицер занес для удара руку, затянутую в перчатку. Но Валя так стремительно поднялась со ступеньки крыльца, что рука офицера так и осталась повисшей в воздухе, а сам он машинально сделал шаг назад.

— Не смейте! — вырвалось у Вали. — Не смейте бить его, это я виновата. — Валя смело смотрела в полное коленое лицо офицера. А на этом лице — удивление.

— Кто вы? — спросил офицер, оправившись от изумления.

— Врач. Из лагеря я.

Офицер переступил с ноги на ногу.

— Что же здесь вы делаете?

— Идем в госпиталь для военнопленных.

— Может, фрейлен скажет, как ее фамилия? — улыбнулся офицер.

— Пожалуйста. Я — Кайгородова.

«Кайгородова... Кайгородова», — повторил про себя офицер. А вслух сказал:

— До свидания, фрейлин. До скорого свидания!

Офицер пошел по улице. Хаас стоял у стены дома, молча

следуя за ним. Дойдя до калитки в каменной стене, офицер почему-то обернулся назад и лицом к лицу столкнулся с девушкой в ватной телогрейке. Рука офицера машинально легла на кабуру парабеллума, но поздно: раздался выстрел, и офицер рухнул на землю. Его фуражка покатила по тротуару. Хаас бросился к калитке, дал автоматную очередь, но стрелявшей и след простыл. Похоже было на то, что девушка явилась из-под земли, туда же и ушла. Хаас и Валя подошли к офицеру. Он лежал мертвенно бледный с широко раскрытыми глазами. Смерть уже наложила на красивое лицо свою маску. Из-под трупы по тротуару ползла тоненькая змейка крови.

— Что же делать, доктор? — обратился Хаас к Вале. Он был не менее бледный, чем мертвый полковник.

В самом деле, что было делать? Валя не знала.

Хаас дал автоматную очередь вверх. За ней еще одну и еще одну. В конце улицы показалась группа солдат. Они спешили на выстрелы.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

КАРАЮЩАЯ РУКА

Ночь выдалась прохладной, на землю легла изморозь. Небо чистое-чистое, в алмазной россыпи звезд. Такие ночи, обычно, бывают перед тем, как на землю лечь снегу. Карелин с Сологубовым лежали в бурьяне метрах в пятидесяти от стены в южной стороне склада. Сологубов зябко ежился — одет чересчур легко. Пробираясь через проволочное ограждение, он так запутался своей ватной стеганкой, что пришлось Карелину применить нож. Стеганка осталась на ограждении.

По дорожке, скованной морозом, шел часовой. Его сопровождала собака — свирепая овчарка ростом с небольшого теленка. С собакой спокойнее часовому. Прошел часовой, и снова тишина. В этой тишине Сологубову кажется еще холоднее. Но вот снова звонкий стук сапог: часовой возвращается. Через пять минут он завернет за угол.

Длинная деревянная «дорожка», сбитая из пяти двенадцатиметровых тесин, поползла через прокос в бурьяне к стене. Полусогнувшись, по «дорожке» побежал Карелин. За спиной у него рюкзак со взрывчаткой. Дорожка очень узкая, а рюкзак тяжелый. Но не зря старшина много тренировался — не оступился. Взмах рукой, — и «кошка» веревочной лестницы ухватилась за верхний край стены.

Когда Карелин скрылся за стеной, по лестнице полез Сологубов. Но этот, передав другу свой рюкзак со взрывчат-

кой, вернулся. Лестница поползла вверх, а деревянная «дорожка» — назад, в заросли бурьяна.

И снова хватающая за сердце тишина морозной ночи. Минуты кажутся часами. Но вот со стены упала лестница — возвращался Карелин. Навстречу ему поползла деревянная «дорожка».

— Ну, как? — спросил Сологубов, убирая с прокоса «дорожку».

— Бежим, а то вот-вот грохнет.

За убегающими сомкнулись заросли бурьяна.

На южной стороне склада появился часовой. Он продрог, и шагал быстрее обычного. Собака не понимала, почему так торопится хозяин, нервничала. Вдруг она беспокойно потянула носом воздух. Пахло чужим человеком, но собака не могла найти следа. В одном месте пахло особенно остро, но следа человека не было. Собака успокоилась и пошла за хозяином. И тут за стеной грохнул такой взрыв, что рухнула часть стены. Завыла сирена, а огонь уже гулял по сухому дереву ящиков. Начали рваться патроны.

— Стой! Кто идет? — голос полицейского словно надтреснутый.

— Свой.

— Пропуск?

— Берлин.

— Чего бродишь?

— Тебя не спросил.

Ответ обидный, но полицейский промолчал. Черт его знает, кто это шатается по городу в то время, как добрым людям запрещено даже в окна смотреть. Это мог быть кто-нибудь из полицейских или какой-нибудь агент. Пропуск знает, — и дьявол с ним. А тот пошел своей дорогой, по своим делам. Не мог видеть полицейский того, кто этот далеко не любезный прохожий пристроился между двумя поленницами дров, выложенными у самой полицейской казармы, с противоположной крыльцу стороны.

Взрыв на складе боеприпасов заставил перепуганного полицейского поднять тревогу. В разных концах города завывли сирены. Надрывный вой их рвал и комкал морозный воздух, вселял в людей страх. Полицейская казарма была поднята «в ружье». Ждали командира батальона, собравшись в дежурной комнате. Комната небольшая, а народу — полным-полно. Сгрудились у окон, наблюдая за заревом над складом боеприпасов.

Кирилл Шатров покинул свое убежище между поленница-

ми, подошел к окну и одну за другой метнул в казарму связки гранат. От их взрыва посыпались стекла окон, рухнула печь, наполнив комнату пылью и сажей. Раздался истошный вой раненых. Кирилл бросил еще в комнату несколько бутылок с горючей жидкостью и побежал. В след ему прогремели выстрелы часового. Но слишком поздно он спохватился.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ПРИКАЗ № 13-Р

Имперский министр Герман Вильгельм Геринг принимал в своей резиденции испанского генерала, главу военной делегации диктатора Франко. Официально считалось, что члены делегации — частные гости Геринга, но и сами немцы, и испанцы всерьез это не принимали. Не надо было быть гением, чтобы понять цель визита испанцев: своими глазами посмотреть, каковы дела у немцев на восточном фронте, чем располагает Германия для ведения войны, а потом уже решать вопрос о вступлении Испании в драку. Диктатора Франко русская территория, как таковая, интересовала мало — больно уж далеко до России, а вот отхватить лакомые куски от Франции и ее владений в Африке Франко был не прочь. Правда, это бы стоило двух — трех армий, но ведь на то они и солдаты, чтобы умирать.

— Когда же вы думаете посетить передний край, генерал? — спросил Геринг. Они сидели за столом, уставленным бутылками с вином и фаянсовыми блюдами с закусками. От вылитого коньяку тучному Герингу было жарко, и он растегнул шитый золотом и украшенный множеством орденов мундир. Сидевший напротив его плюгавенький, скромно одетый генерал с завистью взирал и на богатый стол, и на мундир имперского министра, и на ордена, и даже на нательную белого шелка сорочку, обтянувшую огромное, как пивной бочонок, чрево Геринга. При нынешней роли Испании в мировых делах посланец Франко и мечтать не мог о подобном. Геринг был богат, как Крез. Но генерал тешил себя надеждой, что Франко бросит скованную цепями Испанию в огонь войны, тогда акции ее генералов бешено подскочат. Вот тогда можно будет подумать о многом, что сейчас недоступно генералу из Мадрида.

— Надо бы завтра-послезавтра выезжать: времени у нас немного.

— Куда торопитесь, генерал? Или мой хлеб-соль надосли? — затряс животом в смехе Геринг. — Гостите, а через недельку можно будет и в дорогу.

— Да я бы не против, но как мои коллеги? — слабо защищался испанец. — К тому же дела. Служба, дорогой министр!

— Нет, нет! — запротестовал Геринг. — Коллег ваших я сам уговорю, а служба никуда не уйдет. Я вас на охоту свожу. У меня под Кенигсбергом такие заповедники, прелесть. Оленей постреляем. Идет?

— Воля ваша, господин министр. Я ведь только ваш гость.

Испанец и сам не очень-то спешил с возвращением в Испанию: у хлебосольного Геринга ему было куда сытнее, чем дома. А тут еще пугала его поездка в Россию: о русских партизанах в Европе писали столько, что генерал всерьез побаивался их. Геринг же удерживал у себя испанца по иным соображениям. В другое время он и на порог не пустил бы этого генерала-замухрышку, а теперь... Ради двух миллионов солдат и нескольких военно-морских баз заведешь дружбу хоть с самим чертом.

Было выпито немало вина, уничтожено закусок, когда испанец поднялся, чтобы откланяться.

— Уже? — притворно удивился Геринг, заметив про себя: «Не силен же испанишка в питии. Если и воевать будет так, как пьет — не велик барыш фюреру».

— Прошу разрешения удалиться, дорогой министр, — пролепетал полупьяный генерал. — Устал.

Геринг проводил испанца до приемной и, сдав его на попечение одного из многочисленных своих адъютантов, вернулся в зал. Тупой взгляд его уперся в стол с бутылками и тарелками. К горлу подкатила тошнота. Геринг нажал кнопку звонка. Вошел адъютант.

— Убрать эту дрянь! — приказал Геринг. — Накрыть стол по-настоящему.

Адъютант знал, что значит — «по-настоящему». Имперский министр пил чуть-чуть разведенный спирт, производства собственных заводов, закусывая всегда одной и той же закуской: копчеными медвежьими лапами.

Прошло минут двадцать. Спирт в плоской стеклянной банке убавился наполовину, медвежья лапа была обглодана и напоминала теперь полуобъеденную стопу человеческой ноги, а сам министр пребывал в блаженном состоянии. Он снова вызвал адъютанта.

— Записывай приказ.

Геринг отдернул с огромной оперативной карты коричневую шелковую штору, ткнул указкой в кружок, обозначенный словом «Варшава». Отсюда указка прочертила не совсем уверенную линию на восток, до извилистой толстой линии, обозначающей передний край фронта.

— Пиши!

«Восьмому воздушному имперскому флоту особого назначения.

Приказываю: в ночь на 12 ноября с. г. стереть с лица земли русские населенные пункты Козлютино, Шамраевку, Лебединское и Скосырское. Индексы оперативной карты № 186: В-16, В-18 и В-23. В эту же ночь нанести бомбовой удар по местечку Галаново и по городу Славнинску. Индексы той же карты: В-26 и 2-29. Удар должен быть таким, чтобы в перечисленных пунктах не осталось ничего, что бы напоминало о человеческом жилье.

Предупредить командование сухопутных войск о выводе из указанных населенных пунктов всех военнослужащих германской армии.

Обращаю внимание командующего флотом на точность в исполнении данного приказа и на особую секретность операции.

По исполнении доложить.

Имперский министр Геринг».

Адъютант кончил писать. Подумав, поставил в правом углу бумажки номер приказа — 13-р.

— Передать шифром, немедленно.

— Будет сделано, господин министр.

— Идите.

Геринг уселся за стол, налил в бокал спирту. На жирном, по-бабьи круглом лице министра расцвела улыбка. Испанский генерал хочет своими глазами убедиться в мощи Германской империи. Ну что ж, пожалуйста! Его провезут по местам, специально подготовленным Восьмым воздушным флотом: генерал увидит пустыню, развалины.

Геринг прищурил залившие жиром глаза, прищелкнул непослушным языком. Холеная, с толстыми, униженными перстнями пальцами рука потянулась к банке. Имперский министр напивался до скотского положения.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫЕ

Последние события, происшедшие в Славнинске, заставили немецкое командование послать в город специальную комиссию.

Однако работа комиссии ничего нового не дала. Комиссия признала совершенно неудовлетворительной организацию агентурной сети в городе со стороны СД и полиции.

Генерал Краутер был смещен с должности.

Было решено выделить в обоих лагерях политических заключенных, отправив их в концлагери самой Германии, остальных заключенных уничтожить.

С этим комиссия и отбыла из Славинска. Ее указания надлежало выполнить помощнику Краутера майору Штамме. И майор проявил завидную оперативность.

День выдался холодный, ветреный. Ветер гонял по двору лагеря откуда-то занесенные сюда клочки бумаги, солому, сухие листья деревьев. Заключенных подняли позже обычного на час и, не сделав даже поверки, выстроили во двор. Полураздетые люди коченели на ветру. Каждый спрашивал себя: «Что еще придумали немцы?».

Завыла сирена, распахнулись ворота, и во двор въехала целая автокавалкада. Лагерь застыл по команде «смирно». Майор Штамме принял от коменданта рапорт и, обратившись к одному из сопровождавших его офицеров, сказал:

— Начинайте!

Офицер вынул из планшета бумагу.

— 308-й! — выкрикнул он.

Захаров вышел из шеренги. И оттого, что его отделили от остальных, ему показалось, что стало еще холоднее. Мелькнула мысль: «Неужели докопались?»

— 271-й! — продолжал выкрикивать офицер.

Из шеренги вышел незнакомый Лебдеву мужчина лет сорока.

— 265-й!

Королев сделал два шага вперед.

— 260-й!

— 248-й!

Офицер вызывал все новые и новые номера. Вызвали восемьдесят два человека.

Последовала команда:

— Сомкнись! Кру-гом!

Восемьдесят двух повели к воротам.

— Прощайте, друзья! — крикнул Захаров оставшимся.

— Прощайте, родные! — послышалось в ответ.

• • •

Выпал снег. Он прикрыл битый кирпич, пепел и сажу, пожарниц, безобразные воронки на мостовых. Город сразу стал чище. Лишь выбитые окна домов выделялись на снежной белизне еще резче. Они были похожи на глазницы ослепленных людей. До снегопада в течение нескольких дней давили морозы, свирепствовал ветер. Но сейчас сразу потеплело.

Политзаключенных вывели из пожарного сарая, где их продержали сутки в сравнительно сносных условиях, выстрои-

ли на улице. Белизна снега заставляла прикрывать глаза. Королев, стоявший во второй четверке, оглянулся. Люди, выстроенные в колонну по четыре, напоминали солдат. Это сходство усиливалось еще и тем, что их одели в красноармейскую форму. Единственным человеком, одетым в штатское, была Валя Кайгородова. Она отправлялась с колонной как врач. Стояла Валя в самом хвосте колонны, выступив немного вправо. Она чуть заметным кивком поздоровалась с Королевым. Тот тоже кивнул.

Подошел конвой: несколько полицейских с вещевыми мешками за плечами и отделение солдат «зондеркоманды» с овчарками. Среди конвоя были Андрей Шульга и Курт Хаас. Оба в теплой одежде, с вещевыми мешками за плечами — в дальнюю дорогу. Все складывалось пока не так-то уж худо.

Конвойные прошли в голову колонны и там сгрудились вокруг капрала. Лишь Хаас задержался возле Вали.

— И вы, фрау, в путь? — тихо спросил он.

— Я довольна этим, Хаас. Не знаешь, куда?

Хаас боязливо оглянулся.

— Кажется, в Германию.

Хаас прошел мимо. По колонне, как эстафета, прошло: «Германия». «Германия». «Германия». Кроме Вали, никто не знал, откуда пошло это слово, но все поверили, что погонят их в Германию.

Подошли два офицера, и колонна тронулась в путь.

• • •

Мела поземка. Холодный, пронизывающий ветер остервенело набрасывался на людей, мешал идти. А немцы торопили. То и дело раздавалось:

— Шнель!

— Шнель!

— Шнель!

И совсем редко:

— Пошевеливайся!

Это кричал Андрей Шульга, командир полицейских. Он шел в хвосте колонны, рядом с Валею. А возле них — здоровенный немец с овчаркой на поводке. Немец не отставал от колонны ни на шаг, и это мешало Шульге переброситься с Валею хотя бы одним словом.

Люди, зябко ежась на ветру, с трудом передвигали ноги. Они устали так, что не обращали внимания на окрики конвойных. За короткий день прошли километров тридцать, а немцы все торопили и торопили. Почему они так спешили, никто не знал.

Овчарка остановилась по своей надобности. Немец, защи-

шаясь от ветра, повернулся спиной к колонне. Длилось это каких-то полминуты, но Шульга за это время успел передать Вале два браунинга.

— Найдите возможность передать Королеву и Захарову, — шепнул он.

Валя понимающе кивнула головой. Немец опять шагнул с ними рядом, понукал отстающих.

Шульгу назначили старшим полицейским конвоя неожиданно для него. Времени у него было только на то, чтобы собраться в дорогу, и он не мог связаться с горкомом. Шульга не знал, как длинной будет дорога, кого он будет конвоировать. На всякий случай он захватил два пистолета, добытых им для горкома. И сейчас оружие было очень кстати. Колонну надо освободить. Это Шульга решил еще тогда, когда, пересчитывая заключенных, увидел Королева и Захарова.

Надвигалась ночь. Ветер стал еще неистовей. Он обжигал лица, сковывал движения людей. Офицеры, следовавшие в голове колонны, уехали вперед на попутной машине. Старшим обоим конвоев остался пожилой капрал, одетый в «трофейный» полушубок с большим воротником. Вдруг колонна остановилась, словно на ее пути возникло непреодолимое препятствие. Беспорядочно залопотали между собой немцы, растерялись полицейские. Старший конвой на ломаном русском спросил:

— Зачем сталь? Почему такое?

Из колонны вышел Королев.

— Дальше не пойдем, — сказал он таким тоном, словно старшим конвоя был не немец, а он. — Устали, нужен отдых.

На лисьем лице немца удивление. Он смерил Королева с головы до ног злым взглядом и спросил:

— А ты есть кто такой? Зачем за всех говоришь?

— Кто-то должен об этом заявить — решил я это сделать. Вон там и заночуем, — показал Королев на строения метрах в семистах от дороги. Это был колхозный полевой стан.

— Ты есть бунтовщик! — повысил голос немец. — Тебя мы будем расстреливать!

— Не так быстро, господин завоеватель, — строго сказал Королев. — Вас вместе с полицейскими кучка, а нас — вой сколько! — Королев кивком показал на колонну. — Половину успеете расстрелять, а остальные от вас одно мокрое место оставят. Давай без скандала на ночлег.

Немец угрожающе взялся за автомат. Но тут вся колонна, словно по мановению волшебной палочки, качнулась влево, и Королев оказался в окружении товарищей. Немец растерялся. Восемь солдат и шесть полицейских, вооруженных автоматами против восьмидесяти двух безоружных людей — сила надежная, но ему приказано доставить арестованных на

сборный пункт живыми. А до сборного пункта еще добрых двадцать километров. И он решил уступить. Нарочито громко сказал:

— Пусть будет хорошо. Ночевать будем фольварк. А завтра бунтарь — судить.

Колонна в строгом порядке свернула с дороги.

Полевой стан состоял из двух просторных домов, одного домика поменьше, амбара и риги. Заключенных загнали в дома побольше, а в маленьком расположились немцы. Полицейские устроились под открытым небом, у костра: они охраняли заключенных.

В холодном воздухе пахло дымом. Печки топились во всех трех домах. Под порывами ветра пламя костра билось, как припущенный парус в бурю, удерживая полицейских на почтительном расстоянии от огня. Они сидели на длинном бревне, мерзли.

Из маленького домика вышли два солдата и начали что-то бросать собакам, привязанным у крылечка. Солдаты чему-то смеялись.

— Смешно им! — недовольно сказал один из полицейских. Он был одет легче других, и холод особенно дожимал его.

— А тебе что, грустно? — отозвался его товарищ, занятый раскуриванием трубки.

— Веселого мало на таком чертовом ветру.

— А у них не дует, они — в доме. Пьют, небось, свой шнапс.

— То-то и оно: они в доме, а мы — мерзнем, как собаки у плохого хозяина.

— Они и есть хозяева, а мы с тобой... Правильно ты определил: псы бездомовые, — сказал полицейский с трубкой.

— А коль хозяева, то пусть бы сами и гнали арестованных, — не унимался тот, который начал разговор. — Была нужда мне топтать черт знает куда с ними. Что, у меня своего дела нет дома?

— Свое дело — своим, а ты фюреру послужи, — издевался трубоккур.

— Фюрер мне не батька, и служить ему я не присягал.

— Что не батька, то верно, пожалуй, а вот что касаясь службы, то послужить придется. — Лицо трубоккура стало серьезным. Он некоторое время раскуривал потухшую трубку, а потом сказал: — Нас немцы силком в полицию не тянули, сами попросились к ним в холоуи.

— Кто попросился, а кого и заставили.

— Довольно болтать, хлопцы! — вмешался Шульга. — Кому служба не нравится, пусть уходит.

— Правильно, командир, — поддержал Шульгу пожилой полицейский в пилотских унтах. — Степь широка, уходи. И других смущать нечего, не дело это. Поспать бы сейчас.

— А что же мешает? — спросил Шульга.

— Как — что? — возмутился полицейский в унтах. — Де-журить надо?

— Ложитесь, я сам подежурю. Потесните арестованных и ложитесь.

— Ты это всерьез, командир? — спросил трубокур.

— А чего же всем торчать у костра. Меня все равно на сон не тянет. Только автоматы оставьте, а то вашим оружием вас же и перестреляют.

Полицейские ушли в дом. Остался с Шульгой лишь недовольный службой,

— А ты чего? — спросил его Шульга.

— Посижу.

— Может, действительно, уйти хочешь?

— Я уйду, а ты мне — очередь в спину? Так?

— Можно и так, можно и по-иному... Ты как в полицию попал?

— Заставили. Когда-то я в милиции служил. Заболел, на пенсию ушел. А пришли немцы — меня в подвал. Дали выбирать: в лагерь, или в полицию. Струсил...

— Уйдешь, куда денешься?

— Пока у родственников пересажу, а там — видно будет.

— А тебе не кажется, что это не самый лучший выход?

— Предложишь другой?

— Предложу. Сходи в дом и позови ко мне врача.

— Только лишь? — невесело улыбнулся полицейский.

— Не все сразу.

Полицейский пошел за Валею.

— Ну, как там? — спросил Шульга подошедшую к нему Валею.

— Подарок передала, — ответила Валя. — Надо что-то делать.

— Ты поможешь нам, Григорий? — обратился Шульга к полицейскому, впервые назвав его по имени.

— В чем?

— Немцев перестрелять.

Полицейский вздрогнул. Прошептал:

— Не шутишь?

— Такими делами не шутят, Григорий. Есть совесть — помоги, а нет ее у тебя, уходи, не мешай нам.

Полицейский подал Шульге руку.

— Доктор, скажите нашим, чтоб вышли, — обратился Шульга к Вале. — Полицейских не выпускать.

Через несколько минут из дома вышли Королев и Захаров. Они, как ни в чем не бывало, поздоровались с Шульгой и вооружились автоматами.

При подходе чужих к домику, овчарки зло зарычали.

В ответ ударили автоматы. Шульга и Королев бросились в домик.

... Заключенные колонной уходили из полевого стана на восток, к славнинским лесам. Вели колонну Королев и Шульга, замыкали ее Захаров и Валя. Вместе с колонной шли полицейские: их оставили в живых до партизанского суда.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ГИБЕЛЬ СЛАВНИНСКА

Буранило. Северный ветер гнал по пустынным улицам колючую, словно металлические опилки, снежную крупу, тоскливо завывал в развалинах домов. В былые времена в такую погоду люди сидели в уютных квартирах, в кругу семьи, за любимыми занятиями. Теперь в Славнинске не осталось семей, в которых бы кто-нибудь не отсутствовал: одни находились в армии, другие покинули город, спасаясь от голода и холода; иным дали приют леса, а многие были арестованы. За что, что с ними — спросить не у кого. Те же, что остались в городе, сидели в холодных квартирах: приходилось экономить каждое полено дров, каждый килограмм угля. Великая печаль пришла в Славнинск.

В полночь по Западному шоссе в город въехал мотоциклист. Мотоцикл летел на предельной скорости, с зажженной фарой, и финны, охранявшие въезд в город, пропустили его через заставу беспрепятственно: так ездили только офицеры связи. Возле развалин кинотеатра на Зеленой улице мотоциклист остановил машину. По тому, как «зачихал» мотор, можно было догадаться, что остановка у гонца вынужденная. Не успел мотоциклист покинуть седло машины, как к нему подошел человек в форме полицейского. Обменявшись паролем и отзывом, они пожали друг другу руки.

— Очень срочное, — сказал мотоциклист, подавая мнимому полицейскому пакет.

«Полицейский» скрылся в развалинах кинотеатра, а мотоциклист, повозившись с полчаса у машины, погнал ее по Западному шоссе. Прожектор на финской заставе на какую-то долю секунды осветил быстроходную машину, вооруженную турельным пулеметом, и припавшего к ней водителя в форме войск связи.

— Смелый, черт! — заметил солдат, гася прожектор. — Ночью, один...

— Какой-нибудь сорви-голова, — сказал другой. — Таких-то и ловят партизаны.

А мотоциклист гнал свой «BMW» по перенесенной сугробами дороге все дальше и дальше от города. Его не страшила

бурашная ночь, он не боялся встречи с партизанами, ибо сам был их связным.

...Пакет, доставленный мотоциклистом в Славнинск, был вручен Лебедеву, возглавлявшему теперь горком. Полковник Колосов писал: «Перехвачен приказ Геринга об уничтожении Славнинска. Авиационный удар по городу немцы нанесут в ночь на 12-е ноября. Население нами будет предупреждено листовками с воздуха. Для освобождения узников лагерей вечером 11-го ноября в город сбросим десант. Просим обеспечить горожан проводниками до восемнадцатого пикета лесничества, где их будут ждать наши люди. Расположение лагерей в городе укажите красными ракетами».

Секретный приказ Геринга перестал быть тайной. Офицер связи Восьмого воздушного флота, направленный с приказом в Славнинск, был убит партизанской засадой, и приказ имперского министра попал в руки Колосова. Полковник связался с «Большой землей». В результате были приняты меры к тому, чтобы спасти славнинцев и узников лагерей.

Во второй половине дня 12-го ноября над Славнинском появились четыре советских бомбардировщика. Краснозвездные машины, несмотря на пулеметный обстрел их с земли, на бреющем полете прошли вдоль улиц. В воздухе, падая, на землю, закружились листовки. Их было много — десятки, сотни тысяч. На улицы, во дворы, оставив предосторожность, высыпали горожане. Они ловили листовки на лету, подбирали с земли. А самолеты все сбрасывали и сбрасывали их. Но вот машины сделали прощальный круг над городом и, провожаемые благодарными взглядами славнинцев, ушли на восток, на «Большую землю».

Через час славнинцы двинулись из города. Шли они большими группами. Шли мужичьи, женщины, подростки. Несли детей, узлы с небогатым скарбом. Кое-кто из мужчин был вооружен. Шли в полном молчании. Суровые лица, полные гнева глаза. И ни один полицейский, ни один финский солдат из тех, кто несли службу на перекрестках улиц не сделал попытки кого-либо остановить.

За Сосновкой славнинцев встречали люди Лебедева — проводники.

В кабинете бургомистра часто звонили телефоны, но отвечать на звонки было некому: бургомистр готовился к бегству из города.

С каждым часом крепчал мороз. В небе, подернутом белесой дымкой, мерцали далекие звезды. В городе стояла кладбищенская тишина. Но вот ее нарушил гул самолетов,

идуших к городу с северо-запада. Полицейские и финны, не ожидая сигнала тревоги, попрятались в бомбоубежища. Лишь часовые на вышках, охранявшие лагеря, остались на своих постах. Когда самолеты достигли города, в районе обоих лагерей в небо взметнулись серии красных ракет. Сигнальщики Лебедева действовали. С самолета сбросили десант.

...Немецкие самолеты появились над Славнинском позже, после полуночи. Они сомкнутым строем проплыли над ним с запада на восток и вслед за ними через город шел огненный вал, сметая все на своем пути. Приказ Геринга вступил в силу. Но самолеты бомбили город, в котором уже не было ни одного советского человека.

Город пылал. Собственно, города уже не было, но самолеты бомбили и бомбили.

На высоком берегу Сосновки, в окружении товарищей, стоял майор Лебедев. Люди стояли тесной кучкой с обнаженными головами. Стояли до тех пор, пока не отбомбилась последняя партия самолетов.

— Вот и нет нашего Славнинска! — тихо сказал Никита Шатров. В его словах было столько боли, что Лебедев подошел к старому полиграфисту и обнял его. Сказал:

— Придет время — мы новый Славнинск построим, отец. А немцы дорого заплатят за гибель этого города, очень дорого! — Лебедев надел шапку: — Пошли, друзья.

Группа уходила с берега. Люди шли, часто оглядываясь туда, где остался поверженный в прах, но не покоренный город. Его развалины звали к месту.

ЮБИЛЕЙ СТАРЕЙШЕГО ПИСАТЕЛЯ ГОРНОГО АЛТАЯ

— В 1926 году в горах Алтая появился трактор. Впечатление от невиданной машины в нашем глухом дотеле краю было огромно. Меня больше всего взволновало, что трактором управлял такой же, как и я, алтаец-тракторист Коголушев. Я не мог удержать своих чувств и выразил их в стихах.

Так рассказывает о начале своей литературной деятельности старейший писатель горного Алтая Чалчик Анчинович Чунижеков, которому недавно исполнилось шестьдесят лет.

С 1926 года, с той поры, как в областной газете было впервые опубликовано стихотворение Чунижекова «Коголуш», Чалчик Анчинович уже не расстается с пером. В 1928 году публикуются обработанные Чунижековым алтайские сказки. Позднее он печатает большую эпическую поэму, пишет стихи, рассказы, очерки, посвященные Великому Октябрю, жизни алтайского народа, алтайским комсомольцам, Советской Армии, алтайским партизанам, сражавшимся с белыми в гражданскую войну.

С 1938 года Чалчик Анчинович целиком посвящает себя литературной деятельности, переходит в газету «Алтайдын чолмоны» («Звезда Алтая»), в которой работает и сейчас. Как писателю Чунижекову присущи отличное знание жизни, нравов, обычаев, быта горного Алтая, любовь и тонкое понимание его богатейшей природы.

ВЕСНА

Как мы ждали твоего прихода!
У кого ты в сердце не была!
Ты пришла, и горная природа
Ожила, заела, зацвела.
От дыханья твоего растаял
Звонкий лед Катуня голубой.
По долинам горного Алтая
За прибоем ленился прибой.
Ты идешь, повсюду оставляя
Бурной жизни яркие следы.
Ты идешь, и травы оживают,
Пламенеют нежные цветы.
Можжевелик трепетные лапы
Протянул в синешую тьму.
До чего же ароматный запах
Принесла ты, щедрая, ему!
Вьют синицы гнезда. Распевают
Целый день скворцы. Кричат грачи.
Тихой стаей ласточки летают
На заре играют косачи.
Даль такую свежестью искрится,
Так нарядны всполохи зари,
Что не могут на поле трудиться
Без любимой песни плугари.

Перевод И. ФРОЛОВА.

КАРЛ ВЕЛЬЦ

ГИМН СТРАНЕ СОВЕТОВ

Люблю Россию! Знайте, немцы — братья,
Что, хоть я немец, сотни тысяч раз —
Труд, песни, сердце — все хочу отдать я
России — каждый день и каждый час.

В краю немецком преданы проклятью,
Бежали предки из родной земли.
Народ России принял их в объятия,
Очаг и дом они здесь обрели.

Народ России, мы страдали вместе,
Последним поделиться был ты рад,
Бок о бок бились мы за дело чести —
Спасибо, верный друг! Спасибо, брат!

Ударом было мне твое несчастье,
Твоя победа — праздником моим.
Безоблачной порой и в дни ненастья,
Шло торжество иль плыл сражений дым.

Когда, в паучью свастику одета,
К нам ворвалась фашистская орда —
Я встал в единый строй страны Советов,
Чтоб свастика исчезла навсегда.

Советская страна! Тебе обязан
Я счастьем — не в мечтах, а наяву.
Тебе отдам я руки, сердце, разум,
Тебя своей отчизной я зову.

И взгляд его, надеждою
согретый,
Искал, искал в тумане
силуэта
Знакомого до боли
корабля.
И он подумал: «Хватит! Что
же это?
В таком безделье мне
и смерть в укор.
Пусть снова воспоет меня
планета,
Вновь подвиг я свершу
во имя света
И вспыхну, как огромный
метеор».
С решеньем твердым он из
дому вышел.
Начальник базы принял
старика.
«Хочу взлететь
всех дальше и всех выше
Пусть космос наш победный.
марш услышит,
Марш светлый коммунизма
на века!»
Тогда на сотнях рук ввысь
воспарил он.
И вял ответу тысячи
сердец:
«Служил ты на «Авроре»
канониром.
Ты счастье возвестил
земному миру.
А нам шторм неба
предоставь,
отец!»

*Перевод с немецкого
В. ХОРВАТ.*

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Авторы этих стихов — не профессиональные поэты. Это инженер, и учитель, и студент, и военкослужащий.

Стихи их, зачастую не совершенные по форме, привлекают своей непосредственностью, искренностью, подлинной близостью к жизни.

ХЛЕБ

Руки онемели от лопаты,
это, отдых позабыв давно,
мы своей студенческой бригадой
ворошили на току зерно.
Прилипали потные рубашки,
их сейчас сними и выжимай.
Бригадир в замасленной фуражке
говорил:

— Ребята, нажимай.

На ладонях лопались мозоли,
спины разогнуть мы не могли.
На губах был горький привкус соли,
капли пота по лицу ползли...
А когда закат горел устало,
в сумерки закутывая степь,
вот тогда-то

в первый раз узнал я,
сколько стоит людям этот хлеб.

Станислав ВТОРУШИН,
студент.

НОВОСЕЛ

Влюбился в степи новосел...
Ступив лишь первый шаг,
Поставил в корень дела столб.
А сверху — плащ, как флаг.

Пристроил над палаткой шест.
Чтоб провод натянуть...
Теперь хоть зацепиться есть
В степи за что-нибудь!

И пусть случайный черенок
В целинный пласт ушел —
Пробился в мир уже росток.
Такой же новосел.

Шло время...
Ширился совхоз,
И он среди полей
Приобретал права и рос
Упорней и смелей.

Его сквозняк толтал, как мог,
Невидимой пятой,
Но он не просто так — росток,
А тополь молодой!

Раздался чуть по сторонам,
Поднялся в вышину.
И все-таки назло ветрам
Освоил целину.

А тракторист взглянул вокруг,
Пригнул росток к себе,
И словно чью-то долю вдруг
Узнал в его судьбе.

Вокруг пласты взрыхлил слегка,
К рядочку привел.
И вновь коснулся стебелька:
«Счастливо... новосел».

*Николай МОРОЗОВ,
инспектор школ.*

ИЗ ТЕТРАДИ ИЗЫСКАТЕЛЯ

ОСЕНЬ В ГОРАХ

Желтеют горные увалы
Пятнистой рысью.
И пестры
Лугов альпийских, покрывала,
Лесов холодные костры.
Над падью, видя это диво,
Застыл, прислушавшись, марал.
С весны до осени в груди он
Копил любовь...
И заиграл!

РЕЧКА

Зимою кроется гусиной кожей.
Озябнув, вздрагивает на ветру.
Чудак-мороз, на пень в снегу
похожий,
К ней беспощаден, бессердечно
КРУТ...

Я эту речку встретил не на карте.—
Осколком зеркала в кустах видна.
Упрямый, видно, у нее характер —
Покровом льда не скована она.

ПРОВОДА

Гудят к бурану провода.
Седыми змеями поземка
Ползет и вьется по следам,
А мы идем в густых потемках.

Звезды не виден тонкий луч.
И месяц лемехом от плуга
Нырнул, как в прорубь, в бездну
туч.

И проводам вдруг стало туго.

В свою сигнальную дуду
Они гудят надрывно, тонко,
Как будто чувствуя беду,
Лишь рассказать не могут толком...

Когда взошли на бугорок,
Я огоньки увидел первым.
И провод, вьющийся у ног, —
Стальные лопнувшие нервы.

ЧЕНЕЛУ

Скажи мне, что в себе ты затаила?
Зачем я столько драгоценных дней
Смотрю на верх твой, собранный
аилом
Из скал грудастых, осыпей-камней.

Не потому ли, что твоя вершина
Дымится к снегопадам и ветрам?
А, может быть, здесь золотая жила?
Иль замурован скалами уран?..

Никто не знает, чем же ты богата.
Лишь только лес, взобравшись
на холмы,
Пустил разведчиков на склон
покатый
И те обвалом снега сметены.

А ты стоишь, единственный
свидетель
Промчавшихся в забвение веков.
И жмутся сопки около,
Как дети,
Внимающие сказкам стариков.

Ты с укоризной смотришь на долину,
Где камни точит водами Аргут.
Так расскажи и мне свои былины,
Рожденные на этом берегу!

Афанасий БРОДИЛОВ,
инженер-геолог.

ИЗ СОЛДАТСКОЙ ТЕТРАДИ

ПОД ЗНАМЕНОМ ПОЛКА

Мне не пришлось, конечно, воевать,
Сидеть в окопах, бомбами разбитых,
Озябшими руками закрывать
Глаза своих товарищей убитых,
Их хоронить, прощальный залп давать,
Ползти под пулями, и снег и землю роя,
И снова подниматься и вставать,
Ковать победу в жарком пекле боя.

Нет, я об этом знаю лишь из книг
Да по рассказам своего отца.
Я лишь представляю иногда на миг,
Как обрывает жизнь кусок свинца,
Как люди, шага не дойдя до цели,
Умея своей жизнью дорожить,
Во имя жизни жизни не жалели
И умирали, продолжая жить.

Прошли года солдатским тесным строем,
И жизнь войну свалила под откос.
И там, где некогда рвались снаряды с воем,
Теперь хлеба стоят во весь свой рост.
Давно залечены, зарубцевались раны,
Срослись земли истерзанной бока.
Два поколения наших ветеранов
Шло вот под этим знаменем полка.

Теперь вот мы на их вступили место
И изучаем азбуку войны.
Как и они, мы из того же теста,
Как и они, мы Родине верны.
И пусть в ученье нелегко порой нам,
Но мы, солдаты, твердости полны.
Мы — как предупреждение новым войнам
И злобным поджигателям войны.

ПОСЛЕ РАБОТЫ

Тихий вечер. Дымкою белесой
Горизонт подернулся слегка.
Далеко над синей кромкой леса
Стайкой проплывают облака.
За рекой, за дальним поворотом,

СЫНУ

Уж который день, как
Тают снег и лед.
У тебя, мой Женька,
Дел неупорот:
Деревяшки стружишь,
Шхуны мастера,
Превращаешь лужи
В пресные моря;
Отсырев по уши
В океанах луж,
Поливаешь сушу,
Как ходячий душ.
От рассветной зорьки
И до темноты
Нелегальной коркой
Сыт по горло ты.
Будешь кем, — не знаю,
Но не утаю:
По-отцовски маюсь
За судьбу твою.
И, пострел, охота,
Чтоб судьба твоя
Пропиталась потом
В трудовых боях;
Чтоб ты не сдавался
Никакой беде
И не растворялся
В слезовой воде;
Чтобы не шатался
На крутом пути,
От Земли до Марса
Рисковал идти;
Чтоб любил свободу,
Ненавидел гнет
И служил народу,
Как тебе народ...
...Будешь кем, — не знаю.
И не в этом суть.
Одного желаю:
Человеком будь.

*Иван ИГНАТЬЕВ,
мастер смены.*

ДОМ

Здесь все ново и незнакомо,
Только мне неловко спросить —
Где-то здесь, в деревянном доме,
Мое детство осталось жить.

В синеватом речном разливе,
В хлопотливой, в сосульках весне
Я узнал, как земля красива,
Где родиться выпало мне.

Тихо-тихо иду по улице,
Отыскал свой сосновый дом...
Постарел ты, дружище, ссутулился,
Даже я узнаю с трудом.

Ничего, из сибирских сосен ты,
Поживешь еще, друг, держись.
Вечно юная штука — жизнь
Даже ярче порой от проседи.

ЭТОТ ГОРОД

В этом городе я узнаю,
Если даже закрою глаза,
По привычному шуму трамвая
Остановку свою — «Вокзал».
В этом городе столько улиц
Я один и вдвоем исходил,
Что название свое «барнаулец»
Я по праву вполне заслужил.
Город мой, в тополях и кленах,
С каждым годом твой взгляд
светлей,
С каждым годом все больше
влюбленных
На дорожках твоих аллей.
С этим городом дружбой связан,
Ты меня от него не зови,
Я ему навсегда обязан
Звонкой песней первой любви.

Анатолий ПЕТРЕНКО,
студент.

ТРАКТ

Где ступала только волчья лапа,
(Много с той поры минуло лет)
Знаменитый всероссийский лапоть
Проложил корявый первый след.

А потом степями, хмурым лесом
Проходили здесь переселенцы —
Так родился тракт.

И этим трактом

Гнала в Кулунду людей нужда.
По нему пришел к нам первый
трактор.

Счастье по нему пришло сюда.

...Я стою у тракта и с волнением
Думаю о прошлом Кулунды.

Древний тракт... Немало поколений

Здесь свои оставили следы.

Был полит он потом и слезами.

Знаю я,

И прадед мой пешком

Здесь прошел когда-то из Рязани,

Пыль с лаптей сбивая батожком.

Семен МИХЕЕВ,

инвалид Отечественной войны.

ЖЕЛАНИЕ

Мне б такое дело,

Чтоб в руках горело.

Мне б такие руки,

Чтоб не знали скуки.

Мне б такое слово,

Чтоб звучало ново.

Мне б такую песню,

Чтобы всех чудесней.

Мне б такое счастье,

Чтобы сердце настежь!

СВИДАНИЕ

Смокли ёлки, затаив дыхание:
На полянке первое свидание.
Паренек и девушка целуются —
Елочки на них не налюбуются.
Месяц, завершив небесный путь,
Шепчет ёлкам: «Дайте мне
взглянуть?!»

Но они — кокетливые сверстницы,
Не пускают на полянку месяца.

МЕСЯЦ

Льются звуки гармошки
Над заснувшим селом.
Я хожу по дорожке
У тебя под окном.
Мне месяц печально кивает:
«Сочувствую, дескать, бывает».

*Борис ЛЮТИКОВ,
студент.*

НОЧЬЮ

Вновь полощется заря заката
В посиневшей глубине небес.
Месяц, от младенчества горбатый,
Вынырнул и за холмом исчез.
Темнота овраги затопила,
Полилась просторами полей,
И село, как бакен, засветила
И сняла прохладу с якорей.

РУЧЕЕК

Едва заметен ручеек,
Но жилка жизни бьется в нем,
Оя чистоту свою сберег,
Пробив весною чернозем.

СТАРЫЙ ДУБ

Старый дуб стоит десятки лет,
У него торчит вершина щепкою,
На коре от ран остался след,
Но не дрогнул дуб.
В нем — сердце крепкое!

*Николай ДИАНОВ,
военнослужащий.*

СТИХИ О СЫНЕ

Мама долго колдует, как доктор:
Ставит градусник,
Смотрит на ртуть,
Так, как будто не в чем-нибудь —
в стеклах

Заключается самая суть.
Папа ходит за дверью сосновой,
Половицы скрипят под ногой,
Папиросу ломает, и снова
Тянет пальцы свои за другой.
На душе неприятный осадок,
Что мой сын, как в огне весь —
горит...

Только бабушка старая рада
У кровати сидеть до зари.
Даже счастлива старая теща,
А родителям невдомек,
Что у сына, как первенец роши,
Пробивается белый зубок.

*Анатолий ПРОХОДОВ,
журналист.*

ИВАН МАСАУЛОВ

ДЕЛО, КОТОРОМУ СЛУЖИШЬ

Очерк

Дом ломился от гостей.

Раскрасневшаяся от выпитой рюмки вина, мать не сводила глаз с сына, посматривала пытливо и немного встревоженно на еще более нарядную невестку.

Как-то сложится у них жизнь? За Николая не беспокоилась, знала — выдержанный он, скромный человек, уживчивый. Он сильный, мой Коля. И целину пашет, и урожай убирает, и уже школу механизации закончил, а через два года диплом инженера получит. И дом свой построил. Хороший дом получился. Он все делает хорошо, мой Коля...

Мать окидывает влюбленным взглядом уютную обстановку квартиры, которая стала теперь ее родным домом, смотрит на веселящихся гостей, на молодоженов и незаметно смахивает счастливую слезу. «Понапрасну и тогда обидела Колю...»

И в памяти вырисовывается до мелочей тот день, когда Коля собирался уезжать на целину.

...Сын сидел за столом и торопливо ел суп, низко наклонившись над тарелкой. Мать с упреком говорила:

— Ведь обидно, Коля. Учился, учился, получил такую специальность хорошую... Работать бы да работать на шахте.

— Целина, мама, это...

— Подумаешь, мудрость какая — землю пахать, — перебила его мать. — Мало ли у нас таких, которые без специальности, вот и пусть едут.

Сын возразил — комсомолец должен быть там, куда его зовут партия, комсомол, куда влечет его сердце.

Мать хоть и понимает, что сына не переубедить, что он, наверное, правильно поступает, да ведь нелегко заставить материнское сердце отказаться от делеяной годами мечты — видеть сына специалистом-горняком.

— Все не поедут на целину, кому-то ведь надо и здесь работать, — вздыхая, безнадежно проговорила мать. — Разве осудит кто за это? Везде нужны хорошие работники, особо специалисты.

Перехватив быстрый взгляд Николая в сторону раскрытого чемодана, она пихнула его, но работу не отложила — продолжала собирать в дорогу немудреный скарб сына.

С того дня прошло почти четыре года. Четыре трудных года. Для Николая.

И вот сегодня, в канун нового 1958 года, Николай Затенацкий справлял свою свадьбу.

Ему уютны затаенные мысли матери. Он немного смущенно улыбает-

ся. Нет, он не собирается упрекать мать за тот памятный разговор. Трудно ей было, конечно, расставаться с сыном. И другое тревожило — оторвется сын от родного дома, избалуется — чужая сторона всегда страшит. Вдруг да не устоит перед невзгодами, которые на каждом шагу на новом необжитом месте.

Добрая, беспокойная мать! Радуйся, гордись своим сыном — он не такой, какими оказались некоторые — проложили первую борозду на целине и уехали, провожаемые презрением настоящих покорителей целины. Нет, у Николая Затенацкого совесть чиста. Ему еще только оформляли комсомольскую путевку, а он уже перенесся мыслями на Алтай и в степи воздвигал новые дома, убирал тучный урожай на целине и видел уже колонны автомашин с зерном, идущие на элеваторы.

Мечтая, он верил. А мечта советского человека — программа его жизни. Даже самые смелые мечты в нашей стране находят свое воплощение в грандиозных планах, в новых городах и стройках, в миллионах гектаров освоенных земель, в запуске искусственных спутников Земли, во всей огромной созидательной работе советского народа, руководимого коммунистической партией.

Нет, Николаю Затенацкому, как и другим новоселам, нелегко было, особенно в первый целинный год. Но когда человек горячо верит в свою мечту, когда все его стремления подчинены светлой цели — ничто не в силах остановить его победный шаг.

...Холодная дождливая весна 1954 года — первая целинная весна.

Николай Затенацкий — прицепщик в агрегате тракториста Виктора Ведяева. Николаю Затенацкому, как специалисту-электрику предложили другую работу — ближе по духу. Но он отказался.

— Я приехал на целину и хочу быть на переднем крае, — сказал тогда Николай и, не колеблясь, пошел на прицеп трактора.

Холодный, секущий дождь. Коченеют руки, от намочшей одежды разламывает плечи.

— Погреемся, — остановив трактор, говорит Ведяев.

И оба они — тракторист и прицепщик — вприпрыжку бегают друг за другом вокруг трактора по только что вспаханной целине.

Днем — веселее. Видны другие машины на загонках, вдали «плацдарм» — так прозвали новоселы холм, на котором концентрировалась вся техника, прибывающая в совхоз перед наступлением на целину.

Ночью с непривычки тоскливо. А тут еще вперемежку с дождем пошел снег. Мокрые снежинки серебрятся в лучах электросвета от фар трактора, слепят тракториста, забивают глаза прицепщику. Как бы хорошо забраться сейчас в палатку, поближе к железной печке...

Николай ожесточенно замотал головой, стараясь отогнать сковывающую усталость и сон. Стал мечтать — так легче, время летит незаметней.

Под утро, допахав полосу, мокрые и продрогшие, они пришли в палатку, принялись растапливать железную печку. Хочется есть, но повар, оказывается, забыл им оставить «расход».

— Стоило ехать сюда, чтобы вот так мерзнуть и голодать, — ворчит Ведяев, растирая озябшие руки.

— А что, интересно даже, романтика, — рассмеялся Затенацкий, обстругивая палочку и заостряя ее на конце.

— Романтика! Технолог Ведяев среди степи, в холодной палатке, чокрый, зубы дробь выбивают, а в желудке вакуум, пустота... Романтика...

Спокойная улыбка Николая окончательно разозлила Ведяева. Он процедил сквозь зубы:

— Доволен?

— О чем ты?

— Все о том же, о чудесной жизни на целине... В райкоме, когда вручали путевку, поздравляли, на вокзалах встречали с оркестрами, с подарками. А здесь после работы ни отдохнуть, ни покушать.

— Вот скоро построим, Витя, поселок и заживем в новых домах со всеми удобствами.

— И сейчас никто не отменял заботы о людях.

— Короче говоря, Витя, тебе нужна няня.

Ведяев скосил глаза на прицепщика, махнул рукой:

— Э, да что с тобой говорить. Ты, смотрю я, убежденный фанатик целины. Может ты и всерьез думаешь застрять здесь на всю жизнь, похоронить свой диплом в глубокой пахоте — это твоё дело. А я технолог.

Кто-то сонным голосом из дальнего угла палатки посоветовал:

— Эй ты, технолог, иди вон на улицу, под дождь, и жалуйся хоть до утра. Спать мешаешь.

Ведяев резко обернулся, но не смог различить в затемненном углу палатки говорившего. Жаль. Завтра бы он объяснился с ним...

Несколько минут оба молчали.

— Витя, подожди минутку, — проговорил Затенацкий, видя, что тот разбирает постель.

— Ну?

— Сейчас, сейчас... Вот, получай, — Николай подал товарищу палочку с накинанным на конце куском сала. — А ты говоришь о тебе не заботятся.

Сало, поджаренное прямо на огне, распространяло необыкновенно вкусный запах. Нашелся и кусок хлеба. Вдвоем у пещки, обжигаясь, они упивались за обе щеки импровизированный ужин.

— Повторить? — усмехнулся Николай, видя, что Ведяеву понравилось это необычное блюдо.

— Дай, я сам попробую поджарить, — оживился Ведяев...

Сразу же после сева многие новоселы выехали в училище механизации сельского хозяйства. В группе курсантов-комбайнеров вместе с Николаем оказались Виктор Ведяев и его сменщик Владимир Максимов. Они — земляки, из Приуралья, оба технологи по образованию. А когда они вернулись уже комбайнерами, то не узнали того места, где раньше стояли палатки. Вряд выстроились красивые дома, вырисовывая контуры нового совхозного поселка.

— Вот это да! — восхищался Затенацкий. — Витя, смотри, смотри, чудеса какие!

— Чудес не вижу, а дома... ну дома, как дома...

«Вот, ехал человек издалека, а что у него было на душе? Все чем-то он недоволен, все ему не нравится здесь», — размышлял Николай. И в надежде помочь товарищу, убедить его, увлечь перспективами целины, горячо заговорил о будущем совхоза. Через год — два здесь будет большой благоустроенный поселок, появится школа, клуб, мастерские, зерносклады, животноводческие помещения...

— Все мы мечтать мастера! — зло усмехнулся Ведяев и, смерив оценивающим взглядом Николая, добавил: — Мечтая о лучшем — рассчитывай на худшее...

— А дальше что? — еле сдерживая себя, выдохнул Затенацкий. Обычно спокойный и уравновешенный, он сейчас стал неузнаваем. На его слегка бледном, с тонкими правильными чертами, лице выступили малиновые пятна — предвестники гнева.

— Поживешь — увидишь, — уклонился от прямого ответа Ведяев и поспешил перевести разговор на другую тему.

Зимними вечерами Николай брался за учебники, готовил контрольные работы в институт. А сегодня не мог, ходил по комнате взволнованный — почтальон принес сразу два письма от товарищей с шахты Северной. Одно, в котором бывший однокурсник хвалился не в меру своими личными благами и беззащитиво упрёквал Николая за то, что он променял шахту на какую-то деревенскую глушь, отложил в сторону, так и не дочитав до

конца. Зато очень обрадовало второе письмо. В нем рассказывалось, как молодежь шахты подружилась с молодыми колхозниками, недавно выехала в колхоз, молодые горняки помогали сельским комсомольцам на строительстве, выступали с концертом. Товарищ просил подробнее написать о жизни новоселов на целине, о их успехах. А в конце письма сообщал — шахта, как и в предыдущем месяце, перевыполнила план.

Отвечая на это письмо, он охотно рассказывал о совхозе, о своих товарищах, об обляке окружающих сел и деревень. «Ой, много, много надо еще уголька, чтобы и у нас на селе было так же красиво и хорошо, как у нас в поселке на шахте! Передай ребятам — пусть жмут на все педали, выдают побольше уголька, а мы постараемся выращивать высокие урожаи на целине», — писал Затенацкий...

Зима шла на убыль. Новоселы готовились к весне, ремонтировали технику, собирали новые машины. Предстояло закончить распашку целины и залежи в совхозе.

На время сева Николая назначили сменным трактористом на машину Геннадия Захарова. Сегодня ему предстояло работать в ночную смену.

— Машина, как зверь, газуй смело, — наставительно сказал Геннадий во время пересмены.

Действительно, трактор тянул хорошо, ширилась полоса вспаханной целины. «Что это Геннадий, кажется, орех оставил? — подумал Николай, взглянув вперед. — И мне ничего не сказал. Надо запахать, а то завтра попадет ему от бригадира». И Затенацкий направил трактор прямо на чуть белеющее пятно. Скрежет, металлический ляг. Трактор остановился.

Ошеломленный и растерянный Николай выпрыгнул из кабины. То, что он привял за орех, оказалось каменной плитой, запарошенной стеблями прошлогодней травы. «Как же я недодумался днем осмотреть поле, — досадовал Затенацкий. — Захаров тоже хорош, даже не предупредил...»

А как хотелось этой ночью вспахать больше всех! Ведь он обещал своим товарищам-шахтерам, что и здесь, на целине, будет высоко держать честь горняка и в душе продолжал соревноваться с ними. Да и у себя в бригаде не собирался уступать первенства. И вот такая история!

Надо что-то предпринимать, но Николай не может сосредоточиться — в голову лезут неприятные мысли. «И надо же... Сам ратовал за культуру труда, за правильную эксплуатацию машин, за бережное отношение к технике...»

Вдали сверкнули фары трактора, послышался гул его мотора. Кажется, Ведяев пашет. У него все в порядке, а тут... Достал переносную лампочку, пошел под трактор. Вздохнул облегченно — все обошлось благополучно, поломок нет. Теперь бы снять трактор с камня. Как же быть? Поблизости кроме Ведяева никого нет, а к нему обращаться не хочется. После того разговора у них долго еще был холодок в отношениях, хотя внешне каждый из них старался не замечать этого.

И все-таки пришлось позвать Ведяева. Потом Затенацкий уже ругал себя — лучше бы сходить на стан или в крайнем случае подождать до утра, да было уже поздно. Помощь Ведяева дорого обошлась Николаю и всей бригаде.

Вместо того, чтобы по сигналу Николая сдать назад свою машину, Ведяев или не понял или просто перепутал скорости и дернул вперед. Вилка выжимной муфты у трактора Затенацкого сломалась.

До утра Николай просидел у неподвижной машины. Он знал, что его ждет. Бригадир Костя Рябов будет рвать и метать, а директор совхоза Иван Григорьевич Никитин посмотрит молча, осуждающе — ведь сейчас дорога каждая минута...

Закралась мысляшка — уехать, заплатить стоимость ремонта и за простой машины и вернуться на шахту... И тут же жестоко осудил себя: «Только трус так способен поступить... А что я скажу товарищам?»

Чуть забрезжил рассвет, Затенацкий разрыдал бригадира...

Вечером ребята — кто сочувственно, а кто и с ехидцей — расспраши-

вали, как это могло случиться, что он, Николай, умудрился посадить трактор на камень.

Максимов и Ведяев помалкивали. Лишь когда они оказались втроем, Максимов заговорил:

— Значит, разжаловали тебя в прицепщики.. Да, брат, неприятно из кабины трактора да на прицеп, пыль глотать.

— Мало ли с кем беды не бывает, так зачем же сразу так сурово наказывать! — возмущенно выпалил Ведяев.

Слушал их, слушал Николай и сердито оборвал:

— Не нуждаюсь я в ваших соболезнованиях!

Максимов пожал плечами, вздохнул:

— Тебя же жалеем.

— Не за что, напрасно стараетесь, наказали по заслугам.

Молчание. Тускло светятся огоньки папирос. Затенацкий догадывается, к чему клонят технологи. И не ошибается.

— Знаешь, Николай, несправедливо как-то получается, — как бы нехотя проговорил Максимов. — Ты, кажется, горный техникум закончил? А мы технологи. Наши специальности самые боевые, ценные, почетные.. А здесь мы кто? Рядовые целинники. Пока. Нынче поднимем всю целину и залежь и забудут о нас. И будем мы колешиться вместе с такими, у которых и семи классов нет.

— Зачем же вы ехали сюда? — возмутился Затенацкий.

— Мы — первые ласточки. Зачинатели, так сказать, — несколько не смутившись, сказал Ведяев. — Целина кончается и пусть нас по-доброму отпускают.

— И выдадут хорошие характеристики, — продолжил его мысль Затенацкий, холодно усмехнувшись.

— Законно, мы свой патристический долг выполнили, подняли целину, — невозмутимо согласился Максимов.

Затенацкий понимал, что убеждать их бесполезно, рано или поздно они уйдут из совхоза, но согласиться с их рассуждениями о целине он не мог.

— Поднять — еще не значит освоить. Вспашка целины — первая, самая малая часть дела. Застроить эти земли, обжить, заставить их ежегодно давать хорошие урожаи — вот самое главное. Для этого нас сюда и посылали.

— Мы свое отработали, пусть теперь другие потрудятся, — твердил свое Максимов. — Я специалист промышленности, мое место на заводе.

Все больше распаяясь, Николай разбивал их взгляды. Он говорил, что и селу сейчас очень нужны технически грамотные люди.

— Государство на каждого из нас затратило огромные средства, дало нам специальности механизаторов. А вы чем собираетесь отплатить за это? Дизертиством?

— Уплекаешь? — исподлобья взглянул на Затенацкого Ведяев.

— Объявляю... за малодушие, — выдавил Николай и, круто повернувшись, ушел от них.

Ведяев и Максимов о чем-то говорили за его спиной, видимо, осуждали его, но Николая ничуть это не обижало — он вычеркнул их из своей памяти.

Пряча глаза, без добрых напутственных слов и дружеских пожеланий, Максимов и Ведяев отбыли из совхоза.

А жизнь шла своим чередом. Новый совхоз креп и набирал сил. К весне 1957 года вырос большой благоустроенный поселок. Целых три новых улицы составили индивидуальные дома. Построил свой дом и Николай Затенацкий, в совхоз к нему пересхали мать и брат.

Зимними вечерами подолгу горит свет в окнах дома Николая. Надо успеть подготовить контрольную работу в Алтайский сельхозинститут, в котором он учится заочно на факультете механизации, почитать новую книгу. В последние дни прибавилась еще одна забота. Николай задумал облегчить и ускорить загрузку сеялок семенами. Он и сам испытывал и наблюдал не раз, как подолгу простоявали сеялки, пока в них засыпали семена, хотя для обслуживания каждого агрегата выделялось несколько человек. «А что если механизировать засыпку семян?» И вот на столе перед Николаем чертеж механического загрузчика сеялок. Он еще несовершенен, быть может, не одну еще бессонную ночь предстоит провести Николаю над чертежами, но это его не страшит. Он уверен, что добьется своего.

Однажды Затенацкий поделился своими планами с инженером. Тот выслушал его внимательно и спокойно заметил:

— Ничего не выйдет.

— По-моему, должно получиться, — попробовал возразить Затенацкий.

— Да я не о том. Прибереги свою идею для другого раза, а пока мешочком заправлять вынуждены. Нет машина, так что и приспособление твое без пользы. Сам видишь — трудновато еще с автотранспортом, не могу выделить даже ни одной машины. Такие, брат, дела...

Механик отделения Василий Мальчин как-то заинтересовался, что думает делать Николай со своим приспособлением.

— Заправлять сеялки.

— Но ледь машин-то нет, куда же ты поставишь приспособление?

— На комбайн. Да-да, на самоходный комбайн.

Мальчин долго рассматривал чертеж, прищуривал то один, то другой глаз, как будто это должно было ему помочь лучше разобраться в чертеже.

— Неплохо, — наконец, заключил он.

— Значит, можно начинать?

Механик неопределенно пожал плечами. Он и не возражал, но и не спешил дать разрешение переоборудовать комбайн, ссылаясь на управляющего — его слово решающее.

— Уломаем управляющего, только помоги, Василий.

В конторе Затенацкий молча положил на стол управляющего чертеж и отошел в сторонку.

— Что это?

— Механический заправщик сеялок; Кузьма Борисович.

Лицо управляющего все больше хмурилось.

— Технику бить? Не согласен, комбайн изуродуешь, а кто отвечать будет? Управляющий?

Затенацкий не отступался. Он горячо стал пояснять, водя карандашом по чертежу, как лучше, не выводя из строя комбайновые узлы, переоборудовать комбайн для механической заправки сеялок.

На помощь пришел Мальчин. Скрепя сердце, управляющий согласился, непременно напомнить, что «в случае чего, сами будете расхлебывать».

— Ой, смотри, Затенацкий, тебе ведь на этом же комбайне в уборку работать.

Николай сразу же взялся за дело. Через несколько дней механический загрузчик был готов. Кое-что пришлось переделать на ходу.

Как только начался сев, механизаторы увидели необычную картину — па полосу к агрегату сеялок шел... самоходный комбайн.

Рано гонишь комбайн, еще только сеять начинаем, — пошутил кто-то.

А другой добавил:

— А может решили комбайном сеять...

Однако спустя несколько минут, они уже с интересом наблюдали, как самоходный комбайн... заправлял сеялки семенами. Эту работу он выпол-

нал в два раза быстрее, чем несколько человек засыпщиков и подвозчиков семян.

Управляющий Кузьма Борисович несколько раз на день полезжал и агрегатам сеялок, которые обслуживал Затенацкий на своем, принявшем немного уродливый вид комбайне, молча и хмуро следил за заправкой сеялок. Затенацкому хотелось спросить, понравилось ли управляющему, но он сдержался — не ровен час, начальство не в духе, еще чего доброго забракует под горячую руку.

А на другой день как раз во время засыпки сеялок на полосу появился директор совхоза Иван Григорьевич Никитин.

— Показывай, Николай, свою машинку, ваш управляющий нахвалиться не может.

— Точно, хорошее приспособление, — заметил сеяльщик, — и подвозчиков теперь не надо, и засыпщиков, один комбайн два агрегата заправляет вдвое скорее.

Механический заправщик сеялок с успехом применялся и весной 1958 года. Но обслуживал его уже не Затенацкий..

Накануне весны произошло событие, которое взволновало Николая Затенацкого, как и многих других колхозников — Центральный комитет комсомола призвал молодежь в поход за выращивание кукурузы. Одно из звеньев в совхозе возглавил Затенацкий. Помощником его стал целинник из Тамбова тракторист Юрий Голубчиков.

— Николай а ты хоть знаешь, как выращивать эту самую кукурузу?

— Нет, — признался Затенацкий.

— И я тоже, — рассмеялся Юрий. — Вот так звено.. Как бы вместо кукурузы поляны не вырастить.

— А это что, — показал Затенацкий на стопку брошюр, которые держал он в руках. — Тут все должно быть. А чего нет, сами докумекаем.

В суматохе освоения нового дела одного не учел новый кукурузовод — не заинтересовался заранее, какой участок в бригаде собираются отводить под кукурузу. А когда спохватился, было уже поздно.

— Да что же это за порядки! — негодовал Голубчиков. — Шумели, шумели о кукурузе, а землю выделить чуть ли не самую худшую в бригаде! Как же тут вырастишь высокий урожай, а?

— Попробуем, что же теперь делать, — вздохнул Затенацкий.

— И пробовать нечего, сразу видно, обставят нас, — недовольно ворчал Голубчиков.

— Ну, если сразу руки опустить, конечно, толку не будет! — вспыхнул звеньевой.

В те дни Затенацкого можно было видеть и в конторе отделения, и на центральной усадьбе совхоза, и на складах. То он спорил с кем-нибудь из начальства, то упрасивал дать еще хоть немного удобрений. А самого неотступно глодало сомнение: «А вдруг да Голубчиков прав и вся наша работа пойдет впустую?» И снова он шел к агроному, разговаривал с теми, кто имел хоть небольшой опыт выращивания кукурузы, искал в литературе ответы на свои возникавшие на каждом шагу вопросы.

Его горячее стремление, его неудержимое желание сделать все возможное, честно выполнить порученное дело, передавалось и Юрию Голубчикову. Он так же, как и Затенацкий работал всю весну в надежде добиться поставленной цели.

Появившиеся всходы обозначили четкие правильные квадраты, без слов свидетельствовавшие об отличном качестве сева.

Погода нынче поставила на пути кукурузы серьезные преграды: холода задерживали развитие теплолюбивых растений, а обильные дожди сильно погнали в рост сорняки. На ранее полузаброшенном участке, который достался Затенацкому, их оказалось больше, чем где-либо. Злые языки разнесли весть по совхозу:

— Растут комсомольские сорняки вместо кукурузы!
Затенацкий хмурился.

— Чуешь, что болтают? — раздраженно заметил он.

Голубчиков не ответил.

— А мы докажем, что будет у нас хорошая кукуруза! — сказал Затенацкий. — Потребуется — три — четыре раза обработаем междурядья.

— Да я согласен хоть десять раз, был бы толк, — вздохнул Юрий Звеньевой понял — слухи, видно, поколебали уверенность Юрия в успехе. Весело заметил:

— Целина потруднее была сорняков, да и то покорилась.

Еще только занималась утренняя заря, а они уже были на участке. Возвращались поздним вечером. И так каждый день, пока трижды не обработали междурядья в двух направлениях.

В середине июля по совхозу уже гуляла другая весть — радостная для Затенацкого и Голубчикова:

— Хороша комсомольская кукуруза!

Чистая, густая, она, как море, раскинулась на ста с лишним гектарах, радуя глаз своей буйной свежестью. Испытав недюжинную силу комсомольской хватки, она вдруг заметней с каждым днем стала тянуться вверх, раздаваться вширь, утверждая великую силу человеческого труда.

«Еще месяц и тогда можно убирать кукурузу, — размышлял Затенацкий. — К тому времени центнеров по четыреста с лишним будет на гектаре...»

Вскоре с центральной усадьбы передали Затенацкому — явиться к директору совхоза. Вернулся он очень озабоченным.

— Что-нибудь случилось? — беспокойно поинтересовался Юрий.

— Случилось... Получил повышение, бригадиром назначили.

— А как же теперь? — растерянно улыбнулся Голубчиков.

— Все так же — работать, — усмехнулся Затенацкий.

— Да нет, я про кукурузу говорю.

Несколько минут Николай молча смотрел вдаль, где у подножья холма примостился полевой стан бригады, которую ему поручено возглавить, проговорил:

— А сколько еще дел впереди! И пшеницу выращивать, и кукурузу...

В его словах, в тоне, было радостное возбуждение.

Совхоз «Краснознаменский»

ИВАН КУДИНОВ

ВЕСЕННИЙ ВЕТЕР

(Очерк)

Тринадцатый председатель

Утром Горбачев зашел к директору Уралмашзавода. Разговор был коротким. Неделю назад у Горбачева умерла жена, и он решил уехать на Алтай, в родную деревню...

— От горя, Алексей Ефимович, не убежишь, — задумчиво говорил директор, положив тяжелую жилистую ладонь на пресс-папье и испытующе глядя на Горбачева. — Понимаю — трудно тебе. И все-таки решать опрометчиво нельзя... Подумай хорошенько... Ну скажи, какой из тебя председатель колхоза? Ты же металлург, инженер.

— Справлюсь, Виталий Иванович, — сказал Горбачев. — Вырос я в колхозе, сельское хозяйство знакомо... Я ведь и раньше подумывал об этом. А тут...

— Что ж, удерживать не буду. Коль твердо решил, значит, добьешься своего.

Директор крепко пожал ему руку на прощанье.

...Через неделю Горбачев был в Чистоозерках, в селе, где прошло его детство, откуда семнадцатилетним парнем он уходил на войну. Дом отсюда обветшал, тесовая крыша подернулась зеленью... А березка, которую Алексей посадил перед войной, разрослась, окрепла, поднялась выше дома.

Ефим Петрович обрадовался приезду сына. Весь вечер разговаривали о житье-бытье, вспоминали прошлое, спорили о будущем.

— Не богато живете, — говорил Горбачев-младший. — Строите мало...

Старший сбиженно дымял самокруткой:

— Рассуждать все мастера... Строим мало... А кто должен строить? После войны мало ли мужчины подалось в города. Иные на учебу, а иные и за длинный рублем погнались, бросили на произвол судьбы колхоз, хоть трава не расти. Мало строим... Ты спроси, как мы жили. Было время, на трудодень получали по двести граммов зерна да по полтиннику деньгами. А яичке? Одного только хлеба по три кило на трудодень. Заметный сдвиг? Худо-добро, а жизнь подняли... Конечно, не все у нас радно.

И это верно. После войны, когда хозяйство нужно было поднимать, все делалось временно, на первый случай... Потом привыкли к этому, так и укоренилась эта привычка. Она давала о себе знать и после того, как хозяйство укрепилось. Правда, колхозные поля давали неплохие урожаи,

а вот с животноводством дело не клеилось — колхоз числился отстающим в районе.

Объясняя это, колхозники называли немало причин. Говорили и о том, что за послевоенные годы сменилось двенадцать председателей.

Горбачев был тринадцатым. Колхозники шутили: «Несчастливое число... как бы не пришлось вскоре подумать о четырнадцатом...»

На собрании, на котором утверждали нового председателя, колхозники высказали свои обиды, пожелания.

Запомнилось Горбачеву выступление бойкой, розовощекой девушки, которая начала с вопроса:

— Кто из нас не думает о счастье?

Колхозники оживились, кто-то из парней, сидевших на задних скамейках, насмешливо подсказал:

— Нина, ты лучше о любви поговори. Злободневная тема.

— Не скальте зубы, серьезно говорю. Привыкли жить как попало...

— Какая тебе еще жизнь нужна? — выкрикнул Ефим Петрович, поднимаясь со скамейки. — Хлебец-то лоди, еще прошлогодний в сусеке...

— А ты, Петрович, не перебивай, — огрызнулась Нина. — Возьми слово, тогда и говори. Счастье, товарищи, не только в хлебе. Недавно вот из Барнаула приезжала моя подружка, она там в педагогическом институте учится, так весь вечер рассказывала про театры да про разные спектакли. А я в этом театре всего раз была да два раза во сне его видела...

— Правильно, Нинка! Вон наши соседи такой клуб отгрохали — настоящий дворец. Оркестр свой имеют, пианину купили.. По-городскому живут, культурно.

— Тише, цокотухи, не о дворцах пока речь. Коровника доброго нет...

— Строить надо.

— Из чего?

— Из чего люди строят...

— То люди...

— А мы кто?

На собрании Горбачев особенно отчетливо представил себе беспорядки, творившиеся в колхозе много лет подряд, и понял — нелегко будет поправлять дела.

... * * *

..На второй день председательства, возвращаясь из райкома партии, Горбачев заехал на ферму. Открыл ворота коровника, но вошел не сразу — неприятный, кислородный запах шибанул в нос.

— Не бойтесь, входите, — сказал кто-то рядом. Горбачев обернулся. Статная чернобровья девушка с ведром на полусогнутой руке, насмешливо смотрела на него. — Не нравится! Ничего, это с непривычки.

Горбачев узнал девушку, это она на собрании говорила о счастье... Спросил:

— А вы привыкли?

— Нужда приучит.

Вошли в коровник, сырое, полутемное помещение. Узкие стойла забраны жердочками. Под ногами примятый корм...

— Что это у вас непорядок такой? — спросил Горбачев. Девушка сердито звякнула ведром.

— Давно мы пытаемся порядок навести. Много у нас было председателей, и каждый помочь сулился, кучу обещаний давал — направим дело, поднимем животноводство!... А что обещания, коров ими не накормишь... Все осталось по-старому.

— Так ведь я никаких обещаний не давал, — засмеялся Горбачев.

— Будете давать, — убежденно сказала девушка и, подумав, при-
мирительно добавила: — Может, вы и не такой...

— Обыкновенный, — ответил Горбачев и предложил: — Давайте
познакомимся, а то как-то неудобно.

— Что ж, давайте. Горелик моя фамилия, Нина Аркольдовна, доярка
и секретарь комсомольской организации.

— Вдвойне приятно. Организация большая?

— Шестьдесят три комсомольца.

— Такая сила! — воскликнул Горбачев. — А вы жалуетесь. На ферме
много комсомольцев?

— На первой ферме одна я, а на второй две девушки работают.

— Почему мало? Не хотят, боятся руки запачкать навозом?

— Неправда! Скоро год, как о молодежной ферме толкуем, да все без-
толку... Из райкома комсомола никто не заглядывает, а в колхозе с нами
не очень-то считаются...

С фермы Горбачев не сразу пошел домой, попутно завернул к секрета-
рю парторганизации Калюжному. Хотелось о многом переговорить, посовето-
ваться, с чего начинать работу. Вспомнил слова секретаря райкома пар-
тии Матвеева:

— Обратите особое внимание на животноводство. Возможности в «Крас-
ном маяке» большие, резервы есть — найти их надо, использовать. К мо-
лодежи поближе держитесь.

— Откровенно говоря, нелегко вам будет сызнова начинать жизнь, —
не торопясь, говорил Калюжный и, внимательно посмотрев в лицо Горбаче-
ва, точно хотел проверить, какое впечатление произведут на него слова,
продолжал:

— Завод — одно, колхоз — другое... Привычка нужна во всем,
опыт. Я ведь тоже недавно перешел на оседлую жизнь. А где только
не был!.. Закончил партшколу, направили в район. Заведовал орготделом
в райкоме партии, был инструктором, зональным секретарем. Потом пере-
ехали в крайком партии, оттуда — в МТС. А когда предложили перейти в
колхоз, Валентина Егоровна моя наотрез отказалась. «Провались ты, —
говорит, — со своей работой, никуда я не поеду. Мотайся один». Уговорил
ее, пообещал, что в последний раз переезжаем. Два года живем на месте,
обзавелись вот хозяйством...

Федор Петрович весело и хитровато прищурился: — На месте, го-
ворят, и камень обрастает...

Заговорили о животноводстве, о трудностях на пути становления хо-
зяйства.

— Прички много. Понимаешь, коровы у нас мелкие, малопродуктивные.
Ты из них хоть душу вытяни, больше двух тысяч литров не дадут...

Горбачев чувствовал, что затеянный разговор не особенно приятен Ка-
люжному, но обрывать его не хотелось. Председатель переждал, пока не
выговорился Калюжный, и неожиданно обратился к его жене:

— Скажите, Валентина Егоровна, сколько вы сейчас надаете от
своей коровы?

— Не сказать, что ведрница, но литров до десяти дает...

— Породистая ваша корова?

— Да нет... из колхозного табуна телочкой брали.

— Значит не все от породы зависит?

— И гадать, Алексей Ефимович, незачем, — оживилась Валентина
Егоровна. — Видели, чем колхозных коров кормят? Соломка, и та гнилая.
Силосу не хватает. А грязь, сырость какая в коровниках...

Домой Горбачев возвращался заполночь. Разговор у Калюжных взвол-

повал его. В душе было такое чувство, как будто он сделал очень важное открытие, или неожиданно нашел ответ задачи, над которой долго и упорно бился.

* * *

Утром в контору зашла Нина. Сняла варежки, положила их в карман и только тогда поздоровалась. Горбачев встал ей навстречу:

— Здравствуй, Нина... Арнольдовна. Присаживайся. Рассказывай, что нового в ваших краях.

— Нового ничего. Я к вам, Алексей Ефимыч, с заявлением. Вчера у нас было комсомольское собрание. Вот решить...

Горбачев внимательно прочитал заявление: «...Комсомольцы колхоза «Красный маяк», учитывая трудное положение на ферме, просят правление направить их работать в животноводство».

— Решение хорошее, а вот выговор надо бы объявить комсомольскому вожаку, — сказал Горбачев. — Как же так, комсомольцы обсуждают важный вопрос, а председатель не знает об этом?

Нина смутилась:

— Извините, Алексей Ефимыч, никогда не было такого, чтобы председатели ходили на наши собрания... Из виду выпустили вас.

— Давайте договоримся так: не будем выпускать из виду вы меня, а я вас. О молодежной ферме поговорю с членами правления. Думаю, одобрят. Дело стоящее. Договорились?

Нина кивнула головой, пошла, но, приоткрыв дверь, задержалась:

— Я к вам завтра занесу список. Ладно?

— Ладно, — сказал Горбачев и, проводив Нину пристальным взглядом, загрустил. Чем-то эта девушка напомнила ему жену.

«Бабы бунтуют...»

На крыльце лицом к лицу Горбачев столкнулся с Калюжным.

— Диктаторством занимаемся, Алексей Ефимыч? — не переводя дыхания, начал Калюжный.

— Здравствуй, — спокойно сказал Горбачев. — О каком диктаторстве ты говоришь?

— Извини, Ефимыч, — сказал Калюжный. — Здравствуй. Тут дело такое, что ни с какой стороны не подступишься к нему. Бунтуют на ферме бабы. Еле вырвался. «Это по какому такому праву, — говорят, — вы хотите уволить нас с фермы?» — «Бабоньки, дорогие, — успокаиваю их, — никто не думал нас увольнять...» — «Как не думать! Зубы-то нам не заговаривайте, вы с председателем решили... А нас спрашивали?»

Калюжный вдруг снова расслабился:

— Партия, Алексей Ефимыч, учит нас чуткому отношению к людям, а вы хотите все с кондачка...

Горбачев курил, шурил голубые близорукие глаза:

— Историю партии, Федор Петрович, я тоже изучал. Что касается фермы — переворот там действительно нужен... Застоялись многие, замлесневели. Встряхнуть надо!..

— Какой там еще переворот!

— Кадры, Федор Петрович, обновлять надо. А то получается, что на собственном глазу бельмо не видим... Комсомольцы просятся на ферму, почему бы не удовлетворить их просьбу.

— Да кто же против. Все за. Но ведь у них требование какое, посылайте всех на одну ферму.

— И правильно. Вместе веселее, а когда весело — работа лучше спорится.

— А опыт, многолетний труд — это вы не берете в счет?
— Беру.
— Так за каким же дьяволом делать на фермах переворот, смутьянить людей. Ты, Ефимыч, плохо знаешь наших баб. Это угли, на которые стоит разок дунуть — и разгорятся!

— Постараемся дуть осторожно, — усмехнулся Горбачев.

— Так что не бойся — пожара не будет.. И давай, Федор Петрович отложим наш разговор. Пусть решат коммунисты, правление, сами колхозники, а мы с тобой, я вижу, ни до чего не договоримся.

Пряча лицо в теплый воротник полушубка, Горбачев несколько минут стоял на крыльце в раздумье. Порывистый ветер вздымал, кружил серую массу снега, слепил глаза. Пурга разыгралась не на шутку — еще полтора — два часа назад было тихо, а сейчас не видать неба. Горбачев вспомнил утром заведующий МТФ предупреждал о том, что корма на исходе... «А что как зарядит буран на неделю?» Постояв еще несколько в раздумье, председатель направился на ферму.

В маленькой комнатке жарко топилась железная печка. Калюжный над раскаленной печкой грел руки.

— Ты уже здесь? — удивился Горбачев. Калюжный промолчал, не подняв головы, а через минуту сказал:

— С кормами дошли до точки. Завтра на день хватит, а там — зубы на полку...

— Так вот каждую зиму, — вздохнула пожилая доярка Ефросинья Зубова. — Забуранит, а у нас хоть шаром покати, охапки сена не найдешь.

— Далеко сено? — спросил Горбачев.

— Километров за шесть... Куда сунешься в такую пропасть.

На улице, у двери, кто-то шуршал, долго не находя скобу, потом дверь распахнулась и на пороге выросла белая фигура. Некоторое время она стояла неподвижно, точно мраморное изваяние, затем шевельнулась, обдав снежной пылью сидевшую у порога Ефросинью Даниловну, и маленькие горячие глаза глянули из-под шали на Горбачева...

— Ну и метет, аж дух перехватывает! — сказала Нина Горелик, освобождаясь от шали и растирая ладонями мокрое, исклеванное метелью лицо: — А я в контору ходила, искала вас... Алексей Ефимыч, надо же... Я с ребятами говорила, Митя Сорокин предлагает в объезд, через старую наимку. Там трактор пройдет.

— Померзнут твои ребята, кто за них будет отвечать?

— Алексей Ефимыч, да они такие... Понимаете, из самого ада живыми выйдут, — горячо возразила Нина. Все рассмеялись. Калюжный повеселев, вступился за Нину:

— Отчаянное решение, но доброе. А на хлопцев, действительно, можно положиться.

Горбачев повернулся к Калюжному:

— Может, Федор Петрович, на этом и спор наш порешим? Как-никак — факты вещь упрямая.

Калюжный, надевая перчатки, коротко бросил:

— Единично решать не будем.

Люди молодые

Шесть суток свирепствовал буран, занося дороги, обрывая телефонные провода, а когда утихомирился, высокие сугробы перегородили улицы. Мальчишки устраивали катки и трамплины прямо во дворах, некоторые умудрялись даже кататься с крыш.

Возле фермы было шумно и оживленно. Группа девушек и парней расчищала подъезды к коровникам.

Сегодня была «официально» организована первая молодежная ферма. Члены правления, как и говорил Горбачев, поддержали инициативу. Труд-

ность заключалась в другом — как быть со старыми доярками, нельзя же ни с того, ни с сего снять их с работы.

Вот здесь-то и почувствовал Горбачев свою «малограмотность» в решении практических задач. От него ждали ответа, а он растерялся и не знал, что предложить.

Выручили сами доярки. Ефросинья Зубова сказала:

— У меня, дорогой Алексей Ефимыч, группа коров с пятьдесят третьего года. Я ее раздоила. Коровы по голосу узнают меня. Разве я их отдам кому? Нет. На другую ферму перейду с ними, а не отдам...

Так было найдено правильное решение, так в колхозе родилась новая ферма, на которой единственным «ветераном» животноводства была Нина Горелик. Ее избрали бригадиром.

В маленькой комнатке, временно заменяющей красный уголок, появились полочка с книгами, белые занавески на окнах, на стене табличка: «Не курить!», а рядом табель надоев. Учетчик Митя Сорокин каждый вечер вписывал в графы табеля цифры. Цифры невелики пока, но главное не в этом, главное в том, что девушки принесли с собой на ферму неиссякаемый задор и огромное желание сделать что-то хорошее.

В первый же день коровники были тщательно вычищены, а на другой день к председателю явилась делегация — Нина Горелик, Митя Сорокин, Валя Егерь. Переговоры длились не более пяти минут.

— Алексей Ефимыч, ясли в коровнике надо сделать.

— Завтра пошлем плотников.

— Надо бы сегодня. Зачем откладывать на завтра...

Пришлось уступить. Вызвали плотников, послали на ферму.

Через день новая делегация:

— Алексей Ефимыч, мы зоотехнический кружок на ферме организовали, а зоотехник отказывается заниматься с нами. Повлияйте на него. И халатов у нас нет.

— Хорошо, я поговорю с зоотехником, — пообещал Горбачев. — Халаты тоже купим.

Однажды Горбачев пришел на ферму в разгар занятий — шел горячий спор о кормовых рационах. Зоотехник попал в затруднение, а девочки так и сыпали вопросами.

— А если рацион, о котором вы говорите, не подходит для моей Барыни? — спрашивала Валя Егерь. — Она у меня настоящая барыня, в кормах разборчивая...

— Ты, Валька, помалкивай, — обиженно крикнул кто-то из доярок, — мы видели, как ты вчера для своей Барыни выбирала лучший силос.

— И выбирала... Зато сегодня моя Барыня на целых четыреста граммов больше дала молока... Скажи, Митя, не так, что ли?..

— А чего говорить, — отозвался Митя. — По-моему, Валя права — вкусы у коров разные...

Горбачев еще раз убедился в том, что именно в споре, в борьбе разных мнений рождается истина.

— Я не совсем понимаю технологию этой затеи, — признался он. — В чем выгода индивидуального рациона?

Нина Горелик с присущей ей страстностью принялась объяснять: — Выгода огромная будет, Алексей Ефимыч. Ведь у каждой коровы свои привычки, вкус, характер... Одной нравится силос, другой — сено... Поэтому общий рацион не оправдывает себя. А тут мы составляем рацион для каждой коровы в отдельности, по вкусу. Почему вы улыбаетесь, не верите?

— Что вы, Нина, это я, глядя на вас, заражаюсь вашим энтузиазмом. Верю, конечно. Только знаете, было бы здорово, если бы на других фермах об этом рассказать.

— Не захотят слушать старые доярки, — вздохнула Нина. — Скажут, яйца курицу учат.

Горбачев с упреком посмотрел на девушку

— Неужели вы не сумеете найти подход? — И успокоил: — Хорошо, об этом мы вместе подумаем. Ты только, Нина, не забывай о том, что «запах дедовских лаптей» надо выветривать всюду...

• • •

В конце апреля, когда отшумело весеннее половодье, и над полями расплескал первую песню жаворонок, Митя Сорокин заскучал. По-прежнему ежедневно он заполнял графы табеля, но делал это небрежно, без души.

— Надоела мне цифра, — признался Митя. — Уйду.

— Куда ты уйдешь? — спросила Нина. — Ты же комсомолец.

— А я, может, в институт хочу поступить.

— Ну и поступай, пожалуйста. Летуй!

Последнее слово вырвалось невзначай, и Нина раскаивалась: не к лицу комсомольскому секретарю, бригадиру, такой точ. Митя поджав губы и холодно взглянув на нее, молча вышел. Быстро, не оглядываясь, прошел мимо окна, скрылся за углом, и Нина почувствовала, что Митя не вернется.

...И в конторе в этот день произошло нечто подобное. Ефим Петрович осторожно приоткрыл дверь, бочком протиснулся в кабинет председателя и, покашливая, присел на стул рядом с сыном.

— Вот что я тебе хотел сказать, сынок, сторожа, значит, другого подыскивайте.

Горбачев внимательно посмотрел на изреванное глубокими морщинами отцовское лицо и подумал, что давно надо было отцу предложить отдых, а он закрутился с работой, забыл совершенно об этом.

— Ну что ж, батя, ты прав, пора тебе на пенсию. Как-никак семьдесят три года...

Ефим Петрович рассердился:

— Ты мои годы не считай, с этим я и сам управляюсь. Пенсионера нашел. Десять лет пастухом был. И еще поработаю. Не хочу торчать возле конторы.

— Вы что, сговорились? — удивленно спросил Горбачев. — Полчаса назад был у меня Митя Сорокин. Просит другую работу — цифры, видите ли, ему не по душе. Ты, может, его в подпаски возьмешь? Парень толковый, грамотный, десятилетку закончил.

— Там видно будет. Может и возьму.

• • •

Митя привык вставать с рассветом. Наскоро завтракает, берет что-нибудь на обед и спешит на ферму. Земля дышит прохладой. От росы сапоги намочают и тяжелеют. Нравятся Мите эти ранние утренние часы. Он идет, напевая. За плечами у него сумка с продуктами и книгами. Книги Ефим Петрович называет «продуктом души» и охотно слушает все, что читает ему Митя. Иногда они расходятся во мнении и долго спорят.

Сегодня Митя пришел на ферму раньше обычного. Ефим Петрович удивился:

— Ты никак ночью поднялся?

— Мысль одна пришла в голову, — уклончиво ответил Митя. — Обдумывал. Потом расскажу...

Буйно разгорелась заря.казалось, невидимый художник один за другим накладывал над горизонтом гигантские мазки — вначале светло-

оранжевые, затем розовые и вдруг выплеснул алую краску, которая медленно расплзлась по всему небосклону...

Петрович снял шапку, подставил под первые солнечные лучи лысину. Небо чистое, безоблачное, но Петрович вдруг заявил:

— Дождь будет. Ласточки над землей вьются... Верная примета.

— Я в одном журнале читал, — сказал Митя, — о том, что знаменитый английский врач Эдвард Дженнер знал сорок примет дождя...

Петрович усмехнулся:

— Не считал своих примет. Может, сорок знаю, может все сто. Так какая мысль пришла тебе в голову? — вспомнил Петрович.

— А-а... — Митя опустил на корточки и начал чертить палочкой на траве. — Вы, конечно, знаете о том, что наша страна и мы с вами соревнуемся с Америкой?

— Ты покорооче. Главную суть.

— Суть вот в чем. Например, в каждой науке — ну, скажем, в геологии, педагогике — есть какая-то определенная система. Вот и нам с вами надо выработать свою систему пастбы... Во-первых, утром надо начинать пасты коров на участках похуже, а к вечеру на лучшие перегонять. Целый день аллетит у коров будет.

Митино предложение — не новость для старого колхозника, но искреннее стремление парня добиться перелома на ферме — радует.

Старик улыбается и одобрительно кивает головой.

Вскоре надои повысились. В районе заговорили о новой системе пастбы чистоозерских пастухов, даже стали приезжать животноводы из других колхозов, а сегодня навестил их секретарь райкома комсомола.

Старик рассердился — никакой новой системы они не изобрели, просто пасут так, как и издавна пасли. А если и не делали в последние годы, так только потому, что относились беззаботно к работе.

Разговор в райкоме

От Чистоозерок до райцентра две дороги: одна — широкая, грунтовая дает большой кряк, проходит через поля соседнего колхоза, через МТС, другая — проселочная, заросшая конотопом и подорожником, пересекает высохшее болото, идет напрямик, сокращая около шести километров... Горбачев и Калюжный решили ехать проселком. Их вызвали на бюро райкома партии — Калюжного как члена бюро, а Горбачева с отчетом.

Вечером звонил Матвеев:

— Ну, как дела, инженер? Идет плавка?

— Крепкий металл, — отшутился Горбачев, того и гляди зубы обломаешь... Андрей Борисович, мне кажется, напрасно вынесли мой отчет на бюро. Что я буду докладывать? Учить председателей с двадцатилетним стажем хозяйствовать?

— И это райком имел в виду, — ответил секретарь. — Расскажи о главном... Что ты считаешь основой подъема животноводства, как вам удалось за девять месяцев превзойти все показатели прошлого года...

— Неудобно хвастаться, Андрей Борисович, — отговаривался Горбачев. — У других лучше дела обстоят и показатели выше.

— Ничего, иногда у отстающих тоже есть чему поучиться, — сказал Матвеев. — Тем более, что из категории последних «Красный маяк» вышел. До встречи, Алексей Ефимыч. Готовься.

Калюжный был в отличном расположении духа.

— Осень-то, осень какая! — восклицал Калюжный, то и дело протыкая дверцу машины. — Ты посмотри только... Золотая!

— Не все то золото, что блестит, — хмуро отозвался Горбачев. — И чем тебя очаровала осень?

— Плодами, Алексей Ефимыч. Осень меня всегда радует. По осени педь не только дыпят считают...

— Кстати, у нас их нет.

— А надо бы. У нашего соседа Ивана Степановича Гомзякова в «Памяти Ленина» птицеферма колоссальную прибыль дает. Ты загляни к нему, Алексей Ефимыч, когда-нибудь. Интересный мужик. Председательствует со дня основания колхоза.

— Надо съездить, — согласился Горбачев. Машина миновала бережняк, выскочила в степь. Шофер прибавил «газку», точно стараясь догнать вдруг отодвинувшийся горизонт. Степь, желтая от жнивья, разметнулась на все четыре стороны. Дорога ровная, накатанная, казалось, сама мчит-ся под колеса автомашины.

— О чем думаешь? — тронул Калюжный локоть председателя.

— Вспомнил, как ты предостерегал меня от столкновения с бабами. Мол, зачем пожар раздувать...

— А ты, оказывается, злопамятный, — улыбнулся Калюжный. — Я ведь, Ефимыч, чувствовал, что кое в чем ошибаюсь, но не мог понять, где и в чем именно.

— Ну не будем об этом...

До начала бюро Калюжный познакомил Горбачева с председателем колхоза «Память Ленина» Гомзяковым. Невысокий толстяк внимательно, слишком даже внимательно, посмотрев из-под очков на Горбачева, сухо сказал:

— Слышал о вас.

Подошли Матвеев и двое незнакомых, видно, из края.

— Коллеги встретились! — здороваясь с председателем, сказал Матвеев и подмигнул Гомзякову:

— Вот у кого надо тебе, Иван Степанович, поучиться, как надо работать с молодежью. А то разбежались у тебя из колхоза половина комсомольцев. Собственный сын и тот уехал... Штурманом решил стать. А почему не комбайнером?

— Романтика, — ответил Гомзяков.

— Романтика... — передразнил Матвеев. — Неверное представление о жизни прививаем детям. Если говорим о романтике, то обязательно приводим в пример покорителей Северного полюса, капитанов дальнего плавания. А рядом столько интересных будничных, поистине героических дел. — Секретарь райкома помолчал, закуривая, продолжал: — Помните из истории, как Гераклу удалось победить Антея? До тех пор, пока Антея касался земли, силы у него были нескерпаемы, но стоило оторваться... В этом и наша слабость — отрываемся от жизни, от людей. Алексей Ефимыч, — обернулся секретарь райкома к Горбачеву, — сколько в вашем колхозе работает с десятилетним образованием? Пятеро. А сколько учится в заочных институтах?

— Двое. Нина Горелик и Митя Сорокин.

— Это тот Митя, ластух?

— Он. Между прочим, тоже мечтал о мореплаваниях, но поступил в сельскохозяйственный. Зоотехником будет.

— Двое — мало, но в других колхозах и этого нет. А если бы во всех колхозах, хотя бы по пять десятиклассников ежегодно оставалось, мы бы в ближайшие годы имели отличные кадры на всех участках хозяйства.

Матвеев взял Горбачева под руку и полупшепотом, но так, чтобы слышали все, сказал:

— А вы, Алексей Ефимыч, жаловались, что не о чем говорить. Кстати, это правда, что вы ходили в школу, проверяли сочинения десятиклассников. Что за надобность такая у председателя колхоза?

— Чтобы не отрываться от жизни, Андрей Борисович... — полусерьезно ответил Горбачев. — Прочитаю сочинение, а потом с автором познакомлюсь. Сочинения-то — планы и мечты. В таком сочинении человек душу раскрывает.

Один десятиклассник писал, что его место — построить такую универсальную машину, которая бы выполняла все сельскохозяйственные работы... Автор этого «проекта» Вася Головенкин и сам еще не особенно отчетливо представлял, что это за машина будет, но верил — машина когда-нибудь будет!

Посоветовал я Васе механизатором стать, это ведь большой шаг к осуществлению поставленной цели...

— Ну и как? — спросил Гомзяков, снимая и снова надевая очки, будто стараясь поближе разглядеть Горбачева.

— Осенью Вася работал штурвальным, — ответил Горбачев. — Зимой пойдет учиться в школу механизации.

Когда Матвеев и Горбачев остались вдвоем, секретарь райкома спросил:

— Не тянет обратно на завод?

— Иногда скучаю, — чистосердечно признался Горбачев. — Но привыкаю здесь. Хочется сделать что-то заметное.

— Правильно. В этом смысл жизни. Я вот тоже иногда задумываюсь, что останется после меня, какие дела, какая память?..

И опять уже не в первый раз, за последнее время Горбачев почувствовал захлестывающий прилив радости. Весь этот вечер он был весел, разговорчив. Пообещал Гомзякову приехать в гости, приглашал к себе. А самому хотелось поскорее уехать домой, в Чистоозерки. Успеют ли плотники докрыть сегодня новый телятник? Вернулась ли Нина из Барнаула, как понравилась ей сельскохозяйственная выставка?..

Горбачев улыбнулся: «Комсомольский секретарь наверняка привезет кучу новых идей».

Вечером, вернувшись домой, он долго сочинял письмо заводским друзьям. Писал, что увидится в скором, наверное, не придется. Жизнь ставит перед колхозниками новые задачи, и ему, Горбачеву, предстоит немало дел.

Б. ЕВЛАДОВ

В АЛТАЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ

Сибирский край

Русского человека не удивить просторами. Чем глубже в Сибирь, тем крупнее становится счет. До Урала люди с широким размахом не придают значения какому-нибудь десятку километров, а в Сибири порой и вся сотня не в счет.

Говорили в старину: «Добрый конь — путь близок, а так — пойдн, измерь ее, сибирскую землю!»

Но богата эта земля. Как ни труден был путь к золотым горам (на Алтай), но шли по нему. За ермаковскими атаманами потянулись сюда торговые люди, сыскались умелые рудокопцы. Нашли серебро и медь да не для себя. Протянул к Алтаю грабастую руку Акинфий Демидов. Стал плавить и уральские и алтайские руды. Захотелось погреть руки у серебряного жара и царской фамилии. Объявили Алтай царской вотчиной...

По бесконечному сибирскому тракту навстречу кандалникам скрипели возки под охраной. Везли они слитки серебра для царских подвалов, каргонский мрамор — для дворцов. Барнаульский горный округ был славен серебром да плодами искусства и долготерпения колыванских камнерезов.

Крупными торговыми, а по сибирским понятиям того времени и промышленными городами считались еще в середине XIX века Барнаул, Бийск, Змеиногорск, Камень-на-Оби. К 1896 году в Алтайском округе насчитывалось 75 кожевенных, 10 шубных, 6 мыловаренных, стекольный, несколько гончарных, винокуренный, содовый заводы. Metallургическое производство пришло в полный уладок.

Каждый раз, когда мне приходится говорить с людьми старого поколения, я слышу от них одну и ту же оценку дореволюционной алтайской промышленности: «Были, конечно, заводы. Как без заводов? Вот шубы-барнаулки, например, прекрасные делали».

Барнаулки. Это то, чем гордились в старые годы. Но не потому ли, что другой промышленной продукции и назвать было нельзя?

Чья дерзновенная мысль еще сорок лет назад могла представить себе Алтай таким, каким он стал сейчас? Кто бы мог поверить, что за эти годы валовое производство промышленной продукции может увеличиться в 200 раз, что экономика каторжной окраины будет развиваться темпами почти в пять раз большими, чем экономика всей страны, что уже в 1950 году машиностроительные предприятия края дадут продукции больше, чем все машиностроительные заводы царской России?

В старых сибирских газетах писали: «По всей Сибири нигде нет луч-

те условия для земледелия, чем на Алтае. Верно. Необычайно щедря здешняя земля. Но разве в старое, а не в советское время выращен на ней рекордный в мире урожай пшеницы? Много ли собирали раньше зерна на Алтае? Показатели сейчас и сравнивать не приходится. Богатырской житницей стал Алтай. Единственно, что осталось от старого земледелия — слово пуд.

Так вот, только нынче Алтай сдал государству 281,5 миллиона пудов зерна. Раньше такого и Украина не знала.

Вместе с «пудом» осталось от прошлого и другое слово «завод». Если оно и раньше имело такое же значение, как сейчас, то только не на Алтае. Здесь правильно звучать оно стало в наше время, в тридцатых годах. А как же 10 шубных да 75 кожевенных заводов? Ведь были они? Были. И работало на них в общей сложности 135 рабочих. Вот тебе и «завод» в два — три человека. В горячую пору «сезона» работало по 20 человек, в часть года стоял «завод» на замке. Только по архаичным документам можно назвать такие мануфактуры заводами. Инженеры крупных современных предприятий с мягкой снисходительностью говорят о механизации больших производств промкооперации. Чтобы они сказали о старом свечном заводе?

Было время: Ленин мечтал о ста тысячах тракторов. И это была смелая мечта. Но уже несколько лет назад молодой Алтайский тракторный завод передал целинникам свою стотысячную машину.

В двадцатых годах Владимир Ильич заинтересовался соляными богатствами Кулундинских озер. Совет труда и обороны вынес постановление об использовании петуховских содовых озер и строительстве на них завода. Теперь в степи строится большой Кучукский сульфатный комбинат.

Незадолго до революции на Алтае легко было сосчитать количество электролампочек. Сейчас счет ведется на миллионы киловатт-часов...

Можно без конца продолжать сравнения на тему: «Раньше и теперь». Теперь — десятки крупных предприятий, и в их числе производящие уникальную продукцию. Первый трактор на Алтае был заграничным. Теперь сотни алтайских машин идут на экспорт. Теперь — новые сотни километров железных дорог, новые города и новые поселки в степи, теперь — большая индустрия, пришедшая на смену полукустарной промышленности.

Трудно сейчас уследить по газетам за всем, что строится в нашей стране. Если о Днепрогэсе знали все (стройка казалась грандиозной), то теперь часто о сооружениях значительно больших, многие не знают: новостроек тысячи и за всеми не уследить.

Думается, города наши меняются куда быстрее, чем представления об этих городах. Бывает, что взрослый человек судит о том или ином крае по своему старому школьному учебнику. Он последний раз заглядывал в эту книгу 15—20 лет назад, когда сдавал экзамены.

Мне часто приходилось встречать в поездах людей, которые имели об Алтае сведения, устаревшие на десятки лет. Весьма солидный мужчина, командированный в Барнаул из Центросоюза, спешил пополнить свои познания сибирской стороны.

— Вы, часом, не с Алтая? — спрашивал он соседей по купе. — Это верно, что в Барнауле есть театр? Что вы говорите? И телецентр?

Во всех его вопросах чувствовалось, что он пытается представить себе Алтай по знакомым дачным местечкам, а Барнаул по аналогии с каким-нибудь тихим районным городком.

Забавно бывает в поезде пошутить над неосведомленностью иных командированных, но куда с большим интересом расспрашивают люди тех, кто видит не вчера, а завтра Алтая. Если удастся расшевелить на рассказы, например, геолога-изыскателя — весь вагон будет слушать о сокровищах горных кладовых, о возможности их использования, о том, как скоро это будет сделано.

Мысль о своей, алтайской, Магнитке не сразу станет привычной. Же-

лезе и Урал — понятия давно срослись. Алтайская металлургия — понятие, только нарождающееся.

Вряд ли думал о горе Магнитной, о крупном железном комбинате работник леспромхоза И. В. Столяревский, когда при «нарезке» лесосек его бусоль «сбилась с курса». О магнитной аномалии легко было догадаться и по найденным им кускам магнетита.

Но богата ли руда, велико ли месторождение, имеет ли оно промышленное значение?

Геологи утвердительно ответили на эти вопросы. После подробных изысканий стало ясно — Инское месторождение — одно из самых крупных на Алтае. Его минимальные запасы богатых руд составляют более 200 миллионов тонн. Содержание железа — 50 процентов.

И. В. Столяревский подарил стране замечательную находку. Но его нельзя назвать первооткрывателем железа на Алтае. Нельзя назвать и никого другого. Будь у древних племен, населявших Горный Алтай, письменность, может быть, какой-нибудь летописец отметил бы первую пляску железа еще в III—IV веке. Во всяком случае археологические экспедиции обнаружили следы плавки V—VI веков.

На юго-востоке от Змеиногорска в XVIII веке хорошо известна была Белорецкая руда. Но не было в ту пору сил, чтобы на дальней глухой окраине развернуть металлургическое производство.

Коммунистическая партия смело взялась за освоение богатств не только центральных, но дальних, восточных районов страны. Урало-Кузбасс стал первым шагом на подступах к сибирскому кладу.

Уже укрощена энергия богатырских рек — Оби, Иртыша, Ангары. Уже недалеко время, когда плотина перехватит Енисей, и вся огромная сила сибирского электричества будет приносить у людей работы. Ей дадут эту работу сотни новых заводов и рудников. В их числе будут и крупные металлургические комбинаты.

Создание новой металлургической базы с каждым днем обретает все более четкий план. Западно-Сибирское геологическое управление и строящийся в Сталинске Западно-Сибирский металлургический комбинат серьезно занялись алтайскими рудами.

В сентябре «Правда» опубликовала карту. Черным силуэтиком обозначены на ней предполагаемый Барнаульский металлургический завод. Он будет работать на лисаковских рудах.

Почему на привозных, а не на местных? А вот почему. Лисаковские руды нуждаются в сложном обогащении, но для их освоения не требуется строительства новых железных дорог. Для доставки на Алтай лисаковской руды можно использовать порожняк из-под кузнецких углей, идущий с Урала. Очень важно и то, что лисаковские руды при томасовском процессе дадут в качестве отходов производства насыщенные фосфором шлаки. А они представляют собой замечательные удобрения. Ясно, что создание такого производства в центре края, освоившего миллионы гектаров целинных земель, приведет к новому подъему в развитии промышленности и сельского хозяйства Алтая.

В тезисах доклада тов. Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы» предусмотрено увеличение выпуска минеральных удобрений в стране в три раза.

Значительно увеличить производство минеральных удобрений должно и на Алтае.

Что касается алтайских руд, то они послужат одной из баз металлургии Кемеровской области.

О богатствах недр края сейчас много говорят работники совнархоза. Не только Инское и Белорецкое месторождения привлекают внимание геологов. Они назовут десятки магнитных аномалий — Чесноковскую, Кузнецовскую, Рубежную, Чинетинскую и многие другие. 300 поисковых партий ведут геологическую разведку в крае. Их интересуют богатые

полиметаллические руды, ртуть, свинец, медь, минеральные соли, строительные материалы.

Странно ли, что на Алтае вслед за Горняком и Актасем появляются другие рудничные рабочие поселки, что в Барнауле выросли крупные предприятия геологического оборудования и геофизической аппаратуры? Все это стало нашими буднями. Золотые горы раскрывают свои тайники советскому человеку, человеку, преобразующему землю.

...Железнодорожники яснее, ощутинее, чем кто-либо, представляют себе объем и структуру производства того или иного экономического района. Экспедиторы, диспетчеры, машинисты — постоянные свидетели и участники бурного развития производительных сил Алтая. Сколько эшелонов с грузом, и с каким грузом, уходило с Алтая, например, в 1921 году? Их число можно было сосчитать по пальцам. Груз — зерно.

Бесчисленное количество большегрузных хлебных эшелонов, платформы с тракторами, моторами, мощными механическими прессами, печатанные вагоны с миллионами метров тканей, сложным радиооборудованием, агрегаты энергетических котлов, которые не разместишь на одной платформе, буровые станки, лес, искусственное волокно, капрон, электропечи, консервы и многое, многое другое — составляет теперь вклад Алтая в экономическую мощь страны.

Может быть, ярче всего демонстрируют промышленный рост Алтая, его экспонаты на международных выставках. Изумление своим мастерством и кропотливостью работы в свое время вызвали на парижских выставках ишмовые и мраморные вазы. «Царица ваз» и поныне украшает один из залов «Эрмитажа». То, что в отсталой России, где-то на далекой ее окраине была изготовлена великолепная декоративная ваза — вызывало удивление. Ныне никто не удивился, узнав, что на Всемирную выставку в Брюссель Рубцовский завод отправил мощный трелевочный трактор.

В канун больших перемен

В заводской клуб я пришел задолго до начала открытия партийного собрания: рассчитывал успеть поговорить с секретарем парткома, но не нашел его. В зале было еще немного народу, и я постарался отыскать кого-нибудь из знакомых. В одном из задних рядов оживленно беседовала группа инженеров трубного цеха. Я направился к ним.

Начальник цеха Виктор Прохорович Суханов познакомил меня со своими товарищами.

Они продолжили прерванную беседу. Высокий, чуть сутуловатый человек, с удивительно подвижным лицом говорил быстро и отрывисто — «короткими очередями».

— Какой толк в моем инженерском звании, если по специальности и работать не приходится. В прошлом году шесть месяцев в командировках провел. Уж если так необходимы «толкачи», то пусть их «толкачей» и обучают в институтах. Мне все кажется, что я теперь больше в эконом-географии смыслю, чем в своем литейном деле. А странная, надо сказать, география получается. С запада на восток чугун везут, а с востока на запад... опять чугун. Как это в тезисах у товарища Хрущева сказано?..

Суханов, смеясь, напомнил приятелю:

— Это ты про сборные дома? Никита Сергеевич здорово за них некоторых министров протянул. Одни министры, говорит, спрашивают у других: «Куда это вы сборные дома везете? Из центральных районов в Красноярский край. А вы куда? Мы — из Красноярска в центральные районы страны».

— Вот-вот. Я эти перевозки в каждой командировке наблюдаю. Наш завод, например, отправляет комбайновые колеса в Омск, а Новоси-

бирск (он от нас вдвое ближе) получает колеса из Ново-Черкасск! Вот вам и междуведомственные барьеры. Приеду в Москву, требую, чего нам не хватает. План, говорю, горит. Пройдет неделя — другая — дадут. Только обязательно из-за тридцати земель взять надо. Ближе есть, да видишь ли, другого министерства.

Инженера слушали не перебивая. А он, видимо, «оседлав своего конька», говорил, все более распаяясь. Особенно возмущался бесконечными командировками. Добро бы послали на Таганрогский завод уму-разуму поучиться; так ведь нет: поезжай помогать снабженцам. Сколько денег зря на это уходит. Пусть-ка бухгалтеры доложат, каких денег заводу «толкачи» стоят. (Потом, когда началось собрание и бухгалтеры получили слово, они доложили: 500—600 тысяч рублей в год).

Наверное, долго еще могла продолжаться беседа, но голос из-за стола президента прервал ее. Мой новый знакомый асекся на полуслове, взглянул из-под очков на сцену и откинулся на спинку кресла:

— Ладно. Давайте слушать.

Директор завода Михаил Михайлович Матюхин начал доклад безо всяких предисловий. Сразу о самом главном: как намечается реорганизация управления промышленностью и строительством. Говорит Матюхин медленно, тщательно отбирая слова. Кажется, что речь его звучит монотонно. Но одна особенность — подчеркивание голосом и жестом наиболее важных мест — заставляет внимательно следить и вдумываться в содержание сказанного.

Какова главная цель перестройки? Цель ее — привести систему управления в соответствие с возросшим уровнем производства и обеспечить наиболее полное и рациональное использование ресурсов народного хозяйства. Для этого необходимо устранить многие недостатки в руководстве промышленностью и строительством, и главный из них — ведомственный подход к делу.

Обращаясь к кому-то из первого ряда, Матюхин, словно продолжая отложенный спор, также медленно и убежденно говорил:

— Напрасны страхи некоторых товарищей, что изменение управления нарушит специализацию производства. Напротив. Оно приведет к еще большей специализации, но при более высоком уровне кооперации работы предприятий. Разве можно считать нормальным, что каждый завод Барнаула, Бийска, Рубцовска сам изготавливает себе метизы, электроды, различную однотипную оснастку, своими силами обеспечивает нужды в литье? Наш котельный завод вполне может обеспечивать соседей стальным литьем. Зато цветное литье у нас плохо налажено. У соседей оно и дешевле, и лучше по качеству. Если нас будет разделять с соседним заводом только забор, а не ведомственный барьер — конечно же, мы найдем общий язык. Выиграет от этого дело? Безусловно, выиграет!

Если бы на собрании обсуждался один из постоянных производственных вопросов, думается, мне не удалось бы услышать таких жарких слов, таких смелых и по-хозяйски широких мыслей. С какой горячей заинтересованностью в улучшении производства, увеличении и удешевлении выпуска продукции вносили котельщики свои предложения.

Вот то и дело поглядывая на стенографистку (будет ли записано его предложение), начальник участка литейного цеха Фролов, не по годам волнуясь, говорит о том, сколько зря уходит металла в стружку и сколько в «стружку уходит» рационализаторской мысли. Думает, думает рабочий над каким-нибудь усовершенствованием, а придумает, глядь — оно еще до него было придумано. Вот и ушла мысль «в стружку». Если совнархоз не наладит постоянной технической информации, если не сумеет хорошенько помочь рационализаторам, то ему, Фролову, такой совнархоз не нужен. Пора ведь навести порядок в самом главном — в расходовании людской энергии.

С Фроловым зал охотно соглашался. Ему аллодировали.

Настороженно встретили выступление бывшего заместителя директо-

ра завода по капитальному строительству Злобинского. С ним, видимо, еще до собрания многие разошлись во мнениях. Злобинский знал это и потому старался говорить как можно убедительнее, приводил массу примеров:

— Необходимо, чтобы экономические районы имели высокоразвитую промышленность. Алтай еще не достиг нужного уровня. Целесообразнее создать не Алтайский совнархоз, как предлагает Михаил Михайлович Матюхин, а совнархоз по управлению промышленностью и строительством Новосибирской, Кемеровской областей и Алтайского края. Только такой экономически развитый район сможет быть самостоятельным.

— А никто и не собирается создавать сугубо самостоятельных районов, — перебил Злобинского с места начальник цеха сварных барабанов Литинский.

— Не перебивайте. Придет очередь, вам дадут слово.

— А поправки без очереди, — помог Литинскому его сосед — высокий парень в красивой спортивной куртке.

Но Литинский выступил «в порядке очереди».

— Перестройка управления с той целью и намечается, чтобы приблизить руководство к производству и полнее использовать местные возможности. Если создать, как предлагают некоторые товарищи, огромный экономический район с центром в Новосибирске, то в чем же изменится управление промышленностью? Оно будет по-прежнему громоздким и неконкретным. Не превратятся ли управления такого совнархоза в малые отраслевые министерства? А что касается «самостоятельности» экономического района, то даже самые крупные из них не смогут обходиться без кооперации с другими.

В дни всенародного обсуждения намеченных партией мероприятий по совершенствованию управления промышленностью и строительством мне довелось побывать на многих предприятиях. Разговор всюду шел не только о своевременности и правильности предложенных партией мер, но и о том, как лучше использовать большие и малые внутренние резервы.

Одни предложения были широкого размаха — по общим вопросам совершенствования управления, другие касались местных внутривзаводских и даже цеховых дел, которые станет возможно улучшить с созданием на Алтае совнархоза.

— Зачем нам дожидаться каких-то особых указаний, как вести впредь строительство, когда совнархоз сам сможет ликвидировать вредный параллелизм в этом деле — говорил, сильно жестикулируя, мастер моторного цеха АТЗ Яков Борченко.

— Ведь что получается? Министерство отпускает заводу средства и завод стремится освоить их безо всякого учета капиталовложений соседнего предприятия. Каждый строит все свое. Свои жилые городки, свои электростанции, свои поликлиники, детские сады и столовые. Сколько из-за этого недолостей! Бывает, стоят рядом два небольших дома, а сзади них — две карликовые котельные. Одну, оказывается, иметь нельзя: заводы разных министерств. Деньги, выходит, из разных карманов. Того, что карманы эти на одном пиджаке, словно, и не замечают.

В газете была опубликована статья председателя крайкома Л. Подсохина. Я видел, с каким удивлением группа рабочих Бийского кирпичного завода читала в этой статье о странном использовании местных строительных материалов. Кирпич в край завозится из Кемеровской, Новосибирской областей и Красноярского края, а гипс — из Воронежской и Куйбышевской областей. Из-за недостатка строительных материалов план капитальных работ в крае ежегодно выполнялся максимум на 80 процентов, сотни миллионов рублей в связи с этим замораживались. Если бы эти неосвоенные средства (хотя бы одного года) направить на создание предприятий строительных материалов, то был бы ликвидирован не только дефицит в кирпиче и гипсе, но можно было бы создать и новые

отрасли строительной индустрии — производства цемента, шифера, облицовочных плит.

— Не может быть, — говорили рабочие, — чтобы совнархоз не использовал этих возможностей. Ведь чего-чего, а сырья для производства строительных материалов в крае хватит.

— Вот будет создан в нашем крае совнархоз — и он, конечно, сумеет объединить силы мелких строительных организаций, — слышал я на собрании работников отдела капитального строительства одного из заводов.

— В распоряжении предприятий много самой различной строительной, дорожной, погрузочной и другой специальной техники. Она используется от случая к случаю. Пусть совнархоз создаст трест погрузочно-разгрузочных работ и очистки. Тогда техника не будет знать простоев. Дело ей всегда найдется. Также надо поступить и с мелкими автохозяйствами. Пусть лучше будут большие автопарки специальных грузотакси. Использование машин улучшится. — Так говорили на собрании в другом предприятии.

— Надо, наконец, как-то уладить отношения с местной промышленностью и с коммунальным хозяйством. Вот сколько у нас ценных отходов производства зря пропадает! Почему бы не передать их как сырье промысловым артелям? — предлагали работники текстильного комбината.

— Надо дать большие права директорам заводов, начальникам цехов, мастерам. Надо устранить не оправдывающий себя чуть ли не пооперационный технический контроль со стороны ОТК. Штат контролеров нужно резко сократить.

— Надо в корне улучшить материально-техническое снабжение. Для этого следует создать запасы сырья и материалов на центральных базах совнархоза и сократить запасы на предприятиях.

— Пусть совнархоз позаботится об объединении некоторых родственных предприятий, цехов, о сокращении управленческого аппарата.

Люди вносили свои предложения с горячем верой, что они, пусть не сразу все, но отразятся на производстве. И может быть в этих деловых предложениях, в критике недостатков прежней организации управления промышленностью и строительством и заключалось самое горячее одобрение мероприятий Коммунистической партии, вера в их правильность и силу.

Еще шелестели бумагами в кабинетах министерств, еще жарко выступали на собраниях будущие работники совнархозов, еще не были созданы эти новые центры руководства, но уже определялась программа их действий, уже рос к ним счет.

Новый хозяин

Белые прямоугольники ватмана, на которых чертежным шрифтом были обозначены названия отделов, явно не гармонировали со всем провинциальному пышным стилем отделки помещений, отведенных совнархозу. Но то, что эти поспешные таблички и спустя много месяцев оставались на дверях кабинетов, говорило о скором переезде. Теперь уже этот переезд совершился. Управления и отделы совнархоза разместились в новом современном здании на Ленинском проспекте. Но вспоминаются первые дни совнархоза.

Учреждение всегда останется учреждением. И потому, наверное, административно-хозяйственный отдел первым делом позаботился о столах и стульях. Их некуда было расставлять. Столешницы и тумбы светлого дуба сложили высокими штабелями в коридорах. Чья-то равнодушная к полировке рука наколотила на каждую тумбу номерки. На алюминиевых кружках отчеканено «АСНХ» — Алтайский совет народного хозяйства.

С алюминиевых номерков начал административно-хозяйственный отдел. С анализа годовых и квартальных отчетов заводов — планово-экономический, с треноги за производственную программу — управление машиностроения...

Партийная организация совнархоза начала свою работу с выпускной газетой «Совнархозовец». Как сейчас помню ее первый номер. Были в нем щедро помещены поздравления с началом работы от других совнархозов — Горьковского, Свердловского, Московского, Новосибирского. Заметок на «местные темы» втиснуть в газету не удалось, да и о чем было писать? Работники аппарата еще не успели как следует познакомиться между собой, не успели даже побывать в командировках. Инженеры разных предприятий, которые раньше виделись от случая к случаю, встретились вдруг в тихих комнатах за письменными столами. Некоторые приехали из московских министерств. Им еще предстояло осваиваться в новом городе.

В ту пору многим думалось, что пройдет много времени, прежде чем совнархоз сможет стать новым хозяином экономического района. Пока еще утихает организационная суета, пока еще осваиваются инженеры-производственники со своим новым положением!

Оказалось иначе. Совнархозу, как говорят, с ходу пришлось приспособливаться к ритму заводов истроек, приспособливаться, чтобы до поры до времени не ломать этого ритма, не допускать перебоев, приспособливаться затем, чтобы уже вскоре изменить его, ускорить.

Беспокойные заводские снабженцы и требовательные плановики, наконец, сами того не подозревая, заставили работников совнархоза забыть, что они «новички», заставили действовать четко и быстро, как надобно руководителям — все видеть и знать, все предусматривать.

Второй номер «Совнархозовца» был уже наполовину заполнен критическими заметками. Оказывается, уже были совершены ошибки, уже требовали безотлагательного внимания сложные вопросы, уже возникли разные варианты их решения.

Встреча с председателем совнархоза Яковом Алексеевичем Назаровым была назначена на три часа. Прежде, чем доложить обо мне, секретарь взглянула на большие кабинетные часы. Было без десяти три.

— Вас примут через десять минут. Сейчас у Якова Алексеевича совещание.

Я все же усомнился в скором окончании заседания и направился в технический отдел. Хотелось договориться о совместной поездке с инженером Даревским на завод. А когда вернулся в приемную, секретарь встретила меня коротким «Вас ждут». Минутная стрелка чуть отошла от двенадцати.

Это умение укладываться во времени, уважать свое и чужое время я замечал впоследствии и у многих других работников совнархоза.

Разговор с Назаровым был непродолжительным.

— Тысячи. Может быть сотни тысяч людей высказали свои мнения при обсуждении проекта закона об изменении управления промышленностью, — начал Яков Алексеевич, — сколько замечательных предложений! Вы знаете, у нас в руках теперь такая обширная программа, что на первых порах из нее необходимо взять только самое главное.

Главным в совнархозе считают — быстро выявить возможности всех предприятий, найти пути их использования. Специализация и кооперация производства — вот что позволит быстро развивать экономику, повышать производительность труда.

Алтайский экономический — это 289 предприятий истроек, из них 187 уже действующих; это более двадцати различных отраслей промышленности. А надо добиться комплексного, пропорционального развития производительных сил.

Есть еще одно главное — тесная связь алтайской промышленности с сельским хозяйством. Раньше эта особенность слабо учитывалась. Надо

исправить положение. Большая работа — преодолеть сильное отставание пищевой промышленности в крае. Надо в ближайший год поднять ее технический уровень, значительно увеличить мощности. А сколько дел в строительстве...

Дел, действительно, много, очень много. Но что очень важно, новый «хозяин» экономического района — совнархоз — с первых же дней стал не только выявлять объемы работ, но стал их выполнять. Если говорить о строительстве, то самым слабым его местом было отсутствие крепкой базы производства материалов.

Предприятия строительных материалов, находясь в подчинении трестов, ограничивали свое производство потребностями того или иного треста. Совнархоз решительно изменил положение. Проведена перестройка управления. Организован самостоятельный трест строительных материалов, объединены отдельные предприятия. На первый взгляд — мера формальная. Но вот результаты. Кирпичные заводы уже увеличили пропускную способность на 12 процентов. За счет внедрения более совершенной технологии производства к концу года выпуск кирпича возрастет еще на 40 процентов. В крае будет построен цементный завод и два завода железобетонных изделий, вводятся в строй заводы пенобетона и силикатных изделий.

Совнархоз старается дать строительной индустрии особенно быстрые темпы развития. И это понятно: всюду в крае ведется огромное промышленное и жилищное строительство.

По инициативе Алтайского совнархоза было созвано совещание представителей смежных совнархозов Западной Сибири — Алтайского, Кемеровского, Новосибирского, Томского, Омского и Красноярского. Необходимо было обменяться первым опытом организации работы совнархоза, познакомиться поближе с экономикой своих соседей, проследить установившиеся и наметить новые связи.

Со дня организации совнархозы осуществили многие меры по улучшению специализации внутри каждого экономического района. Но это лишь первая очередь работ. А какие возможности развития промышленности открываются в тесном взаимодействии смежных совнархозов! Что эти возможности, пусть еще не изученные, велики, было ясно каждому участнику совещания. Не потому ли и не было споров, «особых точек зрения», когда обсуждали итоговый документ — «Предложения совещания»? Предложения интересные. В них сказано, например, что в целях полной загрузки мощностей кузнечно-прессового оборудования Алтайского, Новосибирского и Красноярского совнархозов и мощностей по котельно-сварочному производству Алтайского совнархоза, целесообразно загрузить заказами свободные мощности соседних совнархозов на поковки и штамповки, а также на сварочные работы толстостенных сосудов (автоклавы, различные ковшки и т. п.).

Легко допустить, что двумя соседними предприятиями руководили люди хорошо знакомые, может быть, друзья. Они часто встречались, часто делились своими заботами. И вот один из них обратился к другому: «Помнишь, ты говорил о двух станках, которые не используются на вашем заводе? Так вот. Эти станки позарез нужны нам. Уступи, пожалуйста».

Легко допустить, что на эту просьбу последовал ответ: «Какой может быть разговор! Нам они не нужны, а вам нужны. Берь, конечно. Завтра же налью об этом в главк, пусть разрешит передать».

Но трудно допустить другую мысль, что из главка хотя бы через месяц — другой придет ответ: «Поступайте, как считаете нужным. Вам на месте виднее». Ничего подобного. Из главка обычно отвечали: «Не разрешаем». За короткой резолюцией угадывались мотивы отказа: зачем передавать ценное оборудование предприятию чужого министерства, если оно когда-нибудь может понадобиться в своей системе... Пусть пока по-ложит...

Речь идет не о двух станках. Нет, сотни и сотни неиспользованных станков лежали под сдулом ведомственной разграниченности.

Новая система управления позволяла по-хозяйски перераспределить массу ценнейшего оборудования, материалов, инструментов, проектов. Большая работа по перераспределению проведена совнархозом. И все же она не доведена до конца. Ведь многое из того, что не нужно, например, Рубцовскому заводу тракторного электрооборудования, не нужно и металлжевому комбинату. Оно нужно родственному предприятию, а его нет в крае.

В «Предложениях совещания» об этом сказано коротко: «Для использования наличных ресурсов станочного и технологического оборудования совнархозов Сибири считать целесообразным в кратчайший срок каждому совнархозу, участнику совещания обменяться взаимной информацией и спецификациями неиспользуемого оборудования».

Теперь уже обмениваемся не только информацией. Постоянно проводимся и обмен оборудованием.

Руководить многоотраслевой промышленностью и крупным строительством большого экономического района — дело сложное, трудное. Этого никто, собственно, не оспаривает. Но к созданию учреждения со штатом в 405 человек многие отнеслись с сомнением. Не слишком ли велико, не раздуты ли уже с самого начала штаты? И хотя есть в Барнауле еще более многолюдное учреждение — крайсельхозуправление, мне также показался аппарат совнархоза слишком громоздким. Казался, пока я не познакомился с его работой.

Главными звеньями в руководстве стали отраслевые управления. Между ними поделены 289 предприятий и строки экономического района. Львиная доля в выпускаемой продукции принадлежит машиностроению. И управление машиностроения — самое крупное. Руководит им Ефим Моисеевич Лев, в недавнем прошлом главный инженер завода. Такие же производственники и работники управления. Они выросли не на канцелярских стульях и видят гораздо больше, чем им рассказывает краткая докладная записка или сводка. Они видят завод, чувствуют биение его сердца.

Это не беда, что молодой инженер из отдела главного механика испытывает особое пристрастие к «своему» котельному, а инженер другого отдела — к «своему» прессовому заводу. Важно, что все пристрастны к производству, не потеряли и не могут потерять с ним связей. Этому способствует и заведенный порядок: день в кабинете, два — на предприятии. Многие столы в новом здании поэтому пусты. С самого утра сотрудники управления, получив вполне конкретные задания, едут на предприятия. Чаще всего — не на «свое».

...Часто, очень часто трещат телефоны.

— Слушаю. Да, технический отдел... Хорошо. Только встретимся не в управлении, а у вас на заводе. Договорились? Только давайте не в пять, а в три... Нет, никакой справки пока писать не надо...

Опять телефонный звонок:

— Филиппова нет. Он на геологоразведывательном. Будет в четыре. Позвоните. А лучше приходите. Вместе пройдем к заместителю начальника и сразу решим, чтобы не откладывать в дальний ящик. Расскажите, к стати, о специализации.

Разговоры о специализации возникают часто. Былую разобщенность предприятия не так-то легко преодолеть. Сколько хлопот потребовало одно только объединение производства пластмасс!

Детали из пластмассы получают все более широкое распространение. В одном случае пластмасса выступает как заменитель металла, в другом становится основным материалом, который уже ничем, даже металлом, нельзя заменить. Каждый завод старался шире использовать замечательные свойства пластмассы и наладить их производство «у себя». В конечном счете создавался полукустарный участок, а каждая деталь влетала в

копеечку. Единственный путь сделать выпуск пластмассовых деталей действительно совершенным, дешевым — было создание специализированного производства с высокопроизводительным оборудованием.

Технический отдел совнархоза внес предложение — создать специальный цех. Разумным оказалось основать его на заводе геофизической аппаратуры. Радио завод, аппаратурно-механический, механических прессов и другие передали новому цеху все свое технологическое оборудование для выпуска пластмасс. Пришлось многое усовершенствовать или изготовлять дополнительно.

Незадолго до опубликования Постановления майского Пленума ЦК КПСС «Об ускорении развития химической промышленности и особенно производства синтетических материалов и изделий из них для удовлетворения потребностей населения и нужд народного хозяйства» на заводе геофизической аппаратуры состоялось расширенное заседание совета народного хозяйства.

На заседании было отмечено, что сделан замечательный почин по специализации производства. Осуществить его стало возможным только после перестройки управления промышленностью и строительством. Управление машиностроения сделало это большое дело в короткий срок, причем без затрат государственных средств. Нашлась и производственная площадь, нашлось оборудование, нашлись инженерно-технические работники.

Теперь управлению машиностроения и техническому отделу предстоит позаботиться о расширении и совершенствовании нового производства. Еще не определены с достаточной точностью потребности предприятий в пластмассовых изделиях, еще не полностью изготовлено и смонтировано специальное оборудование цеха, еще не разработана как следует технология производства. Этим «еще» наберется не меньше десятка. Их станет втрое больше, когда будет создана лаборатория и техническое бюро пластмассового производства.

В большой работе по организации нового производства принял деятельное участие инженер совнархоза Алексей Иванович Даровский.

С этим «одним из четырехсот пяти» мне случилось познакомиться довольно коротко. Если, как маршрут поезда дальнего следования, через три обозначить жизненный путь Даровского, он покажется очень обычным: школа — техникум — институт — мастер на заводе — заместитель начальника цеха — заместитель главного инженера — старший инженер технического отдела совнархоза. Но за этим стоит многое и многое. Учился в институте Алексей Даровский и военные годы. Он вспоминает жаркую котельную, из которой попадал в стужу институтских аудиторий, разгрузку пульманов с лесом, которая так же, как и котельная, давала какую-то прибавку к стипендии и продовольственным карточкам. Но ради знаний, ради того времени, когда эти знания можно будет применить на деле, Алексей не остановился бы и перед еще большими трудностями.

А разве легче был другой «перегон» — работа на новом барнаульском заводе?

То, что пришлось менять полученную в институте специальность, — это еще не самое трудное. Труднее далось умение организовать труд на участке, умение работать с перспективой. Молодой мастер пришел не на готовенькое. Нужно было и расширять участок и изменять технологию производства. Но может быть, большая работа, с первых дней выпавшая на долю недавнего выпускника института, и помогла ему сократить время «закалки» в горниле повседневных инженерских забот, помогла приобрести мудрость опыта.

Как бы там ни было, а только уже вскоре Даровского назначили заместителем начальника цеха. Еще одна проверка знаний и опыта — и новое назначение: Даровский — заместитель главного инженера крупного завода.

В ту пору и пришлось инженеру впервые почувствовать, как нужна

предприятию специализация. Выпуск продукции, несвойственной профилю производства, путал все расчеты, все самые смелые технологические планы. Приходилось не столько заботиться о совершенствовании производства, сколько «выкручиваться», чтобы хоть как-то обеспечить план по выпуску важнейших видов продукции.

Специализация. Сколько бумаг об этом было отправлено в министерство, сколько копий сломано в жарких спорах с товарищами-инженерами...

И вдруг неожиданное предложение: не в спорах, не на бумаге, а на деле осуществлять специализацию производства.

Жалко расставаться с родным заводом. Гложет и сомнение: не променяет ли живую работу в цехах и у чертежной доски на нудное кабинетное сидение... Но как отказаться от работы в совнархозе, когда поручают заняться специализацией производства? Нельзя отказаться.

Старший инженер технического отдела Алексей Иванович Даровский не очень-то много времени проводит за столом. Новое дело потребовало постоянного изучения резервов предприятий. Сводки да отчеты тут плохие помощники. Надо знать и заводы и их возможности.

На первых порах пришлось не столько предлагать, сколько присматриваться. Но в руках были сводные предложения заводских коллективов, высказанные при обсуждении тезисов доклада тов. Н. С. Хрущева по перестройке управления промышленностью и строительством. Настала пора осуществлять эти предложения.

Нужны были точные расчеты и обоснования. Одновременно велась и другая работа — составление плана на 1958 год и на семилетку. Техническому отделу необходимо предусмотреть к тому же особый план по новой технике, особый — по внедрению новой технологии, по рационализации и модернизации производства, по научно-исследовательской работе.

Каждый «особый» требует специальных знаний, сбора и обобщения материалов.

Сейчас уже забылось, кто предложил создавать инженерные бригады и поручать им разработку «узловых вопросов», но бригады действуют и сейчас.

Одним из первых «узлов» Даровского оказался комбайносорочный завод. Детальное изучение возможности перевода предприятия на производство унифицированных дизелей было ограничено жестким сроком.

Потом появились другие «узлы».

— Одна из них можно было развязывать, другие — только рубить, — говорит Алексей Иванович. — Сами посудите. Министерства многие годы сплетали сети кооперации и специализации. Пусть не всегда рационально, но производство было налажено. Менять? Переналаживать? Да. Но быстро, а главное, без ущерба, пусть даже временного, для плана.

В отличие от многих работников промышленности, Даровский умеет говорить о самых сложных технических решениях очень просто. Разве только обилие цифр, которыми он пересыпает рассказ, выдает в нем инженера.

— Для того, чтобы наладить специализацию как следует, пришлось сначала заняться той, которая была. Пример? Вот пример — завод геологоразведочного оборудования. Наряду с буровыми станками, которые изготавливаются в основном на металлорежущем оборудовании, завод выпускал вышки и цистерны, требующие котельносварочных работ, и фургоны для специальных автомашин. Выходило так, что завод «специализировался» не по технологическим признакам, а по назначению выпускаемой продукции. И вышки, и буровые станки, и цистерны — все это нужно было министерству, в которое раньше входил завод. Я бы не удивился, если бы завод выпускал за одно и резиновую обувь. Ведь она тоже нужна геологам. Пришлось возвращать заводу его главную технологическую линию. Производство автофургонов, например, передали заводу, которому оно сподручнее — Алтайскому вагоностроительному.

В свою очередь заводу геологоразведочного оборудования по душе пришлось производство дизель-генераторных рам.

Даровский рассказал о некоторых затянувшихся делах. Одно из них мне показалось примечательным неожиданностью затруднений.

Издавна ведется речь о создании предприятия или цеха, специализированного на выпуске крепежного оборудования. Уже одно это мероприятие позволило бы экономить миллионы рублей и многие тонны металла.

Но предприятию нужна производственная площадь? Ее нет. Строить долго и дорого. А нельзя ли найти свободные площади? Оказалось, можно. Две—две с половиной тысячи квадратных метров без ущерба для основного производства можно выделить на гвоздильном заводе. Но завод этот, хотя и находится по соседству с другими, — подчинен, увы, не совнархозу, а управлению местной промышленности...

Предлагали: передайте кроватное производство с гвоздильного завода на предприятия совнархоза, где такое производство освоено лучше, а освобожденную площадь, передайте под метизный цех... Ничего из этого не вышло: действует последний ведомственный барьер. Он пока еще прочно делит на «чужое» — совнархозовское и «свое» — местпромское. Кому он нужен, этот барьер?

Специализация и кооперирование производств внутри экономического района — это только одна сторона дела. Замкнуться в этих рамках просто невысказано. Но только с созданием совнархозов стала явственно видна необходимость тесного взаимодействия множества предприятий в разных концах страны.

Алтай живет пока на привозном металле. И может быть потому на Алтае особенно заметно сказались ошибки некоторых министерств в планировании производства и завоза проката.

Даже предварительные сведения, собранные Даровским и другими инженерами технического отдела, показали, что на большинстве предприятий края пользуются прокатом, имеющим слишком большой запас на механическую обработку. Какая же экономия металла, труда, средств может быть достигнута, если каждое предприятие края будет впредь получать прокат предельно облегченного профиля? Попробовали подсчитать. И вот что получалось.

Облегчение профиля лемешной полосы для завода «Алтайсельмаш» может дать при производстве лемехов, плугов свыше шести с половиной тысяч тонн годовой экономии металла!

Ясно, что совнархоз не мог не обратиться к заводам-поставщикам с предложением учесть возможность резкого облегчения профилей проката.

Инженеры совнархоза уже побывали на многих металлургических предприятиях-поставщиках, чтобы на месте определить ряд новых облегченных профилей и марок металла.

Задумана большая работа. И она одна из очень многих, которые настойчиво осуществляет новый хозяин экономического района — совнархоз.

На заводской окраине

Названия улиц, районов, автобусных и трамвайных остановок — всегда живая история городов. Биржевый переулок — это давний день купеческого Бийска, Промышленная зона — сегодня и завтра социалистического города. Старая Никольская и новая Тракторозаводская — в Рубцовске, какая-нибудь Малая-Олонская и, пусть нелепый, но очень новый Седьмой Заводской проезд — в Барнауле. Все они — как бы старое и молодое поколение наших городов.

По проспекту Калинина идут трамваи и автобусы, минуя один завод за другим. Каждая остановка — новый завод: радиозавод, котельный, механических прессов... Названия остановок новой трамвайной линии, совсем недавно примкнувшей к третьему маршруту, как бы продолжают

традицию: ТЭЦ, завод геофизической аппаратуры, хлопчато-бумажный комбинат, комбайносорбочный завод... Широкий асфальт не может угнаться за ростом новых предприятий. Он обрывается на поллуги, еще не успев шагнуть на все заводские дворы, в кварталы новых жилых домов.

Огромные однорукие краны деловито поднимают контейнеры кирпича и серые плиты железобетонных конструкций. Поточное строительство прочно укрепилось на заводских окраинах, а теперь, тесня приплюснутые домики, разворачивается и в центре города.

Гигантской стрелкой над городом повис вертолет. Он медленно скользит от западной окраины к восточной. Пилоту город представляется огромной строительной площадкой. И чем дальше на северо-восток, тем настойчивее белые и розовые квадраты уже обжитых домов, сменяются красными громадами корпусов строящихся цехов и жилых зданий.

Ангарск привычно называть новостройкой, ведь город появился всего несколько лет назад. Старый Барнаул — сейчас еще большая новостройка.

Первенец промышленной застройки города — меланжевый комбинат — при всем своем размахе уже не может соперничать с младшими братьями, с перспективами их роста. Дело здесь вовсе не в величине предприятия, дело в новизне техники и технологии, в новизне задач, поставленных перед «младшими братьями».

В решениях XX съезда Коммунистической партии, в Постановлении майского Пленума ЦК КПСС указывается на необходимость обеспечить высокие темпы развития химической промышленности. Строящийся, но уже действующий Барнаульский завод искусственного волокна — одно из очень важных звеньев решения этой задачи.

В проходной завода, хотя я шел вместе с директором Василием Ивановичем Воробьевым, у меня придирчиво проверяли пропуск.

Мы прошли мимо множества объявлений, развешанных на дощатых стенах, и оказались на огромном заводском дворе. До химического корпуса, где временно разместилось заводоуправление, шли минут десять по пустырю. Со временем здесь вырастут новые корпуса, а пока громоздятся один на другой большие ящики с оборудованием.

Не знаю, часто ли бывает директор в своем кабинете, но судя по необжитому виду комнаты, не часто. На этот раз он также поспешил:

— Давайте так договоримся: я вам дам товарища, который познакомит вас с нашими работниками и производством, а сам пока пойду на кислотную станцию. Для вас там, пожалуй, ничего интересного нет. А вот вечером прошу пожаловать: потолкуем.

И, уже обращаясь к секретарю, распорядился:

— Пригласите к нам Садомскую.

Вскоре в кабинете появилась девушка. С ее обликом не вязалось серьезное имя Мария Емельяновна, как назвал ее Воробьев. Но именно она должна была «показать» мне химический цех, а потом с «рук на руки передать» руководителям другого производства.

После, когда я много раз побывал на заводе искусственного волокна и хорошо познакомился с некоторыми его работниками, я уже не удивлялся, что цехи завода доверены таким, как Садомская, юным командирам производства. Молодежь — полновластный хозяин этого молодого предприятия. Вчерашние выпускники институтов стали здесь начальниками цехов и производства, выпускникам десятилетки доверены сложные машины и станки.

Многие из этих юношей и девушек считаются на заводе ветеранами. Три — четыре года назад они получили первое вискозное и капроновое волокно. Среди «ветеранов» и сто кемеровских девушек, приехавших на завод после окончания школы и технического училища.

Посланкам Кемерова поручили обслуживать комбайны — трехэтажные великаны-машины. Их называют в шутку искусственными шелкопрядами. Замечательный шелк, который он «прядет» из вискозы, идет на корд для автомобильных покрышек.

Аппаратчики химического цеха Михаил Мельников и Станислав Романов, помощник мастера Михаил Агафонов, отделочница Нина Капустина, крутильщица Валентина Коробкова и Нина Гудкина — все, с кем приходилось мне говорить, большие патристы своего завода, приверженцы новой отрасли народного хозяйства.

— Вы знаете, что такое химия? — Она все может, — горячилась кемеровчанка Мария Полякова. — Вот развернется наш завод на полную мощь — тогда увидите. А придет время не только всякий там корд, капрон, целлофан — ткань без ткачества выпускать будем. Вот так, как сейчас волокно с комбайнов сходит, так пойдет готовая материя, цельновытянутая, не из литочек. А что? Нам говорили...

Девушка, конечно, прихвастнула. Еще не найдено учеными такого способа производства вискозного или капронового полотна, но он, безусловно, будет найден. А то, что мысли, стремления молодежи завода чуть опережают сегодняшней и завтрашний день, разве это плохо?

В то первое мое посещение завода начальник химического цеха Мария Садомская говорила чуть наставительно, стараясь очень популярно рассказать мне, как из вискозы получается шелк. Она водила меня по огромному приготовительному отделу, похожему на склад готовой продукции мелькомбината, — столько здесь было белой бумажной пыли — и показывала грузовые лифты, измельчители вискозы, пневматические передачи. И только узнав, что я немного знаком с заводским производством, оживилась, стала говорить о том, что ее волнует.

— Вы же знаете, наш завод не выполняет плана. Знаете, что при этом всегда ссылка на молодость предприятия. Конечно, нам труднее приходится: предприятие еще не развернулось. Только и других причин много. Вот не ладятся дела, например, с кислотной станцией. Нам больше, чем другим предприятиям нужен постоянный обмен опытом. Большинство из нас, инженеров и рабочих, проходило практику на предприятиях в других городах. Без этого нельзя было обойтись: учились первые шаги делать. Но только тогда мы еще не знали своего предприятия. Теперь практика, мне кажется, нам необходима еще больше. Может быть, не постесняться и пригласить в Барнаул группу инженеров с налаженных производств?

Впоследствии мне еще не раз доводилось сталкиваться с работниками химического и прядильно-отделочного цехов. С чего бы ни начинался разговор, он обязательно сводился ко многим неполадкам на производстве, к большим неиспользованным резервам. Многие из них зависят от руководителей цехов, но многие — от управления химической промышленности совнархоза, от ненадежности материально-технического снабжения завода.

Нет, о руководителях управления нельзя сказать, что они мало внимания уделяют новому производству. Беда в другом: внимание это зачастую заключается лишь в общем контроле. В управлении работают опытные, знающие инженеры, но среди них почти нет «узких» специалистов производства искусственного волокна, способных оказать инженерам завода подлинную творческую помощь в решении сложных задач.

На работе предприятия сказываются и ошибки, допущенные в прежние годы. Кооперирование «по вертикали министерства» привело к тому, что Барнаульский завод вступил в строй без подготовленной близкой сырьевой базы. Пройдет еще немало времени, пока всю целлюлозу будет поставлять предприятие Красноярского края, а может быть и Алтай. Пока же много ее приходится завозить издалека, даже из-за границы. Это для вискозного производства, а для капронового сырье идет из Дзержинска. Пока на заводе работает лишь опытная капроновая установка — с этим еще можно мириться. А вот когда вступит в строй «большой капрон», тогда понадобится близкое сырье. Его должно дать Кемерово. Впрочем, у капронового производства много и других забот.

Опытная установка по производству капрона (это большой цех с

многочисленными вспомогательными службами) двла свою первую продукцию четыре года назад. Творцы ее — многие инженеры, техпики, рабочие прошли школу обучения на предприятии в Клину. Вместе с ними там практиковалась и будущая начальник производства Галина Арсеньевна Коновалова. Выпускнице Ивановского химико-технологического института Коноваловой пришлось начинать новое дело, имея за плечами скромный багаж: теоретический — дипломную работу по капроновому волокну и практический — непродолжительную стажировку на производстве. Теперь Галина Коновалова — опытный инженер и организатор, мечтающий о серьезной научной работе «без отрыва от производства». Да и как оторваться от производства, которому отданы годы упорного труда, столько энергии.

Не понятно, как ухитрилась Галина Арсеньевна втиснуть в свой маленький кабинет письменный стол, диван, шкаф, стулья. Еще непонятнее, как ухитряется она втискивать в свой стол десятки образцов самых различных волокон, намотанных на шпули. Здесь и чистейший шелк, и хлопчатобумажная пряжа, и лучшая шерсть, и разное капроновое волокно — ее детище и гордость.

Сколько труда затрачивают люди, чтобы вырастить хлопок, собрать коконы шелкопрядов, вырастить и остричь тонкорунных овец. Эти затраты несоизмеримы с получением замечательного шелка из нефтепродуктов или каменноугольной смолы. Достаточно сказать, что завод, изготавливающий ежегодно тридцать тысяч тонн синтетической пряжи, производит столько же шерсти (да, шерсти), сколько можно получить от 18 миллионов тонкорунных овец. А затраты труда окажутся много меньше.

Синтетические волокна уже и сейчас успешно используются для изготовления костюмной ткани, одеял, пальто, свитеров. Одежда из синтетических материалов так же мало млеется, как и одежда из натуральной шерсти, но вместе с тем она более прочна.

В текстильной промышленности существуют свои единицы измерения прочности нити — разрывные километры. Это странное сочетание слов обозначает, что та или иная нить, будучи подвешенной, разрывается от собственной тяжести при длине в столько-то километров.

Галина Арсеньевна прямо-таки торжествующе сообщила мне такие сравнимые величины: прочность волокна натурального шелка составляет 27—35 разрывных километров, шерстяного волокна — 11—14, хлопкового — 27—36, а прочность капроновой нити барнаульского производства — в среднем 60 разрывных километров!

Галина Арсеньевна говорит не спеша, заметно, по-волжски, напирая на «а». Кажется, что в ее речи эта буква выделена более крупным шрифтом.

— Подумайте только, какие возможности таит в себе производство материалов из полиамидных соединений! Как только пустим «Большой капрон», начнем и мы широко экспериментировать. Хочется многое сделать. У нас тут многие товарищи заболели «полимерной болезнью» — любовью к синтетическому производству. Думаю, с их помощью получится.

Что должно получиться, Коновалова не рассказывает. Давать авансы рановато. Но время горюпит экспериментальную работу на заводе.

В Барнауле будет создан крупный комбинат резино-технических изделий. Продукция завода искусственного волокна понадобится ему так же, как нужна она сейчас заводам автомобильных и авиационных покрышек. Но пока что на заводе нет постоянной исследовательской работы, возможности повышения прочности кордных волокон почти не изучаются. Между тем инженерам вискозного и синтетического производства, да и самому Василию Ивановичу Воробьеву, который также не уберется от «полимерной болезни», конечно, хотелось бы приблизить науку к своему производству. Государственному комитету по химической промышленности и совнархозу об этом придется подумать.

Подумать следует хотя бы уже потому, что если заводские химики смогут повысить теплостойкость и прочность корда — это даст огромную экономию средств. Ведь прочность покрышек зависит прежде всего от прочности корда. При имеющемся в стране парке автомашин, повышение пробега шин всего на тысячу километров сэкономит государству сотни миллионов рублей.

С организацией промышленного производства синтетических волокон, устойчивых к действию микроорганизмов и бактерий, впервые появилась возможность изготовления прочных негниющих рыболовецких сетей и снастей. Барнаульский завод поставляет Решетихинской сетевязальной фабрике замечательное капроновое волокно высокой прочности.

Мне говорили, что заводские любители рыбной ловли каким-то образом договорились с решетихинцами об изготовлении небольших сетей, чтобы самим «испытать» прочность продукции на Алтайских водоемах. Договор с далекой фабрикой удался, но с местными артелями никаких связей у завода нет.

Много штателя завод передает своим соседям — комбинатам меланжевому и хлопчатобумажному, отправляет крученый шелк на Горно-Алтайскую гардинно-тюлевую фабрику. В порядке опыта использовала в смеси с шерстью капроновый штатель барнаульская салоговая фабрика. Результаты получились хорошие. Валенки с особо прочной влагостойкой нитью беспорно будут лучше обычных. Связи с предприятиями, подчиненными совнархозу, растут. Но по-прежнему искусственный барьер разделяет завод с предприятиями местной промышленности. Тонны многоценных отходов производства поэтому еще не находят применения. Хотелось бы, чтобы большой совнархоз смог перешагнуть этот маленький барьер.

С директором завода обстоятельно побеседовать в тот первый раз мне так и не удалось. Разговор состоялся значительно позже.

У Воробьева много хлопот: завод хотя и действует, но еще строится. И это строительство приносит особые беспокойства. Оно ведется пока слишком медленно. Трест «Стройгаз» не выдерживает установленных сроков сдачи новых заводских сооружений. Со строительством связаны и многие другие тревожения. Проект завода разработан много лет назад. И теперь он оказался ориентированным на технику вчерашнего дня.

На одном из заседаний технико-экономического совета Василий Иванович выступил с серьезным обоснованием необходимости усовершенствования проекта завода. Все должно делаться в расчете на высокую производительность труда, делаться так, чтобы первенец крупной химической промышленности на Алтае мог стать предприятием высокой культуры и большой мощности. Новый завод послужит как бы пробным камнем сил совнархоза.

Со временем завод искусственного волокна превратится в огромный комбинат со многими производствами — кордным, штательным, капроновым, целофановым. Василию Ивановичу не мне первому приходится рассказывать о будущем завода. Но и в десятый и в сотый раз он говорит о нем увлеченно, горячо. Но будущее рождается сегодня. И потому так настойчиво коллектив предприятия стремится ввести завод «в график», отбросить скидку на молодость производства, развернуться на полную силу.

Как и год назад многочисленные предприятия заводской окраины отделены друг от друга улицами и заборами. Но нет уже между ними тех невидимых барьеров, переступить которые раньше почти никогда не удавалось. Пусть еще не решены многие вопросы специализации и кооперирования производства, но то, что сделано — уже пробило уверенный путь для широкого сотрудничества предприятий. Редко теперь не только на краевых, городских, но и на заводских совещаниях выступающие обходятся без ссылки на соседей: их возможности и резервы учитываются

так же, как возможности своего предприятия, если этого требуют интересы дела.

Телефонный звонок даже по запутанным коммутаторным связям Барнаула значительно больше помогает делу, нежели бумага, посланная заповодом к своему соседу, но через Москву. Отношения предприятий крепнут в прямой зависимости от сокращения расстояний этих связей. У меня не было оснований удивляться, когда разговор о перспективах развития завода искусственного волокна неожиданно продолжался на меланжевом комбинате и даже на комбайносорборочном заводе. Один заинтересован в продукции нового предприятия, другой — в общности усилий по улучшению тепло-водо- и электроснабжения.

Когда месяцев девять—десять назад я спрашивал людей с разных заводов о том, что же конкретно изменилось в работе их предприятий после организации совнархоза, они удивленно пожимали плечами: «слишком, мол, быстрого изменения захотел».

Когда я теперь попросил об этом коротко рассказать знакомого инженера с завода механических прессов, он так же удивленно пожал плечами и посмотрел на часы: разве коротко об этом расскажешь. Изменений очень много, а времени до начала цеховой планерки в обрез, даже для простого перечисления не хватит.

Пожалуй, особенно значительны эти изменения на комбайносорборочном заводе. Он стал тем первым звеном, с которого начались многие важные преобразования в развитии промышленности на Алтае.

Многие годы заводы края производят технику для сельского хозяйства. Но у тех, кто ее изготавливает, не было раньше прочной связи с теми, кто эксплуатирует эту технику. Правда, в горячую пору уборки горожane всегда приходили на помощь труженикам полей. Но эти массовые выезды публички на жатву ничего не меняли в развитии самой промышленности. Новые требования села почти не учитывались в работе городских предприятий.

Создание Алтайского экономического района породило заинтересованность в комплексном развитии производительных сил края. Одним из первых начинаний совнархоза было определение путей дальнейшей механизации работ в сельском хозяйстве.

На проведенной крайкомом КПСС, крайисполкомом и совнархозом научно-технической конференции были выявлены многие резервы в этом большом деле. Оказалось, например, что вполне возможно значительно сократить привлечение рабочей силы в период уборки урожая из городов страны и помочь хлеборобам другим путем.

Инженеры и техники комбайносорборочного завода Х. Я. Тейтельбаум, Г. И. Туликин, В. Ф. Любимый, С. А. Соловьев и другие вместе с сельскими рационализаторами создали сцеп двух лафетных жаток с тягой и приводом рабочих органов от одного трактора. Опыт нынешнего года показал, что разделяющая уборка хлебов на полях края сцепами двух жаток позволит высвободить большое количество механизаторов, прицепщиков, а также техники для других работ.

Две жатки вместо одной на буксире трактора — это только часть замысла. А что если и каждый комбайн-подборщик использовать за две машины? И это оказалось возможным. Разработаны приспособления для установки на каждом комбайне «РСМ-6» двух подборщиков. В этом случае комбайн обмолачивает одновременно два сближенных хлебных валка, скошенных сцепом жаток. Проведенные испытания показали — техническое решение верно.

Предприятия совнархоза освоили массовый выпуск сцепок для транспортировки двух жаток одним трактором и перед уборкой урожая снабдили сцепками все районы края. Запевалой в этом деле стал комбайносорборочный завод.

Впрочем, название комбайносорборочного уже устарело. Предприятие

переводится на выпуск иной основной продукции — моторов. Это другое крупнейшее изменение, осуществляемое совнархозом.

В свое время Министерство сельскохозяйственного машиностроения наметило провести серьезную перестройку в тракторостроении. Мысль была правильная: зачем на всех тракторных и комбайновых заводах иметь свои моторные производства? Не лучше ли наладить выпуск унифицированных моторов на одном предприятии для всех заводов, производящих трактора одной системы. Дело это, безусловно, выгодное.

Как обычно в ту пору, решено было создать специальное предприятие. Производство моторов на нем предполагалось кооперировать в рамках министерства. Пусть, мол, восемь заводов в разных концах страны изготовляют узлы моторов, а Харьковский завод их будет собирать. Готовые моторы потом опять пойдут во все концы страны. Все казалось очень правильным и нужным.

Были созданы совнархозы. Первым их стремлением и заботой стало отказаться от дальних экономических связей, от запутанной сети бесконечных встречных перевозок. Осуществляя план строительства моторного завода, этим руководствовался и Алтайский совнархоз. Инженеры совнархоза и комбайносорборочного завода стали искать возможность наибольшее число заказов на узлы моторов распределить по предприятиям края. Завод тракторного электрооборудования теперь поставляет в готовом виде все электрооборудование для дизелей. Многие детали изготовляют барнаульские соседи нового предприятия.

Передав моторное производство специальному заводу, АТЗ и некоторые другие предприятия сельскохозяйственного машиностроения страны смогли резко увеличить выпуск мощных машин, обеспечить удешевление техники.

После памятного собрания в «капитальном бараке» мне довелось побывать на котельном заводе всего два — три. Напрасным было бы искать каких-то внешних изменений. На предприятии все шло своим чередом. Так же, как и в прошлом году руководители цехов и участков при случае упрекали друг друга в задержке поставок, так же в конце месяца устраивались штурмы и авралы. То, что их стало меньше, что завод работает более ритмично, что улучшил многие экономические показатели — это не сразу связывалось с изменением системы управления производством. Нет, сравнительные данные говорили лишь об одном — завод стал работать лучше. Но это могло произойти и при прежних условиях.

Гораздо больше о новом на заводе мне сказали не официальная отчетность, а люди.

Выступая перед участниками первого совещания передовиков промышленных предприятий и строек совнархоза, заместитель главного конструктора Николай Васильевич Павлов говорил, и говорил горячо о том, что волнует коллектив завода, тревожит его, конструктора.

Барнаульский котельный завод уже в скором времени получит заказы на котлы для огромных тепловых электростанций, которые будут работать на угле сибирских бассейнов.

В своей речи на митинге строителей Волжской гидроэлектростанции имени Ленина, тов. Н. С. Хрущев сказал:

«Сейчас мы получаем материальную возможность осуществить идеи Ленина о сплошной электрификации страны. Президиум ЦК партии поручил Госплану и соответствующим органам разработать план сплошной электрификации страны с тем, чтобы осуществить великую мечту В. И. Ленина. Тем самым будет создана мощная база для всемерного развития производительных сил страны. На этой современной базе будет еще более успешно развиваться строительство коммунистического общества».

Тов. Хрушев отметил, что задача более быстрого развития энергетики видна: нет необходимости несколько придержать развитие строительства некоторых гидроэлектростанций. Дело в том, что сооружение гидростанций требует много труда, времени и средств. Тепловые электростанции в этом отношении значительно выгоднее. Широкое развертывание их строительства позволит выиграть время в соревновании с капитализмом, догнать и перегнать Соединенные Штаты Америки по выработке продукции на душу населения.

Проектом семилетнего плана предусматривается перевод Барнаульского завода на выпуск преимущественно крупных котлоагрегатов высокого давления. Причем общий выпуск котлов по перепроизводительности должен возрасти за семилетие более чем в четыре раза.

Разве может такое задание не извлекать конструкторов? Ведь это от их умения, знаний, таланта зависит решение сложных вопросов комплексной автоматизации процессов управления работой котла и не менее сложных вопросов новой технологии производства.

Но на заводе слаба экспериментальная база. Нет ее и в распоряжении совнархоза. С таким положением не могут примириться конструкторы. Они предлагают совнархозу создать научно-исследовательский институт, создать экспериментальные лаборатории на заводах. Нет, это не требование бюрократов, чуть что, так увеличить штаты. — Это обоснованное, экономически выгодное предложение. На котлозаводе создана лаборатория прочности. Исследования, проведенные ею, уже позволили предприятию сэкономить за год более ста тонн металла и создать научную методику расчета, которая теперь принята на всех котлостроительных предприятиях страны.

Сегодня заводу очень нужна котельнотопочная лаборатория.

От Павлова я услышал и еще об одном серьезном затруднении, которое испытывают котельный и другие заводы Алтая. Это затруднение — кадры. На предприятиях постоянно не хватает высококвалифицированных специалистов, с большим опытом работы. В отделе кадров почти любого предприятия сообщают, что большинство инженерно-технических работников имеет стаж от года до пяти лет. Этому есть своя причина.

Помню, в 1953 году приехал на Алтай выпускник Уральского политехнического института. Этого паренька я знал еще по Свердловску. Он очень хотел стать хорошим инженером. Четыре года проработав он на одном из заводов, стал хорошим инженером, выдвинулся. А недавно я узнал, что мой земляк вернулся на Урал: там у него семья, там завод с прекрасным налаженным производством, там он кончал институт и там работают многие его товарищи.

На котельном заводе такие случаи, к сожалению, часты. Приедет молодой инженер, отработает три положенных года, пройдет производственную «обкатку» — и поминай как звали. Завод превращается в своего рода производственную школу для молодых специалистов, приезжающих из западных областей страны. Где-нибудь на Гаганрогском котлозаводе с благодарностью говорят:

— Хороших инженеров нам поставляет Барнаул. Спасибо ему.

Больше года стоит на Ленинском проспекте огромное пустое здание. Оно ждет молодых хозяев-студентов. Но что-то затягивается открытие политехнического института. А институт очень нужен. Местные кадры не будут временщиками на заводах.

У директора завода всегда полно забот. Если просмотреть записки на листках настольного календаря, можно, пожалуй, заранее на месяц вперед составить «новости» каждого дня директора. Новые записки появляются, как правило, утром и в пресмычные часы. Утром приносят почту, проходят планерки, диспетчерские совещания. И то, и другое, и третье оставляет пометки в календаре. Если к концу дня все «сегодняшние» пометки окажутся зачеркнутыми, директор будет очень доволен. Тогда к нему можно обратиться почти с любой просьбой.

Но есть дела, которые не обозначишь никакими пометками. Да и незачем: о них нельзя забыть. Как могло, например, хоть на минуту оставить руководителей завода механических прессов беспokoиство, вызванное неурядицами в планировании. Из министерства того я пляди может прийти пакет с указанием переключиться на выпуск прессов другой мощности. Пройдет полмесяца—месяц и придет другой пакет: переналаживай те производство на выпуск прессов прежней мощности. Все это считается оперативными поправками к плану. Но план от этих поправок трещит по всем швам.

Спорить с министерством, просить планировать строже и продуманнее было нелегко. Ответят, бывало, что сверху виднее, и поторопят с выполнением указания.

С совнархозом и спорить не пришлось. Он сам послал на завод специалистов, помог разобраться в причинах отставания. Выяснилось, что завод в течение одного месяца изготавливал иногда до двадцати различных видов прессов. Нетрудно представить, как отражались и на темпах, и на качестве, и на себестоимости работ эти бесконечные переналадки. От них было необходимо избавиться.

Теперь завод имеет более четкие планы. Технологическую перестройку можно готовить заранее.

Будь написано в календаре у директора завода мехпрессов Леонтия Ивановича Белецкого: «Улучшить планирование», он мог бы теперь вычеркнуть эту запись красным карандашом. Но рано еще вычеркивать другие неделаанные пометки. На заводе много металла идет в стружку, непомерно велики расходы на инструмент и оснастку. Много надо сделать заводу. И мне кажется, резы на станках, формовочные машины, планы на чертежных досках конструкторов — все что послушно рукам и мыслям коллектива завода — это те же красные карандаши. Ими ежедневно вычеркивают «пометки» о неделаанном. Вернее, ими вписывают страницы о больших и малых достижениях. Их с каждым днем становится все больше. Дорога им открыта.

Много предприятий на заводской окраине Барнаула. Много их на окраинах Бийска, Рубцовска и других городов края. Видя этот изумительный рост промышленности, невольно замечаешь, явственно и ощутимо, как смыкаются рубежи эпох, как входит в нашу жизнь завтрашний день.

Бийск — кондовый алтаевский город. Селой стариной веет от уцелевших кое-где древних строений. Но молодость времени одолевает все то, что связано со старым Бийском. И вот морсво грязь исчезает под гризным бульжином, за какой-нибудь день наезженным до блеска тысячами автомобильных шин. От заводских окраин движутся к центру нарядные корпуса жилых домов с асфальтированными подъездами, с телевизионными антеннами на крышах, с голубыми почтовыми ящиками у дверей.

Нет, это не парадокс, не фраза, а закономерность эпохи: старое молодет.

Мне доведется беседовать с бийскими старожилками, и вот что характерно: о недавно построенных заводах, какие преждему купеческому Бийску и во сне не снились, они говорят спокойно, как о том, что само собой разумеется, что уже пройдено. Люди устремлены в будущее. Их думы, их дела устремлены в завтрашний день.

В Бийске тоже есть котельный завод, правда, не такой, как в Барнауле, а поменьше, но тоже большой. Котлы он выпускает тоже поменьше, но все же большие и очень пужные. Их называют энергетическими котлами малой мощности. А помимо этого, завод дает стране дымососы, вентиляторы для шагающих экскаваторов. Строителям «Сталинградстроя» и «Куйбышевстроя» есть за что благодарить бийчан.

Но котлостроители — народ скромный, не кипятятся заслугами. Они мыслями тоже в будущем. А будущее уже на пороге, оно уже предъявляет счет сегодняшнему дню. Пора по-настоящему перестраивать производство на выпуск блочных котлов.

— Замечательная вещь, эти блочные котлы! — говорит молодой старей Михаил Хворостов. — Вы понимаете? Целые котельные агрегаты будут! Котел в собранном виде и в облегченной обмуровке, дутьевая установка, дымососная установка, воздуховоды, газопроводы... Сколько преимуществ! Уже одно то, что для транспортировки удобно, многое значит. Это мы для домостроительных комбинатов делаем, понимаете?

И улыбается милой, душевной улыбкой. Большая это радость — делать что-то хорошее для своих товарищей.

У Михаила Хворостова — интересная биография. Окончил ремесленное училище, пришел на завод токарем. Хмурился, когда не давалось дело, но добивался своего! И вот — одна победа, другая. И вот уже имя комсомольца Хворостова на доске, рядом с именами самых уважаемых людей.

А в 1954 году Хворостов пошел на целину. Это будущее страны, завтрашний день ее властно позвал комсомольца. Веками непаханная земля отваливалась жирными пластами, гудел степной ветер, играя легким брезентом палаток. А потом зазеленели просторы, зайтарились пшеничным разливом. Завтрашний день наступил.

Но будущее все так же властно звало юношу. И вот он в армии, на страже рубежей. А отслужив, снова пришел на родной завод. Кто он теперь? Давайте перечислим.

Передовик производства — это раз. Не только токарь, но и расточник. И еще секретарь комсомольской организации цеха. И еще физорг. И еще учится на курсах шоферов. И еще...

Но хватит, пожалуй, сказанного. Поистине многогранен наш человек, и душа у него — вечно кипящая новыми замыслами, вечно устремленная вперед.

Таких много и на котельном заводе, и на других. В Бийске — десятки предприятий, и все они растут, и о многих из них знают за тысячи километров. Вот завод «Электрочель». Его продукция — печи для термической обработки металла, очень удобные, компактные, заменяющие громоздкие установки.

А мяскоконсервный комбинат! Какой домохозяйке он не известен! Люди здесь мыслят астрономическими величинами. Судите по обязательству: нынче мяскоконсервный комбинат даст полтора миллиона банок консервов только сверх плана.

Развивается промышленность в молодом растущем городе Рубцовске. И здесь у каждого завода есть свои планы, свои заботы. У каждого — страницы трудовых побед. Одна из этих страниц принадлежит комсомольско-молодежной бригаде Крылова с участка блоков моторного цеха АТЭ.

Сейчас нет нужды вспоминать, кто из членов этой бригады бывало выполнял сменные нормы. Дело это прошлое. Теперь таких нет. А началось все с горькой шутки. Крылов похвалил молодого рабочего:

— Молодцы вы с Георгием Радеевым. Всегда норму перевыполняете. Он двести процентов нормы дает, да ты восемьдесят. В среднем по сто сорок на брата получается. Молодцы, право, молодцы!

Сказано это было в обеденный перерыв, при пароде. Охочие на шутку ребята громко рассмеялись.

Паренек, которого «хвалил» бригадир, гулко покраснел, хлебнул воздуха, намереваясь что-то ответить. Не сказав ни слова, он ушел из столовой.

Тогда, смущенно взглянув на товарищей, хлопнул дверью и бригадир.

После смены на участке состоялось производственное собрание. Поначалу оно шло как было задумано. Обсуждали причины довольно частого брака при расточке. Незаметно русло обсуждения изменилось. Стали жарко говорить о «средних показателях». Никто и словом не упомянул незадачливого паренюка и других отстающих рабочих. Напротив, на сей раз обидные слова достались на долю тех, кто имел за плечами рекордную выработку.

Сверловщик А. Надежды так прямо и сказал:

— Потому у некоторых и рекорды, что им все внимание. Кто норму не выполняет, тот пусть сам как хочет выкручивается. А если у человека не получается, если он еще не знает того, что знают наши уважаемые передовики производства? Пусть-ка они лучше помогут товарищам. Довольно нам доску показателей отдельными изменениями украшать.

Решили организовать на участке школу передового опыта, наладить в ней обучение по профессиям. Тем, у кого квалификация повыше, предложили взять шефство над новичками.

Как решили, так и сделали. Георгий Радсев и его подшефный выполняют свои нормы в среднем на 200—220 процентов. Перевыполняют нормы и все рабочие бригады. Вместо 43 блоков бригада каждую смену сдает 50—60 блоков.

Бригадой, подобной бригаде Радсева, сотни на заводах и стройках края.

А как горячо поддерживали молодые патриоты зародившееся в стране замечательное соревнование за право именоваться бригадами коммунистического труда. «Работать и жить по-коммунистически!» — с этим лозунгом выступают передовые производственные коллективы в семилетку новых побед.

* * *

Время летит непостижимо быстро. И это потому, что в нашей стране за годы делаются дела столетий. Кажется, еще совсем недавно народ обсуждал вопросы перестройки управления промышленностью и строительством. А теперь уже всем видны весомые плоды проведенной перестройки — резкий рост производства.

Наша жизнь не знает застоя. Партия неуклонно ведет народ вперед. На смену одним, уже решенным задачам, приходят другие, еще более грандиозные и увлекательные. Каждый наш шаг в развитии экономики и культуры страны — это шаг к коммунизму.

В вынесенных на всенародное обсуждение тезисах доклада тов. Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы», говорится:

«Советский народ, сплоченный вокруг своей Коммунистической партии, достиг таких вершин, осуществил такие грандиозные преобразования, которые дают возможность нашей стране вступить теперь в новый важнейший период своего развития — период развернутого строительства коммунистического общества. Главными задачами этого периода будут задачи всестороннего создания материально-технической базы коммунизма, дальнейшего укрепления экономической и оборонной мощи нашей Родины и одновременно все более полного удовлетворения растущих материальных и духовных потребностей советского народа. Это будет решающий этап соревнования с капиталистическим миром, когда практически должна быть выполнена историческая задача — догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения».

Мечта человечества — коммунизм уже не является только мечтой. Партия начертала перед народом величественный план коммунистического строительства, ведет по пути к заветной цели.

В контрольных цифрах семилетнего плана производство средств производства намечается увеличить примерно на 85—88 процентов; производство предметов потребления намечается увеличить примерно на 62—65 процентов. Таких темпов еще не знала история!

О величии планов говорит каждая цифра в тезисах доклада. Взяв хотя бы показатель по капитальным вложениям в строительство. Объем государственных капитальных вложений возрастет за 1959—1965 годы в 1,8 раза в сравнении с предыдущим семилетием и будет почти равен объему капитальных вложений в народное хозяйство за все годы существо-

нования советской власти. Особенно быстро и широко развернется строительство в восточных районах страны.

К примеру, в Алтайском экономическом районе в предстоящей семилетке намечается увеличить объем валовой продукции машиностроения и металлообработки более чем в два раза. Одно машиностроение будет в 1965 году выпускать по объему почти столько же продукции, сколько ее выустят в 1958 году все вместе взятые предприятия Алтайского совнархоза.

Большой прирост продукции должен быть получен главным образом за счет технической реконструкции действующих предприятий, обновления и модернизации оборудования, механизации и автоматизации производства.

Грандиозны наши планы! Невольно вспоминаются вдохновенные слова поэта:

Я
 планов наших
 люблю громаде,
размаха
 шаги саженья.
Я радуюсь
 маршу,
 которым идем
в работу
 и в сраженья.

Планы семилетки грандиозны. Но в смелости и энергии, с которой советские люди берутся за их осуществление — залог выполнения самых дерзких замыслов.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. КАЗАНЦЕВ

О ТВОРЧЕСТВЕ А. М. ДЕМЧЕНКО

За годы советской власти наша литература достигла громадных успехов. В ней утвердился метод социалистического реализма, который обеспечивает дальнейший ее подъем. На весь мир прозвучал голос мастеров советской литературы М. Горького, В. Маяковского, М. Шолохова, Л. Леонова и многих других. Растут и крепнут литературные силы в союзных республиках, краях, областях и автономных республиках Российской Федерации.

Героем советской литературы стал новый человек, человек эпохи социализма, борец за торжество коммунистических идеалов. Ему принадлежит светлое будущее, и наши писатели со всей страстью утверждают это в своих произведениях.

Успехи советской литературы достигнуты благодаря тому, что на протяжении всей ее истории ею руководит Коммунистическая партия Советского Союза, которая постоянно проявляет заботу о развитии искусства нашей Родины. Писатели нашей страны считают себя помощниками партии в борьбе за построение коммунистического общества и рассматривают свое творчество как составную часть общенародной борьбы за коммунизм.

Коммунистическая партийность нашей литературы предоставляет художникам слова неограниченные возможности для проявления своего та-

ланта, для создания разнообразных по жанру и стилю художественных произведений. Это объясняется тем, что цели и задачи Коммунистической партии, выражающей жизненные интересы народа нашей страны, являются также целями и задачами советских писателей, у которых нет и не может быть иных стремлений, кроме самоотверженного служения своей Родине, своему народу, строящему коммунистическое общество.

Советские писатели понимают большое значение призыва нашей партии ближе стоять к жизни народа, который нашел выражение в выступлении Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». Это обеспечит дальнейший подъем нашей литературы, даст возможность избежать ошибок в художественном творчестве, усилит роль советского искусства в борьбе за коммунизм.

О благотворном влиянии политики Коммунистической партии на художественное творчество, на развитие советской литературы свидетельствуют также успехи литературного движения на Алтае, где за последние семь лет выросла своя писательская организация.

Творчество писателей Алтая ждет еще своего критического разбора. В данной работе предпринята попытка проанализировать произведения А. Демченко, писателя, вступивше-

го в литературу в послевоенный период.

Имя А. Демченко стало известно читателю с выходом в свет его первого сборника повестей и рассказов «Шаргайта», изданного в Барнауле в 1952 году. Эта книжка посвящена простым и скромным людям советской деревни, их нелегкому, самоотверженному труду.

В 1954 году в Барнауле вышло из печати новое произведение А. Демченко — роман «Чуйские зори», который был хорошо встречен читателями и переиздан в 1956 году. В этой книге автор рассказал о жизни алтайского народа, о борьбе животноводов за подъем социалистического сельского хозяйства, за создание и разведение новой породы коз-пухляков.

В 1957 году в Барнауле вышел в свет второй роман А. Демченко «На стреминие». Это произведение посвящено современной колхозной деревне. Писатель нарисовал широкие картины борьбы колхозников под руководством Коммунистической партии за дальнейшее развитие сельского хозяйства. Он показал пафос труда сельских труженников, раскрыл высокие моральные качества советского человека.

Александр Михайлович Демченко родился в 1914 году, в Иркутске. Его отец, работавший по найму, в начале первой мировой войны был мобилизован в армию. Семья переехала в Алтайский край. Детство будущего писателя прошло в поселке Троицком, на лоне живописной природы предгорий Алтая. Здесь же он окончил семилетнюю школу.

А. Демченко рано начал увлекаться литературой. Он много читал, пробовал писать стихи. Но, по призванию самого автора, его поэтические опыты были беспомощными и слабыми.

После окончания 8 класса в Барнауле А. Демченко поступил на двухмесячные учительские курсы в Бийске. Окончив их, два года работал учителем начальной школы в селе Точильном, Смоленского района.

До начала Великой Отечественной

войны Демченко учительствовал, затем был директором семилетней школы в селе Песчаном, Смоленского района. Одновременно с этим он учился в Томском педагогическом институте на заочном отделении языка и литературы.

В 1941—1945 годах А. Демченко служил в Советской Армии, принимал участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками, был удостоен четырех правительственных наград. На фронте в 1944 году он вступил в члены Коммунистической партии. В составе наших войск побывал за границей — в Румынии, Венгрии, Австрии и Чехословакии.

После войны А. Демченко вернулся на Алтай и с этого времени, за исключением нескольких лет, когда он был директором Солоновской семилетней школы, Смоленского района, работает корреспондентом краевой газеты «Алтайская правда». С 1956 года Демченко член Союза советских писателей.

Профессия журналиста дала Демченко богатую возможность познакомиться с жизнью сельских труженников. Он пишет о них и печатает в «Алтайской правде» статьи, очерки. В эти годы он стал серьезно задумываться о литературной деятельности, и у него появился замысел широко показать простых, скромных труженников села, их нелегкий, героический труд. Так родился сборник повестей и рассказов «Шаргайта».

В этот сборник вошло три небольших по объему повести — «Шаргайта», «Марника», «Высокое поручение» и два рассказа — «Обыкновенная история» и «На пароме».

Давшая название сборнику повесть «Шаргайта» отображает труд овцеводов Горного Алтая, создающих новую породу овец.

Автор показывает ломку старых представлений о животноводстве, утверждает способность человека управлять природой, создавать новые породы животных и виды растений.

Санаш Ялатов — знатный колхозный чабан. Он десятки лет пасет отару рядом со своим другом Барлаем Ачубаевым. Санаш привык к тому, что он, как и Барлай, ежегодно добивается хороших производственных показателей. Он доволен своей рабо-

той, и ему кажется, что большего желать нечего.

Но вот на одном из областных совещаний его дочь зоотехник Майя заявила, что показатели работы отца и других передовиков не могут удовлетворить колхозников. И она предложила вывести новую породу овец.

Санаш считает, что дочь опозорила его. Он не верит, что можно вывести новую породу животных. Однако у Майи появился неожиданный союзник. На сочинском курорте Санаш познакомился с садоводом Макаром Калининковичем. Новый знакомый рассказал ему, что живет и работает на Кольском полуострове, выводит там новые сорта яблок, винограда.

Слова Макара глубоко запали в душу Санаша. Вернувшись домой, он резко изменился, стал читать книги. Вооруженный определенными знаниями, он под руководством своей дочери выводит новую породу овец. Ему пришлось преодолеть немало препятствий на пути к желательным результатам.

Счастье творчества пришло к Санашу через колхоз, который дал ему и материальное благополучие, и новую культуру. Только в артели чабан познал радость коллективного труда. Он понимает, что его личное благополучие зависит от благополучия родного колхоза, и поэтому ставит общественные интересы выше личных. Не жалея своего имущества, рискуя жизнью, он защищает колхозных ягнят, когда в голодную зиму па стоянку нападает волчья стая, чабан поджигает собственный дом, чтобы отогнать волков и отстоять ягнят. Дело, которому Санаш отдает все свои силы, знания, способности, стало для него дороже самой жизни.

Автор раскрывает новые качества характера человека, которые сформировались при Советской власти в условиях колхозного строя, — высокое чувство дружбы, преданность, взаимопомощь. Долгие годы дружбу Санаша и Барлая ничто не омрачало. Но когда Санаш стал читать книги, занялся выведением новой породы овец, Барлай начал относиться к нему с недоверием, опасаясь, что Санаш добьется большой славы, почета. И действительно, Са-

наш, достигнув цели, зазнался. Это надело Барлая. Однако он не изменяет своему другу, приходит к нему на помощь, когда Санаш оказался в тяжелом положении, спасая ягнят от нападения волчьей стаи.

В коллективном труде, в общей борьбе духовно растут и освобождаются от пережитков прошлого Санаш и Барлай. Единство интересов укрепило их дружбу, и они вместе поселились в новом доме, который помог им выстроит колхоз.

Автор рисует образы молодых людей — комсомольцев зоотехника Майю, чабана Мурата. Майя явилась инициатором выведения новой породы овец, ее поддержал Мурат. Верлн успех, упорство в достижении поставленной цели — вот черты их характера.

Молодых людей связывает дружба, перерастающая впоследствии в любовь. К сожалению, писатель скупо показывает зародившееся чувство, переживания героев. И этим лишает себя возможности более глубоко раскрыть их внутренний мир.

Неудачен образ секретаря райкома партии Багирова. Он схематичен, невыразителен. Это произошло потому, что автор не сумел заставить Багирова активно действовать, Багиров выглядит пассивным наблюдателем, который появляется на страницах произведения только для того, чтобы произнести слова одобрения, поддержки.

В повести есть и критическое начало. А. Демченко верно подметил в жизни и передал в этом произведении черты бюрократического стиля в работе председателя колхоза Ешева, человека, боящегося всего нового.

Несколько замечаний о художественных особенностях повести. Создавая образы, автор широко пользуется портретами, которые помогают ему раскрыть характеры героев. Чтобы подчеркнуть негибкость воли садовода Калининковича, писатель противопоставляет его «маленький рост» той решительности и настойчивости, которой отличается опытник, выделяет его «сердитые, острые» глаза, «лохматые брови».

В повести «Шаргайта» автор сумел передать красоту пейзажа Горного Алтая, которая как бы сочетается с

духовной красотой героев, подчеркивает, оттеняет ее.

Повесть состоит из 14 глав. Зачастую отдельная глава представляет собой соединение нескольких небольших не связанных друг с другом сценок. Эта дробность лишает повесть ясности, стройности. Вот, например, 6 глава. По объему она занимает немногим более страницы, однако состоит из двух сценок. В первой говорится об отношениях Санаша и Барлая, о их встрече. Во второй рассказывается о ссоре Барлая с сыном Муратом.

Простым труженикам села, их жизни, работе посвящена и вторая маленькая повесть сборника Маринка».

Маринка — молодая телятница. На первый взгляд, она работает, как и все ее подруги по ферме. Но результаты у нее иные. Она добилась того, что привесы телят, за которыми она ухаживает, самые высокие в районе. В чем же секреты ее успехов? На этот вопрос не может сразу ответить даже сама Маринка. «Тут ошибка, может, — тихо пролепетала она. — У девочек все так же... А я — победитель...»

Когда Маринке поручили выступать с лекцией об опыте своей работы, она задумалась: почему же у нее лучшие показатели? Она говорит Стеше Рябцевой, секретарю комсомольской организации, которая помогает ей готовить лекцию: «...Подумай сама: рацион у нас по всей ферме один? Один. Режим один? Один. Правила ухода одни? Одни. Какие же тут могут быть секреты?» — «И все-таки телята у тебя лучше по району. Объясни, почему это?» — «И правда: почему?» — задумалась Маринка.

Только с помощью зоотехника Петрова Маринка смогла разгадать «секреты» своей работы. И она начинает с любовью рассказывать о них Стеше. «Вот взять Светлого... Если его поднять утром раньше других телят, хоть на пять минут, станет ходить, капризничать, фыркать — не ест и все тут... А когда видит, что сосед ест, у него разгорается аппетит, и тогда — за мое почтенное!.. Вот еще, когда раздаешь пищу, всегда помни, кто у тебя и как ел вчера

или в последнее кормление... Например, один плохо ел комбикорм, другому отвар не поправился и наоборот... Вот, например, обращение взять. Некоторые девушки так делают: одной рукой ласкают телка, а другой тут же и отлупят его... Я заметила: очень запоминают это и не прощают телята. Или вот закалка... Ну, ты знаешь это. Девушки не всегда любят купать телят, они у них как-то и отбиваются от этого, а мы так привыкли к купанью, что с удовольствием идут... или «взять прогулку...»

Маринка не стремится к славе, держится просто, скромно. В своей лекции она говорит не только о себе, но и подчеркивает помощь, которую ей оказывают колхозницы: «А вот тетя Даша говорит... Это же правильно! Как мы... не могли догадаться!... Вот тетя Даша подсказывает: плетите намордники! Что прощето? Сколько часов будет свободных у доярки!.. Так что... вам спасибо, а не мне...» — «Не приbedняйся, деваха», — крикнула Дарья Самоуцкая, пожилая колхозница в синем платке, которую Маринка называла тетей Дашей».

Скромность, трудолюбие — это яркие черты характера Маринки, свойственные нашей сельской молодежи. Они могли появиться только при колхозном строе, когда общественные и личные интересы нераздельно связаны.

Радость труда Маринки автор подчеркивает описанием светлого чувства, которое зародилось у нее к Косте, колхозному механизатору. Демченко находит художественные детали, которые глубоко раскрывают любовь молодых людей, наполняющую их жизнь счастьем.

Костя любит Маринку, но не говорит ей об этом. Перед отъездом на курсы машинистов самоходных сенокосилок, он в том месте, где Маринка ходила к реке Быстринке и на ферму, сделал шлаковую дорожку. «Через несколько дней, когда у Быстринки стало грязно, обнаружила Маринка шлаковую дорожку. То ли дед Васена насыпал, чтоб на речку ходить руки мыть, то ли еще кто, но не было этого раньше... Узнав от Стеши Рябцевой, что эта дорожка

насыпала Костей, Маринка счастли-
во улыбнулась, закрыла глаза и об-
няла подругу. Так, обнявшись, и по-
шли они по берегу. Чистым, сильным
голосом Маринка затянула песню.
Стеша подтянула. И полетела песня
над рекой...»

Однажды Маринка, собираясь на
учебу в город, сказала Косте: «Го-
ворят, какой-то новый учебник есть
по зоотехнии, а я его и не видела».
Костя промолчал, и Маринке стало
досадно. Она говорит Стеше: «Не
пойму я его...» Но ей все стало ясно,
когда Стеша рассказала о встрече с
Костей: «Костя-то что делает!.. Трид-
цать пять тектаров в день вместо
двадцати запланированных... Вчера
была на его самоходке... Как угорел-
ый! Еду, говорю ему, в город, прав-
ление командирует за литературой.
Привет, может, кому передать? У те-
бя там теперь, наверное, знакомых
много! Как взглянет на меня, так и
думала, стукнет, честное слово.
С полчаса молчал, а потом остано-
вил на повороте машину и говорит:
«Обойди все магазины, все киоски, но
учебник новый по зоотехнии привези
мне! Вот моя, говорит, просьба». Не
поиняла, зачем ему-то этот учебник
неиздобился. Чудит парень!»

И только теперь Маринка оконча-
тельно убедилась, что Костя любит
ее: «Маринка быстро взглянула на
Стешу, схватила ее за плечи и, сме-
ясь, бросилась целовать. Смех ее был
какой-то особенный. Будто из само-
го сердца выходит он, и смеялась не
Маринка, а оно, сердце. Встали пер-
ед ее глазами краснота, почки в
пуху, долина, широкий тракт, над
которым в проваде бродил кто-то
невидимый и шевелил их, и звенел
ими. И всюду солнце, солнце...»

Так, через эти детали — шлако-
вую дорожку, которую проложил
Костя, его просьбу купить во что бы
то ни стало новый учебник по зоо-
технии, — автор показал любовь мо-
лодого механизатора к Маринке.

Писатель обладает способностью
создавать портреты героев несколь-
кими штрихами: «Фея Жданова,
полная белокурая, с ямочками на
щеках, поправила на голове полуша-
лок, посмотрела в маленькое круг-
лое зеркальце и вздохнула глубоко».
За этой портретной характеристикой

зримо выступает молодая телятница.
А вот, например, как писатель созда-
ет портрет председателя колхоза:
«Иван Семенович, грузный, заметно
задышающийся, облокотился на стол,
смеется... Глаза блестят, хорошие, ве-
селье, но шибко, кажись, усталые.
Почему иногда от одного такого
взгляда становишься будто дома —
спокойным, уверенным? Такой взгляд
и был у Ивана Семеновича. Сразу
просто и легко стало Маринке. И ког-
да он обратился к ней, она даже
почуть не оробела».

Но иногда автор при создании
портрета пользуется одними и теми
же приемами, и тогда у него герои
бывают похожими друг на друга.
Например, охотник Машык Тутку-
шев был «высокий и сухой старик»
(«Шаргайга»), сторож Лукьянич —
также «высокий, худой старик», за-
меститель председателя колхоза Ко-
ней Степанович Перемышка «был,
человек высокий...» («Маринка»).

Композиция повести «Маринка» от-
личается своеобразием. В раскрытии
отношений Маринки и Кости нет по-
следовательности. Читателю в начале
повествования не ясно, кто такой
Костя, какие у него отношения с Ма-
ринкой, почему и куда он уехал. Все
это, естественно, заинтересовывает.

О творческом труде простых,
скромных труженников села, их ду-
шевной чистоте и стремлении как
можно больше принести пользы род-
ному колхозу, о больших достиже-
ниях в деревне говорится также в ко-
ротеньком рассказе «На пароме».

Фрося Белкина, героиня этого рас-
сказа, — садовод сельхозартели «Вер-
ный путь». Она влюблена в свою
профессию, отдает ей все силы.

Девушка жадно тянется к знаниям.
Собираясь в город на совещание са-
доводов, где должен быть знамени-
тый садовод — ученый Михаил Аф-
анасьевич Лисавенко, она думает:
«Вот и спрощу обязательно... Спро-
шу, почему нынче сеянцы яблонь у
меня не удались... Может, все это
просто, а я и не знаю».

Фрося радуется стремительному
ритму жизни, понимает, какие боль-
шие перемены произошли в нашей
стране. Во время поездки в город
она думает: «Как это раньше ездили.
Сотни лет... Шажком и рысдой мел-

кой. Как ездили, так и жили — вразвалку, не торопясь».

В алтайской деревне, которая раньше, до Советской власти, была глухой, темной, произошли большие изменения. Не стало теперь «медвежьих углов». Колхозы дали крестьянам обеспеченную, культурную жизнь, открыли перед ними безграничные возможности для творческого созидательного труда. Народ, освобожденный от эксплуатации, уверенно идет вперед, добиваясь все новых и новых успехов.

Эти достижения сельских тружеников А. Демченко показывает в рассказе «Обыкновенная история». Капитан танковых войск Николай Прибытков, когда-то бывший тракторист, приехав в родную деревню в отпуск, замечает большие перемены. Раньше в селе был только один колесный трактор. Теперь же на колхозных полях Прибытков видит новую сложную технику. Он радуется тому, что и его родном селе появился мост через реку Землянушку, колхозный пруд, ветродвигатель, о котором дед Матюша говорит: «Умнейшая выдумка: солому режет, качает воду по чеш зря...»

Писатель подчеркивает, что Николаю Прибыткову, воину Советской Армии, дороги, близки, милы колхозная жизнь, свободный труд, счастье односельчан... Его интересы — это интересы трудящихся, которые он охраняет. В этом его кровная связь с народом, в этом его сила.

Описывая незначительный случай по время охоты, автор вкладывает в него глубокое содержание, раскрывает характер Николая Прибыткова. Недалеко от места, где Прибытков и дед Матюша устроили засаду на козлов, поднимают зябь колхозные трактористы. Три ночи охотники проводят в засаде безуспешно. И вот наступила четвертая. Перед рассветом до Николая донесся какой-то необычный гул одного из тракторов, и ему показалось, что «с мотором что-то творится неладное». Вскоре появились козлы, пришла долгожданная минута. Прибытков поднимает ружье и вдруг в этот момент «вздрогнул: мотор работал с перебойми... «Стучит! — молнией пронеслась мысль. — За один гон... Сейчас полетит колес-

чатый...» Капитан поднимается во весь рост и, подняя на себя и раскидав шалашик, выскакивает навстречу машине. «Стой! Глуши! — кричит он трактористу... — Подшипники... Неужели не слышишь?.. Бьет, точно молотком по сердцу, а ты и не расстраиваешься... Давай ключи. Слазь».

Ночь прошла не даром, хотя охотники и возирались с пустыми руками. Это автор передает в коротком, выразительном диалоге между трактористом и дедом Матюшен: «Зарень виновато опускает голову. «Вы уж меня извините, что испортил вам охоту... что опять зря пролежал!» — «Как это зря! — вскрипел вдруг старик. — Ты думаешь, что говоришь такое! Зря!.. Ну, не будь нас... с Николаем Терентьевичем, чтоб ты тогда?.. Что с твоей машиной стало б? С планом по зяби для колхоза?» — «Это верно... Выходит не зря. Спасибо...» — «То-то, голова!»

Первые повести и рассказы А. Демченко посвящены не только мирной жизни народа, но и его героическому подвигу в период Великой Отечественной войны, участником которой был сам писатель. Такова маленькая повесть «Высокое поручение», героем которой является рядовой советский воин Иван Гудзя.

Автор показывает духовный рост молодого солдата, его освобождение от пережитков буржуазного общества и усвоение новой, социалистической морали.

Иван Гудзя до 1939 года жил в Западной Украине, усвоил взгляды, мораль старого мира. Освобождение Советской Армией Западной Украины дало Ивану возможность приобщаться к новой культуре. Но этот процесс ломки старых представлений в мирных условиях продолжается недолго: в 1941 году началась война. Иван Гудзя оказался в Советской Армии, попал на фронт, где постепенно превратился в сознательного, самоотверженного бойца.

Огромное влияние на формирование характера Ивана оказал воинский коллектив, коммунисты, которые настойчиво и терпеливо воспитывали его. Вначале разведчики смотрели на Гудзя, как на «отсталого элемента». Молодой солдат много-

го не понимал, не знал. Когда его, например, спрашивали, почему только советскому народу оказалась под силу борьба с немецко-фашистскими захватчиками, он отвечал: «Того не знаю... И правда, отчего? — с любопытством оглядел он ребят». Его не интересовали читки газет, он сомневался, что советские люди на свои сбережения в годы войны могли купить для воинов танки, самолеты, не доверял сообщениям печати.

Первым обратился на Ивана внимание командир взвода разведки коммунист старшина Никита Улыбин. «Ничего, — подумал Никита, следя за его «штатским» шагом. — Выправится... А разведчик добрый будет... Главное, чтоб не трус был, а выправки сержант Супрун в два счета добьется». Когда Улыбин поделился своим мнением о Гудзе с парторгом Буниным, тот дал ему высокое поручение — воспитать нового человека.

Улыбину пришлось много повозиться с молодым разведчиком, чтобы выполнить это поручение. Никита потребовал от разведчиков относиться к Ивану без насмешек, по-товарищески, беседовал с ним самим, разъясняя непонятное, рассказывая правду о советской жизни, о борьбе народа с врагом.

Воспитательная работа коммунистов, влияние коллектива помогли Гудзе стать настоящим советским человеком, мужественным, сознательным воином, который ненавидит врагов. После войны Иван у себя на родине становится председателем колхоза. Он предан партии и настойчиво осуществляет ее политику.

Автор сумел показать противоречивость, сложность характера Ивана Гудзы, ломка которого проходила в острой борьбе, в столкновениях старого и нового. Гудзя с трудом освобождался от частнособственнической морали, которая нет-нет да и проявлялась.

А. Демченко создал правдивый образ командира Советской Армии Никиты Улыбина, который предан родине, храбр в бою, успешно выполняет боевые задания, за что награжден тремя орденами. К своим подчиненным Улыбин относится заботливо, но в то же время требовательно.

Солдаты его любят. Гудзя о нем пишет своей сестре: «Еще, Олена, сообщая о чловике, которого хобаю пуше себя. Вин вадо мной шеф. Поклон от него. Вин и карточку твою и своей сумке бережет...»

Никита любит родные алтайские поля, часто о них вспоминает на фронте, мечтает стать комбайнером. Он верит, что скоро советский народ одержит победу над фашистами, и тогда он вернется домой к мирному труду. «Мы еще поживем, Иван... Поработаем... — говорит он своему товарищу.

Улыбин отстаивает дело мира, верит, что после войны народ пойдет «на невиданные дела». На борьбу его вдохновляет идея мира, защиты Родины от нападения врагов: «Я про себя скажу: был я их, фашистов, много, три ордена боевых имею.. А почему? Потому — не тревожь нашу мирную жизнь!» В этих словах выражены стремления советских людей к миру, их воля дать сокрушительный удар по любым агрессорам.

У Никиты большое, нежное сердце. Ему пришлось по душе сестра Ивана Гудзы — Олена. Ее портрет, вырезанный из газеты, старшина хранит в своей сумке. Рассматривая его, он вспоминает то, чем жил до войны, что ему так дорого: «От ее больших веселых глаз, от смелого разлета тонких бровей и всей ее фигурки... пахнуло на старшину будто дуновением легкого ветерка, забытыми прелестями сельского вечера, запахом полей, ласковым перебором гармошки и отголосками девичьей песни...» Он рад приветам, которые передает ему Олена в письмах брату. После войны Улыбин встречается с Оленой, его чувство крепнет и перерастает в любовь. Читатель верит, что эти два человека нашли счастье.

В повести автор попытался создать положительный образ парторга Бунина, «спокойного, угловатого человека, лет сорока пяти, металлурга с Кузбасса». Но его постигла неудача. Демченко не сумел нарисовать правдивый характер воспитателя воинов. Бунин, вместо того, чтобы самому активно вмешиваться в жизнь, проводить беседы с солдатами и оказывать на них личное влияние, только поучает. Вот, например,

он говорит Уайбину, как нужно воспитывать Ивана Гудзю: «Учите его этой священной ненависти. Вызовите ла откровенный разговор о себе... О зверствах оккупантов в их край пусть скажут... о великом русском народе-богатыре, о его вождях... Это, песомненно, большая работа. Помогу. Вышлю комсорга с беседой... Вот ты — коммунист. Пусть будет тебе партийным поручением воспитание этого человека другой эпохи... Ты учи: процесс неровоситания у него должен пойти значительно быстрее. И знаешь почему? Потому, что ему-то придется идти по проторенной дороге... Всюду среди наших людей он будет видеть образец для себя». Такие «поучения» ни в какой мере не раскроют образ коммуниста-вожака.

Художественные достоинства повести снижаются неясными описаниями боевой обстановки, местности, на которой происходит действие. Почти невозможно представить обору противника, расположение наших войск, и читателя охватывает чувство досады.

В повести встречаются противоречия. Так, в одном месте автор говорит, что «ранило... Гудзю в левое плечо», а в других читаем: «Гудзя, выставив заглпсованную погу, сидел на скамье...», «Гудзя, демобилизованный тоже по тяжелому ранению (кость левой ноги так и не срослась правильно. Ходит теперь Иван немного прихрамывая)».

В языке повести встречается неяривлиность. Видно, что автор мало внимания уделяет его шлифовке, не стремится добиться точности, простоты, выразительности. Можно прочитать такие фразы: «Только по горящим щекам да тепло искрящимся глазам можно понять, каково состояние душ провожающих и отъезжающих», «...сказал он, лохматы свои квадратные вылинявшие брови». Писатель употребляет однообразные словосочетания, повторения. Так, в одном месте написал: «Никита опять бесмысленно промышчал что-то...», в другом — то же самое: «Никита обомлел. Помычал что-то». Или вот еще: «То Галина Петровна? — волнуясь почему-то, спросил Гудзя». «Галина Петровна подошла, оглядела гостей, вслыхнула почему-то...»

В первой книжке повестей и рассказов, несмотря на отдельные недостатки, А. Демченко создал запоминающиеся образы простых сельских труженников: чабанов-алтайцев Санаша Ялатова, Барлая Анубасева, молодой телятницы Маринки Озерновой, колхозного садовода Фроси Белкиной, воинов Советской Армии Николая Прибыткова, Ивана Гудзи, Никиты Уайбина.

Писатель тесно связан с жизнью колхозного крестьянства, и в этом источник его вдохновения, сила творчества. На основе метода социалистического реализма он правдиво отображает советскую действительность, служит интересам своего народа, помогая партии в коммунистическом воспитании трудящихся, в идеологической борьбе нового со старым.

II

Обращение к теме жизни алтайского народа стало традицией русских писателей Сибири. В этом проявляется дружба двух братских народов нашей страны. Борьба алтайского народа за свое счастье нашла отражение в произведениях писателей-сибиряков старшего поколения Ильи Андреевича Мухачева, Афанасия Лазаревича Коптелова.

В поэме «Демжай-алтаец», написанной в 1939—1941 годах, Илья Андреевич Мухачев рисует, как забитый, темный алтаец Демжай под влиянием русского революционера Егора превращается в сознательного борца. Алтаец вступает в красивый отряд, чтобы сражаться за дело Ленина.

Если И. Мухачев нарисовал картины жизни угнетенного народа и его борьбы в период революции, то А. Коптелов в романе «Великое копьё» показывает острую классовую борьбу алтайской бедноты со своими угнетателями в первые годы Советской власти. Создание алтайского колхоза «Светает», раскрепощение женщины-алтайки, рост новой культуры, улучшение условий жизни, дружба алтайцев с русскими, роль русского народа в победе алтайского народа над своими врагами — все

это нашло правдивое, яркое отражение в романе «Восточное кочевье».

Традицию писателей-сибиряков старшего поколения продолжают писатели младшего поколения, одним из которых является А. Демченко. Кроме повести «Шаргайт», современной жизни алтайского народа посвящено его другое крупное произведение — роман «Чуйские зори».

В «Чуйских зорях» писатель парировал широкую картину колхозной жизни алтайского народа, показал расцвет творческого труда когда-то угнетаемых алтайцев, их братское сотрудничество и дружбу с русскими людьми, раскрыл силу и красоту раскрепощенной женщины-алтайки.

Центральный образ романа — алтайская женщина Кульзах. Ее мечта — вывести коз-пухоносов. Работу по выведению этой новой породы она начала еще в годы Великой Отечественной войны.

На пути Кульзах встало много трудностей. Она проходит тяжелые испытания, посредством которых автор раскрывает негибаемую волю, упорство молодой алтайки.

Прежде всего Кульзах столкнулась со своим мужем Магазином, вернувшимся с фронта. Магазином захотел остаться в родном колхозе, в котором работал до войны, решил уехать в город, надеясь на более легкую и беспечную жизнь. На его требование, чтобы жена поехала вместе с ним, Кульзах ответила: «Я никуда с тобой не поеду».

Кульзах не может бросить любимую работу, ей дорог колхоз, в котором она нашла счастье. Автор сумел это передать в коротком диалоге: «Посмотри, Кульзах. Видишь, вон у Птичьего ключа чернеют стада?» — «Вижу, отец». — «Это стада коров твоего колхоза, Кульзах». — «Да, отец». — «Посмотри сюда, Кульзах. Видишь, вон у того увала, где Алаш-Су заворачивает к горам, белое облачко плывет по земле?» — «Вижу, отец». — «Это отары овец твоего колхоза, Кульзах». «Да, отец». — «Посмотри, Кульзах, на эту степь. Много раз она слышала твою песню, твой смех, твою радость, Кульзах». — «Вижу, отец». — «Эта степь — твоя земля, Кульзах. Земля твоего родного колхоза». — «Да отец, да». —

«Когда все это будет не дорого тебе, Кульзах, когда все это будет легко оторвать от сердца и отбросить: — тогда скажи мне, Кульзах. Подойди и скажи честно мне». «Да, отец. Но пусть лучше загноятся мои глаза, если они увидят все это по-другому, отец».

С помощью Русаковой, научного сотрудника зональной опытной станции, Кульзах добилась первых успехов, получив от коз пух, который был «тебяжей, снежной искрой». Это окрылило ее, дало уверенность в окончательном успехе.

Душевное состояние Кульзах, которая нашла в жизни свое призвание, автор умеет передать выразительной художественной деталью: «Уже переналито далеко за полночь, Кульзах вышла на улицу. Было тепло и тихо. Прямо над стойбищем трепетала, как подбитая чайка, большая звезда. «Своим светом горит. — подумала она. — У каждого должен быть свой свет в жизни».

Кульзах преодолевает не только личные неудачи в работе, но и различные бюрократические препоны, которые воздвигают перед ней люди, боящиеся нового, привыкшие жить только по указаниям сверху. Несмотря на то, что заведующий сельхозотделом Стрункин отрицательно относится к опытной работе новатора и даже тормозит ее, Кульзах без колебаний продолжает работу по созданию новой породы коз-пухоносов.

Самоотверженность Кульзах, ее стойкость автор убедительно раскрывает в сценах первой тебеневки (зимовки) коз-пухоносов. Ее не страшат холодная зима, гололедница. Она не отступает перед ними, ищет выхода и побеждает.

Опыт, знания дали Кульзах возможность стать бонитером, сотрудником опорного пункта зональной опытной станции. Она была удостоена звания лауреата Сталинской премии за выведение новой породы коз-пухоносов. Так, благодаря трудолюбию и упорству в достижении цели, она завоевала народное признание.

А. Демченко раскрыл и сложную личную жизнь, духовную чистоту, повышенную любовь Кульзах. Пройдя через все испытания, Кульзах нашла счастье и в личной жизни.

Кульзах любила своего мужа Магалума, с которым ее разлучила война. Но Магалум, вернувшись из армии, оскорбляет жену, затем требует, чтобы она поехала с ним жить в город. Кульзах колеблется, но когда муж бросился на нее с пожом, она поняла, что Магалум стал другим человеком. Она твердо решила остаться в родном колхозе.

Прошло немало времени, прежде чем Кульзах забыла свое горе. Но вот она встретила Ивана Мартанкова, фронтовика, ставшего председателем колхоза, и полюбила его. Эта любовь наполнила ее душу большой радостью. Так свободная алтайская женщина находит в жизни полное счастье, которое стало возможным только в условиях социалистического строя.

Кульзах олицетворяет новый мир, новую алтайскую женщину, она противостоит Магалуму, который является носителем пережитков прошлого. Их конфликт не только личный, семейный, но прежде всего общественный.

Магалум — участник Великой Отечественной войны. Но его участие было пассивным, он не сражался с оружием в руках, а больше отсиживался в блиндаже, находясь на должности коновода командира эскадрона.

Вернувшись домой, Магалум прелюбляет все, что связано с жизнью, обычаями, культурой своего народа. Он высмеивает жену за то, что она носит алтайскую шапку, и надевает на нее «аграрничью шляпку» с «огромным пером от невиданной птицы». «Муж... по Европе, а она ходит черт знает в каких допотопных... ты меня скром...пром...но...стируешь!» — говорит он жене. Своему отцу Магалум заявляет: «С души воротит от ваших отар, от аллов и стоянок».

Магалум стремится к легким заработкам, не верит, что жизнь в колхозе, где он когда-то работал, можно сделать лучше, что народ способен преобразовать полупустыню, украсить ее садами. На вопрос отца «Разве не в наших силах сделать так, чтобы было у нас все, чего хочешь?» он отвечает: «Куда ты денешь вот эту полупустыню?.. Разве ее украсишь?» И он уходит из колхоза, от

семьи, устранивается в городе и занимается мелкой спекуляцией.

К сожалению, в разработке интересно задуманного сложного характера Магалума писателю не хватает художественной убедительности, глубины психологического анализа. Каковы же те типические обстоятельства, в которых сложился характер Магалума? Ответа на этот вопрос по существу в романе нет. Более того, не все в его истории показано с достаточной убедительностью. Читателю известно, например, что Магалум вел на фронте беззаботную жизнь, не участвовал в боях. Но каким образом его мог терять командир эскадрона, у которого он был коноводом? Автор ни словом не обмолвился об этом. Почему Магалум стал презирать родную культуру, обычай? Наконец, автор не объяснил, как формировался характер Магалума до войны, какие условия влияли на него. Без этого читателю трудно поверить, что в трудолюбивой, честной семье Мамия Мурзагулова мог сформироваться отщепенец.

На протяжении всего романа характер Магалума статичен. Жизнь в колхозе преобразуется, обстоятельства, в которых оказался Магалум, стали иными. Но в его душе, мыслях, настроениях нет изменений: автор их не показал. Это лишает образ Магалума глубины, убедительности.

В жизни старого поколения алтайского народа произошли большие перемены. Люди духовно выросли, откакались от пережитков прошлого, дорожат завоеваниями Советской власти.

Представителем старого поколения алтайцев показан в романе Мамия Мурзагулов, характер которого раскрыт глубоко, правдиво.

Мамия гордится богатством колхоза, успехами своей дружной семьи: младшего сына Карыма, жены старшего сына — Кульзах, которая живет в его доме. Мечтая о старшем сыне Магалуме, он мысленно разговаривает с ним: «Было ли когда-нибудь такое богатство в колхозе, Магалум? — с тихой гордостью шептал старик, обращаясь к фронтовику. — Не было, Магалум. А ведь это нелегкое дело — вырастить такой табун. За твое отсутствие не пошла вниз семья Мурзагуловых. Не потеряла своей доброй

славы. Ты можешь зайти в Куягаше в аймачный Дом культуры. Там в списке лучших людей аймака Мурзагуловы. Да».

Мурзагулов — опытный животновод, передовик, поддерживает Кульзах в выведении пухоносов, всячески помогает ей.

Старик любит Кульзах, как родную дочь, верит в ее правоту, поэтому решительно осуждает Магазума, который, не дорожа своим колхозом, хочет оторвать жену от большого дела. Только честный, преданный колхозному строю человек мог сказать сыну гневные, но справедливые слова: «Отойди от коня. Он — колхозный. Иди пешком. Иди на все четыре стороны. Да смотри... не заблудись. Спесивые люди плохо запоминают дорогу».

Нелегко старому животноводу переживать позор, который принес Магазум в его семью. Это автор передает художественной деталью: «...Мамий смотрел на чистую воду, а мысли, тяжелые и безрадостные, хмурыми осенними тучами тревожно пролетали в голове. Он на мгновение влюбился чистым омутом. Сквозь воду было видно каменистое серо дно. Стайка маленьких рыбешек устремлялась то в одну, то в другую сторону. И вдруг картина изменилась. С быстрины что-то юркнуло в зеркальный омут, и вода тотчас вскипела, подернулась серым туманом, будто взорвалось дно. «Хищник кинулся и чистую воду, — подумал старик. — Так вот один может смутить всю чистоту, всю муть поднять вверх! Ах, сын, сын! Какая тебя ядовитая змея укусила?...»

Мамий замечает, что Кульзах любит Мартанакова. Ему грустно расставаться с ней. Но после встречи с Магазумом, убедившись, что тот не вернется домой, старик говорит: «Молодец ты, Кульзах. Умница ты наша. Люби... Люби крепче Ивана... Он... Только он достоин твоей любви!»

Стремясь подчеркнуть новый взгляд Мамия на алтайскую женщину, которая до Советской власти была темной, бесправной, А. Демченко пытается использовать в качестве иллюстраций старый обычай, согласно которому вдова становится женой млад-

шего брата ее умершего или погибшего мужа.

Этот обычай отражен в романе А. Коптелова «Великое кочевье».

Как же этот обычай используется в «Чуйских зорях»? Магазум, вернувшись из армии, бросает Кульзах, уходит в город и берет в жены другую женщину. У Магазума есть младший брат Карым, который должен стать мужем Кульзах, о чем, как пишет автор, «вся степь говорит». Но Карым любит девушку Чечек, и поэтому в его душе горит протест против устаревших правил: «Ты это напрасно, отец! Я пойду в райком! Я на все решусь! Я не могу ради твоей гордости...» Мамий, поняв, о чем говорит сын, в ответ «захохотал» и, «постучав себя по лбу пальцем, покачал головой...» Этим самым автор хотел показать, что Мамий отказался от старого обычая и признает свободу и равенство женщины с мужчиной.

Попытка А. Демченко использовать во втором издании романа пережитки этого обычая алтайцев явно неудачна. Дело в том, что женщина могла стать женой младшего брата мужа; только оказавшись вдовой. Кульзах, почему-то иногда именуемая автором «вдовой», никак не могла стать женой Карыма. Ее муж был жив, а по старым обычаям ему разрешалось многоженство.

Надо отметить, что в первом издании книги А. Демченко правильно изображал пережиток прошлого, когда Кульзах оставалась вдовой. Но при переиздании романа допущена ошибка.

Мурзагулов заботится о доброй славе своей семьи, наставляет младшего сына Карыма, предостерегая его от поспешных решений, ошибок. Перед тем как уехать на годичные курсы меллиораторов, Карым заявил отцу, что хочет жениться на Чечек. На это Мамий ответил: «Не думай, Карым, что ты спею до курсов потереши голову... Ты пойми: девушка-то Чечек хорошая, ученая. На работе себя уже проявила. А ты? Не успел и дня пробыть на курсах — и уже «Отец, жени меня». А вдруг ты निकудышний будешь, этот водный мастер. Всей семьей покраснем за тебя. Причем же тут — Чечек, хорошая работница? За что же ей-то краснеть?

Нет, поработай. А тогда.. Тогда совсем другое дело».

Речь Мамия образна, выразительна. В ней используются поговорки, сказания народа, и в этом проявилось умение писателя индивидуализировать язык героев. «У горя короче руки, чем у радости», «Кто встает рано, тот росой умывается», «Кого жизнь ждет, тот должен дорожить ею». «Песня хороша у Кайчи, жена — при муже» — вот характерные обороты в языке старика. В разговоре с сыном Мурзагулов для краткости и выразительности пользуется, например, народной сказкой: «Ты, небось, слышал сказку про то, как храбрый козленок хвастался в отаре, что побьется с любым волком?» — «Я знаю. Но к чему это ты?» — неуверенно сказал Карым. — «А что из этого произошло, тоже знаешь?» — «Слышал» — «Слышал, а в ум себе не взял. Подумай, может, умней будешь».

А. Демченко нарисовал образ русской женщины Анны Васильевны Русаковой, которая заведует опорным пунктом зональной опытной станции при колхозе «Кзыл Аскер». Она — настоящий ученый, умело сочетает теорию с практикой, поддерживает инициативу Кульзах в выведении новой породы коз и осуществляет научное руководство. Русакова верит в успех, отдает любимому делу все силы, способности, преодолевая все препятствия, и добивается победы.

Русакова — представитель передовых ученых нашей страны, которые живут интересами Родины и ставят общее благо выше личного. Она решительно выступает против карьеристов в науке, подобных выведенному в романе директору зональной опытной станции Грошеву.

Анна Васильевна в работе способна на самоотверженность. Когда она, проходя по берегу реки, увидела, что две молодые козочки сорвались в воду, она, не раздумывая, бросается в ледяной поток и спасает козочек.

В самое тяжелое для зимовщиков время, Русакова находится вместе с ними, оказывает им товарищескую поддержку, помогает советами. Когда возникли трудности с кормами, она поддержала предложение Мамия Мурзагулова — пасты коз в первой

половине дня на траве, во второй — в кустарнике и затем на ночь давать им сена.

Русакова успешно вела научную работу в колхозе, в результате которой была создана порода коз-пухляков. За это достижение ей было присвоено звание лауреата Сталинской премии. Впоследствии она становится директором зональной опытной станции.

Автор рисует Русакову и в личной жизни. Однако ему не удалось ярко раскрыть ее чувства, переживания, ее любовь к Старкову, зародившуюся после длительного одиночества. В этом существенный недостаток положительного образа русской женщины.

А. Демченко на примере Русаковой показал, как русские люди дружат с алтайцами, помогают им, вместе делают общее дело. Дружба Русаковой с Кульзах — это проявление той братской дружбы, которая существует между всеми народами нашей страны.

Автор создал образы новой алтайской молодежи, выросшей за годы Советской власти и воспитанной Коммунистической партией. Это — Карым, Чечек, Оймок и другие.

Карым — комсомолец, горячо поддерживает все новое, принимает активное участие в общественных делах. Когда колхозники решили построить водоемы, чтобы обеспечить скот водой и промывать шерсть, он организовал молодежную бригаду, которая упорно трудилась на строительстве канала.

Молодой комсомолец любит Чечек, колхозницу девушку, мечтает о счастье с ней. Любовь эта делает его благородным, светлым, стремящимся стать еще лучше в глазах любимой. Он не хочет отставать от нее, собирается поехать учиться на курсы, чтобы стать мелиоратором. Он согласен с отцом, что нужно сначала окончить курсы, поработать, а потом жениться. Рада этому и его любимая. Она говорит Карыму: «Конечно, рада. Разве мне плохо будет услышать от людей: «Смотри, какой специалист Карым. Смотри, как он старается. Завидный жених Карым»».

Чтобы глубже раскрыть чувство любви, неополнявшее личиу Карыма, автор вводит в повествование пейзаж. Карым упал на скачках, ушиб-

ся. его отправили в больницу. Он страдает в разлуке с любимой, его мучат сомнения. Но вот появилась перед окном его палаты Чечек и говорит ему: «Молчи. Молчи. Поправляйся быстрее... Не сердись на свою Чечек...» и Карыма охватывает светлая радость, которая гармонирует с пейзажем: «Он еще раз подошел к окну, и степь, за минуту до этого мрачная и бетесая, сверкала теперь серебряной дымкой. Все, казалось, пело, переливалось, блистая невиданными, сказочными самоцветными камнями. И мечта, и тайные желания — все теперь стало на свое место, все сбудется. Быть тому, о чем втайне думал Карым. Счастливые, радостные видения снились ему в эту ночь»

Чечек — веселая, жизнерадостная девушка. Она — секретарь комсомольской организации колхоза. В райкоме комсомола ее прозвали «тайфун». На вопрос зоотехника Любы: «Почему?.. Не дружно живешь?..» Чечек ответила: «Нет. Беспokoю шибко... Я ведь надоедливая. Вот увидите!» В работе она не отстает от Карыма, а даже одерживает победу в трудовом соревновании.

Полюбив Карыма, Чечек внешне остается к нему холодна. Однако за показной холодностью, насмешливостью скрывалось горячее, любящее сердце.

Автор сумел глубоко раскрыть любовь девушки. Она проявляется не на словах, а в поступках героини. Когда Карыма отправили в больницу, Чечек немедленно пошла туда же, чтобы узнать о здоровье любимого. Спустя несколько дней, она снова навещает Карыма и передает ему сырчики, говоря, что их послала ему мать. Но Карым знает, что это не так: «Это твой... твои сырчики, Чечек... Я никогда не ел таких вкусных сырчиков». — говорит он.

На образе Карыма и Чечек А. Демченко показал новые качества молодого поколения алтайцев — коммунистическое отношение к труду, коллективизм, свободу и равенство в общественной и личной жизни, чистую, благородную дружбу и любовь.

Автор изобразил русских девушек — сестер Варю и Любу Огневых, юношу Сергея Полякова и других. Всем им свойственна крепкая друж-

ба с алтайцами, совместная борьба за осуществление общих задач.

Варя — первая помощница Русаковой, подруга Кульзах. Весь свой труд она отдает выведению новой породы коз. Варя отличается чуткой и благородной душой. Полюбила Мартанаква, она узнает, что тот ушел из Кульзах. Она отказывается от личного счастья и помогает Кульзах и Мартанкову в дружбе. Это ярко раскрывается в небольшом диалоге Кульзах и Вари: «...Я думала обо всем — и никак не получается». — «Что не получается?» — «За председателя выходить замуж». Варя рассмеялась. «Не верю, Кульзах!» — «Ну, как же! Слушай: главная контора колхоза — в шестидесяти — восьмидесяти километрах. На усадьбе делать мне нечего, буду жить на тебеневках. Как же он? Разве это семья будет?» — «И в самом деле, — подумала Варя. — А она что попало по хозяйству делать не станет. Она такая. У нее есть цель... А я надумала! — воскликнула вдруг Варя. — Знаю, как тебе поступить». — «Научи» — «Ты будешь вести научную работу на пункте, Кульзах. Да, да, не смейся. Ты заменишь меня». — «Как же я заменю тебя?..» — «Я говорю вполне серьезно. Ты будешь бонитером. Ты уже многое знаешь»... — «Но ведь бонитер нужен всего один на пункт!» — «Ты им и будешь!» — «А ты?» — «Я поеду учиться. Учиться в институт...» Варя видела, как внутренняя радость засветилась на ее лице. «Она будет очень счастлива», — подумала Варя.

Люба — молодой специалист, после окончания техникума, не страшась трудностей, поехала работать зоотехником в Куюгашскую полупустыню в колхоз «Кызыл Аскер». В первые дни она испытала сомнения, колебания: «Поднимался зной. От земли палило жаром. Никакого пункта впереди не было видно. И вообще ничего не видела Люба, кроме голы, каменистой степи с редкими белыми султанами травы. «Как же я буду жить? — с ужасом подумала девушка. — Я умру с тоски от этого однообразия! И зачем я только решилась в такую даль на эту раскаленную плиту!» В седле было очень неудобно — вела поясница. Рябило в глазах. Противный пот раздражающе лез

под воротник. От бессилия и раздражения хотелось плакать». Но это была минутная слабость. Люба полюбила суровый край, где она встрети-лась с трудолюбивыми, упорными людьми, побеждающими непокорную природу. Она первой подала мысль о строительстве водоемов, чтобы промывать загрязненную шерсть и на каждой стоянке обеспечить скот водой.

Девушка презирает людей, которые заботятся только о личном благополучии, о карьере. Это раскрывается в истории ее отношений с Анатолием Жуковкиным, который отказался поехать на работу в колхоз и нашел тепле местечко в городе. В годы учебы Люба дружила с Анатолием, не замечала его отрицательных качеств, которые проявились лишь в новых обстоятельствах. Поняв, что Анатолий преисполненный эгоизма карьерист, она думает о нем как о «страшном человеке» и затем без сожаления порывает с ним. Она способна полюбить юношу, у которого богатая душа, как у нее самой. Именно таким оказался молодой геолог Сергей Поляков, который в трудные минуты помогал колхозным животноводам. Свое личное счастье Люба нашла в любви к Полякову, в дружбе с ним.

Рисую образы молодых людей, А. Демченко ставит и решает важную проблему воспитания нашей молодежи в духе коммунизма. На примере Карыма, Чечек, Вари, Любы он убеждает, что смысл и назначение жизни, самая высокая цель ее — служение своей Родине, труд на благо народа. Автор осуждает тех, кто живет старой моралью, носителем которой выведен Анатолий Жуковкин.

А. Демченко показал, что советская молодежь имеет широкие возможности работать, учиться. Молодые люди вступают в жизнь смело, уверенно, они без боязни смотрят в будущее. Все это является результатом достижений нашего социалистического строя. В условиях капиталистического строя молодежь не имеет гарантированного права на работу, на образование. Ее жизнь зависит от произвола эксплуататоров. Капиталистический строй уродует молодого человека. То, что происходит в странах капитализма, не может быть в нашей

стране, где ликвидированы частная собственность и эксплуатация человека человеком, порождающие звериную мораль.

За годы Советской власти в алтайских колхозах выросли опытные, способные руководители. Одним из них является в романе Иван Мартанак. До Великой Отечественной войны он работал заместителем председателя колхоза, после победы над врагом был избран председателем артели «Жызыл Аскер».

Мартанак заботится о росте общественного богатства, понимает, что выведение коз-пухляков сулит огромные выгоды, верит в успех опытной работы Кульзых и Русаковой, полностью поддерживает их. В напряженный период зимовки, когда овцам и козам угрожает бескормица, он вместе с секретарем райкома партии Шелестом добивается, чтобы скот был обеспечен комбикормами.

В своей работе Мартанак учитывает настроения рядовых людей, их опыт, экономические возможности колхоза. Он не берется за большие перспективные дела, а решает сначала самые неотложные, насущные вопросы. Когда секретарь райкома партии Шелест на собрании актива предложил строить на реке Апаш-Су плотину, то это предложение многие не поддержали. Один из председателей колхозов, Енчибаев, выразил общую мысль: «А заботы такие: нужны водоохранилища. Вот...» «Большая вода — это хорошо, но неплохо сначала собрать мялую воду на стоянках. С этим согласился и Мартанак: «Пойдем за большим — упустим малое... Мне кажется, равноту поднимать такие вопросы. Пусть хорошо проведут исследование, а потом... Потом, может, через годик — полтора, сам народ подымется». И он организует в своем колхозе строительство водоемов на каждой стоянке, чтобы обелечить скот водой.

Мартанак пользуется авторитетом среди колхозников, их поддержкой. Этого он добился не только благодаря умелому руководству хозяйством, но и благодаря тому, что к людям он относится чутко, внимательно, заботливо. Председатель колхоза борется за улучшение быта и культурного обслуживания тружеников. В

артеля, которую он возглавлял, не было ни радио, ни телефонов. Об этом знал председатель аймакнсполкома Селиванов, но мирился с таким положением, прикрываясь обязательскими рассуждениями: «...Будет время, и радио заговорит на тебеневках, и падух к высшей культуре потянется...» Мартанакوف выступает против Селиванова, требуя, чтобы в колхозе было и радио, и телефон: «...надо решать», — твердо заявляет он ему.

Председатель колхоза прост в обращении с людьми, умеет поговорить с ними задушевно, помочь в работе, увлечь личным примером. Эти его качества автор раскрывает, например, в сцене, когда Мартанакوف приезжает к колхозникам, убирающим сеяно: «Остановившись около одного из костров, Мартанакوف соскочил на землю и, быстро подойдя к старику, приподнял его: «Здравствуй, Наум Захарович! Руководишь?» Старичок охнул. «Спина, брат, у меня того. Отстала. А бросать жалко...» ...Мартанаков оставил первую волокушу и, сбросив пиджак, взялся за трехрожки. «А ну, держи!» — крикнул он наверх и всю копку поднял в воздух. Поднял, упиравшись на длинный черенъ, и с маху бросил под ноги стогоправу. «Ой!» — взвизгнула перелуганная девушка, приседая на колени и обнимая руками обнима навильник сеяна. ...Завершив стог и перебросив сверху вниз связанные за верхушки длинные черемуховые вилы, девушка испуганно спросила: «Как же я теперь?» — «Втыкай вилы... Втыкай!» — сказал Мартанакову старик, указывая на стог... — «Как решили?» — спросил Мартанаков... — «Метать... Метать, Иван Мартанакович, — решительно наставлял старик. — Еще копен двадцать пять осталось. Вот смечем, а там и дождь нам ничо чем». — «Ну, что ж... Давайте, я помогу». — «Да что вы, Иван Мартанакович, — замахал на него клюшкой старик. — Небось, сотни полторы верст отмахал сегодня за день?» Но Мартанаков, не слушая его, подошел к коню и быстро расседлал его... Новый стог рос на глазах. Теперь на нем была уже и племянница старика — Варя. Мартанаков кидая и кидая под ноги девушкам одну волокушу за другой, не

чувствуя усталости. «Ох, и жадеи ты на работу, Иван Мартанакович, — суетился тут же, охая и приседая от покалывания в пояснице, старик. — Нам бы с тобой работать. Люблю страсть горячих. Так другой раз наломаешься, будто в бане на полке побудешь».

Человека, который честно работает и ставит общественные интересы выше личных, Мартанаков ценит. Тот же, кто не участвует в общественном труде и думает только о себе, не достоин уважения. Вернувшись из армии и узнав, что его невеста Тана оказалась пустой, ленивой, «недолюбливала работу», Мартанаков порывает с ней дружбу.

Раскрывая внутренний мир Мартанакова, его сильную любовь к Кульзах, А. Демченко пользуется диалогом, которому свойственна краткость, образность, выразительность, что характерно для алтайской народной речи.

Писатель создал образ секретаря райкома партии Шелеста. В сравнении с образом партийного руководителя из «Шаргайты» Багирова, образ Шелеста во многом выигрывает. Он глубже, правдивее.

Шелест не выглядит пассивным зерцалом, развезжающим по колхозам, он активно вторгается в жизнь. Секретарь райкома поддерживает передовиков, оказывает помощь, когда зимовникам угрожает бескормица.

Отличительная черта Шелеста — это связь с народом, с рядовыми труженниками. Прежде чем решать важные вопросы, он советуется с колхозниками, с активом, чтобы избежать ошибки. Его мечта — строительство плотины на Алаш-Су, которая даст возможность обводнить полупустыню, резко поднять экономику аймака и, прежде всего, животноводство. Он созывает собрание актива, чтобы посоветоваться по этому вопросу. Актив высказался за то, чтобы в первую очередь построить водоемы на животноводческих стоянках, а уж после взяться за строительство плотины. Шелест согласился с этим мнением, понял, что в своих стремлениях он несколько забегает вперед. То, что произошло на активе, он не воспринимает как собственное поражение, а считает вполне за-

кономерным. «Шелест, трезво оценив настроение людей, а также важную ценность растущего в аймаке начинания, без колебания принял их сторону. «Что ж, товарищи, — сказал он, — видно нынче рановато задумали мы исполнение такого большого дела». — «Рановато! Рановато!» — закричали с мест. — «Давайте развернем покруче строительство водоемов — это стоящее дело. А «Большой план» пусть потихоньку живет. Пока идут изыскательские работы, пока разрабатывают сметы — мы как раз справимся с первоочередной задачей, с водоемами». В этом проявилась скромность секретаря райкома партии. Ему чужды зазнайство, высокомерие.

Шелест прост, внимателен к человеку. Он видит перед собой не вообще народ, массу, а каждого отдельного работника. Он ободряет Мамия, когда от того ушел Магазун, предлагает ему путевку на курорт. После успешного проведения зимовки скота он встречает животноводов и благодарит их: «Товарищи! — обратился Шелест к присутствующим. — Чабан Ульгей Саруева в трудную зимовку добилась почти стопроцентного сохранения поголовья овец. Районный комитет партии, товарищ Саруева, благодарит вас за отличную работу. — Шелест подошел к пастушке и пожал ей руку. — А правление колхоза премирует вас ценным подарком». Простота, скромность, заботливость и сердечность — вот характерные черты Шелеста. За это его уважают рядовые люди.

Однако образ Шелеста обедняется тем, что автор не показал его борьбы с бюрократами, карьеристами. Как опытный партийный руководитель Шелест не мог не видеть вредного стиля работы председателя аймакисполкома Селмянова, заведующего сельхозотделом аймакисполкома Стрункина, которые боялись нового. В борьбе с этими людьми, которые мешают двигаться вперед, могли полнее проявиться качества Шелеста.

Противоречит характеру Шелеста также то, что автор иногда показывает его формалистом, не желющим отстаивать правильное дело. Например, Шелест согласен с Русаковой, что молодые козы-пухляки должны

отправиться на тебеневку, несмотря на запрещение секретаря обкома партии Коломина. На просьбу Русаковой: «Нет, Иван Ильич, нужно работу довести до конца. И я прошу вас помочь мне в этом» Шелест отвечает: «Видите: Коломин запретил тебеневку пухляков — и точка... Что ж и. Я должен подчиниться директиве обкома...» И когда Русакова заявила: «Тогда я сама. Сама добьюсь, Иван Ильич» секретарь райкома партии с восхищением произнес: «Чудесная женщина». В этой сцене Русакова выглядит настойчивой, волевой женщиной, которая до конца будет бороться за свою правоту, а вот Шелест не кажется «чудесным» человеком, и этого автор не заметил.

Не удалось автору образы других партийных работников — Клавдии Степановны Обручевой и Якова Петровича Коломина.

По замыслу автора, Обручева — знающая свое дело, опытная заведующая отделом животноводства обкома партии, которая поддерживает новаторов и борется против бюрократов, карьеристов. Но авторский замысел по-настоящему не реализован. В романе Обручева появляется эпизодически, чаще произносит общие речи, чем действует. В острые моменты выявляется ее беспомощность. После того, как она вместе с Русаковой покинула заседание облисполкома, которое предложило прекратить работу по выведению новой породы коз, она утешает Русакову: «Не унывай, Анна Васильевна» и вздыхает: «Ах, как жаль, Коломин в область уехал». Узнав, что Русакова, спасая двух тонущих козочек, бросилась в ледяную реку, она не может оценить благородного, самоотверженного поступка ученого и произносит нравоучения: «Русакова, ты с ума спятила?... Ну, я тебя спрашиваю: в уме ты была, когда бросилась за козами в ледяной поток?... Нет, не любишь ты свою работу, кандидат... Выговор тебе... Вот. Выговор. Выговор. Не оправдывайся. Ясно?»

Коломин, секретарь обкома партии, — человек недалеконидный, не умеет быстро разбираться в людях, принимает решения, не убедившись в их правильности, не взвесив всех обстоятельства. Именно так он по-

ступил, запретив, по предложению Грошева, тебеневку коз-пухоносов. Казалось бы, прежде чем принимать решение, которое касается судьбы Русаковой, Кульзах, их научной работы, Коломин должен был лично проверить факты, разобратся, кто прав, выслушать ту и другую сторону. Но этого не случилось. И дело не погибло только потому, что ни Русакова, ни Кульзах не подчинились распоряжению Коломина. Правда, в конце романа читатель видит Коломина в ином свете: секретарь обкома партии беседует с Русаковой и предлагает ей стать директором зональной опытной станции вместо Грошева. Но, несмотря на это, читатель, вопреки желанию автора, видит в Коломине слабого руководителя. Вероятно, это произошло потому, что писатель, нагнетая на пути опытников препятствия, заставил Коломина запретить тебеневку пухоносов. Потеря автором чувства меры исказила образ Коломина.

А. Демченко вывел в «Чуйских зорях» ряд отрицательных героев — председателя колхоза Турубаява, бухгалтера Токушева, заведующего сельхозотделом аймакисполкома Стрункина, исполняющего обязанности председателя облисполкома Колонакова, директора зональной опытной станции Грошева и других. Все они по тем или иным причинам являются противниками нового. Одни боятся как бы чего не вышло, другие — бюрократы, третьи — откровенные карьеристы.

Наиболее полно и удачно автору удалось показать карьериста в науке Грошева. Этот «ученый» многие годы ведет бесплодную научную работу, возглавляет зональную опытную станцию. Увидев, что его подчиненная Русакова добивается положительных результатов по выведению коз-пухоносов, он решил во что бы то ни стало сорвать ее работу, не допустить, чтобы она превзошла его в научных достижениях. Осуществляя свою цель, он пускает в ход ложь, клевету, подхалимствует перед советскими и партийными руководителями. Он пытается ввести в заблуждение Коломина, административно запрещает Русаковой вести научную работу по пухоносам. Но карьерист

потерпел крах. Победила Русакова, настоящий ученый, связанный с практикой, с производством.

А. Демченко не всегда удается создать живые, правдивые образы. Бледны в романе Тана, Поляков, Старков, Батеев. Особенно характерна в этом отношении Тана. Вначале автор говорит о ней как о девушке пустой, легкомысленной, нетрудолюбивой. Но после того, как Мартанакон порвал с ней дружбу, она уходит на ближайший рудник и становится на правильный путь, хорошо работает. В числе лучших шахтеров-электриков Шелест называет Тану Чермешеву, а Люба думает о ней так: «Молодец, Тана... Ты нашла свою настоящую дорогу, Тана. Это очень-очень хорошая дорога!» Но как произошел перелом в характере Таны, под влиянием каких условий, этого писатель не показал. И читатель не верит в такое перевоспитание: в романе ему нет художественной мотивировки.

Кроме того, Тана и некоторые другие герои не связаны органически с основным конфликтом романа, не помогают раскрытию авторского замысла, а только загромождают произведение, затрудняют понимание и восприятие его.

Встречаются в романе лишние отступления, описания. Так, в главе 21 есть сценка, рассказывающая о встрече и разговоре садовода Писаренко с Русаковой. Писаренко восторгается ею, говоря: «Да вы знаете, Анна Васильевна... Знаете... Вы и есть настоящий преобразователь пустыни!» Узнав, что Русаковой препятствует в работе Грошев, он обещает ей помочь, «немедленно», как только приедет в город, зайти «куда следует». Но в дальнейшем даже нет упоминания о том, что сделал Писаренко, как развиваются отношения двух ученых, которых объединяет общее дело — преобразование природы. Стало быть, эпизод их встречи в романе случайный, лишний, не несет никакой идейной нагрузки.

От всего, что является ненужным в произведении, надо без сожаления освобождаться. В этом отношении поучительна запись в дневнике Льва Толстого о работе над повестью «Детство»: «Завтра буду переписывать... и обдумаю 2-й день: Можно ли его ис-

править или нужно совсем бросить? Нужно без жалости уничтожать все мести неясные, растянутые, неуместные, одним словом, неудовлетворяющие, хотя бы они были хороши сами по себе».

А. Демченко умеет создать зримый портрет героя, передать не только внешний вид человека, но и особенности его характера. Вот как он, например, описывает Шелеста: «Ехать Мамия в райком не пришлось, секретарь сам появился на стоянке Мурзагуловых. Он был невысокого роста, лобаст, рыжеват. Глаза веселые. В движениях быстр. Немногословен, что особенно понравилось старику. Он прошелся у стены, на которой во всю ее длину висели грамоты Мамия. Похвалил за верблюдов. С Анной Васильевной встретился, как хорошо знакомый. Степенно пил чай. Больше помалкивал, оценивал, присматривался. «Мужчина», — решил Мамий. За этой характеристикой перед читателем встает простой, умный, пользующийся авторитетом и уважением секретаря райкома партии.

Однако в некоторых случаях его портретные характеристики однообразны, невыразительны. Так, Мамия «высокий, худой старик». Русакова тоже «высокая, худая женщина». Этот недостаток наблюдается и в первых повестях А. Демченко.

Писатель прибегает к дневниковым записям. Но он не использовал всех их возможностей, чтобы глубже раскрыть внутренний мир героя. Дневник, который ведет Люба, бесцветен, невыразителен. Пишет ли девушка о своих отношениях с Анатолием Жуковкиным или о работе Русаковой — все это у нее получается серо, скучно. Вот, например, как она описывает свою встречу с Анатолием после долгой разлуки: «Только сегодня я смогу поговорить с тобой, мой родной дневничок. Не знаю, с чего начать. Начну с того дня, со встречи с Анатолием. Из-за него я почти не видела картины. Но по порядку. Я думала, мы встретимся где-нибудь в райкоме, а оказалось совсем не так. Едва мы подъехали к клубу, как нам навстречу вышел из толпы, в широкополом драповом пальто и легкой шалке, он. Я узнала его сразу. Только в лице появи-

лось что-то такое, надменное, что ли, хотя и старался он вести себя попроще. У клуба уже стояло много коней. Привыкали и мы своих. «Будешь ругать?» — спросил он, пытаясь помочь мне слезть с седла. «Погоди, — отстранилась я. — Тут барышень не снимают с коней».

Роман «Чуйские зори» в художественном отношении, по сравнению с первыми рассказами и повестями, — шаг вперед в творчестве А. Демченко. Писателю удалось глубже, шире отобразить жизнь, ярче, правдивее нарисовать типические характеры современников. Но есть в романе и еще один серьезный недостаток, который автору предстоит преодолеть. Это относится к композиции романа.

Мастера литературы уделяли и уделяют большое внимание композиции произведения. У А. Демченко же многие главы романа состоят из нескольких небольших сценок, которые лишают их единства, цельности, вносят в произведение пестроту, мешающую читателю воспринимать отображаемую действительность.

Для примера можно взять главы двадцать первую. Она распадается на 7 самостоятельных сценок. В первой из них описывается разговор Мамия с Карымом об участии Карыма в посадке деревьев на канале. Во второй — рассказывается о поездке молодежи колхоза на рудник за саженцами и посадке деревьев на канале. В третьей — показана встреча садовода Писаренко с Русаковой. В четвертой — изображается состязание молодежи на бегах, во время которых Карым упал с лошади. В пятой — показан приход Мамия, Мартанаква, Русаковой, Чечек в больницу, в которой находится Карым. В шестой — говорится о письме Любы Анатолию, о ее раздумьях. В седьмой — описывается встреча Чечек с Карымом в больнице. И обо всем этом рассказано на четырнадцать страниц!

III

В послевоенные годы сельское хозяйство нашей страны, несмотря на достигнутые успехи, переживало трудности, которые мешали его росту. Ог-

ромные возможности и перспективы открылись перед колхозным крестьянством, когда сентябрьский Пленум ЦК КПСС в 1953 году вскрыл недостатки в ведении сельского хозяйства и наметил величественную программу его дальнейшего подъема.

Этот период нашел отражение в творчестве советских писателей. С наибольшей силой и яркостью он показан в рассказах и очерках Валентина Овечкина.

В очерках «В одном колхозе» (1952 год), «Районные будни» (1952—1954 годы) Валентин Овечкин нарисовал передовых людей современной деревни — председателя колхоза Назарова, секретаря райкома партии Мартынова, которые видят, понимают недостатки в развитии сельского хозяйства и упорно преодолевают их: улучшают руководство, изживая формализм, кампанейщину, принимают меры для расширения производственной базы, всестороннего развития сельского хозяйства, прежде всего, увеличения производства зерна, усиливают работу с кадрами, от которых во многом зависит успех дела.

Они не прячутся от трудностей, не ищут тихого места в стороне от жизни, а активно вторгаются в нее, чтобы, опираясь на массы, изменить ее, сделать еще лучше. В их глазах люди, которые стремятся к мещанскому благополучию, достойны презрения, уничтожающей клички «шкура». Они способны настойчиво бороться за выполнение исторических решений партии по вопросам дальнейшего подъема сельского хозяйства нашей страны, сознавая свою ответственность перед народом, которому отдают все свои силы и способности. «Так поработать, чтобы люди потом добрым словом вспоминали нас!» — вот слова Мартынова, которые раскрывают глубокий смысл жизни передовых людей нашей эпохи.

Некоторые проблемы современной колхозной деревни нашли отражение в творчестве писателей-сибиряков. За последние три года появился ряд произведений, посвященных труженикам полей Алтая. К ним относятся повесть И. Кожевникова «Перелом» (Барнаул, 1955 г.), повесть Н. Чебаевского «Свежий ветер» (Барнаул,

1956 г.), роман А. Коптелова «Сад» (Новосибирск, 1956 г.), рассказы Л. Квина «Палатки в степи» (Москва, 1957 г.), очерки И. Масвулова «Первые радости» (Барнаул, 1957 г.).

В этих произведениях изображается борьба колхозников за подъем общественного хозяйства на основе решений партии («Перелом»), подготовка квалифицированных сельских механизаторов («Свежий ветер»), преобразование природы Сибири, рост и укрепление колхозного хозяйства («Сад»), освоение целинных и залежных земель на алтайских просторах («Палатки в степи», «Первые радости»).

Вопросам развития сельского хозяйства посвящен также и роман Александра Демченко «На стремнине», изданный в Барнауле в 1957 году. Он охватывает события ряда лет до сентябрьского Пленума ЦК КПСС и первый год после него, то есть события того периода, когда в сельском хозяйстве нашей страны произошел крутой перелом.

Творчество А. Демченко в эти годы характеризуется стремлением глубже проникнуть в жизненные явления, правдиво показать современную колхозную деревню, затронуть актуальные вопросы развития сельского хозяйства. Именно об этом свидетельствует его последний роман «На стремнине».

Изображая жизнь колхоза «Горный большевик», писатель ставит проблемы партийного руководства сельским хозяйством. Он осуждает формализм, шаблонность, утверждает конкретный подход к решению задач колхозного производства с учетом местных условий.

Эта проблема решена художественно убедительно.

Показывая дела колхоза, пути его развития, писатель нарисовал образы первого и второго секретарей райкома партии Прохорова и Ермакова, через отношения которых к изображаемому явлению высказал свои взгляды на методы партийного руководства.

Прохоров требует от председателя колхоза и секретаря парторганизации формального выполнения плана посева рыжика, равнодушно относится к большому начинающему кад-

хоза, который строят насыпь, чтобы прорваться через займище и лугам, а затем освоить новые земли. Первый секретарь райкома не увидел перспективы, которая открывалась перед колхозниками в связи с освоением новых земельных массивов. Он был поглощен только текущими делами, мелочной опекой и требовал лишь одного — выполнения плана заготовки кормов. Прохоров отмахивается от принципиального спора между Жигулевым и Голубем о путях развития колхоза, не способен разобраться в этом.

Иное отношение к колхозу у Ермакова. Он согласен, что рыжик не стоит выращивать, потому что он в местных условиях не дает урожая. Ермаков поддержал председателя колхоза и секретаря парторганизации, которые решили построить насыпь через займище. Он увидел в этом огромные перспективы увеличения производства зерна, улучшения материального благосостояния колхозников. Ермаков принципиально отнесся к спору председателя колхоза и секретаря парторганизации о путях развития «Горного большевика», поддержал Жигулева и коммунистов, которые считали, что нужно всемерно развивать основные направления хозяйства — зерновое и животноводческое, но в то же время одобрил и то ценное, полезное, что было в деятельности Голубя.

Стиль партийной работы, который олицетворяет Прохоров, автор осуждает, в методы партийного руководства, которые воплощает Ермаков, он утверждает как правильные, соответствующие требованиям партии, задачам дальнейшего подъема сельского хозяйства.

А. Демченко поставил вопрос о путях развития колхозного производства. Артель «Горный большевик» переживает хозяйственные затруднения: доходы низкие, недостает квалифицированных кадров, слаба техническая база. Чтобы выйти из положения, председатель колхоза Голубев решил развернуть работу подсобных предприятий по производству и продаже кирпича, извести, дегтя и других материалов, в которых остро нуждались многие соседние колхозы. Он рассчитывал, что это принесет

большую прибыль, поможет резко поднять общественное хозяйство. Но секретарь парторганизации Жигулев предлагает другой путь — всемерное развитие основных отраслей — полеводства и животноводства. Борьба вокруг этого вопроса составила основной конфликт романа.

Победу в этой борьбе одержала линия Жигулева и его единомышленников, которые при решении задач по подъему колхозной экономики исходила из интересов государства, народа. Да и практика убедила Голубя и его сторонников в том, что единственно правильный путь для повышения благосостояния колхозников — это увеличение производства зерна, продуктов животноводства. Именно таким путем и пошел «Горный большевик», который впоследствии освоил более трех тысяч гектаров новых плодородных земель, что обеспечило высокий рост доходов артели, улучшило материальное положение колхозников.

Так автор художественными средствами дал решение проблемы о путях развития сельского хозяйства. Это соответствует тем задачам, которые поставила Коммунистическая партия перед тружениками села.

Писатель показал в романе могучую народную силу в преобразовании жизни, пафос коллективного труда. Крестьяне долго мечтали об освоении большого массива плодородных земель, доступ к которым был прегражден горами и займищем. Осуществление этой мечты стало возможным только в годы советской власти, при колхозном строе. Что было раньше не под силу одному человеку, когда господствовала частная собственность, стало возможным теперь, в условиях социалистического сельского хозяйства, основанного на коллективной собственности. Труженики «Горного большевика» построили земляную насыпь, вырвали из плена новые земли, обработали их и получили богатый урожай пшеницы. Недаром председатель колхоза Голубь с гордостью произносит: «Расскажу, как мы навалились на Камышенку и освободили из плена более трех тысяч гектаров первосортной земли... как первый урожай с целины дал столько

хлеба, сколько почти восемь тысяч старопахотной...»

Колхозное крестьянство нашей страны связано с рабочим классом нерушимым союзом. Город всегда оказывал деревне помощь. Эта дружба колхозников с рабочими отражена в романе А. Демченко. Писатель показал, как коллектив промышленного предприятия взял шефство над артелью «Горный большевик», помог ей механизировать животноводческие фермы, наметил план постройки межколхозной гидроэлектростанции. Союз рабочего класса и колхозного крестьянства еще более окреп после решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС, который поставил большие задачи не только перед труженниками села, но и перед трудящимися промышленных предприятий, призванными внести достойный вклад в дело подъема сельского хозяйства. Единство интересов, общность целей явились прочной основой дальнейшего укрепления союза дружественных классов нашей страны.

А. Демченко отразил в романе единство Коммунистической партии и советского народа. Он рисовал ярко, широкую картину народного ликования, с которым было встречено постановление сентябрьского Пленума ЦК КПСС. Колхозное крестьянство, весь народ поддерживает мероприятия партии потому, что они выражают назревшие потребности общественного развития, кровные интересы трудящихся, потому, что партия верно служит своему народу, заботится о росте его благосостояния и повышении культурного уровня. С гордостью и радостью думает председатель колхоза Голубь: «...В такой час... после таких известий... В каком сердце искры не высекло такое событие... Весь народ поднялся в ответ... Горы теперь свергнет... Ведь подумай, какую силушку отдают деревне — сто тысяч агрономов и зоотехников. Машины... химикаты... И о нас сказано... С высшим ставить и средним образованием.» Секретарь парторганизации говорит собравшимся колхозникам: «Теперь, товарищи, мы пойдем еще быстрее к счастливой и зажиточной жизни». Голубь и Жигулев выразили думы и чувства всех колхозников.

В книгах «Шаргайта», «Чуйские зори», писателю не удалось по-настоящему создать жизненного образа партийного работника. И только в романе «На стремнине» А. Демченко нарисовал живой, правдивый образ секретаря колхозной парторганизации Павла Ивановича Жигулева. Автор показал его не пассивным человеком, лишь изрекающим прописные истины, в самом активным борцом, принимающим горячее участие в делах колхоза.

Жигулев — молодой секретарь. У него еще нет опыта партийной работы. Но несмотря на это, он проявил самостоятельность, принципиальность в решении хозяйственных вопросов. Жигулев относится к делу по-партийному, по-государственному, он без боязни, смело высказывает суждения, ему чужды угодничество, подхалимство. Его прямота, честность, решительность покорили сердце Голубя, и эти два человека — Жигулев и Голубь — стали друзьями, которые совместно решали важные вопросы колхозной жизни.

Черты характера Жигулева проявились в столкновениях нового со старым. Секретарь парторганизации выступил против формализма и шаблона в планировании колхозного производства. Он поддержал Голубя в том, что сеять рыжик на больших площадях, предусмотренных планом сверху, нет смысла: урожай этой культуры в данных условиях получается низкий. Жигулев считает, что при планировании колхозного производства следует исходить из местных условий, учитывать мнение, опыт членов артели. Угрозы Ковылкина, Прохорова не сломили воли секретаря парторганизации, не заставили его отказаться от своих убеждений, в правильности которых он был уверен.

Жигулев сразу понял большое значение плана освоения новых земель, предложенного Голубем. Этот план давал возможность в первое же лето получить на лугах много сена, а в последующие годы распахать целину и вырастить богатый урожай. Несмотря на сопротивление Прохорова, секретарь парторганизации всеми силами добивался осуществления важного мероприятия, реальность и необ-

ходимость которого подтвердила сама жизнь.

А. Демченко не идеализирует Жигулева, не показывает его непогрешимым человеком, лишенным недостатков. Жигулев — обыкновенный человек, который может ошибаться, горячиться, что-то упустить, недосмотреть. Когда Голубь взялся за создание подсобных предприятий по производству различных материалов, Жигулев усмотрел в этом принципиальную ошибку председателя колхоза, отстающего в сторону от подъема основных отраслей хозяйства — полеводства и животноводства. В основном он был прав, но, как показало партийное собрание колхоза и выступление секретаря райкома партии Ермакова, не до конца: оказывается некоторые подсобные производства, как, например, кирпичное, нужны для колхоза и их следует развивать. Ошибка Жигулева не помешала ему сохранить нормальные отношения с коллективом, не вызвала в нем обиды.

Жигулев заботится об улучшении воспитательной работы. Он помогает Васье Шумихину, бесшабашному, недисциплинированному бригадиру, стать примерным работником. Ему удалось найти путь к сердцу этого странного, замкнутого, непонятного человека, душевно побеседовать с ним, понять его. Благодаря Жигулеву Шумихин готовится вступить в партию, освобождается от всего лорочного, что ему мешает полностью подняться, почувствовать силу и способность стать новым человеком.

Но не все шло у Жигулева гладко. Как секретарь парторганизации он немало делал и упущений. Так, он просмотрел хорошую, скромную девушку Груню, которая покинула колхоз из-за того, что ее отец запил и уехал в город. Прийди к ней вовремя на помощь секретарь парторганизации — и трудолюбивая работница не была бы потеряна. Павел это понял уже позднее, когда узнал от шефов, что Груня работает на заводе, принимает активное участие в художественной самодеятельности, пользуется уважением в коллективе.

Показан Жигулев и в личной жизни, в семье. Он не только го-

рячо любит Дашу, но и может поссориться с ней, когда дело касается принципиальных вопросов. Он внимателен, заботлив, но иногда бывает рассеян и не понимает желаний, стремлений жены. Жигулев проявляет восторженную радость, когда родился сын, страдает, когда жена необоснованно ревнует его к Лушке Зоряной. Но при всех недостатках характера это хороший человек, с большим сердцем, прямой, честный, преданный товарищ и друг.

Чтобы глубже, выразительнее раскрыть переживания Жигулева А. Демченко рисует красивые картины природы, которые вызывают у Павла грусть, хотя, казалось бы, они должны наполнять человека необыкновенной радостью, светом. Этот контраст усиливает душевную тревогу, невеселое раздумья, во власти которых находится Жигулев. Вот, например, одна из таких картин, в которой изображается душевное состояние Павла после размолвки с женой: «Однако примирение не состоялось. Даша бросила ему на полочки еще, видно, с вечера его армейский полушубок, подушку и легкое одеяло... В темноте молча нашарил он на столе чашку, накрытую тарелкой. В ней были остывшие вареники с творогом. Стояла крынка с молоком. Даша не поднялась с койки. Даже не повернулась. Он не стал тревожить ее. Со стесненным сердцем опустился на полушубок и натянул до подбородка одеяло. За окном плыла летняя тихая ночь. Сквозь листья черемухи ручейком пробивался желтоватый луч месяца. Он заструился на стене и, казалось Павлу, будто даже зажурчал, запел свою какую-то древнюю песню. И было почему-то тяжело-тяжело слышать ее».

Создавая типичный характер секретаря парторганизации колхоза, А. Демченко не всегда верен действительности. Когда Голубь начал организовывать подсобные предприятия, Жигулев решил подготовить открытое партийное собрание и обсудить на нем действия председателя колхоза. Но пока состоялось это собрание, прошло много времени, в течение которого Павел выступал с лекциями о развитии колхозного хозяйства, выслушал стенгазеты, доби-

ваясь поддержки основной массы колхозников. Он рассчитывал, что, когда большинство колхозников поймет ошибки Голубя и пойдет за Жигулевым, только тогда можно провести партийное собрание. Автор согласен с этим, его симпатии полностью на стороне Жигулева. Но верно ли это? Нет, неверно. Авторская позиция противоречит действительности. затушевывает руководящую роль партии. Вместо того, чтобы решить спор о путях развития колхоза на партийном собрании, выработать единую, правильную линию партийного отношения к действиям Голубя и проводить ее в массах, Жигулев почти в одиночку, без участия парторганизации занялся пропагандой своих взглядов о перспективах дальнейшего роста колхозной экономики. Такое изображение жизни привело в романе к тому, что партийная организация колхоза потеряла руководящую роль. В центре внимания писателя оказался один человек — секретарь парторганизации, оторванный от коммунистов. Отсюда вытекает и существенный недостаток романа в целом — в нем нет широкого показа работы партийной организации, тесной связи секретаря организации с коммунистами.

Образ председателя колхоза Голубя у А. Демченко в основном жизненно правдив. Это представитель старшего поколения большевиков, который принимал участие в гражданской войне за Советскую власть, в коллективизации сельского хозяйства, в борьбе с кулачеством, упорно сопротивлявшимся социалистическим преобразованиям в деревне. В течение многих лет Степан Егорыч работает председателем колхоза, имеет огромный опыт руководства артельным хозяйством.

Автор раскрывает основную черту характера Голубя — его честное служение народу, делу партии, стойкость в борьбе за интересы государства. Голубь подходит к выполнению плана не ради личной выгоды, а с точки зрения государственных интересов. Он не боится отступить от тех указаний, которые неправильны, формальны, шаблонны. Именно так он отнесся к посеву рыжика. Голубь не стал занимать пашню под культуру,

которая не дает пользы ни колхозу, ни государству.

Прохоров спрашивает Голубя: «...А где же рыжик?.. Позвольте, у вас должно быть по плану его, насколько я помню, гектаров тридцать... Где рыжик? Кому нужны ваши эксперименты по три сошки на массиве? Кому, я вас спрашиваю?» И председатель колхоза твердо ответил: «Я думаю государству... Зачем нам его обманывать?»

Голубь отличается инициативностью, способностью решать трудные задачи, вставшие перед колхозом. В засушливое лето, когда скоту угрожала бескормица, у председателя колхоза родился смелый надежный план выхода из положения. Он решил прорваться через займище, построив насыль к заливным лугам, где можно было заготовить много сена. Его поддержали колхозники, и план был осуществлен. В результате артель не только обеспечилась кормами, но часть сенокосов отдала соседям.

Степан Егорыч иногда допускает ошибки. Но он не упорствует в них, умеет их осознать, исправить, пойти вместе с коллективом. Проявляя заботу о росте экономики колхоза, Голубь решил создать подсобные предприятия, убедил в этом и членов правления. И вот возникают заезжий дом, лесопилка, сапожная, производством известки... В горячую летнюю пору, когда так нужны рабочие руки, пришлось снимать колхозников с основных работ в полеводстве и животноводстве и направлять их на подсобные производства. Умело воспользовавшись этим, лодыри и люди легкой наживы постарались занять там теплые местечки. Однако скоро сам Голубь убедился, что его затея не принесла выгоды. Например, осмотрев заезжий дом, он понял, что приносит только убыток, ибо людям, пристроившимся на теплое местечко, приходится начислять немало трудодней, а работы у них почти нет. И на открытом партсобрании, когда критиковали его ошибки, Голубь признал их. Характер Голубя раскрывается автором широко. Голубь показан и на работе и дома, и в столкновениях с секретарем парторганизации, бригадирами, колхозниками. И всегда он пред-

стает живым человеком, которому свойственны человеческие слабости. Он настойчив, когда этого требует дело, упрям, не может сразу признать свои ошибки. Он по-детски рад, когда на партсобрании все же согласились с тем, что некоторые подсобные производства следует сохранить, потому что это было неожиданностью для секретаря парторганизации и в какой-то мере доказывало пользу, которую Голубь принес колхозу. Голубь горяч, способен необдуманно накричать, а потом мучиться, тятотиться своим поступком. Он прям, искренен в своих суждениях. После сентябрьского Пленума ЦК КПСС Голубь переживал минуты неуверенности, сомневался: оставят ли его председателем колхоза: он не имел высшего образования. Убедившись, что его многолетнему опыту вполне доверяют и с работы снимать не собираются, он чувствует прилив энергии.

Автор глубоко передает душевный мир Голубя в диалогах, которые отличаются естественностью, правдивостью. Например, настроение неуверенности, тревожное желание Голубя незаметно узнать мнение руководителей района, останется ли он председателем колхоза после сентябрьского Пленума ЦК КПСС, автор показал в следующем выразительном диалоге между Голубем и Гончаровым, председателем райисполкома:

«Во время перерыва, уловив минутку, когда Гончаров, копясь в бумагах, остался один, Степан Егорыч подошел к нему, шумно вздохнул и присел на стул.

— Интересно, Иван Ильич сейчас в Барнауле или, небось, в Москве совещаются, планируют, небось... а? — спросил он.

— А что?

— Да просто, — смутился Голубь. — Был он у нас, вот и вспомнил... Время-то какое... горячее.

— Это верно...

— Я его давно знаю...

— Давно? — удивился Гончаров.

— Фу, ты! Да как же! Почитай, с гражданской войны... Он чоном командовал здесь, в горах, когда белобандитов вылавливали... А потом и так виделись не раз. Вот и сейчас, когда был... Послужи, говорят, Сте-

пан Егорыч, еще народу... Опыту у тебя достаточно...

— А что ж... Он прав. — просто согласился Гончаров. — Опыта тебе не занимать... А ты что, не на боковую ли собрался?..

— Да-к... уж ведь... столько голов руковожу. Пара и молодым бы уж...

— Да ты что?.. В такое время и в кусты?

Голубь спрятал глаза, поскреб лысич и приподнялся.

— Не всурыез я... К слову... Время-то уж, действительно, того... Только повертывайся, председатель. Так я ж... Кто ж в кусты... Пока не отступал, товарищ Гончаров... Нигде не отступал. Как прикажет партия.

— Ну, вот... Так и положено... А что ж ты?

— А вы не обращайтесь, — махнул рукой Голубь и засмеялся. — Годы... А так мы еще поспорим...»

Однако и в изображении характера Голубя автор в некоторых случаях отступает от достоверности, допускает явную противоречивость. С одной стороны, Голубь — опытный руководитель, проработавший в колхозах десятки лет, с другой стороны — человек, теряющий в своих действиях чувство реальности. Читатель верит, что Голубь мог пойти на создание подсобных предприятий, чтобы выкарабкаться из финансовых затруднений. Но читатель не верит, что Голубь мог проявить полную бесхозяйственность, оголяя основные производственные участки артели и направляя колхозников на подсобные предприятия. Автор, усиливая конфликт между председателем колхоза и секретарем парторганизации, пошел на такое преувеличение ошибок Голубя, которое вступает в противоречие с характеристикой, данной ему ранее. Это вызывает недоумение и досаду, нарушает стройность характера.

А. Демченко создал запоминающиеся образы Василия Шумихина, Луши Зориной, Петра Антонова, сестер Наташи и Мани Птушко, Прони Лазарева, Настя Лопуховой, Евсеича.

Описывая отношения Шумихина и Зориной, автор показал силу, чистоту любви простой колхозной женщины, любви, которая облагораживает человека. Постоянство Лушки в своих

чувствах, ее забота о его авторитете покорила Ваську, пробудили в нем ответную любовь. Это светлое чувство заставило Лушку и Василия глубже осознать человеческое достоинство, ответственность за свои поступки, добросовестно работать, активно участвовать в общественной жизни.

Характер Васьки Шумихина постоянно совершенствуется. Василий поднимается до высокой сознательности. Если раньше он помогал своим родственникам расхищать колхозное богатство, то теперь сам отбирает у них тайком накопленное сено и приказывает взять его на учет.

Васька поднялся в нравственном отношении. Он стоит выше личной обиды, умеет подчинить собственные чувства интересам коллектива. В начале романа он мог подражаться с Антоновым, ревнуя его к Наташе, но к концу произведения становится иным человеком: он спасает Антонова от верной гибели во время ливня.

Изменения в характере Васьки, его новые взгляды на окружающую действительность автор тонко передает через отношение Шумихина к бытовой обстановке. Раньше Васька не замечал грязи, неуютности в своей квартире, но, став духовно новым человеком, почувствовал ко всему этому полное отвращение: «Найдя, наконец, газету, он вышел в горницу, в которой пахло не то сыростью, не то плесенью... Шумихин поморщился, сердито оглядел никогда не убиравшуюся кровать, одеяло, лоснившееся от грязи по краям, плоские залежалые подушки, глянул на стол со скатертью неопределенного цвета — и впервые ощутил гадливое чувство ко всему этому затхлomu, грязному...» И когда Шумихин просил отца «организовать уборку» в квартире перед отъездом на краевое совещание передовиков сельского хозяйства, читатель думает о том, что все плохое, наносное в характере бесшабашного бригадира безвозвратно уходит в прошлое.

Раскрывая конфликт Шумихина с родней, писатель убедительно осудил клдырей, воров, пытавшихся жить за счет колхоза, людей, которые бегут от трудностей и ищут легкой жизни в городе. Слова Васьки, обращенные к Гришке Реутову, вернувшемуся из

армия и решившему уехать из колхоза, наполнены пафосом обличения: «...И вот я пришел... Пришел домой и не побежал, хоть и свету другой раз не вижу!.. А вы в кусты?.. И пороку не нюхали... Дорожку вам полетче надо?.. А деньги... деньги покрупнее? А за что? Или вы бились с врагом, проливая свою кровь? Кто вас там научил удирать из деревни? Кто?»

А. Демченко нарисовал привлекательный образ сельского юноши Проня Лазарева, зараженного мечтой о том, чтобы стать машинистом самоходной сенокосилки, «голубой птицы», в которую он восторженно влюблен. Днем и ночью он думает о ней, упорным трудом добивается, чтобы его послали на курсы машинистов. Его мечту о счастье, стремление к чудесному будущему автор раскрывает в яркой, поэтической картине ночного неба, которая описывается через восприятие Проня: «И что это за свет струится из звезд? — подумал Проня. Смотрит, смотрит он, запрокинув голову, и вот кажется уже ему, что это вовсе и не небо, а темное избитое молито покрывало. Вон, там, где кустылись звезды, это покрывало было изъедено больше. А звезды — это совсем я не звезды, а равные дыры, сквозь которые пробивался откуда-то с тыла чудесный свет. А вот эта самая дорога — будто кто исширил мелконько. И что всюду, изю всех этих проколов, больших и малых, лился на Проню сказочно-белый свет, словно брызги горного ручья — холодные, но чистые-чистые... И почувдилось на миг Проне, что протяни он руку — и можно будет содрать это расплывавшееся в разных местах покрывало, встать — и тогда хлынет на него сверкающий, ослепительный день. И этот день тот самый и есть, к которому они все стремятся, которого все ждут, о котором мечтают... Да и он, Проня, тоже...»

А. Демченко на образах Петра Антонова, Наташи и Мани Птушко, Проня Лазарева, Настя Лолуховой, Федя Платова показал патриотизм советской молодежи, ее энтузиазм, трудовой порыв. Юноши и девушки, соревнуясь на сенокосе, на строительстве насыпи через займище, борются за подъем экономики колхоза, за укрепление могущества родины. Они

преобразуют природу Алтая, разводят сады, выращивают новые сорта плодовых деревьев. Дружба, коллективизм, благородство стремлений, бодрость и уверенность в победе коммунизма, любовь и уважение друг к другу — вот высокие моральные качества молодых героев романа.

Большую симпатию вызывает старик Евсейя, который действует на протяжении всего романа. Ему свойственны прямота в обращении с людьми, трудолюбие, любознательность, интерес к вопросам общественного развития, чувство высокой ответственности за колхозную собственность. Он рад сообщить секретарю райкома, что засуха скоро кончится — по приметам будет дождь, придирчиво критикует промахи Голубя, смело высказывает секретарю крайкома партии свое суждение о недостатках в сельском хозяйстве. На первый взгляд, этот старик производит, по мнению Голубя, впечатление человека, недОВОЛЬНОГО жизнью, колхозными порядками, человека, который на все ворчит. Но это только внешняя сторона характера Евсейча. На самом деле он всей душой боится за колхозное богатство, мечтает пожить при коммунизме. В этом убедил Голубя героический поступок Евсейчи, самоотверженно бросившегося спасать колхозный хлеб во время пожара. У председателя артели изменилось отношение к старику. Отвозя его в больницу, он беспокоится: «Пообжечься ты... Нам бы до вечера только угодить... Вот в чем дело... Врачи б не ушли куда. Да, такое дело. Выходной ведь сегодня...»

В романе подчеркивается огромная роль женщины в колхозном производстве. Особенно это видно на примере Веры Канышиной, которая успешно руководит полеводческой бригадой, пользуется уважением и доверием коллектива. Узнав, что Канышина отказывается работать бригадиром из-за того, что этого потребовал ее муж, служивший в армии, женщины возмутились: «Написать вот самому командиру, чтоб продрал его с песочком... Сам живет, не думая о завтрашнем дне, и жене не велит...» Колхозницы и секретарь парторганизации помогли Канышиной осознать неправильное требование мужа, по-

чувствовать ответственность за порученное дело и остаться на посту бригадира.

Роман «На стремнине» проникнут пафосом труда, созидания. Советские люди заняты мирной работой, выполнением величественных задач, поставленных Коммунистической партией. Все, чем живет наш народ, свидетельствует о его горячем стремлении к миру, к мирному сосуществованию всех наций, населяющих земной шар. Люди, занятые борьбой за повышение своего благосостояния, культуры, не могут думать о войне, она им не нужна, ненавистна.

Актуальность проблем, правдивость и яркость некоторых художественных образов, выразительность языка романа свидетельствуют о творческом росте А. Демченко. Но существенные недостатки, которые имеются в произведении и которые автору предстоит преодолеть, говорят, что он должен упорно овладевать писательским мастерством.

В произведении все должно быть необходимым, связанным в единое целое. Но в романе «На стремнине» есть герои, сцены, которые затрудняют восприятие идейного содержания. Например, ничего не дает для осуществления авторского замысла образ Михаила Платова, больного человека, которого автор пытается представить необыкновенным стойком. Ни к чему сцена, в которой описан парень-молоковоз, с его нелепой пляской. Этот парень плохо работает, проквашивает колхозное молоко и просит председателя артели перевести его на другую работу. Когда Голубя согласился удовлетворить его просьбу, парень от радости пустился в неистовый пляс. И автор пишет: «Хорошие, сильные люди. Значит, все дело в руководителях». Этот вывод не вытекает из описанной сцены, он художественно не оправдан.

Не всегда автору удается создавать полнокровные художественные образы. Некоторые герои романа «На стремнине» схематичны, бледны. Таковы председатель райисполкома Гошчаров, Остап, брат Наташи, которые в основном конфликте произведения почти никакой роли не играют. Писатель пытается показать любовь Федя Платова и Груни Никитиной, но

не смог глубоко раскрыть их душевный мир. Вся история отношений юноши и девушки невыразительна. Не хватает естественности секретарю райкома партии Ивану Ильичу, хотя именно эти качества писатель стремится подчеркнуть, когда описывает его поездку в колхоз «Горный большевик», его беседы с Евсеичем, Голубем, Жигулевым. Разговаривает он покровительственным тоном. Прощаясь, он, например, говорит Голубю: «...Давай, Степан Егорыч, послужи же народу... Держись. Не вылетай из седла. Принимайся за большие дела по-настоящему... Нет, еще не укатали... Не верю, чтоб укатали Сивку крутые горки. Думаю, что порадуешь на бюро райкома...» Обращаясь к Жигулеву, Иван Ильич сказал: «А ты за ним приглядывай, товарищ Жигулев... Твоя настойчивость и принципиальность мне нравятся. Таким и должен быть секретарь партийной организации... Ставьте хозяйство на научной основе. Зоотехника и агронома получите...»

Роман композиционно рыхл, некоторые сюжетные линии нестройны. Ярким примером этого может служить конфликт, разгоревшийся вокруг рыжика. В первых главах автор показал правоту Голубя и Жигулева, которые выступили против формализма в руководстве сельским хозяйством. За это Голубь и Жигулев были ошибочно наказаны райкомом партии. На этом конфликт обрывается, и по мере чтения романа читатель, захваченный другими событиями, успевает забыть о нем. Автор вспоминает о рыжике только в 22-й главе. В колхоз «Горный большевик» приезжает инструктор райкома партии Ковылкин и требует от Жигулева «исчерпывающих объяснений по незаконченному делу о рыжике». Второй секретарь райкома партии Ермаков говорит: «А на рыжик я езжал. Правильно сделали, что не посеяли. Буду добиваться пересмотра вашего дела». Такой большой разрыв в развитии сюжетной линии нарушает гармоничность композиции романа.

Серьезным недостатком композиции этого произведения, как впрочем и остальных, является дробность многих глав, состоящих из нескольких не-

больших эпизодов, не объединенных одной общей мыслью.

В качестве примера можно взять 9-ю главу (первая часть). В ней такое мелькание сценок, героев, что трудно выбрать что-нибудь главное и сосредоточиться на нем. В этой главе перечисляется, какие раздумья тревожат Жигулева о Прохорове, что он переживает после размолвки с женой; описывается встреча Жигулева с Шумихиным, разговор Жигулева и Голубя об отношении Прохорова к освоению новых земель, встреча Голубя с рыбаками, встреча Жигулева с мальчканы-рыбаками на протоке, его поездка с Антоновым на полевой стан и беседа с Наташей, которая писала заметку в стенгазету; говорится о том, как Маня, не вышедшая вовремя на работу из-за своего дня рождения, была встречена в бригаде, как Жигулев договорился с Антоновым о поручении для Наташи — делать обзоры газет для колхозников, как Жигулев и Голубь встретились в конторе, договорились о создании молодежных бригад; рассказывается о жалобе Никитиной, старой женщины, на беспутного сына, о разборе ее жалобы на заседании партбюро; о встрече Жигулева с Федей Плятовым и молодежью в клубе, где Павел выступил с призывом взяться за освоение новых земель. Вся эта пестрота сцен и героев убеждает, что автор мало заботится о стройности главы, ее ясности, целеустремленности.

Большое значение имеет точность описания места действия, обстановки, условий, в которых находятся герои произведения. Это дает возможность читателю более полно представить ту картину, которую изображает писатель. Но от этого требования А. Демченко часто отступает. Наглядным примером служит в его описании истории освоения новых земель.

Писатель часто говорит о покорении реки Камышенки, о том, чтобы прорваться к мокрым лугам, котопые находятся в плену у займища. Но даже тогда, когда колхозники вышли на строительство насыпи, он не дал описания местности. Читателю совершенно непонятно, как расположены луга, займище, горы, где протекает Камышенка, где должна строиться насыпь,

как она пройдет по отношению к реке. Конкретной, зримой картины нет, создается лишь абстрактное понятие о строительстве.

В романе встречаются противоречивые утверждения, неправдоподобные ситуации. В одном месте, например, говорится, что Антонов «когда-то был женат, жена умерла без него», а в другом автор пишет: «Антонов же разведенный муж... Женя убежала к другим». И читателю не ясно, что произошло в личной жизни Антонова: или его жена умерла, когда он был на фронте, или она его бросила, выйдя замуж за другого человека.

Не верится в правдивость того, как Даша уходила из роддома. Вот как это описывает А. Демченко: «...Павел... часто всламинал о том, как Даша с сыном в машине секретаря крайкома очутилась. Она зашла с мальчиком в райком и стала из приемной Прохорова звонить в Соколовку. «Тут сыночек развоzilся, да как начал реветь, — рассказывала Даша. — А меня только-только соединили с Соколовкой. Одной рукой держу сына, а другой трубку не отпускаю и кричу, кричу... а в трубке что-то хрипит, хрустит, будто по битому стеклу кто-то ходит и далеко-далеко голос слышно, словно комар пищит... Слушаю, слушаю и ничего понять не могу, кто это: колхоз или почта... Расстроилась совсем и чуть сама не плачу, оглянулась, Иван Ильич стоит с Прохоровым и белые усы пощипывает. Оказывается, он к нам ехал... и все слышал. И тебя знал хорошо... Уже дорогой узнала, что он секретарь крайкома...» Сомнительно, чтобы жена Жигулева, выписавшись из роддома, оказалась в таком положении. Это, видимо, понадобилось автору для того, чтобы заставить секретаря крайкома партии непременно привезти Дашу из больницы, и ради этого автор «уложняет обстоятельства».

Язык романа отличается богатством лексики, разнообразием синтаксических конструкций, сочностью. Но ему не достает шлифовки, которая достигается мастерами слова. В тексте встречаются стилистическая неряшливость, неточно употребленные слова. Писатель, например, неточно

употребляет слово «откровение»: «Он вызвал ее на откровение, и она создалась ему, что любит». Кстати, подобная фраза встречается и в романе «Чуйские зори»: «Неожиданное откровение любимого человека ошеломило ее». В данном случае слово «откровение» употреблено в значении слова «откровенность».

* Творчество А. Демченко связано с жизнью колхозного крестьянства, которому посвящены его книги «Шаргайта», «Чуйские зори», «На стремнине». Автор от произведения к произведению все глубже проникает в сущность проблем колхозной деревни, все увереннее идет к писательскому мастерству.

Постоянно находясь в гуще колхозного крестьянства, усмывая связь своего творчества с жизнью народа, А. Демченко имеет все необходимые условия, чтобы создавать достойные нашего читателя произведения, правдиво показывать героическую борьбу тружеников села за выполнение решений партии по подъему сельского хозяйства.

За последнее время партия подняла огромной важности вопрос о передаче сельскохозяйственной техники колхозам и создании ремонтных мастерских на базе существующих МТС. Это не может пройти мимо внимания писателя, если он стремится идти в ногу с нашей бурной эпохой.

Руководство Коммунистической партии литературой и искусством — вот та сила, которая вдохновляет и должна вдохновлять писателя на создание высокодейных, совершенных по форме художественных произведений, понятных народу и принадлежащих ему.

Коммунистическая партия показывает пример беззаветного служения народу, пример крепкой связи с ним, глубокого проникновения в сущность проблем общественного развития, пример своевременного выдвижения назревших задач и упорной борьбы за их осуществление. Только следуя по пути, указанному нашей партией, советский писатель сможет преданно служить своей социалистической Родине.

А. ОРЕХОВСКИЙ

О КРАСОТЕ ПРОСТЫХ И СКРОМНЫХ

В рабочих и сельских клубах нередко можно услышать стихи Ивана Фролова, в которых рассказывается о буднях простых тружеников, об огромных преобразованиях в нашем крае. Автор этих искренних, свежих стихов с волнением говорит о житнице Алтая — Кулунде, о ее замечательных людях. Говорит так, что мы, кажется, шагаем вместе с поэтом по этой чудесной богатой земле, преобразующейся по воле советского человека.

Проникновенное видение, умение замечать приметы нашего времени, времени социалистических созданий и необыкновенных преобразований, — та непреходящая сила и жизненность поэзии И. Фролова, которая, основываясь на конкретном местном материале, достигает глубоких обобщений, большого общественного звучания. Стихи Ивана Фролова пользуются популярностью у массового читателя: в них более ощутимо, чем в творчестве других алтайских поэтов, отразились большие дела советских людей.

В вопросах поэзии Иван Фролов был глубоко последовательным и принципиальным. В этом убеждают и книги поэта, и его дневники, и стихи, которые были в свое время помещены только в газетах, переводы и другие материалы.

Раннее творчество — стихи довоенных и военных лет, которые поэт не включал в свои книжки, — представляет большой интерес как для

исследователя, так и для массового читателя.

Вот, например, стихотворение «Призыв», вероятно, одно из первых:

С каждым днем редет неба
просинь,
Лес — в цвету поближшего
огня...

Ты богата и счастлива, осень!
Но счастливей есть ли кто
меня?

Этот день — всех прожитых
чудесней,

Беспримерным вечно будет он
Самой лучшей и веселой

Встретил я свой воинский
вагон.

Эlevator скрылся в дымке
синей,

Школа пробелела в стороне,
И ручонка маленького сына
Вслед приветно помахала мне.
И несется поезд грузной
птицей.

Семафор берет «под козырек».
Вперед маящая граница
И далекий и родной Восток.
Торопись, железный конь,

летучий,
Там, где травы тихо шепчут
лишь,

Над заставой грозно виснут
туши

И стоит обманчивая тишь.
Там, где даже пестрокрылым
птицам

Пролететь нельзя с той
 стороны,
 Буду ключ хранить я от
 границы,
 От богатства родной моей
 страны.
 С каждым днем редет неба
 просинь,
 Лес — в цвету поблекшего
 огня...
 Ты богата и счастлива, осень!
 Но богаче есть ли кто меня?

Везде: в колхозе,
 в МТС,
 в райкоме
 Задачи нет сейчас у нас иной.
 Важней,
 безотлагательнее,
 Кроме
 Весенней посевной.
 Теперь —
 работа каждому большая!
 Отчизна спросит,
 подводя итог:
 «А что же сделал ты
 для урожая,
 Когда и где,
 кому и чем помог?»
 Задача каждой полевой
 бригады —
 Везде дать севу
 самый полный ход.
 Посеять
 яровое
 за декаду
 И с наивысшим
 качеством работ!..

Рядом с этим стихотворением — четкая запись И. Фролова: «В самое трудное время, когда враг напал на нашу Родину, когда кое-кто приуныл, я начал петь. Если бы Родине не было так трудно, возможно, я никогда не стал бы поэтом».

«Призыв» И. Фролов не включал в сборники, которые были изданы, но, несомненно, что поэт дорожил стихотворением. Не случайно в дневнике сохранилась пожелтевшая вырезка из армейской газеты.

Хотя стихотворение «Призыв» было написано в пору первых литературных опытов — и это ясно из многих строк, но уже в нем перед нами поэт, нежный, доверчивый, с беспокойными мыслями и благородными стремлениями. Интересно в нем использован пейзаж: «поблекшие» краски осени противопоставлены расцветающему чувству молодого бойца, причем осень противопоставлена не контрастно. Еле уловимый нюанс между картиной природы и настроением, основной причиной которого является другое событие — призыв в ряды Советской Армии, — еще глубже передает искренность и глубину чувств новобранца. Подчеркивается в этом стихотворении главное, существенное в мирной жизни алтайских тружеников: «элеватор» и «школа» — не случайные детали. В этом лирическом этюде нет лишних красок, вычурных сравнений и определений, так часто встречающихся у начинающих поэтов.

Или возьмем еще одно стихотворение. Эти стихи с деловым заголовком «Посеять яровое за декаду!» поэт публиковал в «Алтайской правде»: Они начинаются ударными строками:

Показательно, что стихотворение «Посеять яровое за декаду!» И. Фролов сопровождал записью:

«Это одно из агитационных.
 — В наши дни писатель тот, кто напишет марш и лозунг, — говорил Маяковский.

Поэзия — идеологическая работа. А идеология не должна быть оторвана от практики. Как же я, поэт, могу стоять в стороне от важнейших задач партии».

Лучшие из таких стихов Ивана Фролова — пролог к большой поэтической работе.

Они обеспечили успех первого сборника, вышедшего в 1950 году.

Родился Иван Ефимович Фролов в 1918 году, в с. Колыбелька, Красноозерского района Новосибирской области, в семье крестьянина-бедняка. По окончании школы работал преподавателем русского языка и литературы, заведующим школой и одновременно учился в Томском педагогическом институте.

В 1939 по 1945 год Фролов — в рядах Советской Армии, награжден медалями «За победу над Германией» и «За победу над Японией». В 1937 году будущий поэт вступил в комсо-

мол, а в грозный год борьбы с врагом, в 1942, — в ряды Коммунистической партии Советского Союза. После демобилизации работал в краевой партийной и комсомольской печати.

Особенно плодотворным для творческого роста Ивана Фролова был 1946 год. Это было время, когда на Алтае развернулась поистине всенародная битва за хлеб. И в этой трудовой битве в качестве правого флангового выступала Кулундинская степь, ее славные труженики, вырастившие богатый урожай. Туда именно и был послан Иван Фролов в качестве корреспондента «Алтайской правды». Он много писал о замечательных людях степной Кулунды.

Принимая непосредственное участие в делах «простых и скромных», корреспондент И. Фролов породнился с будущими героями своих книжек и увлекся самобытным народным творчеством.

Он прислушивается к народным рассказам, собирает пословицы и поговорки, его до глубины души трогают частушки, которые, рождаясь на глазах, так ярко и удивительно просто выражают радостное отношение к труду, Родине, Коммунистической партии.

Бойкий частушечный хорей настолько заломился Фролову, что он даже положил его в основу некоторых стихотворений.

Так, в интересном по замыслу стихотворении «Новый год», стараясь подчеркнуть всенародную радость, Иван Фролов смог максимально приблизиться к народному выражению мыслей и чувств:

И, как солнышко приходит,
К нам придет победы час.
Время ходит в ногу с нами
И работает на нас.

И. Фролов создал специальные работы по устному народному творчеству в Алтайском крае. В частности, он обобщает деятельность агитбригад, уделяя особое внимание частушке как добротному агитационному материалу. Поэт рекомендует участникам агитбригады не только использовать уже готовые частушки, но и создавать новые, в которых огнем сатиры разить все то, что мешает нашему

движению вперед, и воспевать все передовое, новаторское:

«Частушки могут быть разнообразными по форме, но они должны неизменно отличаться ясностью, правдивостью», — пишет поэт, приводя примеры удачных народных частушек.

«Кроме тематики местного значения, — замечает И. Фролов, — частушки... многообразно отражают общие глубоко патриотические мысли и чувства советских людей. В репертуаре каждой агитбригады есть частушки о любимой Родине, о великих делах советских граждан, о зажиточной колхозной жизни. В наше время всенародной борьбы за мир во всем мире широкое распространение получило исполнение частушек на эту тему». Здесь же поэт называет имена лучших частушечников и отмечает, что народу-создателю свойственен глубокий оптимизм, светлое мировосприятие. Так, говоря о бытовании частушечного материала, Фролов подчеркивает, что частушки распространены всюду. Их «поют и в полеводческой бригаде, и на лесозаготовках, и на предприятиях края. Почти во всех районах Кулундинской степи забыты, вытеснены новыми советскими частушками тексты причитаний, в которых народ выплакивал раньше свою горькую долю».

В Кулундинской степи и родились стихи, вошедшие в первый сборник поэта. Первый сборник стихов И. Фролова (с названием, счастливо найденным, заключившим «душу» «привязан» к этому месту, Кулунда, с любовью названная поэтом «моей», особенно дорога И. Фролову, и дорога не только потому, что в Кулундинской степи, в селе с поэтическим названием Кольбелька, прошло его детство, не только потому, что эти былинные просторы с детства завладела его воображением. —

Равнина. Равнина.
Ни яра, ни пяди,
Равнина — на север,
Равнина — на юг.
Как будто гористую землю
разглядил
Гигантский горячий утюг.

Здесь воду качают
 полынные ветры.
 Идет па поля ледяная вода.
 Здесь смотришь и видишь
 на сто километров:
 Полсотни — туда и
 полсотни — сюда.
 А солнце! Вы видели солнце
 стелное?
 Его живоносная кровь горяча.
 Оно не скрывается здесь за
 горою,
 Оно до последнего светит
 луча, —

а потому, что эти былинные просторы
 согрело солнце Коммунистической
 партии, что здесь нашел счастье вдох-
 новенно трудиться и жить в достат-
 ке простой советский человек.

— У нас трудоднице-то
 в семь килограммов,
 А в книжке моей, погляди-ка,
 пятьсот! —

с гордостью заявляет рядовая кол-
 хозяйка сыну, приехавшему в родные
 места после длительного отсутствия.

Стихотворение «Кулунда», отрывки
 из которого мы цитировали выше, бы-
 ло написано в 1946 году и впервые
 опубликовано в «Алтайской правде».

Лирический герой этого стихотво-
 рения — советский боец, только что
 вернувшийся к мирной жизни. Он ис-
 тосковался по «разливам волнистой
 песницы», по созидательному твор-
 ческому труду, «по старинке родной»,
 где остались «босые детские следы»,
 откуда на большак жизни вышли его
 вихрастые сверстники.

Закономерно глубокое патриотиче-
 ское чувство, которое пронизывает все
 стихотворение и достигает пафоса в
 концовке:

Я сын твой.
 Я ездил и видел немало.
 Но в самых прекрасных
 больших городах
 Тебя мне всегда и везде не
 хватало,
 Мечта моя,
 Песня моя,
 Кулунда!

Искренняя любовь к Родине, к ее
 щедрой и красивой земле, к человеку,

наделенному завидной судьбой —
 быть всюду хозяином и созидателем,
 гармонически воплотилась в стихотво-
 рении «Кулунда». Эта любовь пока-
 зана непосредственно через чувства
 лирического героя и через чудесные
 степные пейзажи, проникнутые горя-
 чим чувством.

Исключительно ярко запечатленные
 картины колхозной Кулундинской сте-
 пи невольно вызывают образ могучей
 Советской Родины, гордой и крыла-
 той, не согнувшейся в суровые годы
 Великой Отечественной войны, вы-
 стоявшей в борьбе с фашизмом.

Такой же задушевной простотой,
 подкупающей свежести и искренно-
 сти, глубоко патриотического накала
 Фролов достигает во многих своих
 стихах, посвященных землякам-сель-
 чанам.

Простые и скромные советские лю-
 ди, герои большинства стихов И. Фро-
 лова, честно выполняют свой долг
 перед Родиной. Бескорыстное, са-
 моотверженное горение в труде де-
 ставляет им высшее удовлетво-
 рение.

По-настоящему взволнованно, с
 особой поэтической предельностью на-
 рисовал поэт образ скромной комсомол-
 ки Настя в стихотворении «Телефо-
 нистка».

Открывая «Телефонисткой» первый
 раздел книжки «Моя Кулунда»,
 И. Фролов сумел донести до сознания
 и сердца читателя особый смysl тру-
 довых будней советских людей. Это
 стихотворение отличается неподдель-
 ной народностью. Сам поэт впослед-
 ствии писал, что в основу стихотво-
 рения лег устный рассказ, записан-
 ный недалеко от Ребрихи, в рабочем
 поселке Павловске.

Со страниц книги встает конкрет-
 ный живой образ девушки с «белень-
 кой челкой», «в синем пиджачке» и
 «красном беретике», «с комсомоль-
 ским значком на груди». Настя, «са-
 мой работой сердце веселя», в совер-
 шенстве овладела не очень сложной,
 но необходимой Родине профессией —
 «руководить беседой городов», «све-
 динять сердца с сердцами». Ее исклю-
 чительно добросовестное отношение к
 делу показывается поэтом без лиш-
 них слов — через поступки и пережи-
 вания героини. Мы видим ее в обык-
 ной работе —

Соединит...!

Проверит усилитель.

и в «сверхсрочной» —

Лицо в поту горячем.

Звонки... Звонки...

Мелькают штепселя.

Ясны для нас ее бесхитрое поведенье и испосредственные переживания —

И улыбку радостно:

Нашла!

Тихонько пыль со столика

смахнула

И комсомольский тронула

значок.

Одной рукою быстрой

застегнула

На все застежки синий

пиджачок.

Собрала в стопки книжечки

и списки.

Порядок полный навела

в момент.

За дверью смена.

Тихий говор слышен.

И тонкий пальчик приложив

к губам,

Она шептала:

Тише! Тише! Тише!

И хотя в этом стихотворении есть налет сентиментальности и сказанся культ личности Сталина, но оно и в наше время не утратило своей поэтической свежести и впечатляющей действительности.

Таковыми же простыми героями труда являются работник прилавка и хлебороб.

Индивидуализируя речь героев, наделяя их свойственной им лексикой и умело используя монолог, естественно вводя в него оценки из уст собирательного образа — сельчан-земляков («Продавец»), а также диалог-беседу лирического героя — вопросы, ответы, реплики — с человеком, вступающим от имени народа («Шестаково поле»), поэт успешно справляется со своими задачами. Он показывает, что в стране победившего со-

циализма человек даже самой, казалось бы, «негероической» профессии, если он будет отдавать все свои силы служению народа, укрепляя могущество своей Родины, не останется незамеченным.

Бессмертие и слава человека — в его делах. Продавца, который «за всю работу не имел растраты, зато семнадцать премий и наград», земляки избирают в Совет. О хлеборобе Шестакове, мастере высоких урожаев, в народе осталась не только светлая память — он, подобно герою стихотворения В. Маяковского «Товарищу Нетте, пароходу и человеку», «умирая, воплотился в долгие дела» товарищей по труду. Поле, которое носит название умершего хлебороба, всегда дает высокие урожаи.

И славят друга земляки,

Всем славят — делом, словом:

— Куда идешь?

На Шестаки.

Откуда?

— С Шестакова.

Кроме живой связи с современностью, в сборнике «Моя Кулунда» наметилась основная направленность всего творчества И. Фролова — действительная любовь к людям труда и земле, преобразованной их делами.

Тема труда занимает ведущее место в сборнике И. Фролова. Одной из деталей этой темы нередко выступает поэтический образ зерна («Сразу видно: из Алтая», «Зерно»). Ведь алтайское зерно — ценнейший вклад в силу и мощь советской страны.

Показывает поэт и отношение сибиряков-кулундянцев к той большой Родине, частицей которой является Кулунда. Стихотворение «Хлеб-соль» состоит лишь из двух четверостиший, но поэт сумел в нем по-своему выразить чувства народа, очень сжато и вместе с тем ярко воплотить широкие обобщения:

Вдоль степного

Равнинного диска —

Поезда — к колесу колесо.

В грузных «пульманах» —

Хлеб кулундянский,

На платформах —

Бурлинская соль.

А с токов люди машут и машут,

Орывки цитируются не по первому изданию, впоследствии И. Фролов дополнил образ телефонистки интересными деталями.

Провожая свои поезда:
Это к Родине-матери нашей,
С хлебом-солью идет Кулунда!

Искренни и свежи стихи, посвященные юным друзьям: «Детство», «Спасибо тебе, комсомол», «Семянский перевал», «Почему», «Юннаты», «Коллектив».

С лирической теплотой вспоминая свое детство и детство своих сверстников, И. Фролов, по-сыновьи выражает признательность Родине, открывшей широкую дорогу молодежи в жизнь; «не словом, а сердцем самим» поэт благодарит комсомол за «высокий... подвиг в боях и труде» за верность делу Ильича и верность народу.

«Семянский перевал» выделяется среди стихов этого раздела. Это стихотворение во многом родственно по лирической взволнованности и искренности стихотворению «Кулунда». И кем говорится о большой любви к родному краю. Так, лирическому герою, оказавшемуся в Горном Алтае, —

Приятно почамы,
Когда ветер низовой ослаб.
Отдыхать наверху с кедрачами,
У замшелых простуженных лап.

Через своеобразные детали И. Фролов подводит нас к мысли, что Родина красива и величава, что в любом, даже самом дальнем уголке ее ты найдешь верных, надежных друзей. Перед читателем в качестве такого друга выступает обыкновенный придорожный кедр. Он вовремя, как радужный хозяин, разбудил и щедро награждал подарками человека, следующего к месту своего назначения.

Уже в первом сборнике И. Фролов рассказал о многом, рассказал по-настоящему поэтически. Его творчество заметили. Не только в местной печати, но и в центральных газетах появились статьи, в которых отмечалось, что И. Фролов открыл Кулунду в поэзии, что стихи его трогают задушевностью, естественностью речи, ясностью выражения.

Поэт С. Смирнов назвал свою рецензию, помещенную в газете «Комсомольская правда», «Земля алтайская». В этом названии пока-

зательно, что об Алтае читатели стали судить по стихам И. Фролова, и особенно о Кулунде, ее богатствах, тружениках, о ее пейзаже.

«Кулунда» — не пустая, безлюдная земля, — пишет С. Смирнов, — она шумит массивами спелой пшеницы, по ней идут комбайны. Здесь же он цитирует ярко запечатленные степные пейзажи из стихотворений И. Фролова «Кулунда».

В докладе А. Суркова на втором Всесоюзном совещании молодых писателей специально выделены среди стихов молодых поэтов, работающих над колхозной тематикой, стихи И. Фролова.

«Приятно отметить среди книг, — указывается в докладе, — стихи, в которых новая деревня, новые общественные отношения в ней раскрываются свежо, по-новому. К таким удачам относятся лучшие из стихов книги «Моя Кулунда» алтайского поэта Ивана Фролова. Фролов отрешился от абстрактно-риторической поэмы и рассказал о новой деревне. В таких стихотворениях, как «Телефонистка», «Продавец», в ряде реалистических миниатур он попытался пойти по трудному, но благородному пути, на который звал Маяковский, — раскрыть в самых прозаических, самых, казалось бы, «негероических» и будничных деревенских профессиях пафос и благородство преданности человека своему делу».

В первой книжке встречаются и досадные промахи. В рецензиях и докладе А. Суркова, наряду с хорошей оценкой сделанного И. Фроловым, отмечалось, что ему необходимо повысить требовательность к своим произведениям — настойчиво искать емкую форму, необходимое слово, верно отражающее жизнь.

Под обстрел критики попали, и попали не случайно, такие стихи, как «Да здравствует наш созидательный труд», «Полезащитные полосы», «Золото», «Аллодисменты», «Сваты» и другие.

В новых сборниках «О самых простых и скромных» (1952), «В добрый час» (1955), «Хорошо, когда ты нужен» (1956), «Край, в котором мы живем» (1957) поэт достигает замет-

ного творческого роста, выходя на дороги всесоюзной поэзии.

Расширяется круг тем и исканий поэта, причем темы приходят все более важные. И. Фролов в новых стихах стремится улавливать главное, существенное для современника, стремится идти в ногу с народом с его думами и надеждами. И хотя поэту не всегда удается сказать самое сокровенное, найти свое, новое в художественном освоении социалистической действительности, важно, что он растет политически, накапливает опыт, зорче присматривается к жизни, идет от конкретных образов к большому и глубокому обобщению.

Этого уже нельзя не заметить в сборнике «О самых простых и скромных». Только одно название говорит о многом и, в частности, о том, что поэт остался верен главному направлению — славить людей труда. Появляются в новых стихах и свежие темы, и оригинальные, свойственные творчеству И. Фролова интонации.

Так, изображая Волго-Донские стройки, И. Фролов через конкретные, на первый взгляд поверхностные детали отмечает героическую романтику социалистических свершений («Гора с горою сходится», «Рябина»).

Вот, например, в стихотворении «Гора с горою сходится» поэт рассказывает, как советские люди, вооруженные новейшей техникой, переделывают природу. Рассказывается об этом просто, естественно, с живым юмором. Ритмика стиха энергичная, бойкая, во многом дополняет его идейное содержание.

Вся желтовато-лунная
Теперь горя-красавица
Стоит у моря юного
И дамбой называется.

Она гордится экстренным,
Почетным выдвижением,
Своим весьма ответственным
Служебным положением.

Если в первых стихах И. Фролова встречались не всегда оправданные концовки, то в новой книжке поэт умеет решить тему «не в лоб», не громкими словами, а интересно найденными сюжетными поворотами. Кстати, в этом же стихотворении, отмечив то, что сделал труженик-

строитель, поэт с уверенностью говорит о его будущих делах:

Идет молва упорная,
Что рядом поселается
Соседка заозерная
И дамбой называется.
У нас такое водится:
Гора с горою сходится.

Активным мировосприятием проникнуто и стихотворение «Великим стройкам коммунизма». Поэт гордится, что в этих стройках участвуют его земляки, что «одна из станций отправления» грузов для всенародныхстроек — Кулунда.

Здоровым народным юмором согрета стихотворная новелла «Море идет в колхоз». Через образ старого колхозника, в прошлом моряка, И. Фролов показал, как встречает народ великие стройки.

Шутят хуторские казаки:
Ну, теперь я умирать не надо:
Ведь тебя, дедуся, моряка
Море узнает издалека.

Лед смеется:
Правильно, ребята.
Наша жизнь — она свое взяла.
Умирать и вправду рановато:
Есть еще и на море дела.

Как в лучших стихах первой книжки, И. Фролов находит убедительные слова и в авторских отступлениях, и диалогах героев.

Описывая, казалось бы, внешние стороны событий и впечатлений, И. Фролов в большинстве стихов по-прежнему разрешает тему труда. В таком стихотворении, как «Это — преграда войне», поэт непосредственно обращается к советскому человеку и призывает его, «не ведая покоя», стоять на трудовой вахте. Могущество нашей социалистической Родины, которое куется беззаветным трудом миллионов творцов новой жизни — это и есть преграда войне, по верному утверждению поэта.

Умеет И. Фролов лаконично и естественно, без слащавой сентиментальности опозитизировать даже не совсем обычную для поэтов тему — рождение человека. Осмысливая факт рождения человека в советской стране, автор проникновенно отмечает и святость материнства («Родильный

дом»), и великую заботу о детях в стране победившего социализма («Наташе»).

Глубокий лиризм стихотворения «Наташе» не может не дойти до сердца читателя. Эти стихи нельзя читать без волнения.

Ты еще совсем не знала света,
Не топтала на лугах цветы,
Лишь под сердцем материнским
где-то,

Бойкая, угадывалась ты.
Ты еще сама и не дышала,
Но уже заботясь и любя,
Самая великая держава
Ожидала, девочка, тебя.

Для тебя, певуны смуглолицей,
Хоть тебе еще и года нет,
Видишь, воздвигается в

столице

Лучший в мире университет.
Чтоб тебе жилось еще чудесней
Для тебя, Наташа, там и тут
Люди пишут радостные песни
И моря в пустынях создают.

Такой же идейной ясностью и искренностью проникнуто стихотворение «Май», в котором поэт, отталкиваясь от народного предания («родиться и жениться в мае — это значит маяться потом»), говорит о тех счастливых и радостных днях советского человека, которые он встречает в мае. Рассказывается об этом с мягким, подлинно поэтическим юмором и лиризмом. И поэтому так закономерно звучат последние строки, обобщающие основное содержание этого стихотворения:

Кто достоин своего народа,
Кто служить Отчизне рад,
У того счастливы год от года
Все двенадцать месяцев подряд.

Создает поэт и более широкие полотна — поэмы «Именины» и «Комсомольский значок».

Поэма «Именины» впоследствии была доработана автором и как отрывок включена в книгу «Край, в котором мы живем». Новый вариант этого произведения, озаглавленный «День рождения», можно считать зрелым, новым произведением.

Удивительно ярко поэт рассказал о жизни честного труженика, которого Советская власть вывела в Герои

Труда, которому сельчане-земляки доверили руководство своим колхозом.

До «Октября», счастливый день которого Степан Кузьмич по праву считает днем своего рождения, жизнь его была легкой. Оставшись сиротой сразу же после рождения, этот вдвойне несчастный, по определению кулака-миродея, «сураз» —

Батрачил годы —
Каторжно, бессонно,
Без доли человека.
Так и жил:
Дышал, смотрел и слушал —
Незаконно.
И незаконно по земле ходил.

Картина жизни обездоленного в прошлом батрака написана И. Фроловым колоритно, зримо. В безыскусственном рассказе от лица самого героя поэт добивается глубокого обобщения — читатель словно видит плоды Советской власти. Подкупает и язык, емкий, страстный, народный.

Поэма «Комсомольский значок» не совсем удалась И. Фролову. Основной недостаток ее — нежизненный, ходульный конфликт, упрощенное и схематичное изображение духовной жизни советской молодежи. Правда, в поэме есть и настоящие, сильные строки, хорошо передается атмосфера молодости, комсомольский огонек в делах героев...

Как и в «Моей Кулунде», в новом поэтическом сборнике И. Фролов стремится опозитизировать «негероические» профессии: он пишет о почтальоне, доставившем телеграмму няне, девушке из отдела писем. Но кроме этого, поэт не создал запоминающихся образов. Зато попытка создать образ «второй матери», несомненно, характерна для творчества поэта, получившего признание за свое пристальное внимание к простым людям.

Идя в ногу с жизнью, оптимистически воспринимая ее закономерное движение вперед, И. Фролов не мог не заметить ростки нового в колхозной деревне. Следует сказать, что если бы творчество И. Фролова в целом не имело такого жизнеутверждающего пафоса, то поэта можно бы-

до бы упрекнуть за отступление от жизненной правды в таких стихах как «По селу проходят «Москвичи», «Гость из Алушты» и некоторых других.

Ведь еще недавно приклеивалось, и причем незаслуженно, искренним и честным художникам пресловутое определение «лакировщик».

Но мы знаем, что не каждый поэт мог так всесторонне видеть жизнь, как видел ее В. Маяковский, у которого пафос отрицания старого мира был таким же могучим, как и пафос утверждения нового.

При жизни сам поэт защищал стихотворение «По селу проходят «Москвичи». В одном из выступлений перед литературным активом И. Фролов остановился на типическом в произведениях алтайских писателей.

«Часто в алтайской писательской организации, — говорил И. Фролов, — к вопросу типического подходили, так сказать, «с арифмометром»: достаточно сложить количество качественных особенностей людей и явлений, а потом разделить сумму этих особенностей на количество типов и в результате получится обобщенный типичный образ».

Здесь же И. Фролов высмеял такие «взгляды» и показал их теоретическую несостоятельность.

В этой связи небезынтересно вспомнить, с каким недоумением встретили в конце 20-х годов отдельные критики и писатели XIX главу поэмы «Хорошо» В. В. Маяковского.

А. Фадеев впоследствии писал:

«Надо сознаться, что даже мы, выходя из демократических низов, в известной мере тоже зачинатели сплетской литературы, не сразу поняли все величие и значение этой поэмы. Мы подошли к ней с узкой литературной точки зрения. Нам не понравилась ее декларативность. В этой поэме, перед десятой годовщиной «Октября», когда страна жила еще тяжело, когда стране было очень трудно, Маяковский говорил о ней, как о стране, уже утвердившей новый строй жизни. Он говорил о своей кровной связи с Советской Родиной. Теперь эта поэма звучит во весь голос, и многие из того, что было в ней — предвосхищено, осуществилось».

Естественно, что И. Фролов совершенно верно отстаивал право на жизнь и таких произведений, в которых отражаются зачатки нового, закономерного в жизни советских людей.

• • •

А новое в жизни не только всей страны, но и края, в котором жил поэт, — буквально на каждом шагу.

Современник решал животрепещущие проблемы времени: в колхозную деревню направляли специалистов с высшим образованием («В добрый час»), молодежь, приехавшая из больших городов, осваивала новые целинные земли («Паренек собирался в дорогу», «Письмо из Кулунды»), советский человек начал использовать атомную энергию в мирных целях, продолжая естественно бороться за мир во всем мире («Наша атомная сила», «Гранитное слово»), крепла дружба народов («Советско-китайская дружба», «Две сестры»), росли новые стройки («ГЭС на Иртыше», «Мираж»), богател и мужал Алтайский край («Хлеб на целине», «Осень в Кулунде»), повышался культурный и материальный уровень тружеников села («Докладчик», «Название села», «Любовь»).

Вот далеко не полный перечень тем, затронутых в книжке И. Фролова «В добрый час» (1955). Автор этой книжки не бесстрастный наблюдатель. Это беспокойный человек, влюбленный в жизнь, по-своему умеющий говорить о ней — с чудесной искоркой народного юмора.

Еще в первых книжках И. Фролова М. Исаковский верно подметил, что поэт не только умеет удачно выбирать темы для своих стихов, но и писать «по-настоящему поэтически с волнением сердца, иногда с таким хорошим юмором, который придает стихам особую прелесть».

С такой особой, фроловской «прелестью» написаны многие стихи этого сборника и особенно «Осень в Кулунде», «Мираж», «Докладчик».

К изображению осени обращались многие поэты, но у И. Фролова осень своя, кулундинская. Казалось бы, что перед нашими глазами вначале встанут лишь внешние приметы этого времени года, но присмотритесь — и пе-

ред вами яркая картина трудовой осени: жирные утки и гуси, «равнодушные к технике коровы», бестарки, у которых «плющится низ автокэлес», плодоносящие фруктовые сады. Конечно, это дело рук «простых и скромных», хотя о них будто бы нет и речи. И. Фролов никогда не забывает человека-созидателя, и в этом стихотворении о людях особенно хорошо напоминает незамысловатая деталь, своеобразно преломленная через мысль и чувство поэта.

Проклинает суслика жена:
Провалил, мол,
хлебоготовки --
Не осталось в поле ни зерна.

В схематично слепленных произведениях зачастую сюжет, в котором поэт прибегает к юмору как средству изображения, строится следующим образом: в начале стихотворения автор похвалит или поберит героя, а затем прояснит туманное — и получается в конце все наоборот: герой, которому симпатизировал читатель, окажется никчемным, или малопривлекательный человек — привлека-тельным.

И. Фролов во многих стихотворениях этого сборника с юмором рассказывает о буднях тружеников села. Это стихи «Букет цветов», «Осень в Кулунде», «Мираж», «Выше всех», «Докладчик», «Любовь» и другие.

Вообще «хороший юмор», по меткому определению М. Исаковского, является органической неотъемлемой частью лучших стихов Ивана Фролова. Так, говоря о том, что было, автор подводит неожиданно к мысли о том, что должно быть или есть, но чего не успел еще осмыслить читатель. И автор ведет читателя вперед, и ведет так естественно и просто, что читатель воспринимает сказанное поэтом как должное, нередко даже не улавливая тот подтекст, который обычно свойственен умному, чуткому и знающему свое дело педагогу.

Вот, например, стихотворение «Докладчик»:

Стулья и кресла поставлены
в ряд.
Дружно бы всем разместиться
В девять профессор читает
доклад:
«Новое в севе пшеницы».

Кто-то из зорких воскликнул:
— Спешит!

Едет, товарищи, едет!..
На грунтовом большаке

малыш
Дали дорогу «Победе».
Вот и докладчик, стремитель-
смель

С ним и помощников двое.
Зал ураганом оваций гремел,
Встретил ученого стоя.
В тонких деталях колхозную
жизнь

Знал он, как видно, отлично.
Так хорошо рассказал, что,
кажись,

Сеял, пахал самолично.
Слышится говор:

— Чудесный доклад!
Слушали все с интересом.

— Н-да. Голова!

— Не профессор, а клад.

— Что же. На то и профессор!

Кто-то встает, задавая вопрос,
Где он, профессор, родился и
рос

— Я до ученых еще не
долез, —

Старый докладчик смутился.

— Я бригадир из колхоза
«Прогресс».

В этом селе и родился.

Ясно, что бригадир может быть хорошим лектором. Поэтому образ «профессора»-бригадира не развенчивается, а утверждается, и мы соглашались с этим. Отсюда и жизнеутверждающая идея этого стихотворения, и авторская доброжелательная усмешка над безыменными героями — воспринимаются нами просто, как жизненное явление.

Многие стихи сборника имеют и совершенно другую тональную окраску. Они приближаются к таким, которые поэт в своем дневнике называл «агитационными». В них политическая страсть и гражданский пафос ощущаются более явно, голос автора становится более решительным и определенным. Это «Хлеб на целине», «Наши песни», «Наша атомная сила», «ГЭС на Иртыше». Наиболее удачное — «Наша атомная сила». В нем, осуждая поджигателей новой мировой войны, поэт с гордостью славит советскую атомную электростанцию, первую в мире.

Мы — за то,
Чтоб атомная сила
Рыла землю,
Сеяла хлеба.
Поезда по рельсам уносила —
Вот ее почетная судьба.

Еще в сборнике «Моя Кулунда» поэт посвящает целый раздел юным друзьям. В книжках «О самых простых и скромных», «В добрый час» И. Фролов не выделяет специально стихи, которые можно адресовать детям, в частности, «Хорошая работа», «Петина мама», сказки «Лис и Тигр», «Друзья пастушки Чолмоны» и др. В то же время многое, написанное для детей, поэт не включал в последние издания. Поэтому уже в 1956 году была подготовлена и вышла в свет книга «Хорошо, когда ты нужен». Кроме этой книги, И. Фролов в последние месяцы своей жизни готовил новую «Кукушкины слезки». Поскольку читателю известно не все, что написано для детей И. Фролов, об этом лучше поговорить позднее. Но и теперь ясно, что поэт плодотворно и успешно работал над детской тематикой и оставил много интересного и нужного. Особенно талантливо написаны им сказки, в которых используется устное творчество алтайского народа.

В одном из первых стихотворений И. Фролова замечательно говорится о неразрывной кровной связи Коммунистической партии и народа. В основу стихотворения положен, казалось бы, прозаический случай, но через него автор выразил отношение трудящихся к органу Центрального Комитета КПСС:

Чабан собрался спозаранку
В обычный путь. Жена ему
И номер «Правды» и буханку
Кладет в походную суму.
Он выведет овец из хлева
И тихо скажет в зеленях:
Уж что без «Правды», что
без хлеба
Не проживешь, браток, и дня!

«Край, в котором мы живем», последняя книжка, вышедшая при жив-

ни поэта, открывается стихами, прославляющими Коммунистическую партию Советского Союза («На Двадцатом съезде партии, ее рядовых членов («Обмен партийного билета»), убедительно раскрывает веру советского человека в ее правое дело.

Утверждая, что «любой из нас верно делегатом» был на Двадцатом съезде партии, что «от партии родной неотделимы все наши думы, помыслы, сердца», поэт тепло рисует тех рядовых коммунистов, которые своим самоотверженным трудом снискали всепартийную любовь и уважение к Коммунистической партии, к ЦК КПСС. Вот один из таких людей («Обмен партийного билета»). Он вступил в партию в суровые годы Отечественной войны и мужественно защищал Родину. Вернувшись с победой, он вдохновенно трудится на заводе: коллектив гордится им. Но когда потребовалось по призыву Коммунистической партии совершить подвиг «на целинных землях Кулунды», он скромно совершает его, работая «дни и ночи».

В стихотворении «Коммунист», остро конфликтном, решенном по-своему, И. Фролов с большой эмоциональной силой рассказал о могучей действенности идей коммунизма.

Осмысливая великую роль Коммунистической партии в строительстве зажиточной, счастливой жизни, И. Фролов в стихотворении «Первый трактор в Кулунде» с любовью вспоминает о человеке, который стоял у колыбели социалистических преобразований в Сибири. Это он, Владимир Ильич, послал в Сибирь в 1921 году первый трактор, захваченный у интервентов, это ленинской идее «сегодня покорились целина».

Покорения целина, на которой «даже купол голубого неба не вмещает выросшую рожь», теперь еще дороже поэту. Он следит за этой обновленной землей пристальным взглядом художника, и в его стихах («Дорога через рожь», «Первый парень на деревне», «Усадьба в Колыбельке», «Кулундинская степь») перед нами снова открываются бескрайние степные массивы, на которых уже счастливо трудятся новоселы, выращивая чудо-урожай. Если в стихотворении «Хлеб-соль» И. Фролов сравнивал

степь с диском, не давая этому диску развернутого определения, то тепер. Кулундинская степь воспринимается поэтом как стол, на котором:

Самобранка, предела не зная,
Предосепней порой на сто лет
Наготовит всего, что желает
Увидать человек на столе.
Все от хлеба и меда, и чая
До волшебной воды огневой...

Дополняя и уточняя наши представления о советской Кулунде, поэт в то же время видит, что молодеет и крепнет не только «край, в котором мы живем», но и вся современная Сибирь:

Пройди, мой друг, Алтай и
Заангарье,
Обь, Енисей и Лену обогни —
Дымят заводы, пахнет свежей
гарью:
Кругом горят сибирские огни.
(«Сибирские огни»).

С такой же задушевной искренностью и естественной простотой продолжает И. Фролов тему «простых и скромных».

Вот «неприметный и рыжий» колхозный счетовод, решительно заявляющий поэту:

— Колхоз без учета,
Что дом без дверей.

(«Под Новый год»).

И. Фролов явно симпатизирует сво-

ему герою. Такое же приятное чувство появляется и у читателя — стоит ему только познакомиться с этим непреклонным стражем народной колеечки. Вот товаровед, которая с радостью говорит о запросах и пожеланиях сельского покупателя. В этой незамысловатой речи поэт рассказал и о героине, честно выполняющей свое дело, и о растущих материальных возможностях тружеников села («Товаровед»).

С особой теплотой и сердечностью говорит И. Фролов о наших отцах и дедах, которые, «дожив до седины» на работе, словно львы, ревнивы, а в любви, как лебеди, верны» («Золотая свадьба»).

Новые переводы стихов поэтов, помещенные в последнем сборнике, свидетельствуют о политической и идейной зоркости И. Фролова.

Да и в поэзии Ивана Фролова главное — это умение видеть красоту наших будней, красоту неприметного героизма простых и скромных. В его стихах — наш человек, наш день, наше будущее. И нет большей беды в том, что в некоторых стихах И. Фролова мы встретим и неудачные сравнения, рифмы, спорные замыслы. В целом творчество поэта останется живой страницей в истории края, социалистической Родины, горячую любовь к которой поэт пронес через всю свою сознательную жизнь.

¹ Это стихи В. Кучника «Алтай», «Цель моей жизни», «В поле», «Песня друга», «Пиши мне, Елеш!», «Любимой», Б. Укачина «Журавли».

И. ФОМЕНКО

КРУТАЯ РАДУГА

«Крутая радуга» — так назвал сельский учитель Александр Садыков первый сборник своих стихов. Уже оглавление этой небольшой в скромной голубой обложке книжечки говорит о том, что автор горячо любит родную природу, свой край, его замечательных людей. Описанию природы в сборнике посвящена большая часть стихотворений. Лирик-пейзажист стремится воссоздать живописные картины времен года, живительную свежесть первого дождя и сердитый вой зимней выюги, увядающую прелесть осеннего листопада и кипучую энергию первых признаков пробуждения природы — весны.

Отрадно, что на первый взгляд незначительные явления, попавшие в поле зрения автора, порой приобретают подлинно поэтическое звучание. Несомненно удачны стихи А. Садыкова «Осень» и «Даль туманится, хмурится». Оба стихотворения посвящены одной теме — теме осени. Однако решены они по-разному. Если в первом мы встречаем неудержимый восторг поэта при виде обилия щедрот, которые дарит преображенная руками человека сибирская земля, его чувство национальной гордости, то во втором — мы искренне восхищаемся изумительной красотой осеннего пейзажа. Оба стихотворения идейно и эмоционально насыщены, оба создают у читателя светлое, радостное настроение.

В сборнике встречаются запоминающиеся образы передовых людей села.

Вот как живая встает перед глазами скромная героиня стихотворения «Телятница». Скупыми средствами стиха передан здесь характер девушки, всей душой преданной своему любимому делу.

В стихотворении «О друге» также рельефно выступает образ человека-создателя. Герой этого стихотворения лесник, горячо любит свою скромную благородную работу. И эту любовь поэт показывает через его близость к природе, через его отношение к ней.

Там каждый кустик, трепетный
и тонкий,
Любовь к нему безмолвную
хранят.

С доверчивою нежностью ребенка
Его плеча коснуться нравит.

Метафора воспринимается легко, читатель сразу представляет себе эти валежанные заботливой рукой человека молодые деревья. Они тянутся к солнцу, и, когда их красотой любуются старый лесник, кажется, что деревья оживают, расправляют свои зеленые одежды и отвечают приветствием на приветствие человека.

Удачно, на мой взгляд, передан пафос коллективного труда в стихотворении «Стреноженные всхрапывают кони». Ночь. Надвигается гроза. Но не спят на полевом стане хлеборобы. Оставшийся клнн овса они решили скосить при свете фар, чтобы не уступить его стихии.

Однако такой положительный отзыв заслуживают далеко не все стихотворения А. Садыкова. Значительно хуже, например, написано стихотворение «Дед Егор». Образ человека, который в нужный момент умеет «тряхнуть стариной», показать неожиданную для своих лет ловкость и силу, уже давно стал трафаретом в литературе. Автор не пытался найти нового решения этой темы.

В стихотворении «Бригадир» образ труженика вовсе заслонен перечислением зимних и весенних агромероприятий.

На наш взгляд А. Садыков не всегда умеет подметить самое главное, самое необходимое в описываемом им явлении, найти такие черты, через которые это явление наиболее полно выражается. Вот почему некоторые его стихотворения перегружены излишними деталями. Разительным примером такой художественной «перегрузки» картины может служить даже центральное стихотворение сборника «Летний дождь». В нем автор пять раз напоминает читателю о дожде. Так, в первом и во втором четверостишиях мы читаем:

...Дождя посыпался горох...
...пузырями покрылась лужа.

В третьем четверостишии дождь упоминается два раза:

За порот мне струя косая
Плеснула, кожу холодая.
Вон стайка мальчишек босая
Бежит под полосы дождя.

А в четвертом мы еще раз находим:

...дождя серебряную нить.

Это многократное перечисление не помогает читателю почувствовать полноты и значимости описываемого явления. Происходит это, возможно, еще и потому, что стихотворение не открыто личным отношением поэта к описываемому явлению. Когда читатель созерцательные холодные строчки А. Садыкова, невольно вспоминаются стихи Степана Щипачева. Ведь сумел же он, городской житель, иначе взглянуть на это обычное явление природы, когда в стихотворении «В троллейбусе» со всей страстью своего большого сердца заявил:

И можно ль не принять участия
И ливня не желать земле!

Подобным же недостатком страдает и стихотворение «Я красотой расцвета очарован». Это своеобразная палитра красок, где не хватает лишь тонкой кисти живописца. Картины раннего летнего утра, которая бы понастоящему захватывала, очаровывала, не получилось. Неумение автора найти и выделить главное привели к тому, что красивые и звучные строки лишились своей внутренней силы, краски поблекли, образы потеряли убедительность.

Воспроизведение действительно, объяснение ее и приговор — вот что считал основной задачей искусства великий революционный демократ Н. Г. Чернышевский. И там, где А. Садыков забывает это правило, где он просто фотографирует действительность, там он перестает быть художником.

Отказ от анализа явлений действительности, созерцательность в ее изображении притупили у автора чувство современности, паложжили на сборник печать легкости, мелкотемья. Где-то окольными путями обходит Садыков те новые, преобразующие начала, которые твердой поступью входят в нашу жизнь. Известно, что в сборнике опубликованы стихи разных лет. Но ни в одном из них автор даже и словом не обмолвился о том, как изменился наш край с освоением целинных и залежных земель.

Тема поднятой целины не нашла место в поэзии Садыкова. Стоит ли удивляться после этого, что в сборник включены стихи, где чувственный мир поэта не выходит за рамки узкого личного круга. Грусть, недоверие, ревность к женщине звучат, например, в стихотворении «Цветут под окном георгины». Преждевременная усталость, стремление отстраниться от васающихся дел и хлопот слышны в стихотворении «Уютно в березовой роще весною». Немногого хочет от жизни автор:

Дышал бесконечно бы воздухом
свежим.

Обросив тревоги, следил бы
часами,

Как ветер березы ласкает и
нежит,

Играя зелеными их волосами.
Да слушал бы пенье пичуг
голосистых...

Много претензий можно предъявить и к языку и стилю А. Садыкова. Язык автора небогат. Автор мало прислушивается к вечно живому и неиссякаемому источнику русской народной речи, с ее мудрыми пословицами и поговорками, меткими эпитетами и сравнениями. Нередко у него можно встретить такое лексическое неравновесие, когда рядом со словом, которое прочно вошло в современную жизнь, вдруг появляется какой-нибудь архаизм. Так, например, в стихотворении «Простор полей осенних золотист» слово «багрец» слишком непривычно и даже смешно рядом со словом «эстафета».

Поэту нередко изменяет вкус. Особенно это сказалось в стихотворении «Ты в чувствах притворяться не умея». Все стихотворение состоит из восьми строк. Однако в нем и «кокетства пошлый дар, и пожар, который гудит и в котором «холодные цветы фальшивых чувств», сгорают «неприменно», и еще немало подобных красивостей.

Стихи А. Садыкова не отличаются ритмическим разнообразием, почти все они написаны четырехстопным или пятистопным ямбом. Есть в сборнике стихи, написанные хореем, а также трехстопными размерами. Но надо прямо сказать, что эти классические размеры русского стихосложения у Садыкова теряют свою прелесть. И это понятно, небогатая лексика, ограниченность и скованность синтаксиса не позволяют поэту благотворно использовать эти размеры.

Однообразна и строфика. Садыков придерживается только одного вида

стихотворной строфы — четверостишия. Причем пользуется им даже тогда, когда это противоречит содержанию стиха. Например, ценность неплохого стихотворения «Течет заря в Солдатские Луга», написанного пятистопным ямбом и музыкально улегченного перрихием, теряется исключительно из-за строфической несобранности. Автор почему-то разбил все стихотворение на два четверостишия и одно двустишие. Паузы между строфами, да плюс к тому дробление внутри строк, которое создается смежной рифмой, сильно мешают целостному восприятию изумительной по красоте картины раннего осеннего утра. Эта величавая, полная непосредственного личного чувства тема требует более стройного, более музыкального обрамления, каким, например, явилась бы здесь октава — восьмистрочная строфа с тремя перекрестными и одной смежной рифмами.

Двустрочие, к которому иногда прибегает поэт, также не отличается ни емкостью мысли, ни глубиной выразительности.

Очень много А. Садыкову предстоит поработать над звуковым строем стиха. У него много слабых рифм, вроде: платки — огоньки. В стихотворении «Хотя мала речушка наша» рифмовка целиком построена на таких несовпадающих по звучанию словах как: жеребенок — зеленый, сверкает — золотая.

Мы подробно остановились на подсчетах и ошибках А. Садыкова. Это сделано, главным образом, потому, что у А. Садыкова есть серьезные возможности для роста. Хочется верить, что он не остановится на полпути, что стихи его будут ярче, своеобразнее, богаче.

ЯРОСЛАВ ГАШЕК В СИБИРИ

(К 75-летию со дня рождения)

18 апреля 1920 года в Красноярске впервые заседал городской Совет. На трибуну поднялся крепко сложенный, выше среднего роста мужчина в военной одежде.

— Нет ни одной страны в мире, пролетарии которой не понимали бы значения слова «Советы». Оно стало путеводной звездой, великой мечтой мирового пролетариата, но оно же является страшной угрозой для буржуазии...

Привычные русские слова зажигательно летели в зал, и лишь какое-нибудь одно из них звучало неожиданно плавно и певуче, выдавая иностранный акцент оратора. На трибуне стоял Ярослав Гашек — начальник Интернационального отделения при политотделе 5-й армии Восточного фронта, чешский писатель, будущий автор «Похождения бравого солдата Швейка».

Красноярцы уже хорошо знали это имя. Четыре месяца прошло с того времени, как части Красной Армии и партизаны окружили белогвардейцев и освободили Красноярск. Фронт ушел вперед, но город бурно переживал освобождение. В демонстрациях, агитконцертах, собраниях, митингах, заседаниях вместе с жителями Красноярска и войнами Красной Армии принимали участие многочисленные военнопленные из расположенных в центре и на окраине города лагерей, из стоявших на станциях железнодорож-

ных эшелонов. На улицах можно было услышать русскую, немецкую, венгерскую, итальянскую, сербскую, польскую речь.

В феврале в газете «Красноярский рабочий» была напечатана беседа местного журналиста с начальником Интернационального отделения Гашеком, рассказавшем о бывших военнопленных, находившихся в Сибири. Число их составляло 400 000 человек. До 50 процентов бывших военнопленных, по мере продвижения Красной Армии, вступает в ее ряды, в интернациональные отряды, другие могут быть использованы для создания трудовой армии.

Но военнопленные не были однородной массой. Лишь в одном Красноярске, как это сообщалось в докладе политотдела 5-й армии, находилось 3 000 офицеров (немцев и венгров), которые являлись антисоветскую и антикоммунистическую пропаганду. Нужно было не только выявить и обезвредить конкретных носителей враждебной идеологии, но и противопоставить вражеской агитации действительную большевистскую агитацию и пропаганду.

С этой целью Интернациональное отделение устраивало митинги, чтение лекций, концерты, посылало агитаторов, готовило и рассылало тезисы о работе среди иностранцев. Политотдел 5-й армии издавал в Красноярске информационный листок газеты

на немецком и венгерском языках, печатал и распространял листовки и воззвания.

Этой многогранной, напряженной работе Гашек отдавал себя всего.

В газете «Красноярский рабочий», в газете 5-й армии «Красный стрелок» сохранились сообщения об участии Гашека в кампании по выборам в Красноярский городской Совет, а также о его выступлениях на митингах, посвященных дню Парижской коммуны и годовщине венгерских Советов. Вместе с группой русских и иностранных товарищей Гашек принимал участие в создании пьесы, которая затем ставилась на венгерском языке в городском театре.

К сожалению, до сих пор не найдены издававшиеся в 1920 году политотделом 5-й армии при непосредственном участии Гашека газеты. Не найдены и готовившиеся им листовки и воззвания. Однако сохранились такие ценные материалы, как статьи и фельетоны Гашека, печатавшиеся в армейских газетах «Наш путь» и «Красный стрелок». Они позволяют нам полнее представить себе образ писателя-коммуниста, борца за Советскую власть.

Любопытна история того, как Гашек оказался в Сибири.

Во время второй мировой войны он был призван в австро-венгерскую армию и попал на Восточный фронт, где сдался русским в плен. Как и тысячи других чешских и словацких солдат, Гашек не хотел проливать кровь русских братьев, воевать за чуждые народу интересы. Находясь в плену, писатель вступил в формирующуюся в составе русской армии чехословацкую воинскую часть, позже получившую название Чехословацкого легиона.

После Октябрьской революции командование Чехословацкого легиона, изменив интересам рядовых легионеров, интересам всего народа, подняло контрреволюционный мятеж.

В ответ на измену командования часть легионеров еще до начала мятежа вышла из состава легиона, твердо решив встать на сторону русского революционного пролетариата, оказать ему помощь в его героической борьбе. Среди них был и Гашек.

Он отправился в Москву, туда, где

билося сердце революции. Здесь уже собрались представители многих чехословацких социал-демократических групп. Готовилось оформление этих групп в Чехословацкую коммунистическую партию в России.

Пребывание в Москве было для Гашека большой политической школой. Он имел возможность слушать речи вождей, знакомиться с руководящими партийными документами. Именно в Москве в марте 1918 года вступил писатель в члены Российской Коммунистической партии (большевиком), а затем в ряды Красной Армии.

Некоторое время Гашек находился в Москве, сотрудничая в чешской газете — органе чешских и словацких социал-демократов — интернационалистов в России. Затем в числе других агитаторов-коммунистов он был командирован в Самару, через которую должны были проследовать части Чехословацкого корпуса. Здесь Гашек организует центр по набору чехов и словаков в Красную Армию, издает листовки, воззвания.

Вспыхнувший в конце мая чехословацкий мятеж заставляет писателя перейти на нелегальное положение. Два месяца бродит он переодетый от села к селу, от города к городу, пока не пробирается в Симбирск, свободный от белогвардейцев.

Гашек получает направление в политотдел 5-й армии Восточного фронта, располагавшийся тогда в Бугульме. Сначала он работает в комендатуре Бугульмы, а затем, когда Реввоенсовет и политотдел армии постановили приступить к изданию большой ежедневной газеты, направляется в распоряжение редакции, где исполняет обязанности одновременно заведующего типографией и литературного сотрудника.

При непосредственном участии Гашека быстро был налажен регулярный выпуск газеты. Типография успешно выполняла свои задачи и тогда, когда части 5-й армии временно вынуждены были оставить Уфу. К моменту героического наступления 5-й армии на Колчака и освобождения Сибири типография, как об этом свидетельствуют очевидцы, представляла собой уже большое, хорошо налаженное хозяйство, имевшее в своем рас-

поражении специальный поезд с отдельными вагонами под наборной и печатный цехи, электростанцию, склад бумаги и материалов, радиостанцию.

Первый фельетон Гашека появился в 3-м номере армейской газеты «Наш путь». В дальнейшем статьи, фельетоны, заметки Гашека печатаются систематически, пользуясь, по словам редактора газеты В. Сорокина, большой популярностью у читателей.

Острым пером сатирика борется Гашек против контрреволюционных происков буржуазии, разоблачает внутренних и внешних врагов Советской власти, разъясняет красноармейцам решения партии, смысл происходящих на фронтах и за рубежом событий.

Наиболее интересными из фельетонов Гашека, написанных в те дни, являются «Из дневника уфимского буржуа» и «Об уфимском разбойнике лавочнике Булакулине».

Герой фельетона «Из дневника уфимского буржуа» обстоятельно, самодовольно рассказывает о хозяйничании белогвардейцев и интервентов в Уфе. Происходят драматические события, но чем невероятнее они, тем глуповосторженней отношение к ним героя, и тем ярче встает перед нами его облик.

Фельетон «Об уфимском разбойнике лавочнике Булакулине» другого рода. Автор говорит здесь от первого лица, он гневно рисует облик ярого стяжателя и спекулянта, даже перед смертью раздумывающего о том, не дешево ли он продал колбасу.

Полон издевки, сарказма, уничтожающего смеха небольшой памфлет Гашека «Англо-французы в Сибири», напечатанный тогда, когда части 5-й армии уже вели бои на Тоболе.

«Везде в железнодорожных киосках Восточной Сибири, — пишет Гашек, — можно встретить империалистические газеты: английские — «Манджурния Дей Нью», «Руссия Дей Нью», «Азиатик Нью Аженс» и французские — «Журналь де Пекин», «Журналь де Сибири». Перед духовными очами всех господ, редакторов этих иностранных газет, яркой звездой горит только одна точка: Россия — в каче-

стве страны со старым царским строем, с генералами, капиталистами, губернаторами, городовыми, вокруг которых вертятся «союзники».

«Что же прелятствует осуществлению этих радостных для буржуазии мечтаний?» — задает вопрос писатель.

И образно отвечает:

«Русский рабочий и крестьянин, который хватает режиссеров из империалистического театра за руки и отбирает у них колчаковскую Сибирь и другие декорации и бутафории черпаченной «Святой Руси».

Английские и французские газеты, замечает далее автор, врут не хуже белогвардейских. Но вот известия о поражении Колчака начинают доходить на Дальний Восток. И тогда журналы и газеты интервентов, полные до тех пор победных гимнов, вдруг выкидывают флаги парходных обществ. Сразу появляются в газетах объявления: «Прямое сообщение парходами через океан в Америку, Англию, Францию».

«Не скучно читать эти газеты и есть чем позабавиться!» — весело восклицает Гашек.

В газетах интервентов писатель отыскал сообщение о том, что чешский добровольческий отряд отправился в Китай для охраны французского посольства.

«Вероятно, чешско-словацкие белогвардейцы в настоящее время по поручению «союзников» будут в Китае вешать кули во имя спасения славянства, родины и китайского «Учредительного собрания», с сарказмом восклицает он.

Немалое место в газетных выступлениях Гашека заняла антирелигиозная тематика. Как известно, часть реакционного духовенства в годы гражданской войны активно участвовала в вооруженной борьбе против трудящихся. Гашек не жалеет красок, чтобы разоблачить роль прикрывавшихся именем бога защитников старого строя.

Одним из лучших среди антирелигиозных фельетонов Гашека был «Дневник попа Малюты из полка Иисуса Христа».

Вот одна из записей в этом дневнике:

«Март (Златоуст).

Возлюбленные о господе архипастыри, пастыри и все верные чады православной церкви российской вместе с божьей милостью царем Всероссийским Александром IV (Колчаком) объявили гонение на язычников-большевиков. Из нашей братии сформирован батальон, к которому прибавили два батальона из татар и башкир. Это полк Иисуса Христа.

Когда мы выехали из Челябинска, то купеческая публика на вокзале кричала нам: «Да здравствует капитализм!». «Вперед за православную веру!». Все татары и башкиры в нашем полку стройно ответили: «Ура!».

Художественный прием фельетона очень близок к приемам, использованным в «Похождениях braveго солдата Швейка». Сразу вспоминается образ фельдкурата Каца из этого романа. В конце августа 1919 года Гашек уходит из типографии, получив новое назначение. Через некоторое время писатель утвержден начальником Интернационального отдела при политотделе 5-й армии.

Работа секретарем комитета иностранных коммунистов, деятельность в политотделе отнимают у Гашека все свободное время. К концу 1919 года его статьи в армейской газете уже встречаются реже, а за 1920 год известны только несколько корреспонденций Гашека на русском языке. Последняя была опубликована 15 августа 1920 года и посвящена высказываниям белогвардейцев 5-й армии.

В ходе наступления 5-й армии на Колчака, Гашек развернул агитацию и пропаганду среди иностранцев, находившихся в Уфе, Челябинске, Омске, Новониколаевске, Красноярске, Иркутске. Только за два месяца, с августа по октябрь 1919 года, в одном Челябинске было проведено 12 интернациональных митингов-концертов, 18 собраний, 9 бесед. Было распространено много разнообразной политической литературы.

Эта работа давала плоды. Усиливался приток добровольцев из среды бывших военнопленных. Лучшие из них связывали свою судьбу с Коммунистической партией.

Владимир Илич Ленин на VII съезде РКП(б) так говорил о деятельности иностранных групп:

«Велась пропаганда и агитация среди находящихся в России иностранцев и был организован целый ряд иностранных групп. Целые десятки членов этих групп были целиком посвящены в основные планы и общие задачи политики в смысле руководящих линий. Сотни тысяч военнопленных из армий, которые империалисты строили исключительно в своих целях, передвинувшись в Венгрию, в Германию, в Австрию, создали то, что баццлы большевизма захватили эти страны целиком. И если там господствуют группы или партии, с нами солидарные, то это благодаря той, по внешности не видной и в организации отчете суммарной и краткой работе иностранных групп в России, которая составляла одну из самых важных страниц в деятельности Российской Коммунистической партии, как одной из ячеек Всемирной Коммунистической партии».

Разгромив колчаковские войска, 5-я армия остановилась у Байкала. Героический боевой путь прошли революционные полки. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, отмечая заслуги 5-й армии, вручил ей Почетное Красное Знамя и орден Красного Знамени.

Неволью вспоминается в связи с этим коротенькая заметка, промелькнувшая в газетах совсем недавно. Исполком Казанского городского Совета, отмечая заслуги Ярослава Гашека, участвовавшего в освобождении от белогвардейцев и интервентов многих районов Татарской АССР, присвоил одной из улиц столицы республики его имя. Именем Гашека названа одна из улиц города Бугульмы.

Деятельность Интернационального отдела постепенно свертывалась. Эшелон за эшелоном иностранцы отбывали на родину. Было принято решение отправить на родину и Гашека. Он откомандировывается в Москву, в распоряжение Политического управления при Революционном военном совете Республики, а в конце 1920 года вместе с женой — бывшей наборщицей газеты 5-й армии Александрой Гавриловной Львовой (брак с ней Гашек регистрировал в Красноярске) — отбывает в Чехословакию. Перед отъездом в анкете на воп-

рос, в какое место желает ехать. Гашек лаконично отвечает: «Куда требуют».

Годы пребывания в России, в рядах Советской Армии, годы, овеянные пафосом боев Великого Октября, явились решающими для формирования мировоззрения выдающегося чешского писателя.

Вскоре по возвращении из Советской России, несмотря на тяжелую обстановку, на организованную буржуазией травлю, писатель-коммунист Гашек приступает к созданию «Похождений храброго солдата Швейка» — широкого исторического полотна, явившегося выдающимся достижением чешской и мировой сатирической литературы.

Годы гражданской войны углубили жизненный опыт, расширили политический кругозор Гашека, закалили его сатирическое перо. У русских коммунистов научился он беспредельной преданности интересам народа, самоотверженности в борьбе за его свободу, беспощадности к его врагам.

В этом году исполнилось 40 лет Советских Вооруженных Сил. Чествуя героических советских воинов, наш народ с благодарностью вспомнил и иностранных коммунистов, сражавшихся на нашей земле за счастье и свободу народов России в годы гражданской войны — Матэ Залку, Олеко Дундича и многих других пламенных борцов. В ряду этих имен ярко сияет и имя чешского писателя Ярослава Гашека.

Электронная библиотека АКУНЬ

ИЗ ИСТОРИИ НАШЕГО КРАЯ

П. БОРОДКИН

ПОХОД В ГОРЫ

(Очерк)

В первой половине XVIII века русские цари проявляли особый интерес к Алтаю. Их интересовали не только рудные богатства Алтая, они стремились расширить в этих местах границы своих владений.

В 1745 году по приказанию бригадира Безра,¹ который выполнял секретный указ сената, в малоизученные районы Горного Алтая была послана экспедиция из местных жителей: приписных крестьян, казаков, горожан. Экспедиция во главе с рудоискателем Петром Шелегиным, работавшим у Демидова, прошла по тем временам большой и трудный путь, собрала необходимые сведения о Горном Алтае.

Но люди, совершившие подвиг, остались незамеченными. Царские чиновники не нашли нужным выполнить свои же обещания о «милостях» участникам экспедиции, и их ожидала участь бесправных рабов.

Эпизод с экспедицией Шелегина, о котором рассказывает настоящий очерк — героическая страница истории русского народа и в то же время яркое доказательство его бесправия в условиях крепостничества.

В феврале 1745 года, по приказанию царицы Елизаветы I, на лихих ямских тройках примчалась на Алтай

комиссия знатоков горного дела во главе с бригадиром Безром. Комиссия остановилась на Колывано-Воскресенском заводе Демидова. Безр со своими подчиненными с дотошностью вникали во все заводские и рудничные дела, творимые приказчиками и служителями Демидова, с единственной целью — найти во что бы то ни стало в алтайских рудах золото с серебром и способы их выплавки.

Но не одно это накладывало отпечаток озабоченности на лице Безра. В дорожном ларце, обитом узорчатым сафьяном, хранился секретный указ сената от 26 июля 1744 года. Указ строго предписывал Безру провести обследование малоизученной горной области от Колывано-Воскресенского завода до Телецкого озера и далее и незамедлительно сообщить о том с нарочным в Петербург.

В просторной комнате заводской канцелярии, за столом, накрытым тяжелой скатертью, сидел Безр. На новом мундире тускло блестели многочисленные награды и отличительные знаки бригадирского чина. Безр хранил неподвижную позу и казался врезанным в высокую спинку кресла. Напротив стоял человек, высокий и сухощавый, но широкий в плечах. Ветхая овчинная шубейка со множеством заплат причудливых форм была очень короткой, отчего человек выглядел гораздо выше своего настоящего роста. Безр упер-

¹ Средний чин в таблице о рангах между полковником и генерал-майором.

ся в человека холодным пронизательным взглядом серых немигающих глаз и вел подробный расспрос.

— Петр Иванов сын Шелегин. Так ли ты прозываешься?

В знак почтения и нескрываемого страха перед высокопоставленным начальником Шелегин отвесил поклон в пояс и ответил неровным от волнения голосом:

— В точности так, высокородный господин!

— Сколько лет от роду, какого звания будешь?

— Лет от роду 42, из тутошних крестьян я.

— Как долго обретаешься у Демидова, бывал ли у Телецкого озера?

— Для господина Демидова 12 лет руды прискиваю, доводилось мне, нижайшему, с товарищами хаживать до той самой озерины!

По всей видимости, довольный тем, что ответы Шелегина совпали с ранее полученными сведениями о нем от демидовских приказчиков, Безр согнал с лица строгое выражение и заговорил более мягким и ровным голосом:

— Наслышан о тебе немало... говорят, ты в здешних местах, что рыба в воде, и в рудах понятие имеешь. Поразмыслил и решил я по силе указа правительствующего сената послать тебя во главе разного чина людишек к Телецкому озеру, на пользу ея императорского величества...

При мысли о царской службе холодная дрожь неприятно покоробила спину Шелегина, передалась коленям.

— Не по силам мне, нижайшему, такая почесть... грамоте не разумею...

Безр, не привыкший терпеть мужицких возражений, властным жестом перебил Шелегина и с раздражением в голосе сказал:

— Ведомо, что грамоты не знаешь! Приказ тебе пока один: без промедления подбирай охочий люд, какой тебе подручие, а по весне в путь! Понял?... Иди!

В кузнецкую воеводскую канцелярию, демидовские руднично-заводские конторы полетели указы комиссии. В них Безр именем «ея императорского величества» строго требовал, чтобы власти не препятствовали охочим людям в желании пойти в горы, а их семьям не чинили бы обид и

притеснений, не обременяли заводскими и прочими работами.

Из разных уголков Алтая и из других сибирских мест на Колывано-Воскресенский завод повалил толпами охочий люд. Шелегин отбирал для похода в горы тех, кто отваживались бросить дома не только ради милостей, обещанных в указе. Приехал на завод и 75-летний старец, крестьянин Белоярской крепости Корнила Тушин.

В каморку, отведенную Шелегину, ввалился запросто, с шумом, как будто пришел в ней с пеленок.

— Здорово, Петра! Принимай старика под свое начало!

— Дед Корнила! и выпала же радость! — Шелегин сграбастал в охапку старика, затем суетливо задвигал тяжелым табуретом и виновато сказал: — и чего это я гостю места не даю! Садись, дед Корнила!

Не одну дорожку на Алтае протоптал дед Корнила: зверя промышлял, руду искал. Шелегина когда-то обучал тому. За чаем да за разговорами старые друзья не заметили, как миновала полночь.

— Сила от меня не ушла и глазом не ослаб, — говорил дед. — Мне-то не откажешь. А вот за внука Саньку просить буду... 14 лет парню... ему прогулка пойдет впрок... к нам приглядится да с трудностью обывает — глядишь и рудознатцем добрым станет...

К началу апреля 1745 года Шелегин отобрал 95 человек для похода в горы.

Это были крестьяне и казаки Белоярской и Бийской крепостей, Берского, Сосновского и Чаусского округов, а также жители городов Кузнецка, Томска, Тары и переводчик — телеут Чауш.

Многие из новых товарищей Шелегина в поисках вольной жизни, рудных залежей извелили пути-дороги в самые потаенные уголки алтайской земли. Сыскался среди охочего люда и грамотей — крестьянин Белоярской крепости Василий Степанов. Его Шелегин взял помощником к себе по письменной части.

9 апреля 1745 года в церкви Воскресения при Колывано-Воскресенском заводе совершился несколько необычный обряд. Густой бас местного священника Бориса Данилова ло-

мал торжественную тишину. Весь церковный причт застыл в неподвижности, слушая чтение священника.

«Аз нижепоименованный обещаюсь и клянусь всемогущим богом и пред святым его евангелием...»

Коленопреклоненные Шелегин и Степанов громко и внятно повторяли прочитанное и ощущали, как их сердца постепенно овладевал холодный страх и чувство безвольной покорности принимаемому на себя тяжелому долгу.

Поэтому, когда последнее «аминь!» заглохло в церковных сводах, Шелегин и Степанов издали скрытый вздох облегчения. Светлее стало на душе.

Время пощадило документ, известный под названием клятвенного обещания, или присяги, на верность царской службе, которую от имени 96 человек приняли Шелегин со Степановым. Документ повывне не утратил свежести чернил, сохранилась под ним и надпись корявой, неуверенной скорописью: «...вместо означенного Шелегина и за себя Василий Степанов подписуюсь svoеручно».

После принятия присяги сам Безр вызвал к себе Шелегина и Степанова, внушительно и долго поучал:

— Слушайте и помните... надлежит вам по пути разведать реки и озера, поселения и под чьим оныя владением... особенно примечайте места, способные для постройки крепостей, для хлебопашества и скотоводства, а также рудные места. Поразмыслите, откуда можно быстрее и надежнее доставлять провиант к Телецкому озеру. На то вам секретная инструкция сочинена.

Безр вручил Шелегину закрученную в трубку бумагу, понизил голос, будто опасался, что посторонние уши могут услышать сказанное, таинственным полусшепотом добавил:

— Ведомо, что в тамошних краях кочуют племена, подвластные джунгарскому хану Галдан-Церену... при встрече с ними, дабы не воспоследовало бы вам каких-либо препятствий, купцами именуется, торг открыт старайтесь... а, паче чаяния, от джунгарцев последуют противные действия оружием и инструкцией не миновать оглядки — приказываю изорвать ее на

мелкие доскутья, дабы прочесть было не можно.

Апрельским утром 1745 года длинный обоз экспедиции покинул Колывано-Воскресенский завод. Помимо провианта на телегах лежали выделанные кожи, предметы домашнего обихода из железа, веревочные концы, скрученные в кольца, — все необходимое для торгова.

30 апреля обоз достиг западного берега Катуня, недалеко от русской деревеньки Иконниковой. Безлюдная долина реки расцвела в весеннем роскошном наряде, который поражал взгляд богатством природных красок. Упрутые побеги молодотравья были так густы, что напоминали плотный зеленый ворс гигантского ковра с небрежно разбросанными по нему цветистыми пятнами. Густые заросли белоснежной ромашки вклинивались в обширные поляны, покрытые ярко-желтыми ирисами. Среди нежно-голубых васильков или темно-синих колокольчиков маленькими круглыми островками выделялись бледно-желтые хрупкие лилии. От пунцово-красного цветенья марьиных кореньев, как в огне, полыхали прибрежные корявые крутоярья.

Пять дней люди не покладали рук, готовились к переправе: рубили деревья, сооружали крепкие плоты, способные выдержать напор могучего течения реки.

Бойкому журчанью воды вторил восхищенный говор:

— И приволье ж! А земля-то! Пусть стошь извечная. Ковырни сохой — сок брызнет!

Полной грудью люди вдыхали густой от медвяных запахов весны воздух и давались диву — усталость не брала.

5 мая 1745 года экспедиция благополучно переправилась на правый берег Катуня и двинулась на юго-восток. Путь пролегал по слегка всхолмленной долине. Отдохнувшие лошади легко катили повозки. Вдали зеленели отлогие предгорья Северного Алтая. Их вершины образовывали непрерывную зубчатую линию, которая в одном месте взмывала резко вверх. Это высилась гора Бобырган.

На стоянках Шелегин приказывал ловить рыбу в Катуня. Санька Тушин поварил с казаком Ивановым и

неизменно хлопотали у огромного костра. Когда на землю опускались прохладные сумерки, начинался ужин. Мужичьи желудки наполнялись отменной пищей, не виданной и в редкий праздник: за наваристой ухой, приправленной сушеной колбой, или диким чесноком, следовали подрумяненные жирные куски тайменя, кудрявая крупинка к крупинке, пшенная каша, обильно сдобренная маслом. Заканчивался ужин чаем, заваренным на свежих пахучих прутьях дикой смородины и шиповника.

После ужина люди начинали разговоры под стать своему настроению.

— От, бог даст, сыщем, Петра, руды добрые, царской мялостью не будем обойдены, — обратился к Шелегину, стоявшему в центре людского круга, казак Бикатунской крепости Ермил Дорофеев.

— Ишь ты о чем! — вмешался дед Корнила.

— Царскую-то милость мужику, что ветер ситом не пымать... Известно, что за милость к мужику... смолоду бегаю я от нее... ты бы о другом, Ермила, что для мужика пользительней!..

Через круг черной тенью метнулась человеческая фигура, остановилась возле деда Корнилы и начала отчаянно вертеть руками:

— Зачем зря говоришь? Много раз бывал речка Башкауз и Чулышман! Ой руда сколько, много-много, разных!

Дед поднялся на ноги, снисходительно, без малейшего упрека, сказал: — Не ту обедню, Чауш, завел! Я о зиме, а ты о лете.

Раздался добродушный сдержанный смех десятков людей: Чауш, обескураженный своей опрометчивостью, ушел на место.

За полночь Шелегин выставил дозоры.

В путевом журнале экспедиции, который вел Степанов, каждый день появлялись новые записи. Шелегин хорошо помнил строгий наказ Безра и внимательно изучал проходимые места. 9 мая 1745 года, когда экспедиция подошла к устью реки Иши при ее впадении в Катумь, в журнале появилась запись: «...есть к строению крепости место весьма удобное, лесов, боров и скотских вылупков довольное

число, к хлебопашеству десятин, например, будет тысячи на две или на три... Спустя несколько дней при устье реки Маймы зоркий взгляд Саньки Тушина обнаружил признаки недалекого жилья. — Вон там, влево, дядя Петра, конскими копытами трава прямята, волосявые пути валяются! — Довольный похвалой за открытие, Санька вновь шмыгнул в сторону и неумоимо выискивал все, казавшееся ему сколько-нибудь значительным.

К исходу дня на открытой луговине, убегавшей зеленой скатертью от берега Маймы, показались островерхие юрты. Обоз остановился. Шелегин с Чаушем верхом на конях подъехали к кочевью.

— Сюда ходи! — указал Чауш на юрту, крытую белыми конскими шкурами и выглядевшую среди остальных более нарядной.

— Здесь должна старейшина!

На зов Чауша из юрты вышел неслишком старый, крепкий, приземистый и еще в силе человек.

Он измерял пришельцев недоверчивым взглядом бархатно-черных глаз и приветствовал их молча легким кивком головы.

— Передай ему, что мы подданные его императорского величества, приехали торг вести. Спроси, кому ясак платят, — сказал Шелегин. На расспросы Чауша человек ответил тем, что нырнул обратно в юрту, а затем возвратился с собольими шкурами в руке.

Он отложил в сторону одну звериную шкуру и начал говорить спокойно и размеренно. По лицу его, как заметил Шелегин, изредка пробегала еле уловимая улыбка.

— Он старейшина, — перевел Чауш, — телеут кочевать надо! Малая ясак плати: один соболь человека русский царь бери!

Затем старейшина отсчитал пять соболей, швырнул на землю, затараторил так часто, что Чауш едва успевал уловить смысл сказанного. В глазах старейшины загорелись недобрые огоньки, желтоватое лицо покрыли красные пятна.

— Говорит он, — перевел Чауш, — джунгарский хан ох кахой злой и жадный, пять соболей с человека ясак плати, еще два будет набавлять!

По настоятельному приглашению старейшины экспедиция остановилась на ночлег рядом с кочевьем.

Огромные языкастые костры разлили по луговине красноватый, трепетно-дрожащий свет. Было видно, как возле огня хлопотали суетливые хозяева, а затем с простодушным гостеприимством угощали русских вареной бараниной, крепким и пахучим настоем китайского чая.

Завязалась беседа. Чауш при переводе добавлял смешную отсебятину. И русские и телеуты смеялись от души, довольные случайной встречей. Утром Шелегин вручил старейшине подарок — большой железный котел и таган. Среди собравшихся на проводы телеутов, подобно легкому шороху ветра в листве, пробежал откровенный гул одобрения:

— Карош русский! — перевел его смысл Чауш.

Старейшина вручил Шелегину длинную резную трубку из березы и вызвался с двумя телеутами показать удобный путь.

Степанов внес краткую запись в полевой журнал:

«...пошли по реке Майме по ней жилища двоеданцев ясашных таутелеуцких татар курт тридцать... удобных мест, лесов и скотских выпусков довольно число, а к хлебопашеству малое число».

От Маймы Шелегин круто повернул на восток. Продвигаться с каждым шагом становилось труднее. От непрерывных ударов о камни сыпались спицы в колесах.

Все чаще попадались крутые подъемы и спуски. Веселые луговины с богатым разнотравьем, березниками и черемухой, сменялись мрачной чернью — густыми зарослями ели, пихты и кедрача.

Здесь было прохладно: лежал глубокий снег, надежно укрытый от солнца сплошным навесом из елово-пихтовых ветвей. Дед Корнила предложил: — Пристало, Петра, бросить телеги! Одна помеха от них! — Груз навьючили на лошадей и на людей. Исковерканные телеги остались на берегу реки Сары-Кокши, как память о проходивших здесь людях.

Ватага пошла медленнее. То и дело проваливались в снег по самое брюхо лошади. Люди передвигались осто-

рожно, выскивая ногами на ощупь более твердые клочки лежалого снега.

17 мая экспедиция вышла на левый западный берег Би. Путь к Телецкому озеру, более удобный и известный Шелегину, пролегал по восточному берегу реки. После короткого отдыха в этот же день караван совершил переправу.

Каждая лошадь привязывалась поводом к хвосту следовавшей перед ней. Образовалась живая цепь, которая могла легче преодолеть течение реки. На спинах лошадей прочно закрепили груз. На первую более сильную лошадь сел Чауш, не раз совершавший переправы через стремительные горные реки. Раздались громкие крики погонщиков. Вскоре весь караван погрузился в воду. Вслед за ним тянулась полоска кипящей пены. Тревожное ржанье лошадей заглушало шум реки.

Последними переправлялись люди, крепко сцепившись в гривы лошадей. На самой стремительной реке, где вода закручивала глубокие воронки, неожиданно разорвалась живая цепь. Отвязавшиеся две лошади стало сносить течением на острый каменный выступ, торчавший из воды. На передней лошади плыл Санька Тушин. Дед Корнила замер и онемел от страха. Между тем, Санька совсем не думал сидеть сложа руки перед лицом опасности и был далек от состояния оцепенения, которое сковало деда. Санька, подобно Чаушу, громкими криками, частыми ударами ног в бока лошади заставлял работать ее в полную меру своих сил.

— Слава те богу! — облегченно вздохнул дед Корнила, осенил себя крестом, когда Санькина лошадь ступила на каменный берег и с нескупываемым восхищением добавил: — Ай да Санька!

Переправа закончилась вечером.

Запылали костры. Люди сушили промокшую одежду, поклажи, варили пищу. Ранним утром ватага тронулась в путь. Постепенно река становилась уже, а течение ее — стремительнее. На третьи сутки после переправы до слуха людей донесся глухой рокот, напоминавший раскаты далекого грома.

Вскоре в разрывах прибрежных зарослей стало видно, как река зеле-

новой прозрачной лентой срывалась с каменистого обрыва, крутилась внизу в бешеном хороводе и сбивала пыльные булки издреватой, белоснежной пены. Над водопадом, в лучах солнца, искрила цветами радуги водяная пыль. Это были истоки Бии. За порогом начиналось Телецкое озеро. Его гладкая, без единой рябинки поверхность, покоилась в обрывистых каменистых берегах, заросших пихтячом и ельником.

Дальнейший путь, еще ранее разведанный спутниками Шелегина, проходил по западному берегу Телецкого озера. Ватага вновь переправилась, на этот раз без происшествий, через Бию и решила разделиться на две группы: одна должна берегом, а другая водой достичь южной оконечности озера и встретиться там.

Как записано в путевом журнале, Шелегин стоял на одном месте с 21 по 25 мая. В это время люди строили лодки, лошади отдыхали. Вековухи тишину нарушили непривычные для черной тайги звуки: визг пил, дружный перезвон топоров, рубивших вековые кедры, частый перестук молотков, русский говор.

26 мая на воде покачивались три лодки-баркасы. На каждой из них разместили груз и по 6 человек. Дед Корнила — старшой немудрой флотилии — подал знак картузом, гребцы взмахнули лопашными веслами, и баркасы бойко побежали по озерной глади.

Лошади с облегченным грузом и после отдыха зашатали проворнее. Но путь преграждали многочисленные переправы через бурные речки, которые вытекали из Катунского хребта и впадали в озеро, отвесные скалы, каменные завалы. Приходилось часто двигаться вперед, крепко держа под уздцы лошадей, которые опасливо косили глазами в черные провалы пропастей.

За 6 дней караван с большим трудом прошел около 100 верст и вышел к устью реки Чулышмана, впадающего с юга в Телецкое озеро. Стояли погожие дни, которые обычны для этих мест в мае-июне, когда поверхность озера не ерошат ветры с юга — «верховки», ни с севера — «низовки». Дед Корнила на четыре дня раньше Шелегина приплыл к устью Чулыш-

мана. «Озерники» встретили «сухопутников» не с пустыми руками: успели наловить много телецких хариусов, застрелить несколько горных козлов — тэке.

Шесть дней ватага безбедно отдыхала, набиралась сил для похода в те места, где по рассказам кузнецкого жителя Егора Булатова и Чауша находились рудные камни. Несколько лет назад хаживал туда Булатов с кузнецким дворянином Медьниковым и другими служилыми людьми.

— А место то, Петра, лежит между Чулышманом и Башкаусом рекой как идти отсюда на полдень! — сказал Булатов Шелегину, когда караван тронулся в путь по узкой долине Чулышмана, зажатой между высоких гор.

Осталось позади устье реки Башкауса. Местность приняла более унылый вид: на правом гористом и безлесном берегу Чулышмана виднелись лишь отдельные зеленые пятна, все чаще попадались нагромождения гранитных камней, принесенных течением горных потоков, чахлая растительность на солонцеватых почвах.

Караван с левого берега Чулышмана свернул на юго-запад по направлению к верховьям реки Башкауса. Булатов останавливался в гранитных россыпях и подолгу осматривал поверхность камней. Однажды он радостно закричал:

— Вот они, Петра, смотри!

Шелегин и вся ватага увидела на камнях высеченные крестики. — То метки дворянина Мельникова. Отсель идут рудные места!

Шелегин, дед Корнила, Булатов и Чауш вскоре набрали тяжелых рудных камешков и старательно уложили в деревянные сундучки. Здесь караван расположился на длительную стоянку. Шелегин хотел подробнее исследовать долину реки.

— Ну что, зря говорил моя, — торжествующе трещал Чауш возле деда Корнилы.

— Руда много, дальше — больше.

— Обожди кудахтать. Цыплят по осени считают! — беззлобно ответил дед.

К вечеру на берегу Башкауса пока-

¹ На юг.

зались люди, погонявшие навьюченных лошадей. Чье-то кочевье меняло стоянку. Чауш, посланный к кочевникам, вернулся ни с чем. Кочевники делали вид или на самом деле плохо понимали язык телеутов и на вопрос, кому платят ясак, отвечали угрюмым молчанием, а на Чауша не обратили равно никакого внимания.

Слушая Чауша, Шелегин проникся смутным предчувствием чего-то недоброго и приказал выставить на ночь вокруг лагеря усиленный караул.

Когда легкий ветерок и лучи солнца рассеяли молочный туман, перед взорами Шелегина и его товарищей предстала необычная картина.

Вблизи лагеря толпились сотни всадников, вооруженных турками¹ и сайдаками². В стороне стояло несколько десятков кольчужников³. Их металлические доспехи холодно поблескивали на солнце. Всадники построились в боевой порядок и, взяв оружие на изготовку, начали сжимать кольцо вокруг лагеря.

Шелегин подозвал деда Коркила, Степанова, Чауша и вместе с ними пошел навстречу надвигавшейся опасности. Всадники остановились.

Шелегин подошел вплотную к ним и через Чауша попросил старшего. Здоровенный скауштый детина в легкой шубейке, расшитой дорогими мехами, в сопровождении нескольких человек подъехал на добром монгольском коне к Шелегину и заговорил крикливо-резким, высоким голосом.

— Джунгарский князь Чап велит уйти русским быстро-быстро с земли его повелителя Галдан-Церена. Не ходи русский обратно — князь воевать будет, — перевел Чауш разговор Чапа.

— Передай ему, что мы пришли с торгом, а не воевать джунгарского хана и зла никому не хотим! — сказал Шелегин.

Чап побагровел, крепко ударил ногами лошадь и грозно прорычал:

— Торг вести не хочет, травы коням не дает! — перевел Чауш и добавил: — Нядо ходить обратно!

Ничего не оставалось делать, как быстро собраться в обратный путь. Всадники джунгарского князька бесцеремонно отбирали у русских все, что нравилось, подгоняли плетью тех, кто, как им казалось, медленно собирались в дорогу.

Ватага уходила, провожаемая взглядами злых глаз. Вслед Чап послал несколько десятков кольчужников, чтобы русские не вернулись обратно или не свернули куда-либо в сторону.

Темной ночью Шелегин отправил вперед десяток надежных и бывалых людей. В весточке, которую настроил Безру Степанов и отосланной с людьми, Шелегин сообщал:

«...и дошли до реки вершины Башкаусские, то в то время приезжали к нам башлык Чап Зимин сын с ним конных Каракольских, Саяцких и Чулышманских татар сот с пятью, у которых у каждого татарина по турке и по сайдаку, в том числе у них кольчужников сорок семь человек не допустили нас не только каких присков рудных приискывать... и к торговле и травы лошадям не дали и едва не прибили и возвращены были с великим трудом обратно на Телецкое озеро...»

На Телецком озере ватага вновь разделилась на две части: одна поплыла в баркасах, другая пошла по неисследованному восточному берегу. Джунгарские кольчужники бросили слежку тогда, когда Шелегин дошел до истоков Бии. 30 июня 1745 года ватага на лодках и лошадях достигла дер. Новиковой в нижнем течении реки Бии, а 9 июля — Колывано-Воскресенского завода. Безру, получивший ранее известие о причинах возвращения экспедиции, а также образцы руд, встретил Шелегина и Степанова приветливо.

— Отбери из числа своих товарищей 16, которых сочтешь достойными. Жди моего приказа, ни в какие работы не ходить, если не считать, что явится охота руду искать поблизости... в горы еще сходить надобно.

Вскоре Безру уехал в Екатерин-

¹ Турки — род шомпольных ружей.
² Сайдак — лук со стрелами.
³ Кольчужник — воин, одетый в кольчугу.

бург, а оттуда в Петербург. Перед отъездом бригадир очень внимательно изучил путевой журнал Шелегина и нашел, что сведения в нем представляют немалый интерес для сената. Шелегина предполагалось вызвать в Екатеринбург для дачи более подробных данных о исследованных районах Горного Алтая.

— Не говорил я, что милость царскую добудем! — торжествуяще говорил казак Дорофеев.

Дед Корнила отмалчивался. Оба они и Санька попали в число 16 человек, отобранных Шелегиным.

Шло время. Безр не подавал никакой весточки. Этим воспользовались горные чиновники, оставленные бригадиром для присмотра за делами и нмуществом царской комиссии. Шелегина и 16 избранных вновь заста-

вили зарабатывать «подушные деньги».¹

С утра до вечера они возили, сортировали, дробили руду. Наравне с другими работали дед Корнила и Санька.

С тяжелым вздохом люди вспоминали минувшие вольные деньки, а дед Корнила упорно твердил свое:

— Нет, не пымать мужику царских милостей!

¹ «Подушные деньги» — налог, который взимался государством с каждой мужской души. На Кольвано-Воскресенских (Алтайских) заводах крестьяне обязывались сенатскими и царскими указами зарабатывать деньги, которые в казну вносились за крестьян заводскими конторами.

Электронная библиотека АКУН

САТИРА И ЮМОР

ВЯЧЕСЛАВ ЧИЛИКИН

РАССКАЗЫ О ЧИСТОЙ СОВЕСТИ

1. Однажды вечером

Сержант милиции Портупеев возвращался к себе в район из соседнего села. Попутного транспорта он дожидаться не стал, а пошел пешком через поле приобретать закалку.

Накануне Портупеев сильно промок, и теперь ему нездоровилось. Одолевал кашель, в боку колело, по спине холодной лягушкой пробегал озноб.

Стоял сентябрь. День был пасмурный, а к вечеру зарядил мелкий осенний дождь. Сержант глубже натянул зеленый капюшон плаща, но въедливая сырость все равно проникала за ворот и выступала на лбу холодной испариной.

«Вот так свалишься в дороге, и никто сразу не хватится», — уныло думал Портупеев. Теперь он жалел, что не дождался попутной машины или подводы, но возвращаться было поздно. Предстояло сделать немалый конец, и он усилием воли ускорял шаг, преодолевая странную скованность в отяжелевшем теле.

Быстро темнело. Вязкая грязь на неторенной тропке сиротливо чавкала. Широкая проезжая дорога осталась далеко в стороне. По ней было удобней идти, но эта тропка срезала расстояние чуть ли не вдвое.

Кончилось колючее жнивье, похожее в жухлом осеннем сумраке на темные космы. Потом зачернело какое-то большое строение, одиноко торчавшее в этом продрогшем безлюдье. «Колхозный амбар», — догадался милиционер, и замедлил шаг.

Это и впрямь был амбар, какие делают под зерно. Около

него не было ни души. «Тоже мне, хозяева, — подумал Портупеев. — Собственное добро оставляют без надзора. А потом — милиция, выручай! Вынюхивай следы, рыскай под дождем, наживай кашель...»

Раздумывая так, сержант вдруг заметил крадущуюся из кустов человеческую фигуру. Фигура приблизилась к складу и остановилась, словно прислушиваясь. Портупеев пригнулся, чтобы его не было видно, и принялся наблюдать. Дождь продолжал моросить, капли гулко стучали по капюшону, и он боялся, чтобы этот шум не выдал его присутствие.

Фигура была, уже около самой двери. Послышалось железное бряканье замка. «Только не спешить, — успокаивал себя Портупеев. — Пусть сначала сломает замок, а то выскользнет, как пескарь промеж пальцев».

Однако злоумышленник не стал ломать замок. Осторожно озираясь, он шмыгнул к задней стене амбара. Только тут сержант заметил у него в руке маленький плотницкий топорик. Визгливо, с противным распеваем скрипнула отдираемая доска.

Милиционер непослушными пальцами расстегнул кобуру, выхватил пистолет и рванулся вперед.

— Стой!

Фигура от неожиданности выронила топорик. Послышался дрожащий хриповатый голос:

— Руки-то вверх поднять, али как?

— Стой, говорю, — повторил милиционер, подходя к злоумышленнику.

— Ты мне насчет рук поясни, — не унимался тот. — Ежели их по закону полагается вверх поднять, то я подниму, а нет, так и не надо. Чтобы правопорядок не нарушить...

— Хватит болтать, — строго сказал милиционер. Он чувствовал, что озноб у него усилился и во рту стало суше. Подошел к амбару, тронул ногой низ доски. Ну, конечно же! Доска оторвана, из-под нее сыпучей горкой набежала пшеница.

— Ясное дело, — пробормотал себе под нос Портупеев.

— Куда яснее, — со вздохом согласился злоумышленник. К лицу Портупеева приблизились испуганные глазки и жиденькая, висящая лохмотьями борода. — В район поведешь или в колхоз?

— В район ближе, — буркнул милиционер и зашелся сухим кашлем.

— Эка напасть, — сокрушенно покачал головой злоумышленник. — Не полагалось бы мне отсюда уходить. Да ведь что поделаешь... Порядок есть порядок.

Он потянулся было к топорiku, но отдернул руку и повернулся к милиционеру.

— Улику-то сам возьмешь, али мне взять?

Португеев поднял топорик и произнес сквозь зубы:

— Марш!

Злоумышленник понурил голову и зашлепал по разбухшей тропе неуклюжими медвежьими ногами. Был он в полушубке и в зимней овчиной шапке. Руки неумело держал за спиной, — они у него наверное затекали, и он время от времени встряхивал то одной, то другой, а потом опять заводил за спину.

— Можете опустить руки, если неудобно, — разрешил милиционер. Человек глянул на него через плечо.

— А правопорядком как предусмотрено? Можно опускать?

— Можно.

— Смотри, ты вспомни хорошенько. Как бы нам с тобой беды не наделать.

Стало совсем темно. Дождик перестал, но воздух был до отказа налит сыростью. Португеев то и дело кашлял с тяжелым хрипом, и всякий раз перед его глазами вспыхивали розовые всполохи. Ноги отказались идти, и он переставлял их через великую силу. Человек в полушубке снова повернул голову через плечо.

— Как там по правопорядку, могу я с тобой разговаривать, али нет?

— Нельзя, — прохрипел Португеев.

— Ишь ты, оказия какая, — помотал головой арестант. — Мне сдается, что где-нибудь в законах дополнительный пункт должен быть насчет разговору. Мол, в исключительных случаях разрешается. У нас в колхозе агроном — бедовая головушка. Он так говорит: любой тезис толкуй творчески. Предписано два килограмма высева, а ты почву пощупай и смекай: не доходней ли будет два с половиной сеять. Чую — бредешь ты, сердешный, еле-еле. И улику еще тащить приходится. А в ней худо-бедно три килограмма весу. Дал бы мне улику-то, чего уж там...

— Иди, знай!

— Я-то иду. А вот от тебя жаром так и пышет. Уж не сыпняк ли с тобой приключился? Тогда по правопорядку надо тебя изолировать. Вот и войди в мое положение.

Португеев изнемогал. В глазах его поплыли огненные круги. Он зашатался и ухватился рукой за придорожный кустик. Человек в полушубке проворно подошел к нему и взял под руку.

— Давай-ка я тебе помогу. Чего уж там... Обопрись на меня, так ловчее будет. Тут недалекояко осталось. До речки добредем, а там нас Кирюха-перевозчик на ту сторону перебросит. Вот тебе и без мала в районе. Пойдем, пойдем. Полу-

чится — вроде бы это ты меня ведешь, и никакого нарушения правопорядку.

Так дошли они до реки. Стояла глубокая ночь. Невидимые волны угрюмо разговаривали между собой — должно быть о том, что скоро кончится приволье и стыть им на трескучем морозе голубым льдом. «Столкнет в воду — и поминай, как звали», — мерещилось где-то в закоулке сознания у Португеева.

— А вот здесь и Кирюха обитает, — сказал человек в полушубке, подходя к избушке, что ютилась на берегу. — Сейчас мы его взбудем, и он нас живо на тот конец перебросит. Он хотя и придурковатый, а дисциплину понимает.

Человек торкнулся в дверь, она раскрылась. Голубовато чиркнула спичка.

— Экая оказия, — простонал человек в полушубке. — Заметило мне, что сегодня суббота. Кирюха-то на село уехал, в баньке попариться. Придется нам с тобой здесь заночевать. Кирюха, чай, не обидится.

Они, нагнувшись, вошли в теплую духоту землянки. Португеев нащупал топчан и тяжело опустился на него.

— Ты плащ-то сними, вон он какой у тебя, — сказал ему спутник по-домашнему. — Да улику-то брось в угол, ну ее к ляду. Я сейчас скорехонько смотаюсь сушнячку набрать, хворостишку. Огонек вздую, так-то веселее ночь скоротаем. Только вот загвоздка какая, не должен я без конвоя отлучаться. Это будет форменное нарушение правопорядка. Давай, так сделаем: я шубу с шапкой здесь оставляю, а сам быстренько обернусь. По такой погоде раздежкой много не нагуляешь.

Скоро в камельке весело затрещали сучья, розовые цветы запрыгали по стене.

— Вот мы вроде бы и дома, — захихикал от удовольствия спутник. — Ты меня можешь пока Матвеем звать. Ничего, нарушения не будет.

Помолчав немного, он продолжал:

— Большой разум нужен, чтобы правопорядок понимать. Вот со мной была эта одна история, так что я и сейчас не могу ее раскумекать. Неводили мы здесь с Кирюхой неподалеку рыбу по колхозному заданию. Погода была холодная, и припасли мы по этому случаю поллитровочку. Распили честь по чести, захотелось, понятное дело, повторить. У меня круженье пошло в голове, я и говорю Кирюхе: валяй-ка, брат, на берег, замотай ведро рыбы, — вот и будет нам с тобой вроде как бы магарыч. Замотали мы с ним, стало быть, ведро колхозной рыбы. Смекаешь?

— Выходит, ты рецидивист, — прохрипел Португеев с топчана.

— Ага, — почему-то обрадовался Матвей. — Теперь следи

дальше: наутро принялась меня грызть совесть, да так ли принялась грызть — свету божьего не взвидел. Ладно, думаю, за то ведерко я целую гору рыбы колхозу выложу. Почитай, сутки сидел я потом в воде безвылазно, до зубодробления сидел, до ревматизма, а три заданья-таки дал. Да еще какими налимчиками-то дал, какими стерлядками! Вот и разберись теперь: покрыл я вину, али нет? Как оно будет по правопорядку-то?

Милиционер прохрипел что-то невразумительное. Матвей безнадежно махнул рукой.

— Ума не приложу, как оно будет. А только ведерко-то у меня по сю пору из головы нейдет.

Португеев сдавленно застонал. Матвей подошел к нему и пощупал лоб.

— Это ты легкие застудил, — сказал он убежденно. — Вот я пошукаю у Кириухи, может, маслице какое сыщется. Очень полезно растереться, и чтобы за ночь потом прошибло.

Разыскал на подоконнике бутылочку с одонками подсолнечного масла, уговорил Португеева снять рубаху и принялся растирать ему грудь, приговаривая:

— Сложенье у тебя, братец, квелое, ребра-то так и топорчатся. И чего это тебя в милицию потянуло, такого хлипкого... Себе на погибель.

Потом он укрыл его полушубком, а сам прикорнул в углу на корточках.

На другой день, когда они подходили к милиции, Португеев устало сказал Матвею:

— Хороший ты человек, отец. Вот что я тебе скажу: ступай своей дорогой. Не хочу тебе лиха — ступай...

Матвей вперил в него злые глазки.

— За такое нарушение правопорядка тебя надо заарестовать.

В милиции он подробно объяснил, как было дело.

— С моей точки зрения охранял я колхозный амбар, поскольку поставлен ночным сторожем. В амбаре, стало быть, хлеб, и лежит он там подходящее время. Лежит, стало быть, на моей ответственности, и никто не придет проверить, каково зерно. Может, оно горит, может, ворошить надо? Войдите в мое положение: с одной стороны я за качество ровно бы не отвечаю, а с другой — ровно бы и отвечаю. Если у меня подозрение, что хлеб горит, должен я принять меры али нет? Как там по правопорядку?

Раскинул я умишком и надумал так, что должен. Перво-наперво, конечно, председателю по форме докладывал. А тому хоть бы что, только рукой машет — собственную инициативу, мол, прояви. Мудреный тезис. Как хочешь, так и толкуй. Вот, стало быть, отодрал я аккуратненько досточку, чтобы пощупать, не горит ли хлеб, а товарищ милиционер ка-ак сграбас-

тает меня за шиворот! С его точки зрения, я колхозный хлеб грабил. Тоже правильная точка зрения, потому что — улики налицо. Я его отговаривать не стал. Коли улики налицо — тащи в милицию и не слушай, что тебе в уши надуют.

Запротоколили в милиции этот рассказ и обеспечили Матвея транспортом до самого колхоза. Перед тем, как уехать, он сказал:

— Вы этого, как его... Португеева, когда он поправится, от милицейской работы избавьте. Какой он милиционер! Сердце у него кисельное для такого дела. Этак он у вас всех воров распустил. А трудящийся класс потом отдувайся.

Закрывая двери, строго пообещал:

— Я проконтролирую!

2. Крякухи

Нашу бригаду послали распахивать неудобья. Участок считался завалившим, бросовым, потому что гнездилился среди камышовых озер и добраться до него было делом нешуточным. Одни только охотники заглядывали сюда по весне да еще осенью, когда камыши стонали от птичьего засилья.

А потом заглянул на этот участок агроном, пощупал землю и сказал, что разбрасываться такой благодатью негоже. Вот тогда-то и поспешили определить неудобья под яровой сев. Доставили мы сюда тракторный вагончик еще по снежку, а как солнышко припекло, погрузили на транспорт свои монетки и отбыли на целину одним мужским персоналом.

Бригаду напутствовал председатель колхоза товарищ Бекешин. Он пообещал обеспечить конкретное руководство и внеочередную доставку свиного сала.

Услышав про сало, бригадный кашевар Пятачок, человек сугубо практичный, вытащил из кармана замурзанную книжицу и сочинил меню, особо выделив в нем украинские галушки, яичницу с салом и коржики.

Пятачок был низенький, юркий и чрезвычайно вежливый мужичонка. Он всех называл не иначе, как по имени-отчеству, а когда разговаривал, то обязательно поднимался с места. Голосок у него был тоненький, тшедушный, будто специально созданный для слов «пожалуйста» и «извините». О честности Пятачка рассказывали анекдоты. Он и прозвище-то получил за свою апостольскую душу. Случилось это при таких обстоятельствах. Шел Пятачок деревенской улицей и видит лежит в песке медная денежка. Поднял, ногтем поковырял — настоящая медная денежка, пятикопеечного достоинства, тысяча девятьсот сорокового года чеканки. Посмотрел вокруг — ни души. Только за дальними огородами тетка Степанида белье

развешивала. Подошел: «Степанида Егоровна, это не вы обронили пяточок?» Та не в духе была, отмахнулась сердито: «Никаких пяточков я не роняла». Обошел без малого полдеревни — нет хозяина пяточка. Идет обратным путем, а тетка Степанида уже белье высушила и в охалку собирает. Опять подходит, спрашивает: «Степанида Егоровна, это не вы обронили пяточок?» Та как вздыбится! Я, говорит, целый рубль тебе отдам, только отвяжись.

Так и присохла к мужичонке кличка «Пяточок».

Для поварского искусства он был незаменим. Щи у него выходили наваристые, мясо выдавал деликатное, с сахарной косточкой. Уж на него-то можно было положиться — лучший кусок себе не урвет.

Итак, пахала бригада целину возле дальних озер. Весна стояла дружная, от земли шел пахучий урожайный дух. Ребята жали на нормы, Пяточок потчевал всех галушками и румяными коржиками на сале. Получилась сплошная гармония труда и быта.

Приехали как-то на участок председатель колхоза Бекешин и колхозный бухгалтер Поленников. Полюбовались на доску показателей — до чего же она утешна! И только вознамерились было пройти по полям, как ветер донес с озер зазывное кряканье уток. Бухгалтер Поленников востроился и наострил уши. У Бекешина вытянулось лицо, а глаза беспокойно забегали по сторонам. Обоим сразу занездоровилось. Их сочувственно усадили на мотоцикл, повздыхали и велели скорей поправляться.

Случай этот имел далеко идущие последствия. На другой день Пяточок сидел около костра, обложившись одной картошкой, и ломал голову насчет меню. Но как ни прикидывал он умом, ничего не мог придумать, кроме пустого картофельного брандахлыста. На озерах то и дело бухали ружейные выстрелы. Каждый раз Пяточок вздрагивал и хмурился в ту сторону, где стреляли. Потом, решившись на что-то, поднялся и засеменил к дальним камышам.

Первое, что представилось его глазам, была большая, откормленная утица. Она сидела в заводи, привязанная тоненькой бечевкой, и время от времени громко крякала. Ей откликнулся из камышей оглушительный утиный тарарам. Пяточок присел на корточки и жадными глазами уставился на утку.

Послышались осторожные шаги. Перед Пяточком стоял сам колхозный бухгалтер Поленников. Он был в кожаной куртке, перехваченной широченным патронташем. Пяточок поспешно встал и поклонился.

— Здравствуйте, Александр Федорович! Как здоровьице?

— Болею, — угрюмо буркнул бухгалтер.

— А нам, Александр Федорович, продукты не забрали.

— Это председателева забота, — насупился бухгалтер.

Пятачок украдкой обшарил глазами ладную фигуру охотника и опечалился. Бухгалтеру явно не везло. Недаром он так обозленно поглядывал на бездельную дичь, которая словно дразнила его издали. Пятачок перевел взгляд на утку, что трепыхалась в заводи, и вождеденно вздохнул:

— Хорошая у вас крякуха, Александр Федорович.

— Ничего, — согласился бухгалтер.

— Жиренькая такая, — облизнулся Пятачок.

Он подождал, пока бухгалтер скроется за кустами, и вдруг, весь собравшись в комочек, шмыгнул к воде. Вытащить утку и свернуть ей шею было делом одной секунды.

Когда разгорелся костер и похлебка запахла утятинной, по лицу Пятачка разлилось блаженство. Он жмурился от удовольствия, видя, как улетают трактористы жирные, дымящиеся куски. А когда похлебка была съедена и котел дочиста выскоблен ложками, наступила расплата. К костру подошел бухгалтер Поленников, мрачный, как виселица, и с ходу приступил к Пятачку.

— Это ты, мошенник, украл мою утку?

— Это я, Александр Федорович, — виновато опустил голову Пятачок.

— Так я ж тебя, мошенника, под суд упеку!

— И правильно сделаете, Александр Федорович, — покорно отозвался Пятачок.

Бухгалтер оглянулся по сторонам, заметил рассыпанные кругом перья и рассвирепел.

— Братцы, что ж это такое выходит, — закричал он. — Ведь это была самая замечательная крякуха!

Тут и трактористы голос подали. Подступили к Пятачку, шумят:

— Теперь нам понятно, по какой причине у нас кусок поперек горла встал. Вот кончим загонку, за следователем съездим, он тебя научит, как бухгалтерских крякух таскать. А вы, Александр Федорович, пока посидите здесь, перышки покараульте. Не то этот разбойник быстренько их схоронит. Подите, доказывайте тогда без улик.

Уехали ребята. А бухгалтер с Пятачком уселись на траву, подвернув ноги калачиком, и сидят, помалкивают. Пятачок вздыхает тяжело, по-грешному. Так и час прошел, и другой, и третий. Первым подал голос бухгалтер.

— Пожалуй, я отправлюсь домой, — сказал он сердито. — После с этим делом разберемся.

Пятачок испуганно встрепенулся.

— Нет уж, вы не оставляйте меня, Александр Федоро-

вич, — запротестовал он. — Я обязательно должен понести наказание. Иначе меня сгложет совесть...

— Пустяки, — смягчился бухгалтер. — Я прощаю тебя, так и быть.

— Нет уж, вы пожалуйста, Александр Федорович, — заволновался Пятачок. — Я должен искупить вину. Уж вы придайте делу законный ход, сделайте вашу милость.

Прошел еще час. Лицо бухгалтера выражало теперь грустное томление.

— Взгляни-ка, братец, там в котле ничего не осталось? — спросил он с тоской в голосе. Пятачок покачал головой. Бухгалтер проглотил слюну и совсем опечалился.

— Знаешь, что, братец, — сказал он после долгого раздумья. — Присмотрелся я повнимательнее к перышкам и вижу, что это была не моя утка.

— Бог с вами, Александр Федорович, — как это не ваша? — Ваша.

Пятачок взял пальцами щепотку перьев и убеждающе заметил:

— Вот, посмотрите, и перышки синенькие.

— У моей не было синих перьев, — запротестовал бухгалтер.

— Как так не было, Александр Федорович, — горячо возразил Пятачок. — В крылышках были синенькие перышки и в хвостике. Помните, когда я вам говорил: «жирненькая уточка», — и на перышки показывал. Перышки-то так и переливались.

— Моя была тощая, — отчаянно сопротивлялся бухгалтер.

— Нет жирненькая, — воодушевленно наступал Пятачок. — Хоть у кого спросите. Похлебка-то получилась наваристая, ароматная. А какое мясо! Возьмешь кусочек, чуточку тронешь его горчичкой, — эх, Александр Федорович, было бы вам пораньше прийти!

— Поздно хватился, — огорченно прошептал бухгалтер. — Ты хорошо посмотрел в котле, не осталось ли хоть на донышке?

— Какое там на донышке, Александр Федорович! Готовы были языками вылизать...

В наступившей тишине было слышно, как на дальнем озере бабахнули два выстрела подряд. Бухгалтер подпрыгнул пружинной.

— Посиди здесь один, — заговорщически подмигнул он Пятачку. — А я до тех камышей смотаюсь.

Оставив недоумевающего кашевара караулить перья, от долговязым гусакон зашагал по траве и скрылся в зеленых зарослях. Спустя некоторое время он вернулся со странной

ношей под мышкой. Ноша пищала и от нее во все стороны летели перья.

— Возьми, — сказал бухгалтер, протягивая ношу Пятачку. — Это председателива крякуха. Слышишь, как он там пуделяет? Сверни ей шею и в котел. Так-то правильное будет.

История кончилась тем, что трактористы сложились по целковому и заплатили бухгалтеру и председателю за крякух. Председатель от денег отказался. Он артистически пожимал плечами и говорил: «Какая крякуха? Почему крякуха?» А поздри у самого так и раздувались.

Перебоев с доставкой продуктов больше не было.

Электронная библиотека АКУНБ, e-lib.akunb.ru

ЯЩИКИ

(Рассказ)

Был наш двор, как двор. Возле стен серый асфальт. Посреди двора — деревянная ограда, покрашенная в зеленый цвет. За ней песочница для малышей и штук двадцать ободранных хворостинок, которым предстояло вырасти в большие тенистые деревья. Ну, еще куча кирпичных обломков в углу двора да приبلудная собака Джек, невероятная попрошайка, готовая из-за какой-нибудь обглоданной косточки ползать на брюхе целый час.

Словом, двор, каких много в городе.

Но вот в нижнем этаже нашего дома открылся большой гастрономический магазин. Во дворе появились первые ящики из-под продовольственных товаров. Вначале они вели себя скромно, робко жались друг к другу возле задней двери магазина. Но вскоре ящики пообвыкли, осмотрелись и стали быстро продвигаться вдоль стен дома. Потом они окончательно обнаглели и расползлись по всему двору. А когда жильцы дома спохватились, то было уже поздно. Кучи ящиков самых различных размеров и мастей угрожающе высились перед окнами, громоздились возле подъездов, нависали, словно деревянные скалы, над будущими тенистыми деревьями.

Взрослые жильцы сердились и писали жалобы на директора магазина. А ребята не понимали, почему они сердятся. Ящики — это же очень хорошо. Разве можно придумать лучшее место для игры в сыщики-разбойники? Или в магазин? Или в поезд? Или в прятки?

Ничего лучше не придумаешь!

Слава Кокорин так тот даже свое школьное сочинение на тему «Наш двор» начал так: «Наш двор самый лучший.

В других дворах пусто и скучно. В нашем дворе ящики и весело...»

Да, очень, очень весело...

Вернее, было очень весело, пока не появился дядя Вася.

Ох, уж этот дядя Вася! Для чего только он понадобился? Как хорошо было без него! Бегай себе по ящикам сколько хочешь, карабкайся вверх, прыгай вниз, устраивай под ящиками пещеры, бомбоубежища, целые квартиры. Хорошо!.. Так нет же, понадобилось директору магазина зачем-то мешать ребячьему счастью. Он назначил одного из работников магазина командиром над армией ящиков.

И вот во двор явился дядя Вася.

С виду он совсем не сердитый: маленький, толстенький, улыбается, что-то мурлычет себе под нос. И работа у него не очень трудная. Когда приезжают грузовики, он командует:

— Этот ящик сюда. Этот туда. А вот эти обратно на базу.

И все! Остальное время он или сидит в конторе магазина или...

Вот это «или» самое страшное. Когда дяде Васе надоест сидеть в конторе, он выходит во двор и начинает гонять ребят с ящиков. Это бы все еще ничего. Ребята — народ не очень обидчивый. Разве они не понимают, что у дяди Васи такая работа, что он за это зарплату получает? Конечно, понимают. Крикнул бы дядя Вася на весь двор: «А ну, малолетки, убирайтесь отсюда!» — они бы и ушли. Может, не сразу, может, не все, но все равно ушли бы.

А что делает дядя Вася? Он никого не предупреждает. Даже наоборот. Он старается как можно тише пролезть между ящиками, подкрасться к ребячьей «квартире» и обрушиться, как ястреб на сусликов. Как бы проворны ребята ни были, а после такого ястребиного полета один — два всегда попадают в дяди Васины руки.

И начинается! Во-первых, дядя Вася надерет уши так, что они два дня будут красными. Крутит их в пальцах, а сам приговаривает, как дед в сказке:

— Ящики тебе чо — забава? Ящики тебе чо -- игрушки? Ящики тебе государственное имущество!

Ну, покрутил бы уши и отпустил с миром. Так нет же! Обязательно стащит с тебя кепку или даже ботинки и понесет в контору. Не думай обратно просить — ни за что не отдаст! Либо прощайся с кепкой, либо беги домой к отцу с повинной. И прямо не знаешь, что лучше. За потерянную кепку влетит, а пойдет отец к дяде Васе — тоже влетит. Дядя Вася заставит его бумагу подписать. В ней вот как сказано: «Признаю свою ответственность за порчу и расхищение ящиков несовершеннолетним членом семьи, состоящим на моем иждивении».

Какому отцу приятно такое подписывать?

Да, задал дядя Вася нашим мальчишкам крепкого перцу. Они к нему и так и эдак, и подмазываться пробовали, и дразнить — не помогает ничего.

Ребята приуныли. То раньше своим двором перед другими мальчишками похвалялись, а теперь сами стали уходить в соседние дворы играть. Мимо ящиков проходят и стараются их не замечать. Хоть и хорошо на ящиках, но сколько же можно герять кепок! Да и уши тоже не железные.

Только трое не сдавались: Слава Кокорин и его приятели Витя Ершов и Леша Ложечко. Не то, что они храбрее всех или что у них дома склад кепок. Просто эти ребята вырыли в одном месте под ящиками настоящий подземный ход. Они там прятались от дяди Васи и играли в интереснейшую игру. Как будто все они графы Монте-Кристы и ведут подкоп, чтобы выбраться из тюрьмы на волю. Дядя Вася сколько раз замечал между ящиками их стриженные головы. Бросится в погоню, а ребят и след простыл. Как будто сквозь землю провалились!

Но долго так продолжаться не могло. Рано или поздно дядя Вася все равно наткнулся бы на убежище Монте-Кристов и тогда... Ребята это тоже прекрасно понимали. Но уйти добровольно из такого прекрасного подземного хода! Ни за что! Ни за какие кепки на свете!

Однажды, пробираясь вдоль стены дома к своему убежищу, Слава случайно задел плечом один из ящиков. В нем что-то звякнуло.

Что такое? Слава заглянул в ящик. Мамочки! Там, прикрытые бумагой, лежат три большущих круга колбасы, банок шесть или семь шпрот, красная головка сыра и три бутылки водки. «Столичная», — прочитал Слава на этикетке.

Наверное, все это забыли здесь, когда разгружали ящики. Вот так находка! Что с ней делать?..

Прихватив с собой круг колбасы, Слава поспешил к подземелью. Отодвинул большой ящик, маскировавший вход, и тотчас же увидел своих друзей. Они сидели на дне неглубокой ямы и при красноватом свете угасающего электрического фонарика, пытая и сопя, усердно рыли землю. Графы Монте-Кристы рвались на свободу.

Слава прыгнул в яму и с трудом втиснулся между ребятами.

— Смотрите, что я нашел! — Он помахал колбасой перед их выпачканными в земле носами. — А там еще сколько всего есть!

Разгорелся спор, как поступить с этим неожиданно свалившимся на их головы колбасным счастьем.

— Колбасу съедим. Шпроты — съедим. Сыр — съедим. Водку продадим, купим колбасу и тоже съедим, — предложил

Витя, сплотнул слюну и быстренько добавил: — Чур я буду делить!

— Тебе бы только пожрать! — Леша презрительно посмотрел на него. — Совсем как Джек... А то, что у нас батарейка еле светит, вот-вот кончится — до этого тебе дела нет, да? Как же мы подкоп тогда закончим?.. Я предлагаю все продать и купить вечные фонари. Ну, знаете, эти... жучки. Тридцать два рубля штука. В красном универмаге есть — я вчера сам видел.

— Фонаря одного хватит! Лучше купим электроконструктор. Сделаем телефон и будем переговариваться, — предложил Слава.

— Нет, надо фонари!

— Ну, хоть колбасу съедим, — пошел на уступки Витя.

— Обжора!..

И вдруг Витя и Леша почувствовали, что их схватили за уши и потащили наверх. От сильной боли Леша выронил фонарик, а Витя завопил во всю мочь:

— Ай-яй-яй!

Это был дядя Вася. Услышав голоса между ящиками, он подобрался к самому убежищу и застал ребят врасплох. В пылу спора они совсем забыли, что маскировочный ящик отодвинут в сторону и яма открыта. Одному лишь Славе удалось бежать от грозной опасности. Он выскочил из ямы и понесся по горам ящиков, крепко зажав в руке злополучную колбасу. Вслед раздавались вопли друзей и торжествующий голос дяди Васи:

— Ящики вам чо — забава? Ящики вам чо — игрушки? Ящики вам государственное имущество!

Государственное имущество... Ох, и достанется им теперь! И не выручить никак... У, чертова колбаса, из-за нее все!..

Колбаса... Но ведь колбаса, шпроты, водка — тоже ведь государственное имущество! И если сказать дяде Васе, что они нашли это все... Ну да, он сразу же отпустит Витьку и Лешку! Еще и спасибо скажет!

Слава кинулся в контору магазина, куда дядя Вася потащил свои жертвы. Вот они, бедняги, стоят рядышком перед дядей Васей. Витька всхлипывает, трет глаза кулаком. Лешка уставился в пол, брови насупил. А это еще кто в конторе? Сам директор магазина!

— Вот, полюбуйтесь, товарищ директор, на этих уголовных элементах, — говорит дядя Вася. — Вот кто ломает ящики. Вот кто растаскивает народное добро. Вот почему у нас в магазине вечная недостача...

Слава набрался смелости и шагнул вперед.

— Дядя Вася, — смиренно сказал он. — Они не элементы — они просто так. Отпустите их. Я вам что-то важное скажу.

— Ах ты, наглец! — дядя Вася привычным движением цапнул Славу за ухо. — Все! Теперь больше не удерешь.

— Дядя Вася-я-я! — приседая от боли, отчаянным голосом выкрикнул Слава. — Мы колбасу в ящике нашли. Вот, смотрите! Там еще есть. И шпроты, и сыр, и водка есть. Государственное имущество.

Пальцы, державшие его за ухо, чуть ослабли, но только на секунду. Затем они с новой силой потянули его, на этот раз к двери.

— Ах ты, бессовестный! Убирайся отсюда. Чтоб твоего духу... Я тебе покажу ящики ломать! Вон!

— Постойте, постойте, Василий Митрофанович, — раздался голос директора. — Что мальчик сказал?.. Да оставьте же его... Так где ты, говоришь, нашел колбасу?..

...На другой день дяди Васи на работе не было. Не появился он и в последующие дни.

Ящиками снова завладели ребята. Снова можно было сколько угодно прыгать, лазить, прятаться, строить пирамиды. Красота!

Но не долго длилась эта райская жизнь. Как-то утром ребята проснулись и увидели, что в квартирах стало светло. Почему что? Что случилось? Ребята кинулись к окнам.

Ящиков во дворе больше не было. Ночью, когда жильцы спали, пришли грузовики и вывезли ящики, все до единого.

И опять стал наш двор, как двор: серый асфальт, ободраные прутьики за зеленой оградой...

Взрослые, конечно, довольны. Взрослым что! Чисто во дворе? Чисто. Пусто? Пусто. И прекрасно! Что еще требуется от порядочного двора?

А вот ребята ходят скучные. Ну какой же это двор! Ни одного ящика не осталось.

Жди теперь, пока их опять столько накопят!

ЭПИГРАММЫ

АЛЕКСЕЙ СОТНИКОВ

АЛЕКСАНДРУ ДЕМЧЕНКО

На пути его поныне
«Зори Чуйские» видны.
И напрасно «На стремнине»
Он боится глубины.

ВЯЧЕСЛАВУ ЧИЛИКИНУ

«Между нами говоря»,
Издают подчас... и зря.

БОРИСУ КАУРОВУ

Не зря поэт по-детски рад
Дыханью пламенной строки.
Костры не гаснут, но чадят,
Когда кладут в них... кизяки.

ЛЬВУ КВИНУ

Он то в «экспрессе» бурно
мчится,
то «тенью» примется скользить.
Напрасно критика стремится
Льва Приключенца укротить.

МАРК ЮДАЛЕВИЧ

ДМИТРИЮ РУСАНОВУ

Еще на «Первое свиданье»
Поэт явился с опозданьем.

И, поступив весьма сурово,
Не назначает нам второго.

АЛЕКСЕЮ СОТНИКОВУ

Он с детства подавал надежды
И подает сейчас, как прежде,
Но все надежды, а пора
И книги выдать на-гора.

ИВАНУ КОЖЕВНИКОВУ

На целине сидит нахмурен,
Решил он, потеряв покой,
Поднять ее в литературе
Своей крестьянской рукой.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

СОДЕРЖАНИЕ

БОРИС КАУРОВ. Товарищ Чжан	3
ОЛЕГ ПЕТРОВ. Лесная гостья	9
ВИКТОР ПОПОВ. Как мы подружались	15
АРЖАН АДАРОВ. Отец	25
ВАЛЕНТИН КРИВОЛАПОВ. Семья хлеборобов	26
ЕВГЕНИЙ КАШИРСКИЙ. Рожденная Россией звездочка	28
ПЕТР СТАРЦЕВ. Черемушка	29
ФЕДОР ЩЕРБАКОВ. Старая курла	43
ВАСИЛИЙ ОМЕЛЬЧЕНКО. Огоньки	50
КОНСТ. КОЗЛОВ. В дороге	58
Мне снятся ночами	59
Край партизанский	60
П. БУТУРЛАКИН. Обнаженный меч	62
СТАНИСЛАВ ВТОРУШИН. Хлеб	177
НИКОЛАЙ МОРОЗОВ. Новосел	178
АФАНАСИЙ БРОДИЛОВ. Осень в горах. Речка. Провода	179
Ченелу	180
ЮРИЙ РАСТЕГАЕВ. Под знаменем лолка. После работы	181
ИВАН ИГНАТЬЕВ. Подснежник	182
Сыну	183
АНАТОЛИЙ ПЕТРЕНКО. Дом. Этот город	184
СЕМЕН МИХЕЕВ. Тракт	185
БОРИС ЛЮТИКОВ. Желание	185
Свидание. Месяц	186
НИКОЛАЙ ДИАНОВ. Ночью. Ручеек	186
Старый дуб	187
АНАТОЛИЙ ПРОХОРОВ. Стихи о сыне	187
ИВАН МАСАУЛОВ. Дело, которому служишь	188

ИВАН КУДИНОВ. Весенний ветер	196
Б. ЕВЛАДОВ. В Алтайском экономическом	206

Критика и библиография

И. КАЗАНЦЕВ. О творчестве А. М. Демченко	230
А. ОРЕХОВСКИЙ. О красоте простых и скромных	258
И. ФОМЕНКО. Крутая радуга	270
П. МАРЦИНКОВСКИЙ. Ярослав Гацук в Сибири	273

Из истории нашего края

И. БОРОДКИН. Поход в горы	278
---------------------------	-----

Сатира и юмор

ВЯЧЕСЛАВ ЧИЛИКИН. Однажды вечером	286
Крякухи	291
ЛЕВ КВИН. Ящики	296

Эпиграммы

АЛЕКСЕЙ СОТНИКОВ. Александру Демченко, Вячеславу Чиликину, Борису Каурову, Льву Квину	301
МАРК ЮДАЛЕВИЧ. Дмитрию Русанову	301
Алексее Сотникову, Ивану Кожевникову	302

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: М. Юдалевич (редактор), А. Бутаков,
Н. Дворцов, И. Масаулов, Н. Павлов, К. Растегаев, А. Тресков.
Технический редактор Г. Чепуштанова.

Сдано в набор 11. XI. 1958 г. Подписано к печати 25. XII. 1958 г. Формат
60×92¹/₁₆—19—19 усл. л. л. (18,69 уч.-изд. л.) Тираж 3000 экз. АГ 04801.
Заказ № 2426. Цена 8 р. 50 к.

Алтайское книжное издательство, Барнаул, Льва Толстого, 29.
Типография № 1 Полиграфиздата, Барнаул, Льва Толстого, 29.

Замеченные опечатки в альманахе
„Алтай“ № 11

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
43	10 снизу	из нагруд-	из нагрудно-
124	10 сверху	бешенных	бешеных
249	1 колонка, 7 снизу	Голубев	Голубь
269	в сноске	„Песня друга, Любимой“	„Песня друга“, „Любимой“
272	2 колонка, 8 сверху	перрижем	пиррижем
292	8 снизу	тячок	тячок

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

АЛТАЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. А. ШОЛОХОВА
390000